

ИЭА РАН

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯКУТИИ: СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

НАУКА

— 1727 —

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

FEDERAL RESEARCH CENTER «YAKUTSK SCIENTIFIC CENTER
OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES»
THE INSTITUTE FOR HUMANITIES RESEARCH
AND INDIGENOUS STUDIES OF THE NORTH

ETHNOSOCIAL
PROCESSES IN YAKUTIA:
MODERN PERSPECTIVE
AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Editor-in-chief
V.B. Ignatyeva, Candidate of Historical Sciences

NOVOSIBIRSK
«NAUKA»
2022

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯКУТИИ:

СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *В.Б. Игнатьева*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
2022

Авторы

В.Б. Игнатъева, Е.Г. Маклашова, А.Г. Томаска, Т.С. Ермолаев, С.М. Баишева, О.В. Васильева, В.Е. Охлопков, Я.М. Санникова, Н.Д. Федотова, Н.И. Иванова, А.В. Михайлова, С.В. Панина, С.Ю. Залуцкая

Рецензенты

доктор социологических наук *Г.Ф. Габдрахманова*, доктор исторических наук *Е.Н. Романова*

Утверждено к печати Ученым советом

Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Монография опубликована при финансовой поддержке

Программы фундаментальных и прикладных научных исследований Научного совета РАН «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности. 2020–2022 гг.»

Authors

V.B. Ignatyeva, E.G. Maklashova, A.G. Tomaska, T.S. Ermolaev, S.M. Baisheva, O.V. Vasileva, V.E. Okhlopkov, Ya.M. Sannikova, N.D. Fedotova, N.I. Ivanova, A.V. Mikhailova, S.V. Panina, S.Yu. Zalutskaya

Reviewers

G.F. Gabdrakhmanova, Doctor of Sociological Sciences, *E.N. Romanova*, Doctor of Historical Sciences

Recommended for publication by the Academic Council of the Institute
for Humanities Research and Indigenous Studies of the North

*The monograph published with the financial support
of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research of the Scientific Council
of the Russian Academy of Sciences «Ethnocultural Diversity
of Russian Society and Strengthening of All-Russian Identity. 2020–2022».*

Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития / В.Б. Игнатъева, Е.Г. Маклашова, А.Г. Томаска и др. — 2-е изд. доп. — Новосибирск: Наука, 2022. — 296 с.

В коллективной монографии представлен комплексный анализ современных этносоциальных процессов, протекающих в многоэтничном, мультикультуральном, сложносоставном обществе российского региона. Приведены 12 case study, основанных на конкретном социологическом материале Республики Саха (Якутия), имеющей свои отличительные особенности в процессах: демографической модернизации, диверсификации экономической деятельности, адаптации традиционных хозяйств Севера в современной аграрной системе; социальной динамике отдельных этносоциальных общностей/групп, территориальной и социальной мобильности, инкорпорации миграционных сообществ в принимающее общество; формирования социального неравенства в доступе к основным ресурсам общества; внедрения инноваций в сфере образования и социальной стратификации общества, соотношения этнической идентичности и родного языка.

Табл. 52, илл. 36, библиогр. 24 с.

Ethno-social processes in Yakutia: modern perspective and development prospects / V.B. Ignatyeva, E.G. Maklashova, A.G. Tomaska et al. — 2-nd ed., updated. — Novosibirsk: Nauka Publishers, 2022. — 296 p.

The edited monograph presents a comprehensive analysis of modern ethno social processes taking place in a multi-ethnic, multicultural, complex society of the Russian region. There are 11 case studies based on specific sociological material of the Republic of Sakha (Yakutia). Each has its own distinctive features in the processes of demographic modernization, diversification of economic activity, adaptation of traditional farms of the North in the modern agricultural system; social dynamics of individual ethno social communities / groups, territorial and social mobility, incorporation of migration communities into the host society; the formation of social inequality in access to the main resources of society; introduction of innovations in the field of education and social stratification of society, the ratio of ethnic identity and native language. There are 45 tables, 36 diagrams, 19 applications.

Tabl. 52, Il. 36, Bibliogr. 24 c.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
РАЗДЕЛ I	
ДЕМОГРАФИЯ И ЭКОНОМИКА ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА	10
Глава 1.1. Демографическое развитие Якутии: основные показатели, тенденции и проблемы	10
Глава 1.2. Тенденции развития креативной экономики и креатосферы в региональной экономике Республики Саха (Якутия)	31
Глава 1.3. Особенности адаптации традиционного хозяйства Севера в контексте современного аграрного развития Якутии	49
РАЗДЕЛ II	
ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП	67
Глава 2.1. Русское население в этнонациональной среде северного полиэтнического региона	67
Глава 2.2. Устойчивость и уязвимость современного развития коренных малочисленных народов Севера Якутии	95
Глава 2.3. Особенности социально-экономического положения и стартовых условий социальной мобильности детей	115
РАЗДЕЛ III	
ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	132
Глава 3.1. Проблемы модернизации системы образования: анализ региональных и общероссийских тенденций	132
Глава 3.2. Высшая школа в северном моногороде (на примере г. Нерюнгри)	149
Глава 3.3. Миссия Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в контексте реализации идеи устойчивого развития Севера и Арктики	163
РАЗДЕЛ IV	
ЭТНИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО	183
Глава 4.1. Этнический контекст социального неравенства: современный социологический нарратив	183
Глава 4.2. Трудовая миграция и интеграционный потенциал принимающего сообщества	202
Глава 4.3. Современные тенденции в языковой компетенции якутов (саха): лингвистический и экстралингвистический контекст	221
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	239
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	242
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	266
ПРИЛОЖЕНИЯ	269
SUMMARY	290
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	295

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время изменчивость и множественность, неопределенность и неоднородность являются фундаментальными характеристиками транзитивных процессов в современном российском обществе. Существующее состояние общества в литературе описывается и анализируется как модернизирующееся, трансформирующееся, переходное, в связи с изменениями общественного устройства (демократизация, создание новых форм управления); экономических основ социальной структуры (переход к рынку, плюрализм форм собственности, сосуществование «старых», регламентированных секторами экономики классов и «новых», формирующихся социальных групп); необходимостью субъективного выбора между системами традиционных и транслируемых ценностей и т.д.¹ Действительно, сам факт постоянного воспроизводства социума предполагает неизбежность последовательного перехода из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому и, соответственно, перехода индивидов/социальных групп из одной социальной позиции в другую, синтеза универсальных и традиционных ценностей, дрейфа и иерархии идентичностей и др.² При этом вектор транзита российского общества лавирует между моделью «догоняющего развития» и парадигмой «особого пути» в соответствии с его историческими цивилизационными характеристиками³.

Текущий этап развития Российской Федерации характеризуется тем, что ее территории отличаются друг от друга не только историко-хронологической «развитостью» или «отсталостью» по воображаемой модернизационной шкале, но и своим неповторимым рисунком того, как в них переплетаются включенность в глобальные потоки и следование культурным традициям, социальным устоям. По глокальному критерию разнятся города,

¹ *Заславская Т.И.* Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. — М., 2004. — 400 с.; *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. — М., 2007. — 527 с.; *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. — М., 2007. — 320 с.; *Модернизация социальной структуры российского общества.* — М., 2008. — 287 с.; *Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы.* — М., 2016. — 360 с.

² *Сорокин П.* Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. — С. 302–373; *Геннеп А. ван.* Обряды перехода. — М., 1999. — 198 с.; *Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества.* — М., 2006. — 677 с.; *Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. — М., 2012. — 526 с.; *Лапин Н.И.* Динамика ценностей населения реформируемой России. — М., 1996. — 224 с.

³ *Травин Д.Я.* Теории особого пути России: классики и современники. — СПб., 2015. — 64 с.

регионы, организации и отдельные индивиды⁴. Во многих исследованиях отмечается тесная взаимосвязь этнического и социального в современных процессах, включающих практически все стороны жизни человека и общества⁵.

Современный мейнстрим охватывает широкий спектр актуальных проблем современного этносоциального развития регионов и народов России в их взаимосвязи с экономическими, социальными, экологическими, социокультурными, демографическими и иными факторами трансформации российского общества. В контексте проблематики настоящей коллективной монографии особое значение имеют комплексные исследования социально-экономического развития северных и арктических территорий России (Н. Зубаревич, А. Пилясов, Г. Кузнецов, Г. Лаппо, Т. Лычев, Н. Пасынков, Е. Пустынникова); функционирования традиционного хозяйства как системы и основы культуры этноса (И. Крупник, З. Соколова, К. Клоков, А. Ямсков); особенностей взаимодействия традиционного хозяйства с субъектами промышленного освоения (Н. Новикова, В. Мархинин, И. Удалова); уязвимости и адаптации коренных народов, в том числе к изменениям климата (Л. Корель, П. Козырева, P. Schweitzer, S. Crate, Н. Takakura); вопросов социальной и территориальной мобильности, формирования этнических мигрантских сообществ, их адаптации и взаимоотношений с принимающим обществом (И. Кузнецов, В. Мукомель, Т. Юдина, И. Алешковский, Ж. Зайончковская, Дж. Урри, Е. Варшавер, В. Малахов); процессов сближения и унификации культур/цивилизаций, а также их обособления, стимулируемого стремлением к сохранению самобытности этнокультурных общностей (Ю. Попков, Е. Тюгашев, У. Винокурова); политики управления этническим и культурным многообразием сложносоставного российского общества (В. Тишков, Л. Дробижева, К. Мокин). Важное значение также имеют научные труды, посвященные изучению бедности и неравенства социальных групп в сфере экономики, доступа к социальным ресурсам (образование, здравоохранение); социальных противоречий и предупреждения конфликтов; проблем безопасности жизнедеятельности человека и общества.

Многие характеристики современных этносоциальных процессов в российских регионах являются универсальными, но, вместе с тем, имеют свои отличительные особенности. В настоящей коллективной монографии представлены итоги многолетних исследований этносоциальных процессов в многонациональном северном регионе России с неблагоприятными климатическими условиями для жизни человека, слабо развитой транспортной инфраструктурой и системой коммуникаций (185 населенных пунктов законодательно включены в перечень труднодоступных и отдаленных местностей); неравномерным социально-экономическим развитием отдельных

⁴ *Согомонов А.Ю.* Глокальность // Глобальность постсоветского общества. — М., 2001. — С. 134–158.

⁵ *Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России.* — М., 1998. — 385 с.; *Коротеева В.В.* Экономические интересы и национализм. — М., 2000. — 249 с.; *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность.* — М., 2002. — 480 с.; *Социальное пространство российских регионов: монография.* — М., 2017. — 193 с.; *Проблемы социокультурной модернизации регионов России.* — М., 2002. — 416 с.; *Дробижева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М., 2003. — 376 с.

территорий, неравенством доходов и различиями в уровне и качестве жизни сельских и городских домохозяйств; мигрирующей рабочей силой и коренными народами, привязанными к своим традиционным хозяйствам, что в целом экстраполируется на длительную перспективу.

Немаловажным представляется и то, что Республика Саха является одним из ключевых российских регионов в реализации стратегических интересов государства в сфере геополитики, национальной экономики, внешней торговли, экологии, народонаселения и др., связанных с масштабными экономическими проектами в Арктике и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Комплексный анализ региональных особенностей и основных тенденций развития этносоциальных процессов в Республике Саха (Якутия), главным образом в контексте миграции, урбанизации, роста этнокультурного многообразия региона, в основном охватывает достаточно продолжительный период с начала 2000-х годов до настоящего времени. Однако в отдельных темах временной ряд простирается до 1980–1990-х годов XX в., что дает возможность проследить более ранние предпосылки и факторы развития этносоциальных процессов и дать целостное представление о современной ситуации в республике.

Основные проблемы современного этносоциального развития Республики Саха объединены и рассмотрены в четырех разделах коллективной монографии. В первом разделе «Демография и экономика транзитивного общества» представлены демографическая характеристика народонаселения как фактора и критерия этносоциального развития региона; проявления элементов альтернативной экономики, формирующих новый креатокласс и креативные пространства; стратегии адаптации традиционного хозяйства коренных народов Севера как основы их традиционного образа жизни. Во втором разделе «Тренды развития этносоциальных групп» раскрывается специфика функционирования и факторы социальной динамики отдельных этносоциальных общностей: русского населения Якутии и коренных малочисленных народов Севера — эвенков, эвенов, долган, юкагиров и чукчей, а также наиболее уязвимой социальной группы общества — детей в возрасте до 14 лет, составляющих 23,5 % в общем составе населения республики. В третьем разделе «Эффективность региональной системы образования» рассмотрены вопросы развития образования как одного из важнейших социальных институтов общества и каналов для социальной мобильности, а также основных проблем его модернизации в соответствии с глобальными вызовами. В четвертом разделе «Этничность и современное общество» проанализированы соперничество и конкуренция социальных групп в местах повышенного спроса на рабочую силу; поляризация доходов населения и неравенство доступа к социальным ресурсам общества, стимулирующие высокую социально-территориальную мобильность населения; проблемы взаимодействия и интеграции принимающего общества и разных мигрантских групп; взаимосвязь стабильности якутской языковой компетенции с внутрирегиональной сельско-городской миграцией носителей якутского языка, свободно владеющих родным языком, генерирующей в условиях города этническую идентичность представителей народа саха.

Выводы коллектива авторов, основанные на широком круге разнообразных источников, главных образом на результатах этносоциологиче-

ских исследований, проведенных в рамках проектов НИР «Республика Саха (Якутия) в XXI в.: мониторинг и регулирование этносоциальных процессов в современных условиях» (2017–2020), «Этносоциальное развитие народов Республики Саха (Якутия) в условиях современного промышленного освоения и изменения социоприродной среды» (2013–2016), могут быть востребованы в качестве необходимого аналитического компонента в обеспечении процесса принятия решений, адекватных существующим реалиям и направленных как на эффективное управление многоэтническими обществами, так и на стабильное этносоциальное развитие северного региона страны.

Книга подготовлена Центром этносоциологических исследований ИГиПМНС СО РАН: введение, гл. 1.1, заключение написаны Игнатьевой В.Б.; гл. 1.2 — Михайловой А.В., гл. 1.3 — Санниковой Я.М.; гл. 2.1 — Маклашовой Е.Г., гл. 2.2 — Байшевой С.М., гл. 2.3 — Федотовой Н.Д.; гл. 3.1 — Охлопковым В.Е., гл. 3.2 — Ермолаевым Т.С., гл. 3.3 — Паниной С.В. и Залуцкой С.Ю.; гл. 4.1 — Васильевой О.В., гл. 4.2 — Томаска А.Г., гл. 4.3 — Ивановой Н.И.

РАЗДЕЛ I

ДЕМОГРАФИЯ И ЭКОНОМИКА ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

ГЛАВА 1.1

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЯКУТИИ: ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Современная демографическая политика Российской Федерации формируется с учетом, прежде всего, стремления государства и общества к такому типу воспроизводства и характеру миграции населения, при котором численность жителей страны и демографическая нагрузка на социум были бы оптимальными. Для достижения этой цели ключевое значение придается политике сбережения российского народа, которая включает в себя: повышение рождаемости, снижение смертности, рост ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет к 2025 году. В практической плоскости эта политика коррелирует с проблемой преодоления бедности, что предполагает снижение уровня дифференциации общества по доходам, обеспечение стабильного роста благосостояния населения, совершенствование социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальная защита), создание гибкого рынка труда, доступного жилья и др.¹ В соответствии с «Прогнозом развития мирового населения 2019», составленным экспертами ООН, по оптимистическому сценарию — численность населения России к 2050 г. составит 147,3 млн чел., по пессимистическому — уменьшится до 124,6 млн чел.²

Принимая во внимание тот факт, что актуальные вопросы развития народонаселения России тесно ассоциированы с социально-экономическими аспектами развития как страны в целом, так и отдельных регионов, эффективное решение поставленных задач предполагает учет территориального многообразия текущих демографических процессов. Отметим, что целесообразность специального изучения разнообразных региональных преломлений современной демографической динамики России подтверждается данными государственной статистики и сравнительными исследованиями ее географической дивергенции на национальном и субнациональном уровне³.

¹ *Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.* Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 [Электронный ресурс]. — URL: www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya25.html. Дата обращения: 16.08.2020.

² *United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Dynamics. World Population Prospect 2019* [Электронный ресурс]. — URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>. Дата обращения: 19.09.2020.

³ *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России.* — Екатеринбург, 2016. — 426 с.; *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений.* — Екатеринбург, 2016. — 438 с.; *Шукина А.С. Географический анализ современных демографических процессов // Вестник Тверского государственного*

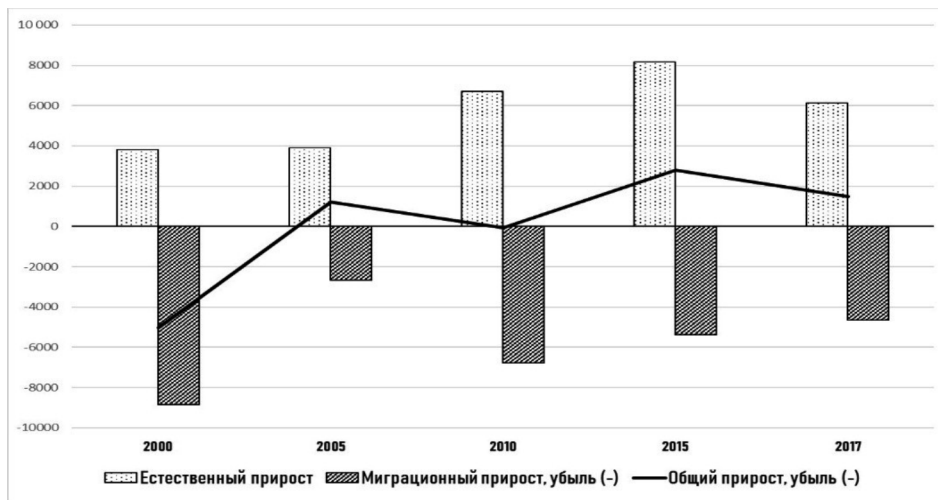

Рис. 1. Динамика изменения общей численности населения Якутии, чел.

Перечень существующих проблем демографической безопасности Республики Саха (Якутия) включает как типичные/универсальные для всей страны, так и специфические, в том числе обусловленные этнокультурными особенностями региона, негативные демографические явления и процессы современности. По ряду ключевых индикаторов они аналогичны демографическим трендам, характерным для Сибири и Дальнего Востока, и, соответственно, непосредственно апеллируют к стратегическим задачам сохранения и развития человеческих ресурсов азиатской части Российской Федерации.

Среди 85-ти российских регионов Республика Саха занимает первое место по своей территории (3085,5 тыс. км², 18 % всей площади страны), 82 место — по плотности населения (0,31 чел. на 1 км²), 58 место — по численности населения (967,0 тыс. чел. на 1 января 2019 г.).

Обозначившаяся в начале 1990-х годов тенденция снижения численности населения (максимальный пик — 1108,6 тыс. чел. в 1991 г.) сохранялась и в начале 2000-х годов, прежде всего, вследствие непрекращающегося миграционного оттока из республики (см. рис. 1). Устойчивый в течение достаточно длительного периода процесс потери населения удалось приостановить лишь к 2010 г., что впоследствии позволило стабилизировать, а затем добиться даже некоторого его роста (с 956,8 тыс. чел. в 2015 г.). Якутия, по данным ВПН-2010, занимала 55 место в стране по числу своих жителей⁴.

Основные компоненты демографической динамики показывают, что относительно благоприятная демоситуация в республике складывается за счет сохранения естественного прироста и некоторого снижения миграци-

го университета. Серия: География и геоэкология. — 2015. — № 2. — С. 44–56; Миллер А.Е., Миллер М.А. Региональные различия демографического развития федеральных округов Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2010. — № 4. — С. 88–93; Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V. Recent Mortality Trend Reversal in Russia: Are Regions Following the Same Tempo? // European Journal of Population. — 2017. — N 33 (5). — P. 733–763; и др.

⁴ Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Официальное издание. — М., 2012. — С. 16.

онной убыли. Сегодня Якутия входит в число восьми регионов (Республики Чечня, Тыва, Ингушетия, Дагестан, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа в составе Тюменской области, Ненецкий автономный округ в составе Архангельской области), где рождаемость превышает смертность населения.

В настоящее время существует прогнозный сценарий развития демографического потенциала Республики Саха, согласно которому к 2032 г. предполагается достичь следующих показателей: суммарный коэффициент рождаемости — 2,3; стандартизированный показатель смертности — 7 случаев на 1000 чел.; младенческая смертность — 3,7 случая на 1000 родившихся живыми; ожидаемая продолжительность жизни при рождении — 80 лет⁵. В этой связи возникает резонный вопрос: насколько вероятно, что рост численности населения продолжится и республика достигнет желаемого демографического оптимума?

В данном ракурсе рассмотрим совокупность параметров, отражающих особенности современной демографической ситуации в Якутии. По данным Росстата, численность ее населения на 1 января 2020 г. составила 972 тыс. чел., в т.ч. городского — 642,7 тыс. чел. (66,1 %), сельского — 329,3 тыс. чел. (33,9 %).

В сравнении с 2017 г. общая численность жителей республики увеличилась на 9,2 тыс. чел., горожан — на 12,2 тыс. чел., а в сельской местности население уменьшилось на 3,0 тыс. чел.

Согласимся с тем, что текущие данные государственной статистики в целом не впечатляющие, особенно на фоне утвержденной оптимистической парадигмы демографического развития Республики Саха. В настоящее время речь пока может идти только об изменении текущей ситуации в лучшую сторону относительно ухудшения прошлых лет. По существу, по абсолютной численности населения республика отброшена на несколько десятилетий назад: по городской местности — на 1998 г. (641,2 тыс. чел.), по сельской — на 1979 г. (329,9 тыс. чел.).

Анализ компонентов изменения численности населения Якутии в течение 2000-х годов показывает, что рост численности жителей городских поселений происходит преимущественно за счет естественного прироста, а также механического притока, который при всем том не перекрывает миграционную убыль (см. табл. 1). Потери населения сельских поселений происходят не только вследствие продолжающихся переселений в города, но и существенного спада рождаемости.

Системные особенности воспроизводства городского и сельского населения дополняются территориальными различиями в направленности демографической динамики в целом. В период между ВПН-2010 и 2018 г. среди 35-ти административно-территориальных образований РС (Я) восходящая динамика отмечается только в г. Якутске и 12-ти улусах (районах) республики⁶. В преобладающем большинстве административных районов

⁵ Закон РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года». Утвержден Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я) 19 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/48185108/>. Дата обращения: 10.10.2019.

⁶ Здесь и далее все расчеты произведены по: Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г. Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 21–36.

**Компоненты изменения численности городского и сельского населения Якутии,
тыс. чел.**

Год	Численность населения		Общий прирост		Естественный прирост		Миграционный прирост (убыль, –)	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
2000	616,0	346,4	-1,3	-3,6	1,5	2,2	-0,2	-8,6
2005	609,5	343,6	-2,1	3,4	2,2	1,6	-3,4	0,8
2010	616,7	341,5	-2,1	2,1	4,0	2,6	-6,2	-0,5
2015	624,7	332,1	3,0	-0,2	4,7	3,4	-1,6	-3,6
2017	630,5	332,3	2,3	-0,8	3,7	2,4	-1,3	-3,2

Источник: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 15–16.

наблюдается нисходящая динамика, что свидетельствует об их последовательном вхождении в режим депопуляции. Следует сказать, что тенденция снижения численности населения на местах обозначилась еще в советское время (1989 г. — в 12 из 35-ти районов), а за следующее десятилетие она еще больше распространилась (2002 г. — в 22-х).

Группировка административных районов Якутии по модели Дж. Уэбба (I, II, III, VIII типы: рост населения; IV, V, VI, VII типы: убыль населения)⁷ показывает следующие типы динамики (см. рис. 2). Рост населения отмечен в 13 районах: 5 из них характеризуются II типом — естественный прирост превышал механический прирост (г. Якутск, Анабарский, Оленекский, Хангаласский, Эвено-Бытантайский); население 7 районов увеличивалось по III типу — естественный прирост превышал механическую убыль (Амгинский, Верхневилуйский, Вилюйский, Горный, Мегино-Кангаласский, Намский, Чурапчинский); население Усть-Майского улуса росло по VIII типу — механический прирост превышал естественную убыль.

Уменьшение населения произошло в 22 административных районах: в 3 из них по V типу — механическая убыль превышала естественную убыль (Алданский, Верхнеколымский, Оймяконский); в 19 сокращение протекало по IV типу — механическая убыль превышала естественный прирост (Абыйский, Аллаиховский, Булунский, Верхоянский, Жиганский, Кобяйский, Ленский, Мирнинский, Момский, Нерюнгринский, Нижнеколымский, Нюрбинский, Олекминский, Среднеколымский, Сунтарский, Таттинский, Томпонский, Усть-Алданский, Усть-Янский).

Анализ изменения численности населения Республики Саха по поселенческому критерию выявил следующую картину. В 2010–2018 гг. лишь два города из 13-ти имели восходящую динамику — столичный г. Якутск (+42,1 тыс. чел.) и г. Вилюйск (+0,8 тыс. чел.); во всех остальных население уменьшилось, главным образом, вследствие миграционного оттока. Совокупная убыль населения 11 городов Якутии составила 12,0 тыс. чел. Особенно заметен спад численности жителей городов, расположенных в Южной Якутии — Нерюнгри (-4,7 тыс. чел.), Томмот (-1,1 тыс. чел.) и Западной Якутии — Мирный (-1,9 тыс. чел.), Ленск (-1,4 тыс. чел.), Удачный (-0,9 тыс. чел.).

⁷ Webb J.W. The Natural and Migration Components of Population Changes in England and Wales, 1921–1931 // Economic Geography. — 1963. — Vol. 39, N 2. — P. 130–148.

Рис. 2. Типы динамики населения Якутии в 2010–2018 гг.

За аналогичный период небольшой рост населения отмечен только в пяти из 42-х поселков⁸ городского типа (рабочих поселков) — в п. Нижний Бестях (Мегино-Кангаласский улус), п. Светлый (Мирнинский), Золотинка (Нерюнгринский), п. Югоренок (Усть-Майский) и в п. Жатай⁹ (+1,5 тыс. чел.).

При этом численность жителей 35 поселков сократилась на 14,5 тыс. чел., в том числе в п. Чульман (Нерюнгринский) — на 2,3 тыс. чел., п. Чернышевский (Мирнинский) — на 1,7 тыс. чел., п. Усть-Нера (Оймяконский) — на 1,2 тыс. чел., п. Серебряный Бор (Нерюнгринский) — на 0,9 тыс. чел.

Нисходящей динамикой характеризуются 19 городов и рабочих поселков, имеющих официальный статус административных центров улусов (районов) Республики Саха. За рассматриваемое время численность их жителей уменьшилась на 14,9 тыс. чел., тогда как в двух улусных центрах (г. Вилюйск, п. Нижний Бестях) население выросло на 1,4 тыс. чел.

⁸ De facto функционировал 40 поселок городского типа, т.к. в соответствии с Законом РС (Я) «Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики Саха (Якутия)» от 30 ноября 2004 г. п. Безьямный вошел в состав г. Томмот Алданского района, п. Торго — в состав Тянского национального наслега Олекминского улуса.

⁹ Поселок Жатай, подчиненный г. Якутску, согласно вышеуказанному Закону РС (Я), был преобразован в отдельное муниципальное образование со статусом городского округа.

Таким образом можно заключить, что в городских поселениях Якутии статусный критерий перестал играть ключевую роль в динамике численности их населения. Ранее, как известно, населенные пункты с более высоким статусом были наиболее привлекательными, поскольку у них всегда было больше возможностей для концентрации материальных и финансовых ресурсов и, соответственно, создания более комфортных условий жизни людей.

Несмотря на то, что подавляющее большинство населения Республики Саха сосредоточено в городах и поселках городского типа, в целом каркас поселенческой структуры сохраняет ярко выраженный аграрный характер. В этой связи рассмотрим изменения в демографической динамике сельских поселений, произошедшие в рассматриваемый период.

Показательно, что только 68 из 364-х наслегов и межселенных территорий¹⁰ выделяются стабильной или восходящей динамикой, но совокупный прирост небольшой (+4,4 тыс. чел.). Главным образом, население растет в 35-ти населенных пунктах Центральной Якутии (+4,0 тыс. чел.), расположенных в непосредственной близости к столице республики, создающей благоприятную экономическую среду для деловой активности. Особенно виден рост численности жителей административных центров сельских улусов, например, в с. Чурапча (Чурапчинский) прирост составил 1,4 тыс. чел. (117 км от Якутска), с. Нам (Намский) — 1,1 тыс. чел. (84 км), с. Бердигестях (Горный) — 0,2 тыс. чел. (184 км). К важным факторам миграционной привлекательности сельских поселений Центральной Якутии отнесем более умеренные климатические условия региона для жизни человека и относительную дешевизну потребительской корзины. Вклад мобильности, спровоцированной изменениями мирового климата и природными катаклизмами, участвовавшими в северных улусах (районах) республики, в последнее время становится все более заметным.

В 294-х сельских населенных пунктах (81,4 % сел республики) фиксируется нисходящая демографическая динамика. Симптоматично, что спад абсолютной численности населения стал долгосрочным, повсеместным явлением. Так, многолетняя убыль характеризует изначально малолюдные сельские поселения улусов (районов) республики, входящих в состав Арктической зоны России (за исключением Анабарского)¹¹. Здесь в течение 2010–2018 гг. мизерный прирост населения отмечен только в 11-ти сельских наслеггах (+155 чел.), тогда как в 61 арктическом селе — уменьшилось на 2,7 тыс. чел. Наибольшие потери понесли Верхоянский (–0,5 тыс. чел.) и Усть-Янский (–0,4 тыс. чел.) районы.

¹⁰ Фактически 361, т.к. согласно Закону РС (Я) «Об установлении границ и о наделении статусом городского и сельского поселений муниципальных образований Республики Саха (Якутия)» от 30 ноября 2004 г. село Угоян вошло в состав Беллетского наслега Алданского района, а отнесенные к межселенным территориям село Ойотунг — бывший центр Ойотунгского национального (кочевого) наслега Аллаиховского района и участок Джарджан Жиганского района в действительности обезлюдели.

¹¹ В соответствии с Указом Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 13 мая 2019 г. в арктические территории страны включены 13 улусов (районов) Якутии — Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский.

Такая же неутешительная статистика по 6-ти улусам (районам) Западной Якутии¹², где общая численность жителей 80-ти сельских населенных пунктов сократилась на 4,6 тыс. чел.; небольшой положительный прирост (207 чел.) зафиксирован в 15-ти селах. Особенно заметно убывает население Сунтарского (-1,5 тыс. чел.) и Нюрбинского (-0,9 тыс. чел.) улусов. Аналогичная ситуация сложилась и в Южной Якутии, в состав которой входят 27 сельских поселений Алданского, Нерюнгринского и Олекминского районов. Самой большой убылью выделяются 22 наслега Олекминского района (с 15,6 тыс. чел. в 2010 г. до 14,0 тыс. чел. в 2018 г.). Постепенно уменьшается население эвенкийских сел (Кутана, Хатыстыр, Чагда и Иенгра), расположенных в зоне индустриального влияния Южноякутского промышленного региона. На 0,9 тыс. чел. упала численность жителей 13-ти сельских наслегов, расположенных в Восточной Якутии (Оймяконский, Томпонский, Усть-Майский). Также сокращается численность населения сельских агломераций крупных городов и поселков Якутии; незначительный положительный прирост имеется только в с. Хатассы, входящего в состав городского округа, административно подчиненного г. Якутску.

Перечень убывающих сел республики многократно расширяется за счет 114-ти сельских населенных пунктов девяти улусов (районов) Центральной Якутии, в которых общие потери населения составляют 6,5 тыс. чел.¹³ В разрезе отдельных территорий больше всего население сократилось в Усть-Алданском (-1,4 тыс. чел.), Мегино-Кангаласском (-1,1 тыс. чел.), Таттинском (-0,9 тыс. чел.), Хангаласском (-0,8 тыс. чел.), Чурапчинском (-0,7 тыс. чел.) и Кобяйском (-0,6 тыс. чел.) улусах.

На фоне общего спада выделяется рост численности жителей (+2,9 тыс. чел.) административных центров северных и центральных улусов Якутии: селах Саскылах (Анабарский), Батагай-Алыта (Эвено-Бытантайский), Амга (Амгинский) и вышеупомянутых сел Чурапча, Нам и Бердигестях. Восходящая динамика формируется преимущественно за счет стягивания сельского населения не только с подчиненных и смежных территорий, но и из других районов республики. Людей привлекают такие преимущества субрегиональных центров, как более широкий рынок высокооплачиваемых рабочих мест, относительно развитая инфраструктура сферы образования, здравоохранения, ЖКХ.

Вместе с тем другие административные центры — сс. Жиганск (Жиганский), Хонуу (Момский), Оленек (Оленекский), Верхневилуйск (Верхневилуйский), Сунтар (Сунтарский), Ытык-Кюель (Таттинский), Борогон (Усть-Алданский) постепенно теряют свое население (-0,8 тыс. чел.). Вероятно, это говорит о некотором исчерпании ресурсов и функций отдельных улусных центров, стимулирующих в том числе процесс внутренней (региональной) миграции.

Экстраполяция статистических данных на систему расселения Республики Саха показывает, что среди убывающих городских и сельских поселений большинство составляют населенные пункты, составляющие ее основу: 6 городов численностью от 10 до 25 тыс. жителей (-4,5 тыс. чел.),

¹² Мирнинский, Ленский, Верхневилуйский, Вилуйский, Нюрбинский, Сунтарский.

¹³ Амгинский, Горный, Кобяйский, Мегино-Кангаласский, Намский, Таттинский, Усть-Алданский, Хангаласский, Чурапчинский.

а также 20 поселков городского типа численностью от 1 до 5 тыс. жителей (–5,6 тыс. чел.) и 8 — численностью свыше 5 до 10 тыс. жителей (–4,8 тыс. чел.). Среди сельских поселений наибольшей динамикой депопуляции характеризуются 153 населенных пункта с численностью 501–1000 чел. (–6,5 тыс. чел.), 63 — с численностью 1001–2000 чел. (–4,8 тыс. чел.).

Центростремительные процессы стимулируют стягивание населения в столице, крупных городах и административных центрах улусов (районов) РС (Я). В результате только в трех регионах (г. Якутск с подчиненными территориями, Нерюнгринский и Мирнинский районы), занимающих 8,7 % территории Якутии, сконцентрировано 49,2 % ее населения. При всем том главным реципиентом демографических ресурсов республики стал г. Якутск: сегодня здесь проживает 49,3 % городских жителей или 32,3 % всего населения Якутии. По численности населения (311,7 тыс. чел.) он превышает второй город региона в 5,5 раз; четыре крупных города, в которых сосредоточен 21,6 % горожан республики: Нерюнгри (57,0 тыс. чел.), Мирный (35,2 тыс. чел.), Ленск (23,4 тыс. чел.), Алдан (20,5 тыс. чел.) — почти в три раза.

В литературе довольно подробно описаны аналогичные процессы, происходившие после демонтажа государственного социализма в Восточной Европе и бывшем СССР, проведения рыночных реформ в Китае и Вьетнаме¹⁴.

На их примере показана зависимость экономической урбанизации от дешевой сельской рабочей силы. Эффект во всех исследуемых регионах мира включает: миграцию населения вследствие безработицы, низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, изменение законов и усиление региональной дифференциации.

Изменения численности городского населения с неизбежностью влекут смену категорий населенных пунктов. Об этом свидетельствует переход ряда рабочих поселков республики в разряд сельских поселений вследствие «стрессовых» миграций из промышленных районов, происходивших в 1990-е годы (см. прил. 1). В период между последней переписью населения СССР (1989) и первой постсоветской переписью населения России (2002) количество поселков городского типа сократилось с 67 до 55. Нисходящая демографическая динамика стимулировала этот процесс и в течение 2000-х годов (см. табл. 2). Тем не менее, учитывая приоритетное значение для региональной экономики экспортно-ориентированного горнодобывающего производства и обслуживающих его отраслей строительства, транспорта и связи, можно прогнозировать некоторую устойчивость небольших промышленных поселений в среднесрочной перспективе. В настоящее время в малых городах (до 12 тыс. жителей) и поселках городского типа аккумулирована треть городского населения Республики Саха.

К гораздо большим негативным последствиям для всей системы расселения республики может привести продолжение неуправляемого демографического «сжатия» населения в сельской черте. Прежде всего, речь идет о небольших и средних населенных пунктах (от 501 до 2000 жителей), в которых расселено приблизительно 53 % сельского населения Якутии.

Особо чувствительной представляется проекция этого процесса на сельские поселения 13-ти улусов (районов), входящих в состав Арктической

¹⁴ *Post-Socialist Peasant? Rural and Urban Constructions of Identity in Eastern Europe, East Asia and the former Soviet Union.* — New York: Palgrave, 2002. — 225 p.

Изменения в составе поселков городского типа Якутии в 2001–2019 гг.¹⁵

Поселок	Улус (район)	Год отнесения к категории поселка	Год смены статуса	Примечания
Преобразованы в сельские населенные пункты				
Чагда	Алданский	1941	2001	С 2004 г. центр Чагдинского наслега Включен в черту г. Томмот
Большой Нимныр	Алданский	1973	2005	
Ыллымах	Алданский	1978	2005	
Заречный	Олекминский	1991	2007	
Маган	Якутский горсовет	1978	2004	
Табага	Якутский горсовет	1986	2004	
Упразднены как административно-территориальная единица				
Канкунский	Алданский	1950	2001	Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Упразднен с сохранением поселения Ольчан. В 2007 г. исключен из учетных данных
Лазо	Верхоянский	1977	2001	
Ольчан	Оймяконский	1977	2002	
Сарылах	Оймяконский	1979	2002	Упразднен с сохранением поселения Сарылах. В 2007 г. исключен из учетных данных
Нелькан	Оймяконский	1964	2007	Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных Исключен из учетных данных
Предпорожный	Оймяконский	1961	2007	
Эльгинский	Оймяконский	1958	2007	
Бриндакит	Усть-Майский	1947	2008	
Ыныкчан	Усть-Майский	1940	2008	
Северный	Усть-Янский	1979	2005	
Нагорный	Нерюнгринский	1941	2019	
Кангалассы	Якутский горсовет	1957	2004	
Марха	Якутский горсовет	1969	2004	

зоны РФ. В настоящее время в них проживает 68,1 тыс. чел., или 7,1 % всего населения РС (Я); из них 41,8 тыс. чел. (61,4 %) являются сельскими жителями, расселенными в 72-х населенных пунктах, целиком входящих в законодательно утвержденный перечень труднодоступных и отдаленных местностей Республики Саха¹⁶. Из них 26,0 тыс. чел. (62,3 %) размещены в небольших и средних по людности поселениях (100–1000 жителей), изолированных и рассеянных по громадной территории (1620,5 тыс. км², или 52,5 % площади Якутии). При этом арктические села являются средоточием местностей (территорий) компактного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС). По данным ВПН-2010, они составляют 50,9 % (20,3 тыс. чел.) жителей Якутской Арктики.

¹⁵ Составлено по: Народное хозяйство Якутской АССР в X пятилетке (1976–1980 гг.). Статистический сборник. — Якутск, 1981. — С. 6–7; *Изменения* в административно-территориальном устройстве и административно-территориальном делении Республики Саха (Якутия) за период с 1 июля 1986 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/izmenenija-v-administrativno-territorialnom-ustrojstve>. Дата обращения: 15.09.2020.

¹⁶ Закон РС (Я) «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей в Республике Саха (Якутия)» от 4 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/802010254> (185). Дата обращения: 10.09.2020.

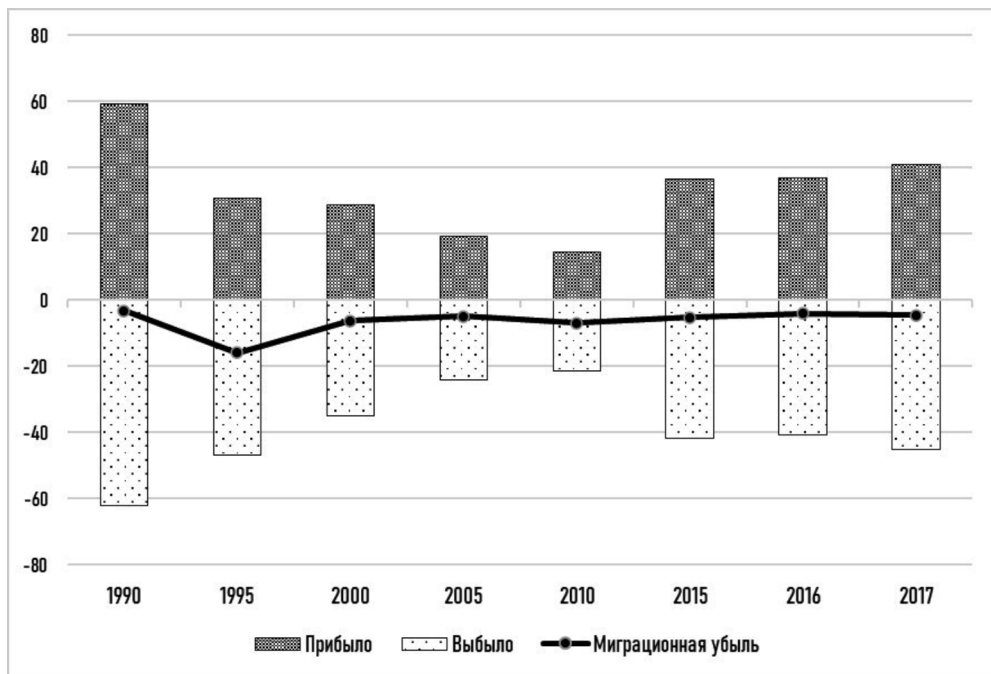

Рис. 3. Миграционный прирост (убыль) населения Якутии, тыс. чел.

При этом большинство арктических улусов (районов) относятся к самым неблагоприятным регионам Якутии, где стрессовый климатогеографический фактор усугубляется невысокими доходами, безработицей, слабой инфраструктурой здравоохранения и образования, неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями, недостаточностью организованного отдыха и досуга молодежи и др., что в целом стимулирует миграцию населения¹⁷. Таким образом, убывающие села становятся триггером ослабления самого каркаса сельского расселения, что в обозримом будущем угрожает еще большей его фрагментацией в случае формирования обезлюдненных лакун (пустот). Такой сценарий предполагает в конечном счете не только постепенное опустение арктических территорий республики, но также потерю управления и контроля над этим колоссальным пространством.

Изменения компонентов динамики современного населения Якутии интегрально проявляют характер и особенности текущих социально-демографических процессов в республике. В контексте декларируемой парадигмы роста, игнорирующей депопуляцию, особый интерес вызывают результаты непрерывного миграционного обмена, влияющего на динамику численности населения региона (см. рис. 3), изменения его гендерной, возрастной, этнической и социально-профессиональной структуры.

В течение 1990-х годов наблюдался интенсивный, волнообразный отток населения Республики Саха, поскольку за периодическим повышением сле-

¹⁷ Васильева О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. — Якутск, 2018. — С. 115–134.

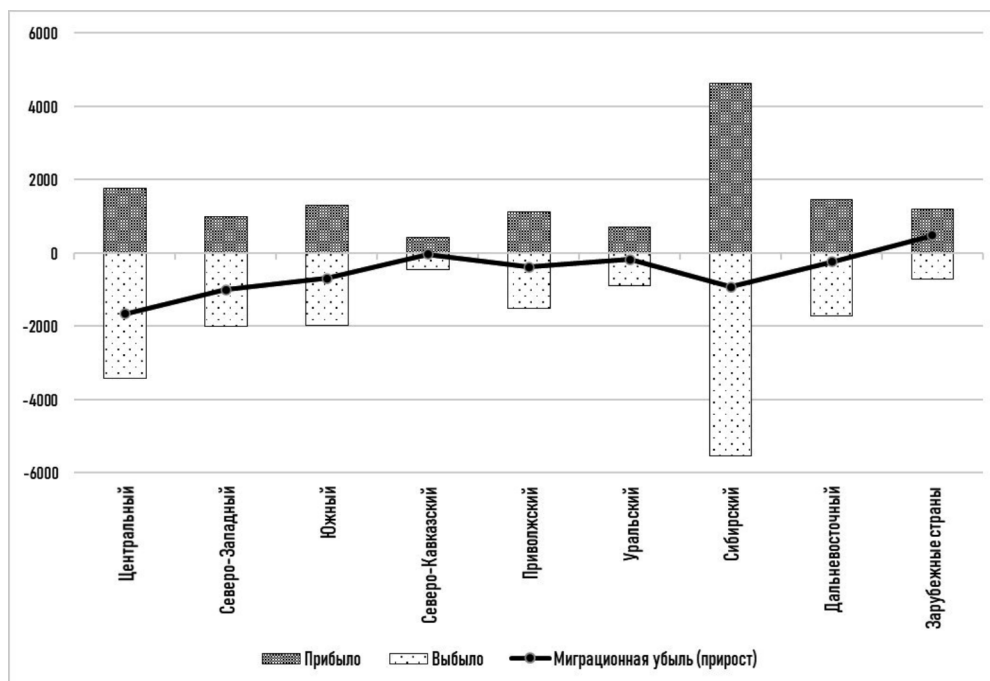

Рис. 4. Структура миграционных потоков, тыс. чел.

довало его понижение. Максимальное сальдо миграции отмечено в 1995 г. (-16,1 тыс. чел.). С началом 2000-х годов ситуация несколько стабилизировалась, но миграционный баланс стал постоянно отрицательным. Начиная с этого же времени в общем объеме миграции стала преобладать доля внутривнутриреспубликанской миграции, на которую в 2017 г. приходилось 63,1 % всех мигрантов¹⁸.

В объемах внешнего миграционного трафика фиксировались ежегодные колебания как в сторону роста, так и в сторону спада, но постоянным оставалось превышение числа уезжающих над числом прибывающих лиц из других регионов Российской Федерации (см. рис. 4). В структуре современных миграционных потоков преобладают прежние партнеры Якутии по обмену населением — Новосибирская область (Сибирский федеральный округ), г. Москва и Московская область (Центральный ФО), г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (Северо-Западный ФО), Краснодарский край (Южный ФО), Амурская область, Приморский и Хабаровский края (Дальневосточный ФО). На фоне оттока населения Якутии в другие регионы страны выделяется положительный прирост в миграционном обмене со странами СНГ, главным образом с Киргизией, Таджикистаном, Арменией и Узбекистаном.

В межпереписной период произошло принципиальное изменение демографического веса наиболее многочисленных народов Республики Саха. Так, по данным переписей, доля русских (353,6 тыс.) в национальном составе

¹⁸ См. подробно: *Томаска А.Г.* Региональные особенности современной миграции в Якутии // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. — Якутск, 2018. — С. 14–30.

ве населения уменьшилась с 41,2 % в 2002 г. до 37,8 % в 2010 г., а доля якутов (466,4 тыс.) выросла с 45,6 до 49,1 %. Эти перемены вызваны двумя факторами — продолжающимся сокращением численности русских жителей Якутии вследствие внешних миграций и сохраняющимся естественным приростом (невысоким) численности якутов. Также отметим растущую численность и повышение удельного веса коренных малочисленных народов Севера в этноструктуре народонаселения: эвенков (21 тыс.) — с 1,9 до 2,25 %, эвенов (15 тыс.) — с 1,2 до 1,6 %, долган (1,9 тыс.) — с 0,1 до 0,2 %, юкагиров (1,2 тыс.) — с 0,12 до 0,14 %, чукчей (0,6 тыс.) — с 0,06 до 0,07 %. Позитивная динамика складывается за счет естественного прироста; небольшого, но положительного сальдо миграции; частично — восстановления этнической идентичности.

В контексте развития международной миграции рабочей силы в Россию обращает на себя внимание динамика численности киргизов, возросшей в 3,4 раза (5 тыс.), узбеков — 2,8 раз (3,3 тыс.), таджиков — 2,4 раза (2,6 тыс.), армян — 1,3 раза (3,6 тыс.). Их совокупная численность составляет 14,7 тыс. чел., или 1,5 % в составе населения РС (Я). Зонами наибольшего притяжения трудовых мигрантов являются г. Якутск с относительно диверсифицированной экономикой и рынком труда, Нерюнгринский и Мирнинский районы с модернизированной индустриальной базой, а также другие места повышенной промышленной активности, где больше возможностей трудоустройства. Главным образом они активно включаются в сферу обслуживания крупных городов и их агломераций, субрегиональных центров.

Существующие характеристики народонаселения Республики Саха отражают как воздействие долговременных демографических тенденций, так и *реакцию (адаптацию) людей* на экономические и социальные вызовы современного времени.

Преобладающую по численности социально-демографическую группу населения Республики Саха составляют женщины (51,5 %). Дисбаланс в гендерной структуре, как и по всей стране, характеризуется тенденцией роста: если в 2000 г. на 1000 мужчин приходилось 1033 женщины, то в 2018 г. — 1061. Диспропорция по полу стремительно возрастает в городской (с 1041 до 1086 женщин на 1000 мужчин), чем в сельской (с 1017 до 1018) местности. Перераспределение населения в сторону женщин происходит в трудоспособных возрастных группах, начиная с 40–44 года и далее нарастает, достигая максимума в группе «70 лет и старше» (разрыв в 2 раза).

В современной возрастной структуре населения Якутии рельефно проявляются демографические провалы в возрастных группах: 73–75 лет (1942–1944 г.р.), 45–51 лет (1966–1972 г.р.), 18–22 лет (1992–1999 г.р.), образовавшиеся в результате прямых военных потерь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., «эха войны» и резкого спада рождаемости в «лихие девяностые» (см. рис. 5). Сегодня самую многочисленную когорту — 157,2 тыс. мужчин и женщин — составляют люди в возрасте от 30 до 39 лет (16,3 % в общем населении); за ними следуют следующие группы: 20–29 лет — 142,3 тыс. чел. (14,7 %), 50–59 лет — 127,0 тыс. чел. (13,8 %).

Трудоспособное население республики, несмотря на неуклонное снижение своей численности (с 617,8 тыс. чел. в 2010 г. до 560,2 тыс. чел. в 2018 г.)

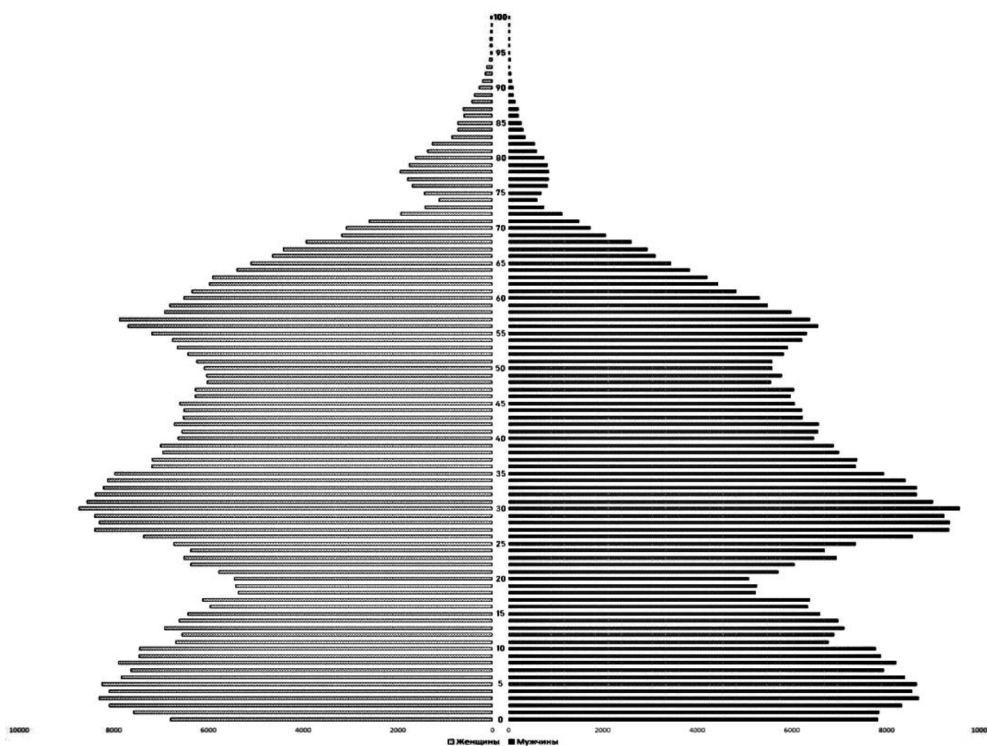

Рис. 5. Половозрастная структура населения Якутии в 2018 г.

и удельного веса (с 64,4 до 58,1 %), сохраняет свой численный перевес в общем составе населения Якутии. В трудоспособном возрасте находятся 63,2 % мужчин и 53,3 % женщин¹⁹.

Фиксируется рост численности людей в возрасте «65 лет и старше»: если в 2002 г. их доля составляла 5,3 % во всем населении республики, то в 2010 г. — 5,6 %, 2018 г. — 7,88 %. Сельские жители, по сравнению с горожанами (соответственно, 4,8 % — 5,6 % — 7,7 %), «стареют» более быстрыми темпами (6,2 % — 5,7 % — 8,1 %), что обусловлено их односторонней миграцией в городские поселения Якутии. Учитывая многочисленность когорты лиц «50–59 лет», приближающихся к посттрудовому возрасту, следует ожидать роста доли пожилого населения. Свидетельством процесса «старения» населения также является увеличение среднего возраста жителей РС (Я): если в 2002 г. он составлял 31,4 года, то в 2010 г. — 32,9, в 2018 г. — 34,4 (по РФ — 39,8; по ДВФО — 38,1).

В контексте национальной идеи устойчивого роста численности населения рассмотрим демографический потенциал молодых возрастных когорт. Отметим, что за многочисленной группой людей «20–29 лет» следует малочисленное поколение — 58,4 тыс. чел. в возрасте «15–19 лет» (6,1 % в общем населении), что неизбежно отразится на снижении показателей брачности населения и уровне рождаемости первых детей. Следовательно, в течение

¹⁹ Труд и занятость в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 15.

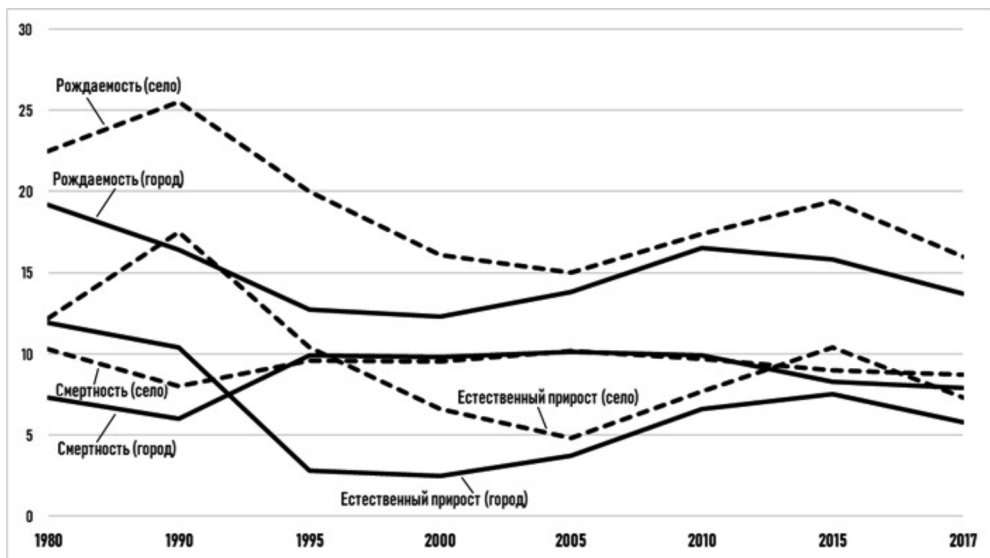

Рис. 6. Естественный прирост на 1000 чел. населения в городской и сельской местности Якутии.

2020-х годов будут ощущаться последствия демографической «ямы» 90-х годов XX века. Имеющиеся объемы других дорабочих групп: 10–14 лет — 7,2 %, 5–9 лет — 8,2 %, 0–4 лет — 8,2 % в общем составе населения говорят о том, что трудности с воспроизводством трудового населения РС (Я) будут нарастать во времени.

Относительно благоприятная демоситуация в Республике Саха сохраняется, главным образом, за счет естественного прироста населения, причем как в городской, так и в сельской черте (см. рис. 6). Коэффициент рождаемости (14,5 ‰) превышает аналогичные показатели в среднем по РФ (11,5 ‰) и по ДВФО (12,1 ‰), что позволяет РС (Я) занимать 7 место по стране.

Однако это не значит, что рост численности населения Якутии продолжится, т.к. даже к году введения в стране программы материнского капитала (2007 г. — 15 268 рождений) не удалось достичь показателя 1995 г. (15 731 рождение). Максимальный пик рождаемости приходится на 2014 г. (17,8 ‰ на 1000 чел.), с которого и начинается его очередной спад — 14,5 ‰ на 1000 чел. рождений в 2017 г. При этом в городских поселениях РС (Я) этот процесс начался чуть раньше (с 16,6 ‰ в 2012 г. до 13,7 ‰ в 2017 г.), чем в сельских (с 22,4 ‰ в 2014 г. до 16 ‰ в 2017 г.). Таким образом, связь между выплатой материнского капитала и рождаемостью не очевидна, а влияние имеющихся показателей рождаемости на демографию будет минимальным.

С сокращением рождаемости ассоциируется снижение суммарного коэффициента рождаемости, который и ранее имел небольшие значения: если в 2010 г. было отмечено 2,00 рождения на 1 женщину, то в 2017 г. — 1,93, что требуется для простого замещения поколений. Также уменьшается суммарный коэффициент рождаемости: в городских поселениях — с 1,89 рождений на 1 женщину в 2012 г. до 1,67 — в 2017 г., в сельских — соответственно, с 3,47 — в 2014 г. до 2,60 — в 2017 г. Диссонанс

коэффициентов по типу поселений показывает, что расширенное воспроизводство поддерживается в основном за счет репродуктивного контингента сельских женщин.

Нежелание заводить детей или откладывание рождений второго/третьего ребенка является органичной частью адаптации населения Якутии к меняющимся условиям жизни: росту мобильности, урбанизации, эволюции института семьи, усугубляемым недостаточностью жилого фонда на социально приемлемом уровне, финансовыми проблемами и др.²⁰ В сельской местности идет переход от патриархальной семьи к модели семьи современного типа с меньшим числом детей²¹. Это подтверждается статистикой рождаемости третьих и последующих детей: в 2014 г. — 5102, в 2017 г. — 4802 рождений. Вместе с тем их доля в общем числе рождений возросла с 29,99 до 34,3 %, что свидетельствует о некоторой устойчивости традиционных семейных ценностей коренных народов Якутии.

О трансформации модели рождаемости свидетельствует уменьшение доли рождений первых детей — с 34,95 % в 2014 г. до 30,5 % в 2017 г. Это явление тесно связано с динамикой внебрачной рождаемости в Якутии — тенденцией, характеризующей второй демографический переход. Внебрачная рождаемость подразумевает ограничение рождаемости в целом, т.к. одинокая мать, как правило, не стремится родить второго/третьего ребенка. Так, если в 1990–2010 гг. фиксировался неуклонный рост доли младенцев, рожденных вне зарегистрированного брака: в 1990 г. — 17,9 %, 2000 г. — 32,7 %, в 2007 г. — 38,5 % (пиковый показатель)²², то начиная с 2010 г. (37,8 %) отмечается смена вектора этого тренда и в настоящее время доля внебрачных рождений составляет 33,2 %. Сдвиг к низкому уровню рождаемости еще больше усилится с доминированием малочисленных когорт 1990-х годов среди женщин в фертильном возрасте. В целом все вышеизложенное говорит о том, что регион практически исчерпал внутренние ресурсы для повышения рождаемости и, следовательно, о необходимости поиска других источников роста населения Якутии.

Стабилизация, затем и некоторое снижение естественной убыли населения в 2000-е годы говорят о том, что переход к новой модели смертности, наряду с миграционным приростом, может стать важным фактором устойчивой демографической динамики Республики Саха, позитивных изменений в его гендерной и возрастной структуре.

В настоящее время за относительно благополучными показателями смертности населения Якутии, представленными в общенациональной статистике, скрываются большие внутрорегиональные различия. Наиболее низким коэффициентом смертности (от 6,4 до 8 ‰ на 1000 чел.) характеризуются только 9 из 35-ти административных районов (Амгинский, Анабарский, Булунский, Верхневиллюйский, Горный, Мирнинский, Намский, Чурапчинский, г. Якутск). Превышение среднего по республике уровня смерт-

²⁰ Федотова Н.Д. Семья с детьми в Республике Саха (Якутия): к вопросу о материальном положении // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 8 (126). — С. 43–46.

²¹ Барашкова А.С. Северная семья. Демографический и социально-экономический аспекты. — Новосибирск, 2009. — 159 с.

²² Государственный доклад о состоянии здоровья населения Республики Саха (Якутия) в 2007 году. — Якутск, 2008. — С. 10.

ности отмечается: в 11 из 13 арктических районов — от 9,5 до 13,9 % на 1000 чел.; 2 восточных — Оймяконский (12,8 %) и Томпонский (10,1 %); 4 районах Южной Якутии — от 8,4 до 15,2 % (Алданский, Нерюнгринский, Олекминский, Усть-Майский); 5 центральных улусах — от 8,3 до 10,1 % (Кобяйский, Мегино-Кангаласский, Таттинский, Усть-Алданский, Хангаласский); 3 вилюйских — от 8,6 до 9,6 % (Вилюйский, Нюрбинский, Сунтарский). Территориальная стратификация смертности проявляет ее географический градиент, простирающийся с юго-запада на северо-восток и охватывающий Арктическую зону Якутии²³.

Региональное неравенство в смертности населения Якутии становится еще рельефнее в поселенческом (сельские жители — 8,7 % на 1000 чел., городские — 7,9 %) и гендерном (мужчины — 9,9 % на 1000 чел., женщины — 6,5 %) срезе. При этом коэффициент смертности мужского населения выше, чем у женского, во всех возрастных группах независимо от места жительства. Однако наибольшие расхождения приходятся на лиц трудоспособного возраста: в группе «30–34 года» коэффициент смертности мужчин в 4 раза больше, чем у женщин соответствующего возраста; в группе лиц «20–24 года», «25–29 лет», «35–39 лет», «45–49 лет», «55–59 лет» — более чем в 3 раза.

Современная модель смертности народонаселения Якутии, как и России в целом, стала формироваться в 1990-е годы²⁴. Сопоставление коэффициентов смертности по ее основным причинам показывает, что сегодня доминирует число смертей от болезней системы кровообращения — 44,7 %, онкологических заболеваний — 16,7 %, несчастных случаев, отравлений и травм — 16,4 %. Изменения в возрастной структуре умерших показывают растущий вклад трудоспособных лиц, наряду с пожилыми людьми, в статистику смертности от патологий сердечно-сосудистой системы. Рост числа умерших от новообразований и внешних причин непосредственно коррелируется с местом жительства, так как они больше аккумулированы в сельской местности республики.

В отличие от модели общей смертности населения Якутии, в структуре причин смертности лиц в трудоспособном возрасте на первой позиции находится смертность от внешних воздействий (44,69 %), далее — от болезней системы кровообращения (16,75 %) и онкологических заболеваний (16,39 %). В динамике неестественной смертности лидируют самоубийства — 40,8 случаев на 100 тыс. чел., убийства — 28,5, травмы всех видов — 16,7, отравления алкогольными суррогатами — 14,8.

Показательно, что уровень смертности, обусловленной алкоголем, не дифференцируется по типу поселения: сельские жители — 36,7, городские — 37,8 случаев на 100 тыс. чел. Соответственно, растет число умерших от случайных отравлений алкоголем: в 2015 г. — 4,8, в 2016 г. — 9,3, в 2017 г. — 11,1 случаев на 100 тыс. чел., тогда как в РФ (10,4 — 9,6 — 8,4) и ДВФО (8,1 — 6,3 — 4,0) постепенно снижается. По уровню смертности

²³ Подробно см.: *Игнатьева В.Б.* Региональная дифференциация смертности населения в Республике Саха (Якутия) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2019. — № 4 (38). — С. 115–122.

²⁴ *Сукнева С.А.* Влияние основных причин смертности на ожидаемую продолжительность жизни населения Республики Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 16. — С. 148–153; *Field M.G.* The health crisis in the former Soviet Union: A report from the «post-war» zone // *Social Science and Medicine*. — 1995. — N 41 (11). — P. 1469–1478.

населения от этой причины Якутия лидирует среди дальневосточных регионов, многократно превзойдя почти двухмиллионный Приморский край (3,6 случаев на 100 тыс. чел.).

Преждевременная сверхсмертность формируется, прежде всего, за счет трудоспособных мужчин, проживающих в сельских поселениях — 267,4 случаев на 100 тыс. чел. (городских — 202,7), что указывает на зависимость этого класса смертности от социальных и экономических факторов, в частности, продолжающегося расслоения общества по доходам²⁵. Также выделяется необычайно высокий уровень неестественной смертности представителей КМНС²⁶: в 2012 г. — 302,4 случая, тогда как по РС (Я) в целом — 171,3 случая на 100 тыс. чел., в 2014 г. — 259,4 (155,0), 2017 г. — 220,6 (133,6). Среди причин смерти фаворитные позиции занимают смертность от самоубийств — 68,8 случаев и от убийств — 38,0 случаев на 100 тыс. чел.²⁷ В России пик суицида был отмечен в 1994–1995 гг. — 42–43 случая на 100 тыс. чел.; в 2018 г. частота суицидов составила 12,4 случая²⁸. Таким образом, количество завершенных суицидов среди КМНС превосходит мировой пороговый показатель²⁹ в 3,4 раза, общероссийский — в 5,5 раз. Суицидальное поведение проецируется и на другие уязвимые социально-демографические группы — детей и молодежь³⁰. Подростковый суицидальный индекс в 2014 г. составил 46,9 случаев на 100 тыс. чел. (по РФ — 2,5)³¹, что в 18 раз выше среднероссийского уровня. При этом показатели самоубийств среди детей саха, эвенов, эвенков и других малочисленных народов Севера в 4 раза выше уровня суицидальной активности детей некоренного населения Якутии³². Высокий уровень неестественной смертности, дифференцированной по возрастным и этническим критериям, свидетельствует о продолжающейся дезадаптации населения (алкоголизация, рост агрессии и насилия в обществе, личностный крах и др.), ограниченности/отсутствии жизненных перспектив для многих ее категорий, особенно молодежи³³.

²⁵ Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 89–94; *Akhmedjonov A., Lau M.C.K., Izgi B.B.* New evidence of regional income divergence in post-reform Russia // *Applied Economics*. — 2013. — N 45 (18). — P. 2675–2682; *Антонова О.И.* Региональная дифференциация смертности от внешних причин // *Вопросы статистики*. — 2007. — № 10. — С. 17–21.

²⁶ *Семенова Н.Б.* Причины суицидального поведения у коренных народов Сибири: смена традиционного образа жизни // *Суицидология*. — 2017. — Т. 8, № 4 (29). — С. 31–43.

²⁷ Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации на территории Республики Саха (Якутия) за 2012–2017 гг. — Якутск, 2018. — С. 21–22.

²⁸ *Эксперт* сообщил об уменьшении числа суицидов в России среди взрослых [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/6982474>. Дата обращения: 15.11.2019.

²⁹ По стандартам ВОЗ, выше 20 случаев на 100 тыс. населения является предельным, критическим уровнем суицида.

³⁰ *Михайлова А.В., Попова Л.Н.* Эвентологический подход к оценке суицидального поведения молодежи // *Фундаментальные исследования*. — 2015. — № 7–3. — С. 619–624.

³¹ *Семенова Н.Б.* Причины суицидального поведения у коренных народов Сибири: утрата ценностей патриархальной семьи // *Суицидология*. — 2018. — Т. 9, № 2 (31). — С. 3–15.

³² *Профилактика суицидального риска у детей и подростков. Методические рекомендации для образовательных организаций*. — Якутск, 2018. — С. 35.

³³ *Григулевич Н.И.* Смертность от внешних причин в регионах России // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. — М., 2013. — С. 263–358.

Субрегиональный профиль смертности позволяет выделить три категории административных районов РС (Я) в зависимости от дивергенции/конвергенции демографических тенденций в процессе перехода к новому режиму смертности. I категория — районы, характеризующиеся низкими коэффициентами смертности по трем ведущим ее причинам в сочетании с положительным естественным приростом населения. Это — г. Якутск, Анабарский, Верхневиллюйский, Намский, Мирнинский;

II категория — районы, где сложился отчетливый тренд снижения уровня смертности и сохранения естественного прироста; условно можно разделить на группу «догоняющих» I категорию (Амгинский, Чурапчинский, Сунтарский, Нерюнгринский, Ленский); «отстающую» группу, где показатели смертности не улучшаются или пока не соответствуют современному этапу перехода к здоровью (Булунский, Виллюйский, Горный, Жиганский, Мегино-Кангаласский, Нюрбинский, Оленекский, Таттинский, Алданский);

III категория — районы, отличающиеся стабильно высоким коэффициентом смертности по основным ее причинам в сочетании с низким естественным приростом, миграционной убылью и депопуляцией населения. В ее состав входят 9 арктических (Абыйский, Аллаиховский, Верхоянский, Момский, Нижнеколымский, Среднеколымский, Усть-Янский, Эвено-Бытантайский, Верхнеколымский), 3 восточных (Томпонский, Усть-Майский, Оймяконский), 2 южных (Алданский, Олекминский), 2 центральных (Кобьайский, Хангаласский).

Тот факт, что в ряд наиболее благополучных входят только 5 из 35-ти административных районов Якутии, свидетельствует об общем состоянии учреждений здравоохранения, функционирующих в небольших городах, рабочих поселках и сельских районах республики с ограниченными на местном уровне финансовыми, материальными, кадровыми и иными ресурсами³⁴. Возможно, конвергенция в смертности также отражает некоторое сходство демографических трендов в указанных типах населенных пунктов³⁵.

Сохранение и продление человеческой жизни составляют фундамент гуманитарных ценностей современного общества. К сожалению, этот аспект развития общественного потенциала фактически находится на периферии реальной политики в сфере демографии³⁶. Как и ранее, региональные власти пытаются решать актуальные вопросы демографии РС (Я) путем стимулирования рождаемости за счет репродуктивного здоровья женщин и их прав, не уделяя должного внимания мерам по профилактике преждевременной смертности.

Представляется, что действенная минимизация потерь от внешних воздействий, достижение равенства социально-демографических и этнических групп при разработке и реализации государственных программ охраны здо-

³⁴ *Здравоохранение* в Республике Саха (Якутия). Стат. сборник. — Якутск, 2018. — 160 с.

³⁵ *Смертность* населения Республики Саха (Якутия) в 2017 году. Стат. сборник № 176/313. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. — 215 с.

³⁶ *Постановление* Правительства РС (Я) «Об утверждении Плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г.» от 30 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561643936>. Дата обращения: 25.08.2020.

ровья и жизни могли бы существенно трансформировать имеющиеся тенденции смертности и расширить демографические резервы для воспроизводства населения Якутии.

В этом же ключе подчеркнем, что незначительный по объемам миграционный прирост пока компенсирует сокращающийся естественный прирост населения Республики Саха. Между тем большая часть мира, в т.ч. Российская Федерация, переходит к жизни в условиях естественной убыли населения. По мнению экспертов, этот процесс настолько масштабный, что потребуются фундаментальное переосмысление мировой политики, а общества будут нуждаться в реорганизации. Из вопроса выбора миграция сделается необходимостью: на смену дискуссиям о том, стоит ли открывать границы, придет конкуренция за мигрантов, которых все больше будет не хватать. Процветание и упадок наций определяют то, как будет распределяться в мире трудоспособное население³⁷.

Вместе с тем масштабный экономический case мировой пандемии нового коронавируса SARS-CoV-2 выявил уязвимые места глобализации рабочей силы, связанные с блокадой государственных границ, *введением тотальных/частичных карантинных мероприятий на территории регионов страны и др.* В частности, мировой резонанс вызвала протестная акция вахтовых работников на крупнейшем на востоке России Чаяндинском нефтегазоконденсатном месторождении, питающем газопровод «Сила Сибири». Массовая вспышка коронавирусной инфекции в 34-х вахтовых поселках подрядных организаций российской транснациональной энергетической компании «Газпром» привела к критической ситуации, когда под угрозой оказались жизни 10,5 тыс. вахтовиков, завезенных из нескольких десятков российских регионов. Организация медицинской помощи, лечение больных, эвакуация работников в 32 города страны в течение месяца рейсами авиакомпании «Якутия» легли на плечи республики; при этом власти некоторых российских областей не давали согласия принять вахтовиков обратно и поместить их в обсерваторы своих регионов³⁸.

В контексте новых рисков современности резко возросла значимость стратегического планирования развития Республики Саха в средне- и долгосрочной перспективе. Необходимо определиться с приоритетностью для региона сугубо экономических и собственно демографических запросов на миграционные ресурсы, поскольку интересы экономики и демографии не всегда тождественны.

В ответ на вызовы времени заметно активизировалась деятельность по слову колониальной традиции промышленных компаний СССР³⁹,

³⁷ Vollset S.E., Goren E., Yuan Ch.-W., Cao J., Smith A.E., Hsiao Th. et al. Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study // The Lancet. July 14, 2020. DOI [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2). Дата обращения: 15.08.2020.

³⁸ Авиакомпания «Якутия» вывезла из Чаяндинского месторождения более 7 тыс. вахтовиков [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2020/06/08/641257.html>. Дата обращения: 15.10.2020.

³⁹ Советская модель промышленного освоения Якутии характеризовалась массовым перемещением наемной рабочей силы из других регионов СССР, в отличие от индустриализации приполярных районов Норвегии, Финляндии и Швеции, где преимущественно использовались местные трудовые ресурсы.

сложившейся в ходе индустриализации Якутии в XX столетии⁴⁰. В 2017 г. был запущен приоритетный проект «Местные кадры — в промышленность!». Согласно данным Государственного комитета по занятости населения РС (Я), за время реализации пилотного этапа проекта наблюдается положительная динамика численности работников организаций по добыче полезных ископаемых: с 37,9 тыс. чел. в 2016 г. до 45,5 тыс. чел. в 2019 г.⁴¹ Далее планируется расширение проекта в таких отраслях региональной экономики, как строительство, транспорт, дорожное хозяйство и энергетика, в которых главным образом использовалась рабочая сила напрокат, что показывает решимость Правительства РС (Я) защитить местные трудовые резервы и самостоятельно обеспечить экономический подъем Якутии. Действительно, элементы прироста трудоспособного контингента населения республики показывают, что его воспроизводство в настоящее время происходит в основном за счет внутренних, а не миграционных ресурсов⁴².

Анализ многолетней динамики демографической нагрузки на экономику показывает, что РС (Я) в состоянии адаптироваться к изменяющимся социально-демографическим реалиям. При составлении прогнозных сценариев, как правило, акцент делается на снижении численности трудоспособного населения и росте демографической нагрузки пенсионерами, что не совсем корректно, т.к. и в посттрудоустройственной когорте есть фактически занятые/работающие люди. Отметим, что на протяжении длительного периода демографическая нагрузка на экономически активную группу населения Якутии имеет положительное значение, поскольку нагрузка детьми всегда превышала нагрузку пожилыми. Например, если в 2000 г. в целом по России демографическая нагрузка составляла 686 чел. на 1000 чел. в трудоспособном возрасте, в т.ч. почти одинаково как детьми — 349, так и пожилыми — 337, то в Якутии имелась следующая нагрузка: 612 чел., в т.ч. детьми — 454, пожилыми — 158. Сегодня во многих регионах РФ демографическая нагрузка пожилыми людьми превышает нагрузку детьми, тогда как в РС (Я) в 2018 г. на 1000 трудоспособных лиц приходилось 721 чел., в т.ч. детей — 428, пожилых — 293. Также отметим, что растущее давление пенсионерами происходит не столько за счет линейного увеличения продолжительности их жизни, а сколько за счет преждевременной смертности трудоспособных людей.

В перспективе предполагается, что рост демографической нагрузки на трудоспособное население не повлечет за собой экстраординарных проблем, при условии усиления инвестиций в человеческий капитал. В данном контексте выравнивание социально-экономических условий жизни городских и сельских жителей, обеспечение благополучия детей и моло-

⁴⁰ *Распоряжение* Правительства РС (Я) «О трудоустройстве граждан в промышленные предприятия, ведущие хозяйственную деятельность на территории Республики Саха (Якутия) в 2019–2024 годах» от 22 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/473508244>. Дата обращения: 25.08.2020.

⁴¹ *Информация* Государственного комитета по занятости населения РС (Я) о реализации проекта на 23.09.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://gkzn.sakha.gov.ru/mestnye-kadry-v-promyshlennost/realizatsija-proekta>. Дата обращения: 25.09.2020.

⁴² *Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г.* Т. 1. — Якутск: изд-во Саха (Якутия) стат., 2018. — С. 31.

дежи (дорабочей когорты) имеют большую целесообразность не только в целях экономического роста, но и воспроизводства населения Якутии. Важное место в системе фундаментальных мер должна занять задача снижения смертности трудоспособного контингента путем культивирования в обществе принципов здорового и трезвого образа жизни, самосохранительного поведения.

ГЛАВА 1.2

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ И КРЕАТОСФЕРЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

На протяжении советского периода и в настоящее время богатейший минерально-сырьевой потенциал составляет основное конкурентное преимущество Республики Саха и продолжает определять модель ее экономического развития как ведущего горнодобывающего региона мира и Российской Федерации. Так, экономика и бюджет региона развиваются за счет природных ресурсов и традиционных сырьевых отраслей. Приоритетные стратегические проекты РС (Я) главным образом предусматривают геологическую разведку территории Якутии, промышленное освоение новых месторождений полезных ископаемых, прокладку магистральных трубопроводов, строительство дорог и линий электропередач, развитие топливно-энергетической индустрии, экспорт рабочей силы, привлечение местного населения в промышленность и др.

Важнейшим показателем развития экономики РС (Я) на макроэкономическом уровне, характеризующим результат производства товаров и услуг, является валовой региональный продукт (ВРП). Динамика объема ВРП за последние 20 лет показывает, что в денежной оценке он вырос в 32,24 раза — с 33 632 млн руб. в 1998 г. до 1 084 556 млрд руб. в 2018 г.¹ Плавающий курс иностранной и национальной валют на международном рынке коррелируется с объемом изменения ВРП, что закономерно и для Якутии. В целом экономика региона и финансовое обеспечение программ и стратегий социально-экономического развития РС (Я) формируют благоприятный инвестиционный климат, вследствие чего создаются институциональные основы развития и поддержки традиционных отраслей.

Драйверами развития региональной экономики остаются добывающая и обрабатывающая промышленности, а также строительная отрасль РС (Я). Распределение удельного веса видов экономической деятельности в структуре ВРП региона в трех временных точках показывает акценты экономической политики республики (см. табл. 1). Так, одна промышленная деятельность обеспечивает более половины объема добавленной стоимости (51,5 %), что непосредственно связано с высокими производственными показателями крупных добывающих компаний и реализацией мегапроектов на территории Якутии. В этом же проявляются преимущественно моноэкономическая направленность производства товаров, неразвитость сферы услуг, малого и среднего предпринимательства в Республике Саха (Якутия).

¹ Валовой региональный продукт. Официальный сайт Саха (Якутия) стат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/>. Дата обращения: 02.11.2020.

Динамика структуры ВРП Республики Саха (Якутия)

Направления экономической деятельности	1998	2008	2018
ВРП	100	100	100
Производство товаров	50,70	59,30	68,55
Из них:			
Промышленная отрасль	41,00	42,10	57,42
Строительная отрасль	6,60	13,70	9,57
Сельское и лесное хозяйство, рыбное хозяйство	2,60	3,40	1,56
Сфера услуг	49,30	40,70	31,44
Из них:			
Транспортная отрасль, услуги связи и иные услуги	6,80	7,70	7,33

Источник: Валовой региональный продукт. Структура ВРП по отраслям экономики. Официальный сайт Саха (Якутия) стат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/>. Дата обращения: 02.11.2020.

Рассмотрим наиболее значительные сдвиги в отраслевой структуре ВРП, вызванные неравномерными темпами роста производства товаров и услуг (см. рис. 1). В течение 1998–2018 гг. наблюдается рост удельного веса экономических видов деятельности, связанных с производством товаров, и одновременно снижение удельного веса видов деятельности по производству услуг. Если в 1998 г. их соотношение составляло 50,7 % (производство товаров) на 49,3 % (производство услуг), в 2018 г. — соответственно, 68,55 % на 31,45 %.

Построим логарифмический тренд и вычислим среднеквадратичное отклонение R , показывающее экстраполяцию его линии и в результате получим $R^2 = 0,971$, что является высоким показателем множественного коэффициента детерминации. Таким образом мы выявили, что за последние годы на изменение структуры ВРП республики повлиял опережающий темп роста цен в производственных видах деятельности по сравнению с темпами роста цен в сфере услуг.

Также достаточно стабильна доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в структуре ВРП региона. На рис. 2 представлена их динамика

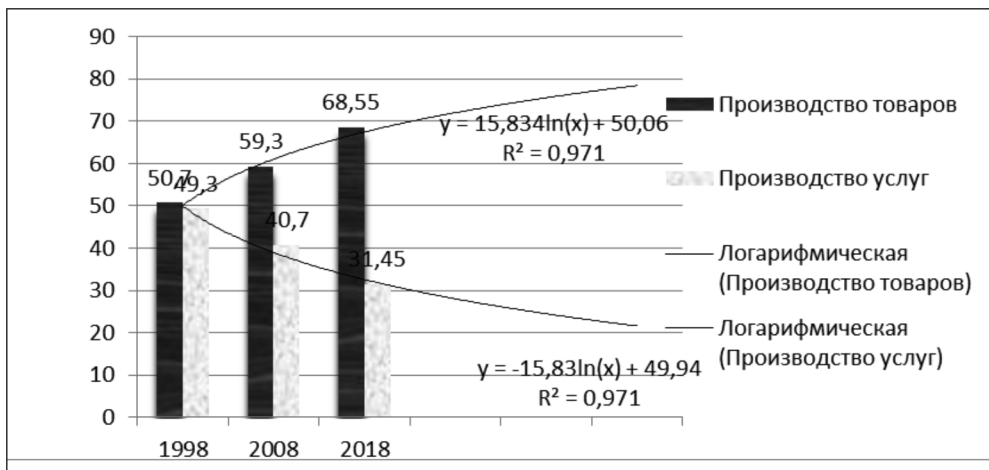

Рис. 1. Динамика изменения производства товаров и услуг в структуре ВРП Республики Саха (Якутия) с логарифмической линией тренда.

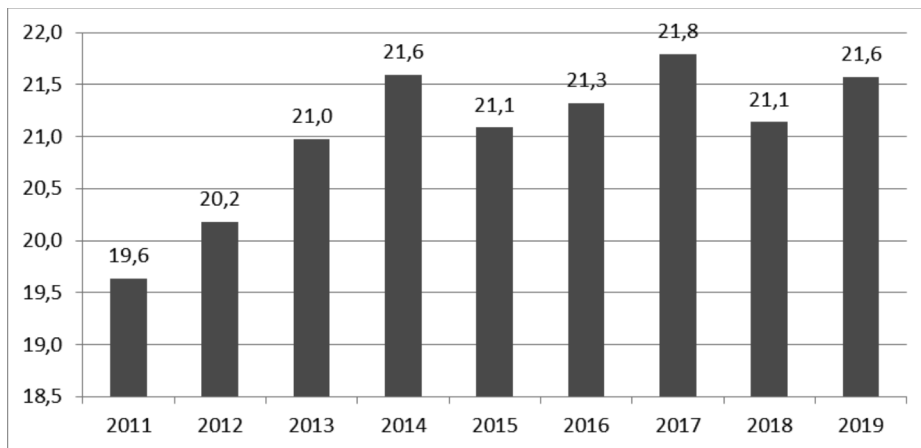

Рис. 2. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в экономике ВРП Республики Саха (Якутия).

в экономике ВРП Республики Саха. Средний уровень составляет 20–22 %. Критерием отнесения к указанным отраслям является высокий уровень технологического развития, определяемый по отношению затрат на НИОКР к валовой добавленной стоимости. Данный показатель в нашей республике связан с оценкой занятости в наукоемких отраслях и уровнем профильного образования.

Проанализируем основные социально-экономические показатели РС (Я) за период с 2000 по 2018 год (см. табл. 2). Итак, численность населения Якутии остается стабильной за счет естественного прироста. Увеличивается численность экономически активного населения в трудоспособном возрасте и снижается численность официально зарегистрированных безработных. При этом наблюдается устойчивость таких негативных тенденций, как разрыв в доходах и дифференциация населения по уровню жизни, формирующие определенный стратификационный порядок по ранговому принципу. К их факторам отнесем высокую безработицу в сельской местности Якутии, где уровень жизни ниже уровня жизни в муниципальных образованиях с промышленной специализацией; реальную латентную и формальную безработицу; невысокую

Таблица 2

Динамика изменения основных социально-экономических показателей Республики Саха (Якутия)

Основные показатели	2000	2010	2015	2018
Численность населения (на конец года), тыс. чел.	957,50	958,30	959,70	967,00
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	459,70	483,70	482,70	497,00
Численность безработных 15–72 лет, тыс. чел.	54,50	43,70	36,70	34,70
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), руб.	3968,00	23 088,00	37 013,00	42 669,00
ВРП, млн руб.	81 960,00	386 825,00	747 602,00	1 084 556,00
ВРП на душу населения, руб.	85 376,00	403 659,00	780 140,00	1 123 114,00

Источник: Основные социально-экономические показатели Республики Саха (Якутия). Официальный сайт Саха (Якутия) стат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/>. Дата обращения: 02.11.2020.

мобильность, неготовность людей уезжать из своих населенных пунктов в районы с высоким уровнем занятости. Также отметим рост количества лиц, которые хотели бы работать в качестве индивидуальных предпринимателей, но им не хватает актуальной информации об их потенциальных возможностях и перспективах. В результате региональный рынок труда не сбалансирован как по структуре занятости, так и по распределению доходов.

Важнейшим показателем уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации признается ВРП на душу населения. По данному показателю Республика Саха занимает одно из высоких мест при оценке благосостояния российских регионов. Так, в 1998–2018 гг. ВРП на душу населения в республике вырос в 13,15 раза, что в целом характерно для ресурсных северных территорий страны.

Несмотря на рост важного экономического показателя, определяющего уровень жизни в регионе, эксперты давно предупреждали о чрезвычайной неустойчивости сырьевой экономики, тотально зависимой от спроса глобального рынка на энергетические ресурсы. В целом ряде отечественных и зарубежных исследований подробно описаны процессы освоения полезных ископаемых в различных регионах мира, в т.ч. и в уязвимых северных, которые сопровождались не только позитивными, но и негативными последствиями². Регулярность последних, главным образом разрыв между богатейшими ресурсами, доходами промышленных компаний и бедностью местного населения, привела к появлению теорий о «проклятии ресурсов», которое делает добычу полезных ископаемых «неподдерживаемым» в общественном мнении регионов, находящихся в большой зависимости от минеральных ресурсов³. Исследователи Funk Ch., Trevico Len J., Oriaifo J.⁴ построили математическую модель «проклятия ресурсов» и нашли коэволюционные отношения между институтами развивающейся экономики и интернализацией компаний; между циклами подъема и спада структуры валового продукта и распределением инвестиционных потоков. Выделение этих зависимостей влияет на формирование стратегий развития стран и регионов. В данном аспекте это один из аргументов для нашей республики пересмотреть акценты в своей экономической политике и позиционировании.

Также отметим выводы исследования Bonet-Moryn J., Javier Pérez-Valbuena G., Marin-Llanes L. о наличии корреляционной зависимости в Латинских странах между динамикой цен на нефть, уровнем дохода населения в муниципальных образованиях, изменением объема государственных и частных инвестиций⁵. То есть прямая зависимость между колебанием цен на нефть и доходами населения стимулировала принятие решения о дивер-

² Tichotsky J. Russia's diamond colony. The Republic of Sakha. — Amsterdam, 2000. — 393 p.

³ Hausmann R., Rigobon R. An Alternative Interpretation of the «Resource Curse»: Theory and Policy Implications // National bureau of economic research, 2003. Working Paper 9424 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nber.org/papers/w9424>. Дата обращения: 02.11.2020.

⁴ Funk C., Trevico Len J., Oriaifo J. Resource curse impacts on the co-evolution of emerging economy institutions and firm internationalization // International Business Review. — 2020, October [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2020.101753>. Дата обращения 01.11.2020.

⁵ Bonet-Moryn J., Javier Pérez-Valbuena G., Marin-Llanes L., Oil shocks and subnational public investment: The role of institutions in regional resource curse // Energy Economics. — 2020, October [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.105002>. Дата обращения 30.11.2020.

сификации экономики и вложении в социальную сферу с тем, чтобы защититься от «проклятия ресурсов»

Гриценко Д., Ефимова Е. выявили, что «ресурсное проклятие» для экономики регионов Российской Арктики является четко определенным⁶. Наблюдаются экономическая уязвимость и негативные экономические тенденции, связанные с финансовым выравниванием, проблемами в поддержании человеческого капитала и состоянием национальной экономики. Для северных регионов существует разница между местным «ресурсным проклятием», неблагоприятными социально-экономическими последствиями несырьевой ренты, экономической специализацией и зависимостью от внешнего рынка и макроэкономических показателей.

Анализ итогов международных исследований позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в то время, когда богатые ресурсами арктические регионы извлекают выгоду из них, параллельно происходит ухудшение национальной экономики из-за чрезмерной ренты. В будущем это может сделать экономику арктических регионов России менее успешной, в т.ч. привести к потере доходов вследствие высокого уровня экономической зависимости от федерального центра. Во-вторых, нужно учитывать временной аспект ресурсно-ориентированного развития, сочетание спроса и предложения, макроэкономических и микроэкономических факторов. Безусловно, это покажет лишь время, тем не менее лица, определяющие вектор политики, а также местные органы власти уже на данном этапе должны быть готовы к потенциальным непредвиденным ситуациям в будущем, прежде всего, путем углубленного планирования устойчивого развития.

Выводы исследователей в рамках теории «проклятия ресурсов» могут быть имплицитированы и на экономическую устойчивость Республики Саха (Якутия). Региональная модель устойчивого развития должна базироваться на трех составляющих, содействующих преодолению последствий «проклятия ресурсов». Во-первых, это устойчивое общество, совокупность различных социальных групп с разнообразием ценностей и традиций, интересов и потребностей, истории и культуры, совместно проживающих в экстремальных природно-климатических условиях Севера. Во-вторых, устойчивая окружающая среда, как естественное природное пространство бесконфликтного неразрушительного сосуществования представителей живой и неживой природы в регионе. В-третьих, устойчивая северная экономика, как условие для развития человеческого капитала и потенциала; создания жизненного пространства человека — материально благополучного, удовлетворенного комфортом и качеством жизни на Севере.

В литературе по экономической теории XXI в. выделяют несколько ключевых экономических теорий, объясняющих тенденции социально-экономического развития отдельных территорий страны, когда основные факторы производства регионов дополняются интеллектуальной составляющей. Фактор «интеллект» связан с новыми идеями, инновациями в различных областях человеческой деятельности, а также с капитализацией и прибавочной стоимостью. Креативность становится экономическим ресурсом, а ин-

⁶ *Gritsenko D., Efimova E.* Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions // *Resources Policy*. — 2020. — Vol. 65 [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101547>. Дата обращения 02.11.2020.

теллект лежит в основе Smart-экономики. Действительно, с одной стороны, уникальность становится основой для принятия решений в ситуации неопределенности, с другой — технологическое развитие ускоряет внедрение цифровых технологий и переход к Smart-экономике.

С начала XXI века видна определенная преемственность в акцентах развития креативной экономики в Якутии, о чем свидетельствует разработка и принятие ряда государственных стратегических документов. В документе «Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 года» были определены приоритетные направления развития региона с акцентом на ускоренное развитие территории, структурных изменениях в базовых отраслях экономики путем привлечения инвестиций, развития транспортной и энергетической инфраструктуры⁷. Далее была принята «Программа социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2025 года и основные направления до 2030 года», расставившая приоритеты в социальной сфере⁸. На основе подведенных итогов реализации региональной программы Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я) был принят республиканский закон «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года»⁹, предусматривающий приоритетное развитие энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры региона.

С начала 2000 годов в целях перехода от сырьевой зависимости Республика Саха (Якутии) стала менять вектор и курс, они стали больше связаны с человеческим капиталом и цифровыми технологиями. Отправной точкой в развитии креативной экономики в северном регионе стал 2018 год, когда началось активное обсуждение ее концепции, завершившееся четкими формулировками миссии и содержания — это, прежде всего, сохранение традиций, экологии и создание элементов Smart-экономики. В 2019 г. Правительством РС (Я) была принята «Концепция развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года»¹⁰. Таким образом, республика сделала ставку на создание благоприятной среды для творчества и реализации креативного потенциала человека/на человеческий капитал.

Анализ указанных стратегических документов показывает, что за последние 20 лет в РС (Я) внимательно изучают различные экономические модели развития региона. Более подробно с ними можно ознакомиться

⁷ *Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г.* Утверждена постановлением Правительства РС (Я) от 06.09.2006 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/shema-kompleksnogo-gazvitiya-do-2020>. Дата обращения: 15.10.2020.

⁸ *Программа социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2025 года и основные направления до 2030 года.* Одобрена постановлением Правительства РС (Я) от 05.06.2001 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://base.garant.ru/26740877/#block_1000. Дата 15.10.2020.

⁹ *Закон РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года».* Принят Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я) 19.12.2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/550299670>. Дата 15.10.2020.

¹⁰ *Концепция развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года.* Утверждена распоряжением Правительства РС (Я) от 27.12.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561716583>. Дата 15.10.2020.

в работе Ю.А. Гаджиева¹¹. В доминирующих зарубежных теориях экономического роста и развития есть черты теории «полюса роста» Ф. Перру, теории «устойчивого развития» Д. Медоуза и «модели потенциала рынка» Дж. Харриса. В этих моделях акцент делается на определение и поддержку драйверов роста в экономике в сочетании с социальным развитием и упором на человеческий капитал. То есть основой развития становятся знания, интеллект, инновации и цифровые технологии; все эти тенденции влияют на формирование в креативной экономике определенных страт.

По мнению ряда исследователей — Д.А. Прокофьевой, Н.В. Шамардиной¹², Е.Б. Мостовой, Ю.А. Афанасьевой, С.И. Шумиловой¹³ и др., в настоящее время мир вступил в новую экономическую эру креативной экономики, экономики знаний, эпоху результатов интеллектуального труда. В креативной экономике/экономике креативного человека важным становится человеческий ресурс, производящий интеллектуальную собственность. В этой связи возникли понятие «сферы креативного труда» (творческая составляющая труда) и страта креативного класса с признаком креативно-интеллектуальной составляющей. При этом рост данного социального класса возможен при сочетании инноваций, инвестиций, наличия внутреннего и внешнего спроса.

Применительно к Республике Саха можно утверждать, что в течение довольно длительного периода наблюдается положительная динамика индекса развития человеческого капитала (см. рис. 3). Более того, показатель данного индекса относится к очень высокому уровню, в основном за счет индекса образования и индекса доходов; индекс долголетия только с 2012 г. начал показывать положительную динамику роста. Таким образом, присутствует несбалансированность развития отдельных составных частей человеческого потенциала.

Человеческий потенциал — основа креативной экономики; креативный потенциал определяет капитализацию и стоимость активов. Сегодня обсуждаются методики оценки креативного капитала и результатов труда в таких условиях. Креативный труд становится одним из определяющих факторов социально-экономического развития, триггером интенсификации общественного производства. Ведущая консалтинговая фирма PWH предложила методику оценки индекса креативного капитала, опираясь на оценку таланта, технологий и толератности. На наш взгляд, этот индекс требует соответствующей доработки с учетом особенностей нашего северного региона. Мы предлагаем выделить такие блоки, как «Люди» — занятость в креативных индустриях, доля творческого труда в традиционных секторах; «Бизнес» — показатели деловой активности, инновационная и инвестиционная инфраструктура; «Власть» — оценка регуляторов на уровне органов МСУ и регионального

¹¹ Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. — 2009. — № 2. — С. 45–62.

¹² Прокофьева Д.А., Шамардина Н.В. Влияние креативной экономики на современный менеджмент креативных индустрий // Вестник Государственного университета управления. — 2020. — № 7 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kreativnoy-ekonomiki-na-sovremennyy-menedzhment-kreativnyh-industriy>. Дата обращения: 25.10.2020.

¹³ Мостовая Е.Б., Афанасьева Ю.А., Шумилова С.И. Модернизация экономики и креативный класс // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2017. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ekonomiki-i-kreativnyy-klass>. Дата обращения: 29.10.2020.

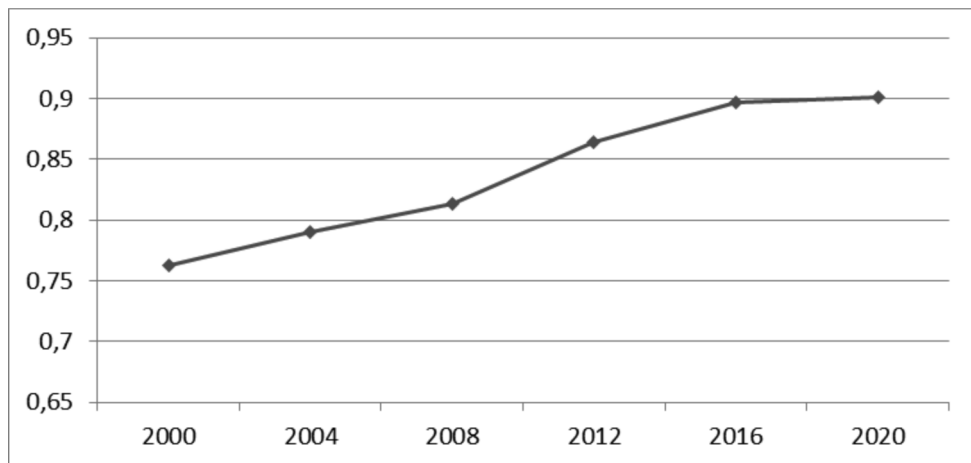

Рис. 3. Динамика индекса развития человеческого капитала в Республике Саха (Якутия) в 2000–2020 гг.

управления; «Бренды» — восприятие потребителями товара, услуг; «Регион, город» — институциональные условия для развития креативной сферы.

Фундаментальную основу креативной экономики РС (Я) составляет парадигма сочетания традиционных и инновационных сегментов региональной экономики. Акцент сделан на трех составляющих: повышение добавленной стоимости за счет внедрения инноваций; формирование экономики знаний; коммерциализация продукции креативных индустрий. Согласно «Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года» рост доходов от креативных индустрий должен составить до 2 % в структуре ВРП, соответственно, доход от ИТ-компаний — до 5 %.

Для достижения указанных показателей необходима инфраструктура. В настоящее время список креативных индустрий в республике достаточно широк. Их можно объединить в единую сферу по следующим признакам: наличие творческого начала в создании и в производстве; коммуникация символов с определенными значениями и продукт, результат интеллектуального труда, направленный на создание добавочной стоимости. Например, искусство и культура, дизайн, цифровые технологии и продукты. В результате мы видим зарождение конечных товаров/услуг, которые пользуются спросом на рынке, также виден эффект их монетизации и коммерциализации.

Сегодня очевидны достижения якутского кинематографа¹⁴ (Государственная национальная кинокомпания «Сахафильм», кинокомпания «ART Doudu» и др.), ИТ-компаний Якутии (международный сервис «InDriver»; «MyTona»), успехи брендов «Ысыах Туймаады»¹⁵, Всероссийского фестиваля

¹⁴ *Пассионарный взрыв якутского кино: самосознание народа, зрительский интерес и смелые шаги.* ИА YakutiaMedia о феномене якутского кино [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutiamedia.ru/news/542249/>. Дата обращения: 02.11.2020.

¹⁵ *Якутский «Ысыах Туймаады» назван лучшим национальным праздником России.* Церемония награждения Всероссийской национальной премией «Грани Театра масс» пройдет в Москве. 23.03.2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://primamedia.ru/news/150127/>. Дата обращения: 02.11.2020.

«Зима начинается с Якутии»¹⁶, продукций «Сделано в Якутии». Сегодня наибольшую известность получила ООО «MyTona», основанная в 2012 г., разработчик и издатель мобильных free-to-play игр, одна из крупнейших IT-компаний в России и СНГ. Офисы компании расположены в Якутске, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Иваново, Сингапуре, Новой Зеландии. Количество сотрудников насчитывает 1000+ профессионалов. Вместе с тем компания не привязана к локациям, здесь работает распределенная команда сотрудников из Бразилии, Казахстана, Москвы, Челябинска и других точек мира, которых объединяет любовь к созданию качественных и атмосферных игр¹⁷. Все эти результаты повышают бренд и ценность Республики Саха (Якутия) и, следовательно, становятся не только привлекательной визитной карточкой региона для туристов, но также и рабочими местами для занятых в основной и обслуживающей сферах.

В данном контексте мы согласны с мнением американского социолога Р. Флорида о том, что постиндустриальная экономика является основой креативного класса¹⁸. В своих исследованиях он показал, что креативность становится важнейшей составляющей и конкурентным преимуществом развития городов и территорий. Креативная экономика формирует новый креативный класс, когда большую значимость получают такие понятия, как занятость в креативных индустриях, проявление креативности в профессиях и должностях традиционной занятости, доля креативной интенсивности (творческого труда) в общей доле занятости.

На базе АО «Корпорация развития Республики Саха (Якутия)»¹⁹ функционирует лаборатория «Креативная Якутия» (ранее известна как «Сделано в Якутии — лучшее в мире + предпринимательство») — одна из семи стратегических лабораторий по ключевым направлениям развития Якутии, созданных в 2019 г. С целью оценки рынка предпринимателей в регионе данной лабораторией было проведено мониторинговое исследование за период с 2010 по 2019 год. Согласно его итогам в республике отмечается высокая предпринимательская активность (см. рис. 4), но при этом предприниматели заняты в отраслях с невысокой добавленной стоимостью в основном в розничной и оптовой торговле.

С 2014 г. в Республике Саха (Якутия) отмечается ежегодное увеличение показателя инвестиций в основной капитал малого бизнеса. Так, в 2018 г. по отношению к 2009 г., рост составил 3,81 пункта; за этот же период оборот предприятий малого бизнеса вырос в 2,07 раза. Таким образом обнаруживается прямая корреляционная зависимость между инвестициями в основной капитал и ростом оборота предприятий малого бизнеса. Это доказывает

¹⁶ *Всероссийский праздник «Зима начинается с Якутии»* — один из ключевых мероприятий событийного туризма в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakhatimes.ru/projects/catalog/tourism/winteryakutia/>. Дата обращения: 02.11.2020.

¹⁷ *Официальный сайт «MyTona»* [Электронный ресурс]. — URL: <https://hh.ru/employer/1996117>. Дата обращения: 02.11.2020.

¹⁸ *Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее.* — Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 384 с.

¹⁹ АО «Корпорация развития Республики Саха (Якутия)» является одним из основных институтов развития РС (Я), призвана содействовать формированию эффективной системы привлечения инвестиций формирования будущего экономического развития региона, обеспечивая лидерство республики по темпам развития и качеству жизни ее населения.

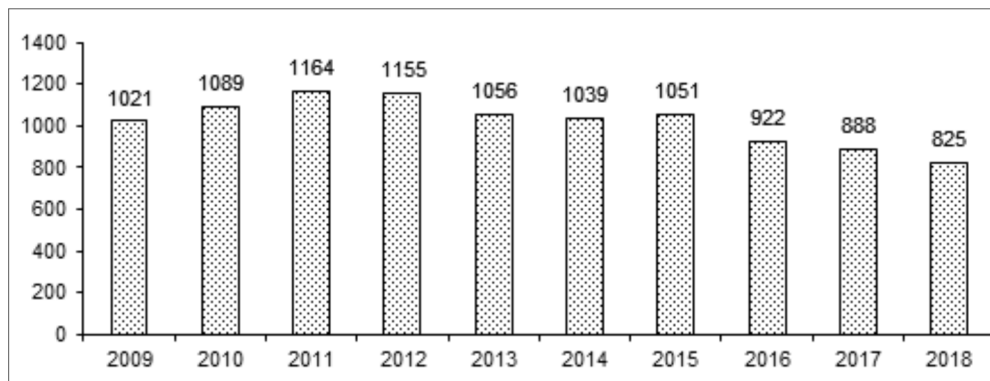

Рис. 4. Динамика численности предприятий малого бизнеса в РС (Я).

основной принцип креативной экономики: инвестиции в инновации, внешний и внутренний спрос стимулируют рынок и субъектов рыночных отношений, а также непосредственно влияют на темп формирования креативного класса. При этом надо признать, что местные предприниматели практически не ориентированы на экспорт своей продукции и услуг, а преимущественно сосредоточены только на удержание собственной ниши и доли на региональном рынке.

Наконец, с 2018 г. интенсивно растет количество предпринимателей в креативных индустриях, что свидетельствует об укреплении онлайн-сегмента, онлайн продвижения и развития в регионе. Таким образом, креативный класс в Якутии находится в стадии зарождения, появляются основы креатосферы. Надо отметить, что новый креатокласс в республике обладает креативным мышлением, профессиональными компетенциями, творческой самомотивацией и социальной инициативностью. Кроме того, креатосфера в Якутии представляет собой сочетание креативности и предпринимательской способности в креативных кластерах и в этой парадигме субъект-объектных отношений происходит их взаимное развитие. Знания становятся фундаментом зарождения новых знаний, потому что в креатосфере знания неотделимы от носителя. При этом важным элементом креатосферы являются креативные ресурсы и креативное пространство.

Итоги российских исследований свидетельствуют о том, что данным процессом надо эффективно управлять. Так, по мнению А.Р. Алимгуловой²⁰, О.Ю. Ангеловой, Т.О. Подольской, О.Р. Чепьюк²¹, А.А. Алимова²² и др., сегодня Российская Федерация обладает ресурсами, духовной основой и эко-

²⁰ Алимгулова А.Р. Творческие индустрии как основа креативной экономики // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2016. — № 11–2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskie-industrii-kak-osnova-kreativnoy-ekonomiki>. Дата обращения: 20.10.2020.

²¹ Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Чепьюк О.Р. Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике «эмоций» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2019. — № 2 (54) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kreativnaya-industriya-na-puti-k-ekonomike-emotsiy>. Дата обращения: 18.10.2020.

²² Алимов А.А. Как хобби становится в креативной экономике работой // Экономическая социология. — 2018. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-hobbi-stanovitsya-v-kreativnoy-ekonomike-rabotou>. Дата обращения: 28.10.2020.

номическими предпосылками для развития креативных, цифровых индустрий, что позволит ей преодолеть сырьевую зависимость (последствия «проклятия ресурсов») и стать одной из лидирующих креативных экономик мира.

Соглашаясь с выводом отечественных исследователей, еще раз подчеркнем, что в настоящее время в Республике Саха (Якутия) формируются новая сфера в экономической и социальной сфере и новый класс — креатосфера, в которой на первый план выходят открытия, патенты и изобретения как необходимое условие и, одновременно, как реакция, для ее успешного функционирования в условиях резких изменений конъюнктуры рынков. На наш взгляд, необходимо отслеживать изменение уровня креатосферы посредством мониторинга динамики показателей социально-экономического развития и потенциала человеческих ресурсов.

Рассмотрим более детально данную комбинацию сочетаний в креативной экономике: информационная экономика; знания — новации — инновации; междисциплинарные связи и взаимодействия; элементы индекса человеческого потенциала. Результатом креативной экономики является конечный продукт, созданный путем интеллектуального напряжения и усилий. Отличительной особенностью креативных продуктов является высокая добавленная стоимость, которая однократно превышает себестоимость.

Для развития креатосферы важно объективно оценивать человеческий потенциал, регулировать вопросы инвестиций, управлять творческой деятельностью. Проанализируем проявление элементов креативной экономики и креатосферы в нашей республике. Во-первых, здесь основой развития креатосферы является региональная система образования, ориентированная на требования креативной экономики. Отметим, что в каждом высшем и среднем профессиональном учебном заведении РС (Я) разработаны и реализуются свои программы развития, исходящие из собственных ключевых цели, задач и показателей. Например, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова одержал победу в конкурсном отборе Министерства образования и науки РФ в рамках проекта «ВУЗы как центры пространства создания инноваций»²³. В федеральном университете создается комплексный центр инновационного, технологического и социального развития, вносящий значительный вклад в глобальную конкурентоспособность России в арктическом регионе мира. Приоритетными направлениями развития в «Программе развития СВФУ на 2010–2020 годы»²⁴ определены такие важные сферы, как разработка и внедрение медицинских технологий для повышения качества жизни населения на Северо-Востоке России.

Приведем еще один иллюстрирующий пример, это — создание креативного кластера на базе высшего учебного заведения РС (Я). Арктический государственный институт культуры и искусств (АГИКИ) взял курс на креативную трансформацию, сочетание традиций и редизайн образовательных программ, проведение культурных мероприятий в различных форматах. На

²³ СВФУ подтвердил статус драйвера экономики на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. — URL: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?SECTION_ID=18&ELEMENT_ID=87467. Дата обращения: 02.11.2020.

²⁴ Программа развития Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова на 2010–2020 годы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/rukovodstvo-i-struktura/strukturnye-podrazdeleniya/DSR/Strategy/>. Дата обращения: 02.11.2020.

базе АГИКИ создано креативное агентство «KUUN Art Creative Agency» с целью подготовки кадров для креативных индустрий республики, а также выполнения функции по повышению креативной интенсивности региональной экономики.

Указанные и другие учебные заведения РС (Я) всех уровней и направлений подготовки реализуют различные практико-ориентированные образовательные программы для укрепления креативной экономики. В рамках этих программ формируются условия для самореализации творческого потенциала студентов, создаются креативные проекты и продукты.

Во-вторых, другой отличительной чертой новой (креативной) экономики являются творческие проекты. В Республике Саха функционируют много творческих союзов, объединений и коллективов. Например, в г. Якутске появился Квартал Труда²⁵. Это — многофункциональное творческое пространство на базе крупного производственного комплекса, где будут сконцентрированы представители начинающих и опытных креативных индустрий Якутии, в т.ч. из сферы производства цифрового контента, анимации, мультимедиа, брэндинга, дизайна, архитектуры и других направлений деятельности творческих сообществ. Главной задачей Квартала Труда является привлечение талантливых людей для формирования среды и условий для коммерциализации креативных проектов и идей. На территории будут построены коворкинговые зоны, площадки для повышения деловой активности, генерации новых идей и проектов.

Другой пример, творческий проект «Образование + Культура», направленный на этнокультурное возрождение посредством роста интереса молодежи к образовательным программам АГИКИ, Арктического государственного аграрного университета и Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта. Понимая всю важность выбора профессии молодыми людьми — как для управления собственной судьбой, так и для созидательного развития сельских населенных пунктов, три вуза объединились и составили специальную программу встреч с сельскими жителями в улусах (районах) Якутии, совместных акций и фестивалей, флэшмобов с сельской молодежью. В этом социально-образовательном проекте также реализован креативный подход к решению конкретных, прагматических задач региональных вузов, прежде всего, роста контингента абитуриентов и, соответственно, обучающихся.

В-третьих, особенностью креативной индустрии региона является развитие ее отдельных отраслей посредством институтов развития и их институциональной поддержки. Здесь созданы и успешно функционируют Технопарк «Якутия», ИТ-парк и креативный кластер «Компас» в г. Якутске. Виды деятельности Технопарка и ИТ-парка включают и сферу креативной экономики, в частности, информационные технологии. В настоящее время в топ-5 самых перспективных креативных сфер республики входят туризм, кинематограф, популяризация спорта, ИТ и фэшн-индустрия. Кроме того, в креативной индустрии быстрыми темпами развивается сфера информационных технологий, SMM, маркетинг и издательское (полиграфическое) дело.

²⁵ *Квартал Труда* — первый большой шаг к созданию в Якутии экосистемы креативной экономики. Корпорация развития РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <http://krfsy.ru/portfolio-item/kreativnyy-klaster/>. Дата обращения: 02.11.2020.

Одной из институциональных моделей в креативной экономике является сотрудничество корпораций/бизнеса — научно-исследовательских институтов — системы образования, одной из форм деятельности — государственно-частное партнерство. Важной задачей таких партнерств является привлечение инфраструктурных и частных инвестиций. В этой связи укажем, что в 2018 г. вышел Указ Главы РС (Я) «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Саха (Якутия)», в котором установлена конкретная цель — обеспечить лидерство Республики Саха среди регионов Российской Федерации по экономическому развитию и конкурентоспособности человеческого капитала к 2032 году, а также интеграцию в глобальную экономическую систему в долгосрочной перспективе²⁶. Для ее достижения поставлены приоритетные задачи, в т.ч. обеспечить темпы роста несырьевого экспортно-ориентированного сектора экономики республики более чем на 10 % ежегодно с 2019 года.

В-четвертых, формирование на территории Якутии креативных кластеров. В определении понятия «кластер» мы придерживаемся методологического подхода, согласно которому кластер является интеграцией экономических субъектов на основе объединения (коллораации) производственных, научно-исследовательских, инжиниринговых, образовательных и прочих агентов²⁷. Оценки современного состояния креативных индустрий и перспективы их развития в регионе представлены в работе Е.Е. Васильевой и Г.С. Поповой²⁸. В 2018 г. с целью выявления условий роста креативных индустрий был проведен социологический опрос среди населения муниципальных районов, а также индивидуальных предпринимателей и руководителей организаций. Результаты опроса показывают, что креативные индустрии ассоциируются главным образом с уникальной и самобытной продукцией народных мастеров (ювелирные украшения, якутские ножи, продукция АРТ-искусства). Было установлено, что в общественном мнении креативные пространства представлены в формате этнокультурных кластеров, креативных кластеров и технопарков; однако респонденты четко не видят путей их развития в РС (Я). Кроме того, с помощью технологии картирования были выявлены центры уникальных локальных традиций народного творчества, где могут функционировать этнокультурные креативные кластеры²⁹. Подытоживая итоги указанного исследования, согласимся с тем, что для развития креативных индустрий и формирования креато-

²⁶ Указ Главы РС (Я) «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Саха (Якутия)» от 27.10.2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front-view/id/2956141>. Дата обращения: 02.11.2020.

²⁷ Бабкин А.В., Байков Е.А. Коллораация промышленных и творческих кластеров в экономике: сущность, формы, особенности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2018. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolloratsiya-promyshlennyh-i-tvorcheskih-klasterov-v-ekonomike-suschnost-formy-osobennosti>. Дата обращения 01.11.2020.

²⁸ Васильева Е.Е., Попова Г.С. Социокультурный анализ креативных индустрий Республики Саха (Якутия) // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2019. — № 1. — С. 40–45.

²⁹ Васильева Е.Е. Креативные индустрии Республики Саха (Якутия): проблемы развития и управления: магистерская диссертация. — Якутск, 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://opac.s-vfu.ru/wlib/wlib/data/1560739839.pdf>. Дата обращения 30.10.2020.

сферы нужно разработать механизмы управления этим новым для республики процессом, для чего необходимо продолжить сбор и анализ мнений, оценок и предложений самого населения РС (Я).

Приведем примеры креативного пространства, в которых формируются отдельные слои креатосферы. Например, Ресурсно-проектный центр, работающий при Министерстве культуры и духовного развития РС (Я), является заказчиком и координатором проекта «Дома ремесел». В начале 2019 г. такие дома функционировали в с. Чурапча (Чурапчинский улус) и в с. Борогон (Усть-Алданский) с филиалами в сс. Сырдах и Бярийэ. В 2018–2019 гг. создано 108 рабочих мест по производству изделий народных художественных промыслов в рамках развития местного производства товаров и услуг РС (Я)³⁰. Креативный кластер проекта «Дома ремесел» также курирует Национальный центр народного прикладного искусства и художественных промыслов «Симэх»³¹, где работает постоянная экспозиция Фонда эталонных образцов народных художественных промыслов. Эти креативные пространства решают вопросы развития территории за счет интеграционных связей матричного типа; это — создание продукта, продвижение бренда и развитие территории.

Другим примером креативного пространства является создание этнокультурного кластера. Например, это основанный на мифологии народа саха «Этнокультурный комплекс «Улуу Тогой»», открывшийся в 2019 г. Символичен выбор локации этого этнокультурного кластера: согласно легендарной истории на этом месте встретились Омогой и Эллэй, два прародителя народа саха³². Здесь строятся музей древней письменности, музей мифологии якутского народа, музей страхов и времени. На территории кластера открывается образовательный центр по подготовке экскурсоводов для региона. Ключевая идея туристско-рекреационного кластера «Северная мозаика» заключается в развитии внутреннего и въездного туризма на основе природно-климатических и этнокультурных особенностей циркумполярных цивилизаций народов Севера и Арктики³³.

Еще одним примером креативного пространства в регионе является технопарк «Якутия», функционирующий с 2012 г. Его миссия может быть сформулирована так: «Создать условия через интеллектуальную, финансовую и организационную поддержку талантливых новаторов в Smart-экономике»³⁴. В технопарке создана полноценная инфраструктура, способ-

³⁰ Указ Главы РС (Я) «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие культуры в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы и на плановый период до 2026 года» (с изменениями на 28 сентября 2020 г.) от 13.12.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561697698>. Дата обращения: 02.11.2020.

³¹ Районы Якутии готовятся к открытию Домов ремесел [Электронный ресурс]. — URL: <https://minkult.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2775487>. Дата обращения: 02.11.2020.

³² Этнокультурный комплекс, основанный на мифологии народа саха [Электронный ресурс]. — URL: <https://futuraussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/etnokulturnyj-kompleks-osnovannyy-na-mifologii-naroda-saha-otkrylsa-v-akutii>. Дата обращения: 02.11.2020.

³³ Характеристика туристско-рекреационного кластера «Северная мозаика» [Электронный ресурс]. — URL: <https://minpred.sakha.gov.ru/dejatelnost/turizm/turistsko-rekreatsionnyj-klaster-severnaja-mozaika>. Дата обращения: 02.11.2020.

³⁴ Информационный портал технопарк «Якутия» [Электронный ресурс]. — URL: <https://tpykt.ru/about/>. Дата обращения: 01.11.2020.

ствующая развитию инновационного предпринимательства — от идеи до коммерческого результата. В распоряжение резидентов предоставляются производственные, офисные и складские здания, помещения общего пользования и места отдыха общей площадью 20 800 м² в г. Якутске и г. Нерюнгри. Креативные проекты резидентов технопарка были представлены в октябре 2020 г. на расширенном заседании Совета по развитию социальных инноваций субъектов России при Совете Федерации³⁵, что является свидетельством признания его вклада в формирование креатосферы не только в Якутии, но и в стране в целом.

Якутия является первым субъектом Федерации, где на региональном уровне принят стратегический документ по развитию креативной экономики. Среди успешных проектов — флагманские компании InDriver и MyTona, в креативном технопарке и ИТ-парке более 100 резидентов, более 50-ти ИТ-школ, реализуются акселерационные программы для стартапов. Республика Саха на 1 октября 2020 г. обеспечивает до 85 % всего экспорта ИТ-услуг на Дальнем Востоке. То есть создающиеся разнообразные креативные пространства становятся фактором формирования успешной территории. В результате мы видим синергетический эффект пространства, креативных проектов и социальных взаимосвязей. Деловая активность на таком креативном пространстве направлена на повышение качества жизни, решения вопросов занятости и развития бренда территории.

В-пятых, учитывая географический размах территории РС (Я), креатосфера может формироваться по модели креативного кластера, собранного по сетевому принципу. При этом распределенная модель креативного кластера — это выстраивание маршрутов взаимодействия резидентов, выстраивание эффективной коммуникации по отраслевой, продуктовой линейке, информационная поддержка в продвижении товаров и услуг. Такая модель креативного кластера позволяет задействовать инфраструктуру различных площадок в муниципальных районах Якутии и учитывает существующие и/или потенциальные социальные интеграционные связи.

Распределенная модель креативного кластера представляет собой процесс создания креативного продукта. На первом этапе возникает идея, которая обрабатывается и дорабатывается дизайнерами и технологами, подбираются необходимые материалы и сырье. После начинается процесс создания креативного продукта, в котором участвуют мастера, проживающие в разных населенных пунктах. Они производят определенную часть работы, т.е. отдельные части продукции. Работать над частями креативного продукта мастера могут в своих мастерских, бизнес-инкубаторах, центрах коллективного пользования и других общественных пространствах. На выходе из отдельных частей, созданных мастерами, получается готовый продукт, который собирают и продвигают на рынке. В настоящее время обсуждается идея внедрения понятия креативный брокер, в частности, его роли и функций как посредника креативной продукции между субъектами инфраструктуры в креативном пространстве региона.

³⁵ *Материалы* с заседания Совета Федерации «Креативные индустрии. Современные тренды развития регионов» (октябрь, 2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://kulturomania.ru/news/item/v-sovfede-proshlo-zasedanie-kreativnye-industrii-sovremennye-trendy-razvitiya-regionov/>. Дата обращения: 02.11.2020.

В-шестых, основным ресурсом развития креативной экономики и формирования креатосферы в РС (Я) является инициативная творческая деятельность человека. Например, можно привести такой пример — инициатива молодого программиста А. Иванова, научного сотрудника Национальной библиотеки РС (Я), разработавшего якутский машинный переводчик на сервисе Яндекс³⁶. Все желающие могут переводить слова и фразы с якутского языка на 98 языков мира и обратно. Есть и другие инициативы, в частности, проект СВФУ, направленный на сохранение в цифровом формате культурного наследия коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока³⁷; проект включен в мероприятия Арктического Совета.

Важной стороной подобных инициативных творческих проектов является аргумент: «творчество компенсирует недостаток средств — творческая работа оказывает на человека столь же благотворное влияние, как и повышение уровня его семейного дохода в 15 раз»³⁸.

В настоящее время в РС (Я) выделены ТОП-6 приоритетных сегментов, ориентированные на рост добавленной стоимости в экономической цепочке создания продукта. Это — информационные технологии, медицина, образование, связь, научно-инновационная деятельность и инновационный бизнес. В условиях креативной экономики в обмене экономической цепочки идет обмен энергией, направленный на достижение конечного результата.

В-седьмых, обсуждение актуальных вопросов формирования креатосферы на различных дискуссионных площадках является информационным поводом, влияющим на рейтинг и бренд Якутии. Так, 13 августа 2018 г. на площадке «Новая экономика» рассматривались и анализировались вопросы развития современной экономики Республики Саха, в частности, новый курс к креативной экономике и инновационному производству, цифровизация сфер деятельности местной индустрии и др.³⁹ Точками роста креативной экономики в республике были признаны туризм, кино- и IT-индустрии, которые вносят существенный вклад в региональный валовой продукт. В рамках Форума предпринимателей Якутии, проходившего с 18 по 20 сентября 2019 г., Корпорация развития РС (Я) при поддержке Министерства предпринимательства, торговли и туризма РС (Я) организовала панельную сессию «Креативная экономика — новый вектор развития бизнеса», где обсуждали способы увеличения доходов малого и среднего бизнеса⁴⁰. На Дальневосточном форуме «Умный город — комфортная среда для

³⁶ *Яндекс* переводчик стал распознавать якутский язык [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2020/04/27/reg-dfo/iandeksperevodchik-stal-raspoznavat-iakutskij-iazuk.htm>. Дата обращения: 30.10.2020.

³⁷ *Проект СВФУ по цифровизации культуры и языков северных народов* [Электронный ресурс]. — URL: https://s-vfu.ru/news_ID144619. Дата обращения 30.10.2020.

³⁸ *Леонидова Г.В., Попов А.В.* Социальный портрет творческих людей // Проблемы развития территории. — 2012. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-portret-tvorcheskih-lyudey>. Дата обращения: 30.11.2020.

³⁹ *Якутия* нацелилась на развитие креативной экономики. Восток Медиа [Электронный ресурс]. — URL: <https://vostokmedia.com/news/economy/14-08-2018/yakutiya-natselilas-na-razvitiye-kreativnoy-ekonomiki>. Дата обращения: 02.11.2020.

⁴⁰ *В Якутске* прошла панельная сессия «Креативная экономика — новый вектор развития бизнеса». Портал малого и среднего предпринимательства РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <http://portal.b14.ru/news/v-yakutske-proshla-panelnaya-sessiya-kreativnaya-ekonomika-novyy-vektor-razvitiya-biznesa/>. Дата обращения: 02.11.2020.

жизни», состоявшемся 27–28 ноября 2019 г. в г. Якутске, на сессии «Креативные индустрии. Город как пространство культуры» эксперты отметили необходимость развития креативного класса⁴¹.

Креативная экономика и креативные технологии создают цепочку добавленной стоимости, что повышает капитализацию стоимости и рост валового внутреннего продукта. Формируется креатосфера с безграничными перспективами, которые дают возможность не только развиваться самим, но и развивать, двигать вперед экономику региона. Например, администрация Мегино-Кангаласского улуса выделила земельный участок общей площадью 24 га для реализации проекта по обеспечению продовольственной безопасности РС (Я)⁴². Оптово-распределительный центр (ОРЦ) создается в п. Нижний Бестях с применением преференциального режима территории опережающего развития. Логистика ОРЦ определяется тем, что здесь находится конечная станция Амуро-Якутской железнодорожной магистрали, сходятся федеральные автотрассы «Лена», «Колыма» и автодорога республиканского значения «Амга»; зимой действует ледовая переправа, в остальные сезоны года — речной транспорт.

Основная идея проекта — создание многофункциональной организации для приема, перераспределения и реализации местной сельскохозяйственной продукции и ввозимых продовольственных товаров за счет организации процессов ее первичной переработки, упаковки, надлежащего хранения, ветеринарного и фитосанитарного контроля качества, крупной и средней оптовой торговли. Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что проект одновременно направлен на снижение высоких издержек и потерь при транспортировке и хранении, а также расходов на организацию самостоятельного сбыта скоропортящейся продукции участниками рынка; установление горизонтальных связей между крупными ритейлерами и сельскохозяйственными предприятиями Якутии с целью преодоления имеющегося разрыва хозяйственных связей между производителями, переработчиками и потребителями.

В креативной и цифровой экономике Республики Саха появляется такое понятие, как виртуальные культурные ивенты в сельской местности региона. Эффект достигается за счет сочетания инструментов SMM. Инструменты диджитализации позволяют не только необычно подойти к организации событий, фестивалей, мероприятий, но и одновременно охватить большое количество участников, что важно для бюджета их организаторов. Цифровизация позволяет аккумулировать на одной площадке ресурсы и сделать акцент на каналах и формах передачи объектов материальной и нематериальной культуры коренных народов Якутии. Инструменты цифровизации ускоряют развитие передачи, а также восприятие культурного наследия. В свою очередь, это закладывает основы проявления креатосферы в северном регионе.

⁴¹ В Якутске ищут лучшие решения для реализации проекта «Умный город». Якутия. Инфо [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/192492>. Дата обращения: 02.11.2020.

⁴² В Якутске обсудили создание оптово-распределительного центра в Нижнем Бестяхе. Портал малого и среднего предпринимательства РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <http://portal.b14.ru/news/v-yakutske-obsudili-sozdanie-optovo-raspre-delitel'nogo-tsentra-v-nizhnem-bestyahe/>. Дата обращения: 02.11.2020.

В целом можно констатировать, что в настоящее время Республика Саха (Якутия) имеет большой ресурсный потенциал для развития социально-экономических показателей и высокий валовой региональный продукт на душу населения. Для сохранения конкурентоспособности в быстро меняющихся современных условиях и для развития человеческого потенциала, преодоления последствий «проклятия ресурсов», снижения существующих и потенциальных экономических и социальных рисков необходимо обратить пристальное внимание на направления креативной экономики в региональном развитии.

Основой развития креативной экономики и развития креатосферы в Республике Саха (Якутия) должны стать креативные индустрии и поддержка инициатив творческих и нестандартно мыслящих людей, которым необходимо дать возможность для самореализации. Креативные индустрии развиваются на стыке традиций, искусства, культуры, бизнеса, ИТ-технологий, киноиндустрии, импульсом которой является креатив человека. Креатосфера определяется творческими объединениями, которые создают продукты и услуги с высокой добавленной стоимостью. Принципы: творческий труд, предпринимательская активность, создание добавочной стоимости, монетизация.

Республика Саха (Якутия) — уникальный регион по богатству и разнообразию природных ресурсов, определяющих вектор позиционирования и конкурентных преимуществ. В этом пространстве акцент на акселераторы креативной экономики в сочетании с региональными экономическими основами и богатым культурным и творческим потенциалом позволяют создать креативные слои креатосферы. В модели креативной экономики креатосфера является средой формирования и реализации потенциала человека.

ГЛАВА 1.3

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ ЯКУТИИ

Вопросы сохранения и развития традиционных занятий коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в условиях индустриальной модернизации арктических и северных территорий страны являются одними из интенсивно изучаемых в отечественном научном сообществе¹. Их проекция на современную этносоциологическую реальность Республики Саха высвечивает несколько иной аспект указанной темы, поскольку речь идет о сохранении северного комплексного хозяйства в целом, который включает в себя не только исконные формы хозяйства коренных малочисленных народов Севера — эвенков, эвенов, юкагиров и долган, но также и северных якутов (саха). Здесь представлены такие северные отрасли животноводства и промыслов, как домашнее оленеводство, табунное коневодство, разведение крупного рогатого скота, охота, рыболовный и пушной промыслы.

В настоящее время адаптация традиционного хозяйства Севера Якутии не имеет определенного заданного сценария. Адаптация как процесс приспособления к изменяющейся среде предполагает формирование различных приемов и способов, стратегий либо их разных комбинаций. Понятие стратегии в широком смысле можно определить как перспективное видение, определяющее, направляющее и организующее способ конкретных действий/поведения, рассчитанных на достижение общезначимых, долговременных целей. В этом аспекте представляется важным выявить и рассмотреть существующие стратегии традиционного хозяйства Севера в меняющейся социоприродной среде.

По итогам наших ранних исследований, реальное функционирование традиционной хозяйственной системы воспроизводит процесс непрерывной адаптации конкретных хозяйств². Соответственно, выделенные факторы и критерии адаптации не могут быть в статичном состоянии, находясь в пике постоянного движения/пересечения природного, собственно экономическо-

¹ Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. — М., 2012. — 288 с.; Василькова Т.Н., Еввай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). — М.-Шадринск, 2011. — 268 с.; Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. — М., 2008. — 511 с.; Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. — 2001. — № 3. — С. 90–105; и др.

² Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Севера Якутии: факторы и критерии стратегий адаптации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. — Якутск, 2018. — С. 90–129 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>. Дата обращения: 01.09.2020.

го и ментального начал в традиционном хозяйственном образе жизни коренных народов республики. Безусловно, что экономический критерий в формировании адаптационных стратегий хозяйств всегда будет незыблем, поскольку ориентирован на получение сельскохозяйственной продукции, в т.ч. и для удовлетворения собственных потребностей. Вместе с тем эффективность определенных стратегий непосредственно связана и зависит от природно-географического (объективный) и личностно-оценочного (субъективный) критериев, учитывающих, с одной стороны, климатические сдвиги современности, влияющие на доступность ресурсов, с другой — созидательную духовную основу традиционного труда коренных народов, а также существующие вопросы воспроизводства рабочей силы для исконных форм хозяйства.

В этой связи нами был разработан рабочий вариант типологии имеющихся стратегий северных хозяйств с тем, чтобы на их основе выделить *модели адаптации* традиционного хозяйства Севера в современной аграрной системе. Отметим, что их генезис происходит в пространстве непрерывного пересечения и взаимодействия экономических институтов, культурных традиций и социальных представлений/оценок, регулирующих в той или иной мере общественное поведение. Соответственно, исходя из них можно обозначить следующие адаптационные стратегии:

1) *этнокультурная модель* — ориентация на сохранение исторической непрерывности и культурной преемственности хозяйственных занятий и традиционного образа жизни, формирующих идентичность индивида/группы;

2) *прагматическая модель* — нацеленность на социально-хозяйственную деятельность в рамках установленной классификации экономических агентов (сельскохозяйственные государственные/муниципальные предприятия, родовые общины, личные подсобные хозяйства, крестьянские (фермерские) хозяйства);

3) *эстимационная модель* — приоритет субъективных оценок традиционного хозяйства как индивидуальной/коллективной ценности в контексте меняющейся внешней среды.

Для этнокультурной модели наиболее приложимы, по территориальному принципу, следующие *уровни специализации: региональный уровень* — предполагает выделение групп улусов (районов) на основе природно-хозяйственного разделения. Это — северо-западно-прибрежная, северо-восточная, индигироколымская, которые соответственно представляют оленеводческо-промысловый, оленеводческо-животноводческо-промысловый, животноводческо-промысловый типы хозяйств; *районный уровень* — предусматривает специализацию хозяйств отдельных северных улусов/районов; *локальный/наследный уровень* — выявляет специфику местного хозяйства наслега/сельского населенного пункта³.

Для *прагматической* модели близкими являются *типы производителей* сельскохозяйственной продукции на основе особенностей форм хозяйствования и позиций хозяйствующих субъектов: *формы социально-хозяйственной*

³ Санникова Я.М. Показатели в изучении типов традиционного северного хозяйства (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. в Республике Саха (Якутия)) // Московский экономический журнал. — 2019. — С. 439–452 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-3/>. Дата обращения: 10.09.2020.

организации сельского населения (родовые общины; личные подсобные хозяйства); организационно-экономические формы хозяйствования (сельхозпредприятия; подсобные хозяйства предприятий; крестьянские (фермерские) хозяйства; индивидуальные предприниматели в сельском хозяйстве)⁴.

Для эстимационной модели приоритетным является разделение на *типы непосредственных тружеников/глав* хозяйств: *труженик хозяйства* (коллективный труженик, индивидуальный труженик); *глава хозяйства* (глава коллективного хозяйства, глава индивидуального хозяйства, глава личного хозяйства)⁵.

В данной главе представлены особенности адаптации традиционного хозяйства Севера Якутии, функционирующего в условиях реальной экономики, сквозь призму статистики, прежде всего, итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. и данных статистического учета последних лет. Некоторые результаты апробированы в виде отдельных научных публикаций⁶.

В рамках этнокультурной модели рассмотрим *региональный уровень специализации* на основе следующих показателей: общее число хозяйств и основные формы хозяйствования; доступность земельных ресурсов; состав хозяйств (трудовые ресурсы); основные виды деятельности в отраслевых направлениях традиционного животноводства; объемы производства продукции в них⁷.

На Севере Якутии, включающего 15 арктических и северных улусов/районов, сохраняется исторически сложившееся традиционное хозяйство

⁴ Там же; Павлушкина О.И. Типология институциональной структуры сельского хозяйства // Никоновские чтения — 2009. Сельское хозяйство в современной экономике: новая роль, факторы роста, риски. — М., 2009. — С. 221–223 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-institutsionalnoy-struktury-selskogo-hozyaystva-rossii>. Дата обращения: 15.11.2019; Курышов А.М. Традиционное хозяйство коренных народов как система // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 3. — С. 187–194; Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера Якутии в условиях трансформаций постсоветского периода: некоторые результаты исследования // Арктика и Север. — 2017. — № 28. — С. 92–105 [Электронный ресурс]. — URL: <https://narfu.ru/university/library/books/3291.pdf>. Дата обращения: 10.09.2020.

⁵ Санникова Я.М. Показатели в изучении типов традиционного северного хозяйства (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. в Республике Саха (Якутия)) // Московский экономический журнал. — 2019. — № 12. — С. 439–452 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-3/>. Дата обращения: 10.09.2020.

⁶ Санникова Я.М. Основные показатели развития традиционного северного хозяйства по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. (на примере Республики Саха (Якутия)) // Московский экономический журнал. — 2019. — № 12. — С. 429–438 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-2/>. Дата обращения: 10.09.2020; Она же. Показатели в изучении типов традиционного северного хозяйства (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. в Республике Саха (Якутия)) // Московский экономический журнал. — 2019. — № 12. — С. 439–452 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-3/>. Дата обращения: 10.01.2020; Она же. Хозяйства Севера Якутии в динамике современного аграрного развития: краткая характеристика традиционного животноводства // Московский экономический журнал. — 2020. — № 8. — С. 301–316 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-8-2020-49/>. Дата обращения: 10.09.2020.

⁷ Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Севера Якутии: факторы и критерии стратегий адаптации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. — Якутск, 2018. — С. 90–129 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>. Дата обращения: 01.09.2020.

Число хозяйств по основным категориям хозяйств

Группы районов	Общее число хозяйств	Основные категории хозяйств		
		СХО	КФХ и ИП	ЛПХ
Северо-западно-прибрежная группа (оленьеводческо-промысловый тип)				
Аллаиховский	97	4	5	88
Анабарский	241	7	1	233
Булунский	325	7	6	312
Нижнеколымский	47	7	3	37
Оленекский	508	8	3	497
Усть-Янский	105	6	7	92
Жиганский	674	13	8	653
Всего по группе	1997	52	33	1912
Северо-восточная группа (оленьеводческо-животноводческо-промысловый тип)				
Верхоянский	2158	25	114	2019
Момский	801	21	22	758
Оймяконский	637	8	60	569
Томпонский	2024	11	41	1972
Эвено-Бытантайский	438	16	25	397
Всего по группе	6058	81	262	5715
Индигино-колымская группа (животноводческо-промысловый тип)				
Абыйский	769	13	26	730
Верхнеколымский	785	10	29	746
Среднеколымский	1144	18	61	1065
Всего по группе	2698	41	116	2541
По 15 улусам (районам)	10 753	174	411	10 168
По РС (Я)	132 080	872	3849	127 359

Составлено по: *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия). — Т. 1. Основные итоги ВСХП 2016 г. — Кн. 2: Основные итоги ВСХП 2016 г. по муниципальным районам и городским округам РС (Я). — С. 8–173.

(тождественно таким понятиям, как «традиционный образ жизни», «хозяйственный уклад жизни») коренных народов региона. Согласно природно-хозяйственному делению они образуют 3 группы улусов (районов) республики с определенной хозяйственной специализацией (см. табл. 1)⁸.

Как видно из данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. (далее — ВСХП-2016), здесь сосредоточено лишь 8,1 % всех хозяйств РС (Я), в т.ч. 19,6 % — сельскохозяйственных организаций (далее — СХО); 10,7 % — крестьянских (фермерских) хозяйств (далее — КФХ) и индивидуальных предпринимателей (далее — ИП) в сельском хозяйстве; 8 % — личных подсобных хозяйств (далее — ЛПХ) и индивидуальных хозяйств граждан.

Среди основных категорий хозяйств численно доминируют личные подсобные хозяйства населения — 94,6 %, далее с большим отрывом следуют КФХ и ИП в сельском хозяйстве — 3,8 %, СХО — 1,6 %. Региональный срез показывает аналогичную структуру категорий хозяйств во всех трех группах улусов (районов). Так, личные хозяйства абсолютно преобладают в северо-западно-прибрежной группе — 95,7 %, северо-восточной — 94,3 %,

⁸ Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера Якутии в условиях трансформаций постсоветского периода: некоторые результаты исследования // Арктика и Север. — 2017. — № 28. — С. 92–105.

индигиро-колымской — 94,2 %. Также невелик удельный вес крестьянских хозяйств: в северо-восточной и индигиро-колымской группах — по 4,3 %, северо-западно-прибрежной — 1,7 %, а также сельскохозяйственных организаций: в северо-западно-прибрежной группе — 2,6 %, индигиро-колымской — 1,5 %, северо-восточной — 1,3 %.

Географическое размещение всех 10 753 хозяйств выглядит следующим образом (по убыванию): в северо-восточной группе — 56,3 %, индигиро-колымской — 25,1 %, северо-западно-прибрежной — 18,6 %. В лидирующей северо-восточной группе сконцентрировано 63,7 % всех крестьянских хозяйств, 56,2 % — личных подсобных хозяйств и 46,6 % — сельскохозяйственных организаций. Соответственно, в индигиро-колымской группе: 25 % — ЛПХ, 28,2 % — КФХ, 23,6 % — СХО; в северо-западно-прибрежной: 18,8 % — ЛПХ, 8 % — КФХ, 29,9 % — СХО.

Наиболее активное развитие сельскохозяйственных организаций в северо-западно-прибрежной группе связано с их оленеводческой направленностью хозяйств. Домашним оленеводством занимаются предприятия и родовые общины, но последних официально учитывают в составе СХО. Скотоводческие и коневодческие хозяйства в северо-восточной и индигиро-колымской группах преимущественно функционируют в форме крестьянских хозяйств.

Основным средством производства в сельском хозяйстве являются земельные ресурсы, рассматриваемые и как пространственная основа для размещения северных отраслей хозяйства и традиционной хозяйственной деятельности, а также расселения населения. От распределения культивируемых земель, в частности, сельскохозяйственных угодий, непосредственно зависит сохранность и дальнейшее развитие всех основных категорий хозяйств (см. табл. 2).

Согласно данным ВСХП-2016, в 15-ти улусах (районах) расположены 9,9 % сельскохозяйственных угодий всех хозяйств РС (Я), в т.ч. 13,2 % — всех СХО, 10,3 % — КФХ и ИП в сельском хозяйстве, 6,6 % — ЛПХ населения. Сразу же обращает на себя внимание, что на личные хозяйства приходится только 26,3 % используемых угодий, тогда как львиная доля принадлежит сельскохозяйственным организациям — 52,7 % всех угодий, а также крестьянским хозяйствам и индивидуальным предпринимателям — 21 % угодий.

Больше всего земельными ресурсами располагает северо-восточная группа — 61,1 % всех угодий, далее индигиро-колымская — 27,2 %, северо-западно-прибрежная — 11,7 % угодий.

Неравномерное распределение наблюдается и по основным категориям хозяйств. Так, из 26 610,2 тыс. га угодий всех сельскохозяйственных организаций 15-ти улусов (районов) республики 50,6 % приходится на северо-восточную, 34,5 % — на индигиро-колымскую, 14,9 % — на северо-западно-прибрежную группу. Соответственно, из 10 598,3 тыс. га угодий всех КФХ и ИП 73,1 % приходится на северо-восточную, 14 % — на северо-западно-прибрежную, 12,8 % — на индигиро-колымскую группу; из 13 318,7 тыс. га угодий всех ЛПХ 72,6 % приходится на северо-восточную, 24 % — на индигиро-колымскую, 3,4 % — на северо-западно-прибрежную группу.

Распределение сельскохозяйственных угодий по основным категориям хозяйств

Группы районов	Сельскохозяйственные угодья, га	Основные категории хозяйств		
		СХО	КФХ и ИП	ЛПХ
Северо-западно-прибрежная группа (оленоводческо-промысловый тип)				
Аллаиховский	1057,8	557,0	350,0	150,8
Анабарский	34,8	—	—	34,8
Булунский	335,3	335,0	—	0,3
Нижнеколымский	1285,4	1193,0	90,2	2,2
Оленекский	1455,5	779,3	669,6	6,6
Усть-Янский	855,6	252,0	373,1	230,5
Жиганский	875,6	844,0	4,5	27,1
Всего по группе	5900,0	3960,3	1487,4	452,3
Северо-восточная группа (оленоводческо-животноводческо-промысловый тип)				
Верхоянский	16 823,9	9064,7	3492,1	4267,1
Момский	2436,2	840,3	878,1	717,8
Оймяконский	4202,0	710,0	2284,7	1207,3
Томпонский	4412,0	654,7	964,9	2792,4
Эвено-Бытантайский	3011,5	2196,0	131,7	683,8
Всего по группе	30 885,6	13 465,7	7751,5	9668,4
Индигино-колымская группа (животноводческо-промысловый тип)				
Абыйский	4103,0	1935,9	843,0	1324,4
Верхнеколымский	1793,4	1193,8	302,9	296,7
Среднеколымский	7844,9	6054,5	213,5	1576,9
Всего по группе	13 741,3	9184,2	1359,4	3198,0
По 15 улусам (районам)	50 526,9	26 610,2	10 598,3	13 318,7
По РС (Я)	509 321,5	201 850,2	102 537,9	203 099,9

Составлено по: *Итоги* Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия). — Т. 1. Основные итоги ВСХП 2016 г. — Кн. 2. Основные итоги ВСХП 2016 г. по муниципальным районам и городским округам РС (Я). — С. 8–173.

Также сельскохозяйственные угодья неравномерно распределены по основным категориям хозяйств внутри выделенных групп улусов (районов). Так, в северо-западно-прибрежной группе 67,1 % угодий принадлежит сельскохозяйственным организациям, 25,2 % — крестьянским хозяйствам и индивидуальным предпринимателям, 7,7 % — личным хозяйствам населения; соответственно, в северо-восточной 43,6 % угодий относится к СХО, 25,1 % — КФХ и ИП и 31,3 % — ЛПХ; в индигино-колымской 66,8 % угодий относится к СХО, 9,9 % — КФХ и ИП, 23,3 % — ЛПХ населения.

Заметим, что распределение имеющихся земельных ресурсов проецирует хозяйственную специализацию по группам районов. Так, оленеводческо-промысловый тип хозяйства северо-западно-прибрежной группы определяет низкий уровень обеспеченности сельскохозяйственными угодьями. В то же время это демонстрирует отсутствие отдельного учета оленьих пастбищ и выгонов для выпаса лошадей, которые в середине 2000-х годов, в связи с изменениями в федеральном земельном законодательстве, были переведены в состав земель лесного фонда. Указанное обстоятельство лишает оленеводческие хозяйства возможности официально закрепить отдельные территории непосредственно для нужд домашнего олене-

водства, что ставит в необходимость введение централизованного учета пастбищ.

В оленеводческо-животноводческо-промысловом и животноводческо-промысловом типах хозяйства, основанным преимущественно на разведении крупного рогатого скота (далее — КРС) и табунном коневодстве, характерно более равномерное распределение сельскохозяйственных угодий, главным образом сенокосных и пастбищных земель.

В целом следует отметить недостаточность/дефицит земельных ресурсов в традиционном хозяйстве Севера Якутии. Открытые данные доступны только для учета земель сельскохозяйственного назначения, что делает особенно уязвимыми северные хозяйства коренных народов республики.

Учет трудовых ресурсов — официально занятых в сельскохозяйственной сфере работников проводится только по двум основным категориям хозяйств: в составе сельскохозяйственных организаций и крестьянских (фермерских) хозяйств (см. табл. 3). В ВСХП-2016 не включены сельские домохозяйства с личным подсобным хозяйством.

Таблица 3

Количество и удельный вес работников, официально занятых в сельскохозяйственной сфере по категориям хозяйств

Группы районов	Количество занятых в сфере сельского хозяйства	Основные категории хозяйств			
		СХО		КФХ и ИП	
		Количество	Удельный вес	Количество	Удельный вес
Северо-западно-прибрежная группа (оленеводческо-промысловый тип)					
Аллаиховский	15	—	—	15	0,6
Анабарский	111	109	4,5	2*	0,08
Булунский	244	232	9,5	12	0,5
Нижнеколымский	501	495	20,3	6	0,2
Оленекский	94	91	3,7	3	0,1
Усть-Янский	9	1	0,04	8	0,3
Жиганский	87	79	3,2	8	0,3
Итого по группе	1061	1007	41,3	54	2,2
Северо-восточная группа (оленеводческо-животноводческо-промысловый тип)					
Верхоянский	326	108	4,4	218	8,9
Момский	142	107	4,4	35	1,4
Оймяконский	271	100	4,1	171	5,9
Томпонский	197	124	5,1	73	3,0
Эвено-Бытантайский	182	160	6,6	22	0,9
Итого по группе	1118	599	24,6	519	21,3
Индиги́ро-колымская (животноводческо-промысловый тип)					
Абыйский	55	2	0,1	53	2,2
Верхнеколымский	54	31	1,3	23	0,1
Среднеколымский	148	77	3,2	71	2,8
Итого по группе	257	110	4,5	147	6,0
По 15 улусам (районам)	2436	1716	70,4	720	29,6
По РС (Я)	13 853	6404	46,2	7449	53,8

* по фактическим расчетам, согласно представленным данным по улусу.

Составлено по: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия)*. — Т. 1. Основные итоги ВСХП 2016 г. — Кн. 2. Основные итоги ВСХП 2016 г. по муниципальным районам и городским округам РС (Я). — С. 8–173.

В 15-ти северных и арктических улусах (районах) работают 17,6 % всех занятых в сельскохозяйственной сфере РС (Я), в т.ч. в сельскохозяйственных организациях — 26,8 %, в крестьянских (фермерских) хозяйствах и индивидуальном предпринимательстве — 9,6 % работающих в данной категории хозяйств. Больше всего аграрных работников в северо-восточной (45,9 %) и северо-западно-прибрежной (43,6 %) группах; в индигиро-колымской — 10,6 % официально занятых.

Среди всех 2436 занятых в сельском хозяйстве преобладают работники СХО (70,4 %) и КФХ и ИП (29,6 %). Из 1716 чел., занятых в СХО, 58,7 % работают в северо-западно-прибрежной группе, 34,9 % — в северо-восточной, 6,4 % — в индигиро-колымской группах. Соответственно, из 716 чел., занятых в КФХ и ИП, 72,5 % работают в северо-восточной, 20,5 % — в индигиро-колымской, 7,3 % — в северо-западно-прибрежной группах. При этом в северо-западно-прибрежной группе сосредоточен 41,3 % занятых в СХО всех 15-ти улусов (районов), а КФХ и ИП в сельском хозяйстве — лишь 2,1 %. В северо-восточной группе отмечается более равномерное распределение работников по основным категориям хозяйств: 24,6 % занятых в СХО и 21,3 % — в КФХ и ИП. В индигиро-колымской группе больше работников КФХ и ИП (6 %), немного меньше в СХО (4,5 %). В составе работников сельского хозяйства северо-западно-прибрежной группе абсолютное большинство (94,9 %) заняты в СХО (в КФХ и ИП — 4,9 %); соответственно, в северо-восточной группе: 53,6 % — в СХО и 46,4 % — в КФХ и ИП; в индигиро-колымской группе: 42,8 % — в СХО и 56,4 % — в КФХ и ИП.

В рамках прагматической модели адаптации традиционного хозяйства Севера указанная территориальная дифференциация состава и численности работников по основным категориям хозяйств связывается с отраслевой специализацией выделенных групп улусов (районов). Так, для оленеводческо-промысловых районов характерно сосредоточение занятого населения в сельскохозяйственных организациях, для оленеводческо-животноводческо-промысловых районов — пропорциональное представительство работников в СХО и в крестьянских хозяйствах и индивидуальном предпринимательстве, для животноводческо-промысловых районов — преобладание работников КФХ и ИП в сельском хозяйстве.

Кроме того, в сфере сельского хозяйства 15-ти арктических и северных улусов (районов) республики заняты множество людей, которые повседневно трудятся в своих личных подсобных хозяйствах; непрерывный трудовой процесс особенно характерен для тех, кто занимается разведением крупного рогатого скота. Существенная часть сельскохозяйственной продукции производится именно в личных подсобных хозяйствах населения.

В качестве комментария к данным ВСХП-2016 следует сказать, что несмотря на кажущуюся немногочисленность официально занятых в традиционных отраслях экономики Якутии, сегодня сфера сельского хозяйства, наряду с образованием, здравоохранением и предоставлением социальных услуг, обеспечивает рабочими местами 50 % занятого сельского населения РС (Я)⁹, что приложимо и для арктических и северных районов.

⁹ Гаврильева Т.Н. Структура занятости в поселениях Республики Саха (Якутия) по типологии Фишера-Кларка // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2016. — № 1 (7). — С. 18–27.

Динамика поголовья северных оленей (на конец года, в хозяйствах всех категорий, голов)

Группы районов	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Северо-западно-прибрежная группа (оленоводческо-промысловый тип)						
Аллаиховский	4916	1766	—	—	—	—
Анабарский	16 214	17 333	14 503	15 407	16 964	17 682
Будунский	10 732	17 095	11 526	12 337	13 351	14 148
Нижнеколымский	13 003	18 425	19 067	19 920	18 317	13 094
Оленекский	5541	4946	4187	4403	4591	5016
Усть-Янский	8357	16 832	21 714	22 774	22 456	24 203
Жиганский	5580	6701	3081	2709	2779	2931
Всего по группе	64 343	83 098	74 078	77 550	78 458	77 074
Северо-восточная группа (оленоводческо-животноводческо-промысловый тип)						
Верхоянский	2492	4771	3459	3273	2358	2469
Момский	15 671	16 838	13 186	10 847	10 872	10 997
Оймяконский	9282	16 025	9333	10 051	10 270	7677
Томпонский	12 760	18 249	8405	8076	7543	6060
Эвено-Бытантайский	9650	17 426	15 371	15 750	14 477	13 137
Всего по группе	49 855	73 309	49 754	47 997	45 520	40 340
Индигиго-колымская группа (животноводческо-промысловый тип)						
Абыйский	952	460	446	515	20	59
Верхнеколымский	1321	1085	1016	1355	1386	1171
Среднеколымский	2702	3174	2033	2080	1379	1371
Всего по группе	4975	4719	3495	3950	2785	2601
По 15 улусам (районам)	119 173	161 126	127 327	129 497	126 763	120 015
По РС (Я)	156 237	200 280	156 011	156 835	154 630	146 585

Составлено по: *Статистический ежегодник РС (Я): стат. сборник.* — Якутск, 2019. — С. 339–379.

Теперь рассмотрим динамику основных отраслей традиционного животноводства на Севере в период с 2000 по 2018 г. (по районным муниципальным образованиям открытых данных за 2019–2020 гг. еще нет). Домашнее оленеводство — разведение северных оленей является не только ведущим направлением животноводства региона, но и этнообразующим хозяйственным занятием коренных малочисленных народов Севера.

Согласно статданным, в 2000 г. в 15-ти улусах (районах) содержались 76,3 % всех оленей РС (Я), в 2010 г. — 80,4 %, в 2018 г. — 81,9 % (см. табл. 4). За рассматриваемое время наблюдается нестабильная, скачкообразная динамика численности домашних оленей. Кризис в оленеводстве, начавшийся в постсоветский период, по всей видимости, имеет долговременный эффект. Так, позитивная динамика численности поголовья оленей в первом десятилетии нулевых годов (в 2000 г. — 119 173 голов, в 2010 г. — 161 126 голов) обернулась катастрофическим спадом поголовья в последующие годы, когда потеряли 41 111 голов домашних оленей (–25,5 %). В результате за 18 лет прирост поголовья составил мизерные 842 головы (+0,7 %).

Пример стремительной потери традиционного хозяйства Севера показывает Аллаиховский улус, где в 1991 г. содержалось 20 855 голов оленей, в 1999 г. — 6646 голов, а в 2015 г. домашнее оленеводство как отрасль сельского хозяйства перестала существовать. Судя по приведенным данным,

в ближайшие годы подобная участь ждет оленеводов Абыйского улуса, так как уже сегодня отрасль находится на грани полного вымирания.

Соотношение численности поголовья оленей по выделенным группам улусов (районов) в рассматриваемый период изменилось следующим образом: фиксируется постепенный рост поголовья в северо-западно-прибрежной группе: с 54 % всех оленей 15 районов в 2010 г. до 64,2 % в 2018 г. (+10,2 %). В других группах происходит спад поголовья оленей: в северо-восточной группе — с 41,8 % в 2010 г. до 33,6 % в 2018 г. (–8,2 %); в индигиро-колымской группе — с 4,2 % в 2010 г. до 2,2 % в 2018 г.

При этом северо-западно-прибрежная группа выделяется ростом абсолютной численности домашних оленей на 12 731 голову (+19,8 %), хотя в 2010–2015 гг. и эту группу не обошел спад общего поголовья (–10,9 %). В северо-восточной группе поголовье оленей снизилось на 9515 голов (–19,1 %), в индигиро-колымской — на 2374 головы (–47,7 %).

Неблагополучия, связанные с меняющимся климатом и погодой, непосредственно влияют на содержание домашних оленей вследствие ухудшения состояния пастбищ. Кроме того, в последние годы особенно остро стояла проблема регулирования численности волков, которые нанесли значительный ущерб домашнему оленеводству — жертвами массового «травежа» стали 15 851 домашних оленей¹⁰.

Арктическое табунное коневодство являет собой уникальный опыт адаптации человека и домашних животных в условиях вечной мерзлоты. Развивается на базе аборигенной породы — якутской лошади (*якут.* «сылгы», «саха ата»), неприхотливой и выносливой. Якутские лошади круглогодично пасутся в табунах на подножном корме и выдерживают температурные стрессы, не имеющие аналогов в мире: от +40 °С летом до –60 °С зимой. Основной контингент лошадей в северных и арктических улусах (районах) республики сосредоточен в бассейнах северных рек Яна, Колыма и Индигирка.

По статистическим данным, в 2000 г. здесь содержалось 20 % поголовья лошадей РС (Я), в 2010 г. — 15 %, в 2018 г. — 11,2 %. На фоне лидерства Якутии в продуктивном коневодстве на Дальнем Востоке, увеличения общего поголовья в табунном коневодстве республики во всех выделенных группах произошел существенный спад численности лошадей (см. табл. 5). В рассматриваемое время в совокупности они потеряли 6086 голов лошадей (–23,4 %).

В настоящее время наибольшее количество лошадей разводится в северо-восточной группе, где их общее поголовье сохранялось стабильно; в результате удельный вес поголовья лошадей возрос с 64,7 % в 2000 г. до 79,9 % в 2018 г., потеряв только 910 голов (–5,4 %). Изначально небольшой удельный вес поголовья лошадей в северо-западно-прибрежной группе снизился на 42,2 % (673 головы), в индигиро-колымской — на 59,5 % (4503 головы).

В связи с климатическими сдвигами в Арктике табунное коневодство все чаще ассоциируется как наиболее уязвимый объект традиционного северного хозяйства Севера. В частности, зимний период последних лет ха-

¹⁰ *Игнатьева В.Б.* О сохранении традиционных видов хозяйства в связи с изменениями мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — М., 2012. — С. 547–554.

Динамика поголовья лошадей (на конец года, в хозяйствах всех категорий, голов)

Группы районов	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Северо-западно-прибрежная группа (оленоводческо-промысловый тип)						
Аллаиховский	249	180	159	76	16	18
Анабарский	11	23	25	70	35	47
Булунский	304	558	473	519	286	277
Нижнеколымский	168	255	193	131	126	54
Оленекский	88	210	178	191	185	195
Усть-Янский	757	577	559	469	311	324
Жиганский	19	16	5	5	6	8
Всего по группе	1596	1819	1592	1461	965	923
Северо-восточная группа (оленоводческо-животноводческо-промысловый тип)						
Верхоянский	8625	7501	8418	7792	7003	7013
Момский	2057	1617	1654	1546	1489	1408
Оймяконский	3217	3422	3235	3233	3459	3318
Томпонский	1579	1673	2025	2114	2217	2242
Эвено-Бытантайский	1311	1674	1946	2002	2006	1898
Всего по группе	16 789	15 887	17 278	16 687	16 174	15 879
Индигино-колымская группа (животноводческо-промысловый тип)						
Абыйский	3033	1854	1843	1121	866	859
Верхнеколымский	731	740	435	404	168	147
Среднеколымский	3809	4197	3745	2847	2103	2064
Всего по группе	7573	6791	6023	4372	3137	3070
По 15 улусам (районам)	25 958	24 497	24 893	22 520	20 276	19 872
По РС (Я)	129 496	163 557	176 649	181 505	184 182	177 967

Составлено по: *Статистический ежегодник РС (Я): стат. сборник.* — Якутск, 2019. — С. 339–379.

рактируется аномально «теплыми» днями, мокрыми снегопадами и даже выпадением дождя, что повлекло за собой сложную тебеневку. Вследствие превращения снежного покрова в непробиваемый ледяной панцирь наступила бескормица, которая в условиях недостаточности/отсутствия централизованных поставок сена, зернофуража, кормовой соли и ветеринарных препаратов спровоцировала массовый падеж лошадей, особенно много в Верхоянском и Среднеколымском улусах¹¹.

В традиционном животноводстве арктических и северных улусов Якутии значимое место всегда занимало скотоводство. Так, в 2000 г. здесь разводили 7,6 % поголовья КРС республики, которое впоследствии стало уменьшаться и составило в 2010 г. 6,2 %, в 2018 г. — 5,1 % всего поголовья. Самое крупное поголовье скота было сосредоточено в северо-восточной группе: 71 % поголовья всех улусов в 2000 г., которое затем возросло до 80,2 % в 2018 г. В индигино-колымской группе удельный вес КРС снизился с 25,5 % в 2000 г. до 16,7 % в 2018 г. На северо-западно-прибрежную группу приходится мизерное поголовье КРС: в 2000 г. — 3,5 %, в 2018 г. — 3 % всего поголовья.

¹¹ *Игнатьева В.Б.* Сельские сообщества Якутии в условиях изменения мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — М., 2014. — С. 311–315.

**Динамика поголовья крупного рогатого скота
(на конец года, в хозяйствах всех категорий, голов)**

Группы районов	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Северо-западно-прибрежная группа (оленоводческо-промысловый тип)						
Аллаиховский	11	14	16	17	16	12
Анабарский	—	—	—	—	—	—
Булунский	114	106	23	26	28	28
Нижнеколымский	53	18	18	18	14	23
Оленекский	142	102	71	77	86	86
Усть-Янский	266	109	93	83	60	59
Жиганский	183	89	63	65	56	75
Всего по группе	769	438	284	286	260	283
Северо-восточная группа (оленоводческо-животноводческо-промысловый тип)						
Верхоянский	5850	4786	3154	2844	2730	2764
Момский	1224	663	449	415	377	360
Оймяконский	2474	1959	1210	1177	1214	1209
Томпонский	5186	2873	2392	2440	2475	2456
Эвено-Бытантайский	914	805	672	627	690	758
Всего по группе	15 648	11 086	7877	7503	7486	7547
Индигино-колымская группа (животноводческо-промысловый тип)						
Абыйский	1509	758	523	469	436	418
Верхнеколымский	830	283	202	205	184	171
Среднеколымский	3291	2044	1511	1080	1032	983
Всего по группе	5630	3085	2236	1754	1652	1572
По 15 улусам (районам)	22 047	14 609	10 397	9543	9398	9402
По РС (Я)	289 716	233 695	187 207	186 556	188 049	183 468

Составлено по: *Статистический ежегодник РС (Я): стат. сборник.* — Якутск, 2019. — С. 339–379.

Катастрофическое снижение поголовья КРС в 2000–2018 гг. составило 12 645 голов (–57,3 %). В северо-западно-прибрежной группе сокращение численности скота составило 486 голов (–63,2 %), в северо-восточной группе — 8101 голову (–51,8 %), в индигино-колымской группе — 4058 голов (–72,1 %). Неутешительная статистика невозвратных потерь поголовья КРС свидетельствует о том, что северное скотоводство, сложившее в процессе многовекового продвижения до высокоширотного пояса Земли культуры рогатого скота, имевшей южное происхождение, пребывает в самом критическом состоянии.

Как показывают материалы авторских полевых исследований, каждая сохраненная голова крупного рогатого скота, прежде всего коровы, означает продолжение производства молока и молочной продукции местных хозяйств, поэтому какие бы трудности ни возникали с обеспечением кормами и сеном, люди стараются изо всех сил и до последней возможности сохранить этот вид традиционного труда как этнокультурное наследие своих предков.

Сокращение имевшихся масштабов скотоводческого направления животноводства, постоянное снижение численности поголовья скота имеют множество факторов. Безусловно, основные проблемы сельских товаропроизводителей северных и арктических улусов (районов) республики связаны

с их финансовыми возможностями. Они несут огромные издержки в снабжении материально-технической базы своих хозяйств, приобретении сельскохозяйственного оборудования, дополнительных кормов, доставки и сбыта мясной и рыбной продукции. При этом зарплата работников аграрной сферы Якутии в 2,5–3,3 раза ниже относительно среднереспубликанского размера заработной платы.

Кроме того, учащение атмосферных осадков, перемены в окружающем ландшафте заметно снижают урожайность используемых природных кормовых угодий, продуктивность сенокосов и пастбищ, с чем связано ухудшение условий содержания КРС¹². В таких условиях соотношение затрат и количества получаемой продукции по крупному рогатому скоту, по сравнению с величиной затрат на содержание лошадей, стало так очевидно, что мотивировало непростое решение людей забить домашних животных, уменьшать или ликвидировать свое хозяйство. Объективно, это также связано со старением населения арктических и северных сел; молодое поколение сельских жителей не привлекают минимальный уровень заработной платы в сельском хозяйстве и тяжелые условия труда, многие предпочитают более прибыльную работу или поменять местожительство.

Анализ статистики показывает, что относительная стабильность функционирующих хозяйств по поголовью домашнего скота характерна для северо-восточной группы районов, где комплексно развивают все направления традиционного животноводства. Кризисное состояние хозяйств северо-западно-прибрежной группы связано с их моноспециализацией на домашнем оленеводстве. В индигиро-колымской группе критически снизилась численность поголовья по всем направлениям: и в оленеводстве, и в табунном коневодстве, и в скотоводстве, что требует специального изучения.

Рассмотрим показатели объема производства основной продукции животноводства в хозяйствах всех категорий (см. табл. 7). Прежде отметим, что в силу особенностей северного животноводства производство мяса в скороспелых отраслях практически отсутствует.

В целом удельный вес мясной продукции 15-ти арктических и северных улусов (районов) в 2000 г. составлял 11,3 % производства мяса всеми хозяйствами РС (Я), в 2018 г. — уже 8,4 %. Общие объемы производства мяса в рассматриваемый период снизились на 664 т (–18,3 %). Основной спад производства мяса произошел в индигиро-колымской (–66,5 %) и в северо-западно-прибрежной (–20,2 %) группах. Понятно, что сокращение численности поголовья по всем направлениям животноводства не могло не сказаться и на показателях производства мяса. В данном случае производственные показатели поддерживаются, главным образом, за счет добычи промыслового мяса, в основном диких северных оленей. В настоящее время основной центр производства мясной продукции сосредоточен в северо-восточной группе районов, в которых объемы производства существенно возросли с 61,1 % в 2000 г. до 74,7 % в 2018 г.

Динамика валового надоя молока — второй основной продукции скотоводства также проецирует снижение численности поголовья крупного рогатого скота на Севере. Так, если в 2000 г. объемы производства молока в 15-

¹² Игнатьева В.Б. Там же.

Динамика производства скота и птицы (в хозяйствах всех категорий, т)

Группы районов	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Северо-западно-прибрежная группа (оленовладельческо-промысловый тип)						
Аллаиховский	32	4	5	1	2	4
Анабарский	52	110	46	65	82	115
Булунский	199	112	123	44	36	58
Нижнеколымский	85	366	330	216	156	67
Оленекский	16	51	37	48	28	17
Усть-Янский	117	170	321	292	211	206
Жиганский	99	54	34	30	22	12
Всего по группе	600	867	896	696	537	479
Северо-восточная группа (оленовладельческо-животновладельческо-промысловый тип)						
Верхоянский	1080	1052	1085	1114	881	1008
Момский	334	324	90	147	127	123
Оймяконский	340	394	383	374	375	445
Томпонский	408	616	477	426	457	413
Эвено-Бытантайский	54	220	246	292	223	225
Всего по группе	2216	2606	2281	2353	2063	2214
Индигино-колымская группа (животновладельческо-промысловый тип)						
Абыйский	237	141	171	258	100	65
Верхнеколымский	146	92	87	48	78	35
Среднеколымский	430	355	346	366	257	172
Всего по группе	813	588	604	672	435	272
По 15 улусам (районам)	3629	4061	3781	3721	3035	2965
По РС (Я)	32 133	42 515	35 504	35 108	35 802	35 405

Составлено по: *Статистический ежегодник РС (Я): стат. сборник.* — Якутск, 2019. — С. 339–379.

ти арктических и северных улусов (районов) составляли 7,7 % продукции, произведенной всеми хозяйствами РС (Я), то в 2018 г. — 5,7 %. Валовой надой молока в хозяйствах всех категорий уменьшился на 3242 т (–25,5 %). Основной спад объемов производства молока произошел в северо-восточной группе районов (1938 т). Вместе с тем они остаются основным производителем молока (72,5 % — в 2000 г., 77,4 % — в 2018 г.). Валовой надой молока в индигино-колымской группе уменьшился на 987 т (–33,3 %), в северо-западно-прибрежной группе — на 371 т (–70 %). В настоящее время они производят 20,9 и 1,7 % молока соответственно.

Небольшие объемы производства молока не умаляют важность и ценность данного вида продукции в арктических и северных улусов (районов) республики. Молочная пища является одним из важных элементов системы питания и неразрывно связана с традиционным образом жизни. В условиях распространения высококалорийных синтетических продуктов (консервы, газированные напитки, чипсы и др.), провоцирующих рост болезней обмена веществ, потребление натурального молока способствует сохранению здоровья населения, проживающего в экстремальной природно-климатической среде.

В рамках прагматической модели адаптации рассмотрим *типы производителей* сельскохозяйственной продукции. Объектом анализа являются основные *категории хозяйств*, отличающиеся по организационно-экономиче-

Динамика валового надоя молока (в хозяйствах всех категорий, т)

Группы районов	2000	2010	2015	2016	2017	2018
Северо-западно-прибрежная группа (оленоводческо-промысловый тип)						
Аллаиховский	29	6	5	4	5	5
Анабарский	—	—	—	—	—	—
Булунский	148	128	54	2	3	6
Нижнеколымский	45	9	12	13	14	7
Оленекский	80	62	65	66	62	57
Усть-Янский	160	69	76	70	45	47
Жиганский	69	75	40	44	46	38
Итого по группе	531	349	252	199	175	160
Северо-восточная группа (оленоводческо-животноводческо-промысловый тип)						
Верхоянский	4672	4300	4172	3900	3694	3487
Момский	621	581	394	412	266	327
Оймяконский	1164	2200	815	943	968	998
Томпонский	2489	2058	2282	2191	2211	2217
Эвено-Бытантайский	271	409	377	395	399	304
Всего по группе	9217	9548	8040	7841	7538	7333
Индигино-колымская группа (животноводческо-промысловый тип)						
Абыйский	643	546	528	401	502	566
Верхнеколымский	591	411	242	242	244	228
Среднеколымский	1728	1368	1431	1157	1168	1181
Всего по группе	2962	2325	2201	1800	1914	1975
По 15 улусам (районам)	12 710	12 222	10 493	9840	9627	9468
По РС (Я)	164 599	191 606	164 572	164 644	166 401	166 055

Составлено по: *Статистический ежегодник РС (Я): стат. сборник.* — Якутск, 2019. — С. 339–379.

ским формам хозяйствования — сельскохозяйственные организации/предприятия; подсобные хозяйства предприятий; крестьянские (фермерские) хозяйства; индивидуальные предприниматели в сельском хозяйстве, а также по социально-хозяйственным формам — родовые общины; личные хозяйства населения.

Необходимо сказать, что в официальной статистике родовые общины/кочевые родовые общины коренных малочисленных народов Севера не учитываются как отдельная категория хозяйствующих субъектов и включаются в состав сельскохозяйственных организаций или индивидуальных предпринимателей, что особенно чувствительно для функционирования оленеводческих и промысловых хозяйств.

По организационно-экономическим формам хозяйствования выделим сельскохозяйственные организации, крестьянские хозяйства и индивидуальных предпринимателей и разберем их вклад в сохранение поголовья в оленеводстве, скотоводстве и коневодстве, а также в производстве основной продукции традиционного животноводства¹³.

¹³ Санникова Я.М. Показатели в изучении типов традиционного северного хозяйства (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. в Республике Саха (Якутия)) // Московский экономический журнал. — 2019. — № 12. — С. 439–452 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennyye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-3/>. Дата обращения: 10.09.2020.

Более половины оленьего поголовья (53,2 %) содержится в сельскохозяйственных организациях Усть-Янского (16,8 %) и Нижнеколымского (15,3 %) районов, входящих в северо-западно-прибрежную группу; более трети поголовья (36,5 %) находится в северо-восточной группе — в Эвено-Бытантайском (11,6 %) и Момском (8,5 %) районах; локальное поголовье оленей (3,2 %) представлено в индигиро-колымской группе (см. прил. 2). Небольшое поголовье крупного рогатого скота (7 %) и лошадей (17,5 %) содержат СХО северо-восточной группы, где особенно выделяется Верхоянский улус (соответственно, 3,8 и 6,9 %); в собственности СХО индигиро-колымской группы находится 7,8 % КРС и 8,6 % лошадей, в т.ч. в Среднеколымском улусе — 4,6 и 6,2 %.

Сельскохозяйственные организации северо-западно-прибрежной и северо-восточной группы производят почти одинаковые объемы мяса — 16,4 и 15,3 %; последняя группа также имеет небольшую долю (6,5 %) в объемах производства молока. Индигиро-колымская группа обеспечивает 5,9 % всего производства мяса и почти столько же (5,5 %) валового надоя молока. По объемам произведенной продукции выделяются районы, у которых наибольшее поголовье скота. Объемы производства мяса также частично формируются за счет промысловой охоты.

Все крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели имеют мизерную долю в общем поголовье домашних оленей (0,1 %); имеющееся в северо-западно-прибрежной группе поголовье скота также ничтожно — КРС (0,4 %), лошадей (0,7 %). Значительная часть поголовья КРС (20,2 %) и лошадей (33 %) содержится в северо-восточной группе, в т.ч. в Верхоянском улусе — 7,5 % КРС и 14,8 % лошадей, Томпонском — 5,9 % КРС, Оймяконском — 8,2 % лошадей. Значимое для крестьянских хозяйств поголовье скота (6,4 %) и лошадей (6,7 %) сосредоточено в индигиро-колымской группе, в т.ч. в Среднеколымском улусе — 4,7 % КРС, в Среднеколымском и Абыйском — по 3 % лошадей. Наибольшие объемы заготовки мяса и надоев молока приходятся на КФХ и ИП северо-восточной группы — 19,3 и 21,4 % соответственно. Хозяйства данной категории в индигиро-колымской группе произвели 4,9 % мяса и 6,9 % молока, что соответствует количеству наличного поголовья.

Социально-хозяйственные организации сельского населения представлены личными подсобными хозяйствами. Больше всего поголовья домашних животных в личном владении имели в северо-восточной группе: 50,9 % голов крупного рогатого скота, в т.ч. в Верхоянском улусе — 21 % и Томпонском улусе — 16,4 %; 23,1 % голов лошадей, в т.ч. в Верхоянском — 15 %. В личных подсобных хозяйствах индигиро-колымской группы содержали 5,4 % голов КРС, в т.ч. в Среднеколымском улусе — 3,2 %, Абыйском улусе — 1,9 %, а также 5,7 % поголовья лошадей, в т.ч. в Абыйском улусе — 2,8 %, Среднеколымском улусе — 2,6 %. В личном владении домашние олени содержались в северо-западно-прибрежной (5,7 %) и северо-восточной (1,2 %) группах. ЛПХ северо-восточной группы производили практически треть объемов мяса (28,2 %) и больше половины объемов молока (51,7 %). ЛПХ индигиро-колымской группы являются продуцентами 7 % произведенного мяса и 5,8 % валового надоя молока.

Анализ деятельности основных категорий хозяйств, проведенный на основе природно-хозяйственного районирования, выделяющего типы региональной специализации, выявил следующую картину. Для группы районов оленеводческо-промыслового типа характерно преобладание сельскохозяйственных организаций/предприятий; концентрация поголовья домашних оленей в СХО; наличие маленького поголовья крупного рогатого скота и лошадей, что определяет мизерные объемы производства молока в обеих категориях хозяйств, а также небольшое производство мяса преимущественно за счет двух улусов (районов).

Группы районов оленеводческо-животноводческо-промыслового типа отличаются пропорциональным распределением хозяйств с различными организационно-экономическими формами хозяйствования (сельскохозяйственные организации; крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели в сельском хозяйстве); сосредоточением трети общего поголовья домашних оленей и крупного рогатого скота, половины общего поголовья лошадей, а также производством трети сельскохозяйственной продукции всех арктических и северных улусов.

В районах животноводческо-промыслового типа наблюдается некоторое преобладание работников крестьянских (фермерских) хозяйств над числом занятых в сельскохозяйственных организациях. При этом КФХ больше сосредоточены на содержании крупного рогатого скота и лошадей, а СХО — на уходе за домашними оленями; есть небольшое производство мяса и молока.

Такая категория хозяйств, как ЛПХ, больше всего развита в районах оленеводческо-животноводческо-промыслового типа. Они специализируются преимущественно на разведении КРС и лошадей, что позволяет им производить треть мясной и более половины молочной продукции всех арктических и северных улусов республики.

В целом данные ВСХП-2016 и текущей официальной статистики свидетельствуют о том, что в настоящее время традиционные хозяйства Севера функционируют как часть реальной экономики Республики Саха. Кроме того, они имеют и большое социальное значение. В этой связи представляется важным внимание к такому аспекту социологии хозяйственной жизни, помимо анализа экономических явлений и процессов, как социальный контекст хозяйственной деятельности.

Материалы авторских полевых работ, проведенных в 2015–2018 гг. в Оленекском эвенкийском национальном районе и в Среднеколымском улусе, убеждают в том, что ценности, знания, традиции, мотивация рядовых сельских тружеников имеют большое значение для формирования определенных стратегий адаптации традиционного хозяйства. Результаты социологического опроса в Оленекском районе подтверждают непрерывность воспроизводства специфики традиционного хозяйственного образа жизни на Севере. Так, 30 % взрослых мужчин практически постоянно живут на удаленных стоянках в местах традиционного природопользования; 19,3 % — выезжают туда по несколько раз в неделю или в месяц; 46,6 % — указали на сезонный характер своих выездов. Целью таких хозяйственных выездов являются собирательство — 68,6 % респондентов, охота и рыболовство (по 43,6 %), заготовка древесины для нужд семьи (24,6 %).

Согласно итогам полевых исследований во 2-м Мятисском наслеге Среднеколымского улуса, члены крестьянских и личных хозяйств воспринимают/оценивают свою повседневную, рутинную работу как естественное продолжение традиционного образа жизни своих родителей и предков. Важным представляется сам процесс труда: для старшего поколения — это практически философия их жизни, для более молодых людей — также немаловажна возможность ежедневного потребления собственной продукции.

При этом информанты высказывали свое желание и в будущем заниматься традиционным хозяйством: «...Думаю, что жители села и в будущем хотели бы разводить скот и лошадей, на самом деле люди среднего возраста очень даже хотят их содержать. Только, если у людей будет скот, лошади будут, тогда и развитие будет на селе, самообеспечение для собственного потребления также...пока держим, хотя и очень сложно в наших условиях, все-таки эти несколько хозяйств обеспечивают население молоком и молочными продуктами»¹⁴.

Также домашнее оленеводство является единственной отраслью традиционного животноводства, в котором заняты только представители коренных малочисленных народов Севера. Считается, что относительно низкий уровень безработицы среди них, главным образом, за счет традиционных видов занятости, составляет отличительную особенность Якутии от других северных регионов России. Вместе с тем уровень их зарплаты, которая в несколько раз ниже среднереспубликанского размера заработной платы, нельзя считать приемлемым.

В указанных улусах представители оленеводческих хозяйств подчеркивали, прежде всего, этнообразующее значение домашнего оленеводства в судьбе коренных народов Севера. В этой связи им бы хотелось, чтобы в современной аграрной политике больше бы учитывались интересы людей на местах, чтобы для этого наладили какой-нибудь системный подход в организации всего хозяйственного цикла, начиная от вопросов поставки техники и ГСМ и заканчивая сбытом произведенной продукции, только тогда можно говорить о реальных долгосрочных перспективах экономического развития хозяйств и социального благополучия их тружеников.

¹⁴ ПМА: рукопись. Среднеколымский улус, 2015 г., 2018 г.; Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Севера Якутии: факторы и критерии стратегий адаптации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. — Якутск, 2018. — С. 90–129 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>. Дата обращения: 01.09.2020.

РАЗДЕЛ II

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

ГЛАВА 2.1

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ СЕВЕРНОГО ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

В настоящей главе представлена оценка современного социального положения русского населения, являющегося одним из основных составных компонентов этнонациональной среды Республики Саха (Якутия). Под русским населением (русскими/русским этническим сообществом) понимается совокупность лиц, определивших себя представителями русской национальности в переписных листах ВПН-2002 и ВПН-2010, а под полиэтничностью региона — официальное и общественное признание многосоставности/многоэтничности регионального сообщества, где этнический критерий дифференциации населения поддерживается правовыми нормами и/или социальными практиками.

Разделяя точку зрения, что сегодня региональные этносоциальные процессы являются самодостаточными¹, можно утверждать, что этнонациональная и социальная, в первую очередь — коммуникационная, среда оказывает активное влияние на социальное самочувствие этнических сообществ в полиэтничном регионе, главным образом тех, кто облечен статусом некоренного населения и (или) меньшинства.

Система внутреннего расселения в Саха (Якутия) во многом обусловлена особенностями профессиональной стратификации, сложившейся в период интенсивного заселения этого северного полиэтничного региона России в советский период². Так, в сельском хозяйстве как деятельности, способствующей сохранению национальной культуры, уклада и быта, были представлены в основном якуты и другие коренные народы региона, а в промышленности — преимущественно приезжее иноэтническое население, главным образом, русские и украинцы. Помимо этого здесь проводилась политика по «возвращению» национальной интеллигенции в таких областях, как государственное управление, наука, образование, в которой заметную роль сыграли русские³.

Сегодня этнонациональную среду Республики Саха отличает, прежде всего, наличие взаимосвязи между государственным развитием региона и

¹ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. — 2014. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html. Дата обращения: 01.06.2020.

² Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (история формирования и современные проблемы). — Якутск, 1988. — 232 с.

³ Софронов А.К. Роль русских ученых в подготовке научных кадров (1917–1961 гг.) // Исторические связи народов Якутии с русским народом: Сб. науч. статей. — Якутск, 1987. — С. 197–205.

этническим самосознанием титульного народа; трансформация этнопрофессиональной структуры за счет активной региональной управленческой политики и отчасти миграции; придание в современном общественном развитии значимости национальных культур коренных народов Якутии на фоне сохранения прав других народов России, проживающих на территории республики, на поддержку своих этнокультурных традиций; проведение региональной языковой политики по укреплению статусов и расширению коммуникативной среды языков коренных народов Якутии; изменения в этнонациональной структуре населения.

Анализ социального положения в широком понимании, охватывающим как социально-экономическое положение, так и ключевые аспекты в демографическом и этносоциальном развитии русских, проведен на основе материалов Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.; данных социологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, проведенных в основных районах проживания русского этнического сообщества и в Республике Саха в целом. В настоящее время в статистических сборниках национальность фиксируется только как один из демографических показателей и не выступает дополнительным индикатором при сводке показателей уровня жизни и пр., в этой связи используем преимущества территориального расселения в Якутии.

Анализ национального состава Якутии, по данным ВПН-2010, позволяет констатировать (в качестве экспериментальной типологии) наличие шести этноструктурных типов:

— арктический: в районах с высокой долей представителей КМНС, позволяющей им доминировать в составе населения. Так, в Анабарском районе доля эвенков составляет порядка 23 %, эвенов — 6,5 %; в Оленекском — 75,5 % эвенков, 0,5 % эвенов, Жиганском — 55 % эвенков, 1,2 % эвенов, Эвено-Бытантайском — 53,2 % эвенов, 0,6 % эвенков;

— южный: русские, как этническая группа, доминируют в Ленском, Алданском и Нерюнгринском районах, где их доля достигает 80 %, Мирнинском — 67 %;

— восточный: наличие русского большинства и растущей доли якутов и КМНС, стремящейся к уравниванию в составе населения. Усть-Майский, Оймяконский, Верхнеколымский, Олекминский и Томпонский районы, где доля русских варьирует в пределах от 40 до 57 % при наличии более низкой доли якутов и КМНС в составе населения;

— центральный: большинство населения составляют якуты. Более 90 % — в Амгинском, Верхневилуйском, Вилюйском, Горном, Мегино-Кангаласском, Намском, Нюрбинском, Сунтарском, Таттинском, Усть-Алданском, Чурапчинском; от 70 до 80 % — в Абыйском, Верхоянском, Среднеколымском; от 65 до 70 % — в Кобяйском и Момском районах;

— общереспубликанский (столичный): характеризуется соответствием этноструктуры района имеющемуся национальному составу Якутии в целом (г. Якутск и Хангаласский район);

— смешанный: в арктических районах, где три этнические группы (КМНС, якуты, русские) стремятся к уравниванию своей доли (Аллаиховский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский районы).

Представленная типология позволяет выделить следующие природно-географические зоны концентрации русского населения в Якутии:

А) зона с высоким уровнем присутствия русских — охватывает территорию Южной Якутии и частично Западной Якутии с южным типом этноструктуры;

Б) зона со средним уровнем — включает Восточную Якутию, арктические районы и один район из субарктической территории с восточной и смешанной этноструктурой; к этой зоне также относятся г. Якутск и Хангаласский улус (район);

В) зона с низким уровнем — занимает Центральную Якутию, большую часть Западной Якутии и субарктические районы с центральной и арктической этноструктурой.

Таким образом, получение дополнительной информации о положении русских будет обеспечиваться анализом демографических данных и различных социально-экономических показателей по Алданскому, Ленскому, Нерюнгринскому, Мирнинскому районам, представляющих зону с высоким уровнем их присутствия. Надо отметить, что начиная с 1959 г. в указанных районах доля русских в составе населения наиболее высокая, здесь они проживали сплошным этническим массивом⁴. Данные ВПН-2010 показывают, что совокупная доля русских, проживающих в этих районах, составляет 49,9 % от общей численности русских Якутии; 32,1 % русских проживает в г. Якутске. То есть в настоящем исследовании мы охватываем 82 % русского населения, что позволяет говорить о высокой степени верификации его результатов.

Для удобства восприятия прибегнем к формальному сокращению и, исходя из этнонациональной структуры и социально-экономического районирования, назовем Алданский, Нерюнгринский, Ленский и Мирнинский как «промышленные русские районы», а районы с центральным типом этноструктуры — «якутские районы».

Описывая современное социальное положение русского населения, мы опираемся на результаты различных КСИ, в том числе мониторинговых, проведенных этносоциологами ИГИиПМНС СО РАН:

— массового опроса по теме «Проблемы региональной безопасности Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации» (2005–2006). География исследования: гг. Якутск ($n=400$), Нерюнгри ($n=300$), районы РС (Я): Абыйский ($n=218$), Горный ($n=300$), Чурапчинский ($n=300$). Использован метод анкетирования, выборка квотная, пропорциональная;

— массового опроса по теме «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия)» (2013–2014). География исследования: гг. Нерюнгри ($n=199$), Якутск ($n=296$), Олекминск ($n=152$); районы РС (Я): Аллаиховский ($n=106$), Анабарский ($n=112$), Усть-Янский ($n=102$). Использован метод анкетирования, выборка квотная, половозрастная;

— интернет-опроса по теме «Межэтническое согласие» среди населения Якутии, проведенного через социальную сеть WhatsApp в программе SurveyMonkey (2020). 1-я волна опроса проведена в июле 2020 г. в г. Якутске ($n=82$).

⁴ Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этностатистическое исследование). — Якутск, 1994. — С. 55.

Анализ статистических данных проведен на основе материалов ВПН-2002, ВПН-2010 и, конечно, официальных данных Сахастана.

Динамика численности и особенности миграционного движения. Стоит напомнить, что в результате социальных и политических потрясений 1990-х годов зародились новые тренды социального развития автономных республик РСФСР, в т.ч. и Якутии, описываемые через такие этнополитические процессы, как суверенитет, национальное и государственное развитие, права народов.

Наиболее ярко изменение социального положения русского населения в национальной республике фиксирует перманентный процесс возвратной миграции русских. Так, если в 1989 г. русские составляли 50,3 % в общем составе населения Якутской АССР, то в 2002 г. — 41,3 %, в 2010 г. — 37,8 %. С 1989 по 2010 г. абсолютная численность русского населения уменьшилась с 550 263 до 353 649 чел. (–196 614), при этом численность якутов увеличилась с 365 236 до 466 492 чел.

Сравнение данных ВПН-2002 и ВПН-2010 по национальному составу населения Якутии показывает изменение численности русских во всех улусах (районах), вне зависимости от их географического расположения, в сторону их сокращения. Средний процент потери русского населения за межпереписной период составляет 24,1 % русских (см. прил. 5). Миграция русских в основном носит возвратный характер. Основная часть русских Якутии, это мигранты во втором и последующих поколениях, приехавшие в северный край во имя идеи промышленного и культурного освоения, процветания народов СССР или за длинным рублем. В условиях трансформации социально-политической системы России и ее автономных республик они предпочли вернуться в места исхода своих родителей.

Рассматривая динамику национального состава населения районов Якутии, можно отметить, что независимо от этнической плотности и многообразия наблюдается убыль русского населения. Произошел сильный отток из районов, где некогда была развернута активная промышленная деятельность, требовавшая соответствующего кадрового потенциала, пополняемого за счет трудовой миграции русских, но в постперестроечное время была свернута. Так, за межпереписной период в зоне со средним уровнем присутствия русских их численность снизилась: в Усть-Янском районе — на 38,7 % (до 21,1 тыс. чел.), Оймяконском — на 36,5 % (до 5,2 тыс. чел.), Нижнеколымском — на 34 % (до 1,8 тыс. чел.). Более чем на 1/3 снизилась их доля в отдельных районах, входящих в зону с низким уровнем присутствия русских (в якутских улусах и районах с арктическим и смешанным типами этноструктуры): Абыйском — на 0,1 тыс. чел. соответственно, Булунском (0,8 тыс. чел.), Горном (0,08 тыс. чел.), Момском (0,1 тыс. чел.), Нюрбинском (0,4 тыс. чел.), Оленекском (0,07 тыс. чел.), Сунтарском (0,1 тыс. чел.), Таттинском (0,07 тыс. чел.), Усть-Алданском (0,05 тыс. чел.), Эвено-Бытантайском (0,01 тыс. чел.). Самая максимальная убыль отмечена в Анабарском улусе: численность русских сократилась на 85,7 % (с 751 до 130 чел.), что связано, помимо социально-экономических процессов в регионе, с особенностями улусного рынка труда, определяемыми на тот период политикой компании АО «Алмазы Анабара».

Рассмотрим изменения в промышленных русских районах. Прежде всего отметим, что после г. Якутска они являются самыми густонаселенными районами Якутии. В 2018 г. численность населения г. Якутска составляла 333,8 тыс. чел., Нерюнгринского района — 74,0 тыс. чел., Мирнинского — 72,2 тыс. чел., Ленского — 37,1 тыс. чел., Алданского — 39,5 тыс. чел.⁵ Стремительный рост численности русских происходил в условиях активной индустриализации Севера и возникновения новых для экономики Якутии отраслей промышленности ввиду отсутствия рабочей силы на местах в советский период⁶. В 2000–2018 гг. численность населения этих районов суммарно уменьшилась на 8,6 %, а русских — на 10 %.

Анализ этнического состава русских районов свидетельствует о наличии двух противоположных тенденций в этноструктуре: рост и снижение доли русских в составе населения. Так, в Алданском районе доля русских возросла с 78,8 до 80 %, Ленском — с 78,0 до 79,5 %, Нерюнгринском — с 75,6 до 79,7 %. Рост произошел за счет снижения доли таких национальностей, как украинцы, татары и армяне. В Мирнинском районе произошло уменьшение как доли русских с 68,7 до 67,9 %, так и доли украинцев и татар в структуре его населения; в отличие от других русских районов здесь наблюдается рост доли якутов с 6,7 до 9,7 %. В численном выражении фиксируется повсеместное уменьшение русских в составе всех 35 районов, за исключением Ленского района и г. Якутска. Прирост численности русских в Ленском районе в большей степени связан с кадровым обеспечением добывающих предприятий (привлечение вахтовых рабочих извне республики). В столице республики прирост обеспечивается, прежде всего, миграцией из районов Якутии.

Русские, как и якуты, активно покидают северные, арктические районы республики. В межпереписной период в улусах (районах) с преимущественным проживанием якутов (саха) сохраняется тренд укрепления моноэтнической среды с низким уровнем межэтнических контактов; фиксируется снижение доли не только русских, но и украинцев, татар, бурят.

Статистические данные миграции показывают, что в подавляющем большинстве улусов (районов) Республики Саха из года в год отмечаются миграционная убыль и снижение численности их населения (см. прил. 6), а сама миграция имеет центростремительную направленность: «село — районный центр — столица». Это обусловлено решающей ролью экономических факторов, уровнем социально-экономического развития территорий, при этом внутрорегиональный перетек характерен для некоторых крупных дальневосточных городов⁷. Постоянный миграционный приток наблюдается в столицу — г. Якутск. Интенсивная миграция (большой поток как прибывших, так и выбывших) происходит в Мирнинском и Нерюн-

⁵ Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 17.

⁶ Игнатьева В.Б. Указ. соч. — С. 55–56.

⁷ Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. — Ставрополь, 2001. — 542 с.; Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере 10 городов) // Проблемы прогнозирования. — 2008. — № 4. — С. 98–111 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-opyt-naseleniya-regionalnyh-tsentrov-rossii-na-primere-sotsiologicheskogo-oprosa-v-10-gorodah>. Дата обращения 01.08.2020.

гринском районах, причем здесь один из самых высоких показателей миграционной убыли по РС (Я), что свидетельствует о сохранении тренда рекрутирования русских, связанного с обеспечением работы промышленных объектов.

Человеческий потенциал русского населения Якутии. В данном аспекте представим основные и определяющие черты, характеризующие современное состояние человеческого потенциала. Это позволяет учитывать имеющиеся природные и накопленные ресурсы человека, в отличие от человеческого капитала, рассматриваемого в большинстве случаев как вложения, инвестиции в развитие человека⁸. Рассмотрим изменения следующих показателей: половозрастная структура, состояние в браке по полу, уровень образования, источники средств к существованию по данным ВПН-2010.

Анализ динамики половозрастного состава русских показывает, что прирост численности младенцев и детей дошкольного периода у них сравнительно ниже, чем у якутов (см. прил. 7). Отмечается заметное сокращение численности детей школьного и подросткового возраста в сравнении с показателями аналогичных возрастных категорий у якутов. Полярные тенденции у русских (сокращение) и якутов (увеличение) наблюдаются и в юношеском (18–19 лет), молодом (20–29), зрелом (45–54) возрасте; противоположный тренд (у русских — увеличение, у якутов — сокращение) отмечается в возрастной категории 35–39 лет. Наблюдается проседание в количестве якутского населения в возрасте 30–34 и 35–39 лет, тогда как у русских в этих возрастных категориях фиксируется небольшой рост. Имеются и сходные тренды: у якутов и русских фиксируется рост лиц старшего, зрелого и пожилого возраста (55 лет и старше), уменьшение численности дошкольников и школьников (5–17 лет). В итоге, наблюдается рост активного трудоспособного населения у якутов, тогда как у русских — его сокращение; преобладание мужчин над женщинами у русских вплоть до 40 лет, тогда как у якутов мужчин больше, чем женщин, фиксируется до 17-летнего возраста.

Районные срезы свидетельствуют, что в промышленных русских районах, как ни в каких других, удельный вес населения в трудоспособном возрасте гораздо выше. Средний показатель по Якутии на 2017 г. составлял 58,8. В якутских районах удельный вес варьировался от 50,0 (Момский) до 55,6 (Верхоянский), тогда как в русских районах он составлял чуть более 58,5 (Алданский, Ленский), 60,2 — в Нерюнгринском, 63,7 — в Мирнинском (самый высокий показатель по Якутии)⁹. Это отражает особенность развития промышленных районов, население которых продолжает пополняться, но уже в меньшей степени, за счет привлечения рабочей силы, прежде всего, мужчин в трудоспособном возрасте. В целом по Якутии русское сообщество по возрасту старше, чем якутское. Так медианный возраст у русских составляет 33,8 лет, тогда как у якутов 28 лет, хотя, конечно, в обеих группах идет медленное старение. Отметим, что медианный возраст у русских и якутов намного ниже, чем в среднем по России.

⁸ Маклакова Е.А. Человеческий капитал: понятие, оценка, учет // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2010. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-ponyatie-otsenka-uchet>. Дата обращения: 27.08.2020.

⁹ Труд и занятость в Республике Саха (Якутия). Стат. сборник. — Якутск, 2018. — С. 19.

Итак, анализ динамики половозрастного состава населения Якутии по национальности показывает, что демографические пирамиды якутов и русских несколько отличны. Основание пирамиды у якутов значительно шире, чем у русских, но вершины весьма схожи по доле старшего поколения; при этом эти вершины склонны к расширению, нежели сужению. Высокая доля детей в общем составе населения характерна для районов с преобладанием сельского населения, а низкая — для промышленных районов с преобладанием городских жителей¹⁰. В целом по форме пирамида русского населения похожа на силуэт дуба, тогда как у якутов — пышной ели (см. рис. 1–2).

Весомые различия наблюдаются в провалах этих силуэтов: так у русского населения доли лиц 15–17 лет и 60–64 года условно одинаковы и значительно малы, лиц в возрасте 40–44 года тоже немного, что делает силуэт древа фигурным, тогда как у якутов сужения (хотя не такие выраженные) фиксируются в таких возрастных категориях, как 18–19, 35–39 и 60–64 года.

Отличительным демографическим поведением русского населения Якутии является ориентация на малодетность; активная политика выезда семей (прежде всего, родителей в возрасте 40–44 лет) с детьми школьного возраста от 10 до 17 лет, юношей от 18 до 20 лет. Русское сообщество несет значительные потери лиц моложе трудоспособного и трудоспособного возраста, увеличивая долю людей преклонного возраста.

Данные переписи позволяют констатировать, что русские более категорично настроены на переезд, ориентируют своих детей на получение образования и дальнейшее проживание за пределами Якутии, в противовес якутскому сообществу, молодежь которого настроена к возвращению на родину после обучения за пределами республики. Несмотря на выезд русского населения из Якутии, регион остается привлекательным для трудовой миграции, обеспечивающейся притоком русских из других регионов страны, что подтверждается небольшим ростом их численности в возрастной группе 30–39 лет и сохраняющимся преобладанием мужчин в составе трудоспособного русского населения.

Особенности демографических процессов (изменения в гендерной и возрастной структуре, миграция) сказываются и на показателях брачности русских (см. прил. 8). Если у якутов, характеризующихся положительной динамикой численности, высок прирост числа состоящих в браке мужчин и женщин, то у русских фиксируется снижение численности людей, состоящих в браке.

По состоянию на 2010 г. соотношение между полами у русских и якутов немного отличается: на 1000 русских мужчин приходится 1056 женщин, у якутов — 1106 женщин. Стоит отметить, что с 2002 г. показатель соотношения между полами немного возрос как у якутов, так и у русских. В целом медленное увеличение доли женщин — общероссийская тенденция¹¹.

¹⁰ Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): стартовые возможности социальной мобильности // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. — Якутск, 2018. — С. 138.

¹¹ Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Официальное издание. — М., 2012. — С. 21; *Об итогах* Всероссийской переписи населения 2010 года. Сообщение Росстата [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php#2>. Дата обращения: 01.08.2020.

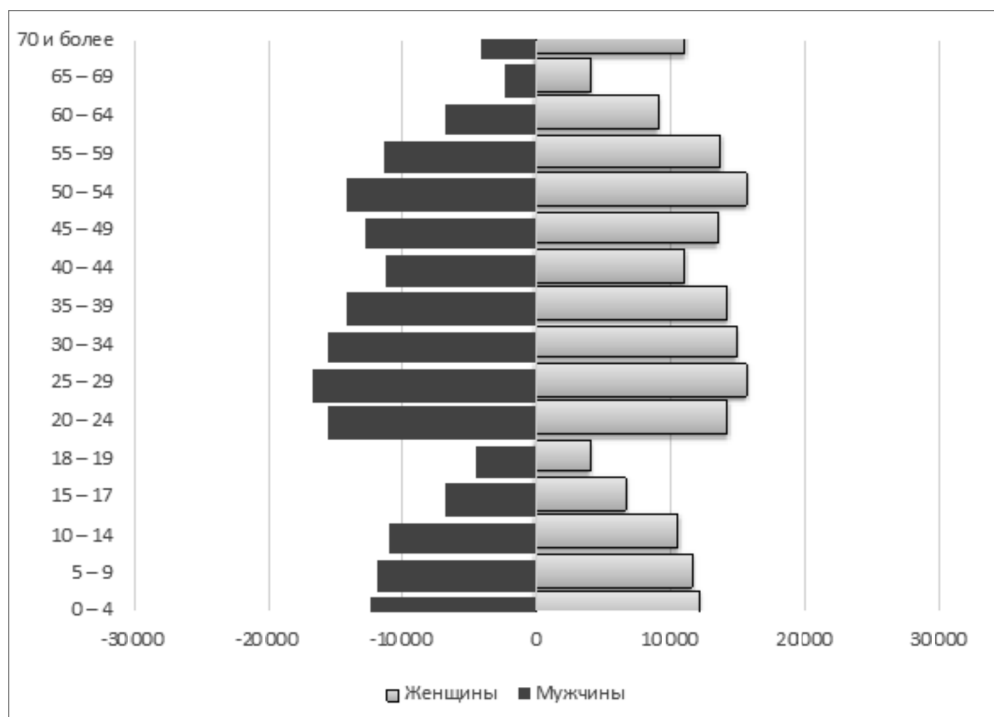

Рис. 1. Половозрастная структура русского населения по ВПН-2010.

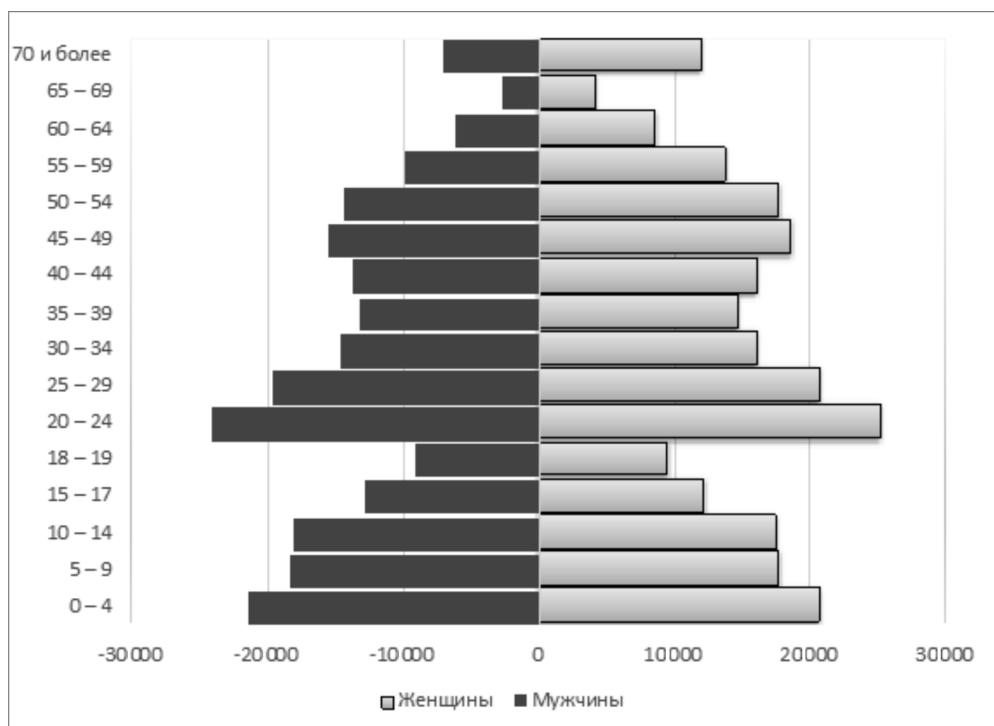

Рис. 2. Половозрастная структура якутского населения по ВПН-2010.

Однако факторы ее роста различны: у якутов это больше обусловлено динамикой естественных процессов, у русских — показатель соотношения полов ближе к балансу 1 : 1, что связывается, прежде всего, с влиянием миграции.

Несмотря на такое благоприятное соотношение полов, у русских в Якутии наблюдается сокращение супружеских пар — с 90 до 83 тыс., тогда как у якутов — увеличился с 80 до 92 тыс. Это отнюдь не означает снижение значимости создания семьи у русских. Так, по данным ВПН-2010, доля семейных русских составляет 59,3 %, никогда не состоявших в браке всего 20,9 % (53,4 % якутов состоят в браке, не состоявших в браке — 32,7 %). Но у русских высока доля разведенных — 11,3 % (у якутов — 6,3 %) и состоящих в незарегистрированном браке — 12,1 % (у якутов — 8,1 %).

Гендерный срез состояния брачности показывает, что русских мужчин, состоящих в браке, больше, чем женщин, что также наблюдается и у якутов. Но доля мужчин, состоящих в зарегистрированном браке, у якутов больше (85 %), чем у русских (79,6 %). Надо сказать, что у русских чаще распространена практика гражданских браков. Так, среди мужчин, состоявших в незарегистрированным браке, 20,4 % русских и 14,9 % якутов. При этом эта практика имеет тенденцию к большему распространению среди населения Якутии. Так в 2002–2010 гг. прирост числа незарегистрированных браков у русских составил 19,1 %, а среди якутов — 76,4 %. Данные переписей показывают, что в Якутии, как и в целом по стране, набирает силу тенденция роста неформальных союзов, практики откладывания регистрации брака или даже отказа от этой формальной процедуры в уже состоявшихся союзах¹².

Согласно данным переписи в семейном плане русские женщины находятся в наихудшем положении, так как они чаще других остаются вдовыми и пополняют категорию разведенных (13,0 %), тогда как у женщин-якуток доля разведенных составляет 7,4 %. При этом этот показатель с 2002 г. вырос и, по всей видимости, имеет тенденцию к росту.

Итак, можно отметить, что миграционные процессы сказались на показателях брачности русского населения. В результате среди русских фиксируется высокий уровень сокращения числа состоящих в браке и, соответственно, низкая доля людей, не состоявших в браке (по сравнению с аналогичным показателем у якутов, который в 2,5 раза больше).

В этой связи обоснованы существующие показатели рождаемости по улусам (районам) Якутии. Коэффициент рождаемости ниже общереспубликанского уровня отмечается именно в промышленных районах, а также в районах с восточным типом этноструктуры с большей долей русского населения (см. прил. 9). Помимо действия демографических факторов, важное влияние оказывает тенденция нуклеаризации семьи, характерная для современных развитых стран¹³, кроме того, можно отметить и наличие дифференцированных стратегий у этнических групп по вопросу рождаемости¹⁴.

¹² Захаров С. Браки и разводы в современной России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema03.php>. Дата обращения: 01.08.2020.

¹³ Хачатрян Л.А Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2014. — № 4 (20) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-sovremennoy-rossiyskoj-semi>. Дата обращения: 07.09.2020.

¹⁴ Васильева О.В., Маклашова Е.Г. Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. — Якутск, 2018. — С. 28; Петрова Т.П., Мярикянова Э.Т. Тенденции этносоциального развития саха и русских // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. — Новосибирск, 2000. — С. 143.

Данные брачных отношений обнаруживают наличие разных практик брачного поведения у женщин и мужчин русской и якутской национальности. Так, русские женщины в большей мере склонны к малодетности и подвержены влиянию таких неоднозначных социальных явлений, как гражданский брак и развод. Русские мужчины также чаще используют практику сожительства и в меньшей степени являются одинокими (не состоял ни в зарегистрированном, ни в гражданском браке). Отметим, что уровень брачности медленно снижается у обеих этнических групп.

По результатам массовых опросов населения Якутии высокая полиэтническая среда региона оказывает существенное влияние на организацию семьи и, несмотря на толерантное отношение к межнациональным бракам, в обществе присутствует практика учета этнической принадлежности невесты/жениха при выборе брачного партнера¹⁵. По данным Т.С. Ермолаева, итоги социологических исследований в Южной Якутии не согласуются с результатами опросов ВЦИОМ о возможности создания межнациональных браков¹⁶. По мнению М.А. Абрамовой, переход к однонациональным семьям во многом обусловлен этнонациональной политикой как государства, так и региона (ценностями, обеспечивающими их реализацию), но в то же время состоянием межнациональных отношений¹⁷. К сожалению, информацию о количестве смешанных браков сегодня очень сложно найти, но стоит отметить, что в 1994–1996 гг. якутско-русские браки были не так часто распространены с учетом того, что соотношение между ними было иное: саха — 40,0 %, русские — 47,0 % населения. Так, в 1994 г. было заключено 8685 браков, среди которых 2039 смешанных, в т.ч. якутско-русских — 224; в 1996 г. среди зарегистрированных 6483 браков 1533 были смешанными, в т.ч. якутско-русских — 234¹⁸.

Значимым показателем развития человеческого потенциала социальной группы является динамика образовательного уровня ее представителей. Образование имеет огромное социальное значение, поскольку обеспечивает индивиду место и роль в социуме, определяет уровень его жизни и выступает одним из основных каналов социальной мобильности. С 2002 г. в Якутии наблюдаются весьма активные процессы по повышению образования русского и якутского населения РС (Я). При этом, несмотря на активную миграцию русских, в регионе остаются люди с достаточно высоким образовательным потенциалом (см. прил. 10). Так, в 2010 г. по основным уровням профессионального образования (послевузовское, высшее, среднее специальное) наблюдается прирост по отношению к 2002 г. Убыль фиксируется во

¹⁵ *Винокурова Д.М.* Мигрантские сообщества в местах прибытия: траектории коммуникации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности [Электронный ресурс]. — Якутск, 2018. — С. 81.

¹⁶ *Ермолаев Т.С.* Южная Якутия: промышленное освоение и динамика современных этносоциальных процессов [Электронный ресурс]. — Якутск, 2018. — С. 88.

¹⁷ *Абрамова М.А.* Роль этнически смешанных браков в этносоциальных процессах // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. — Смоленск, 2016. — С. 64–67; *Она же.* Влияние мультикультурализма на динамику этнически смешанных браков в России // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. — Казань, 2018. — С. 354–358.

¹⁸ *Спиридонова И.Е.* Этнокультурное взаимодействие и межнациональные отношения в Якутии: опыт историко-социологического исследования. — Новосибирск, 1999. — С. 45.

**Население Якутии по источникам средств к существованию, тыс. чел.
(городское и сельское население по национальности)**

Источник	Все население		Якуты		Русские		Прирост в 2002–2010 гг., %		
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	Все население	Якуты	Русские
Трудовая деятельность	428,8	449,6	164,1	196,9	197,7	187,8	4,8	20,0	-5,0
Личное подсобное хозяйство	104,4	99,6	79,7	75,8	18,8	16,9	-4,6	-4,9	-10,2
Пенсия	147,7	185,2	65,0	84,2	64,3	77,7	25,3	29,5	20,7
Пенсия по инвалидности	28,6	31,7	16,7	18,1	8,9	10,2	10,8	8,3	13,5
Пособие по безработице	4,8	9,5	2,3	6,2	1,6	1,9	98,6	163,0	22,9

Источник: *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по источникам средств к существованию [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>. Дата обращения: 01.06.2020; *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу и источникам средств к существованию [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>. Дата обращения: 01.06.2020.

всех уровнях основного образования у русских, что связано с активным отъездом семейных с детьми. Надо сказать, что аналогичные тренды в образовании отмечаются и у якутов. Можно выделить параллельные процессы в накоплении образовательного потенциала обеими этническими группами, в частности, увеличение интереса к среднему специальному профессиональному образованию. Например, у русских доля людей, обладающих средним специальным профессиональным образованием, превышает практически в два раза долю людей, имеющих высшее образование, и в 1,5 раза долю лиц, обладающих средним специальным профессиональным образованием среди якутов (от общего числа населения соответствующей национальности в возрасте 15 лет и более). Основываясь на результатах демографического анализа, стоит отметить, что современный потенциал русских Якутии — это наследие советских времен.

Весьма показательны данные об источниках средств к существованию, свидетельствующие о трансформации структуры доходов русского населения и об ее отличии от структуры доходов якутов. Данные табл. 1 показывают, что на фоне выезда людей в трудовом возрасте и существенного сокращения численности трудоспособных лиц, значительно растет доля русских пенсионеров. Можно отметить, что русские люди в преклонном возрасте предпочитают оставаться в Якутии, а значит, при сохранении существующих трендов будет наблюдаться снижение человеческого потенциала русского населения по такому его компоненту, как здоровье¹⁹. Кроме того, у русских заметно сократилась доля личных подсобных хозяйств. Возможно, сегодня ЛПХ не рассматриваются как подспорье для повышения качества жизни, ввиду относительного роста достатка некоторой части русского населения.

¹⁹ *Доброхлеб В.Г.* Человеческий потенциал старшего поколения современной России: что делать? // Новая экономическая политика для России и мира. Сб. научных трудов участников Межд. научной конференции «XXVII Кондратьевские чтения». — М., 2019. — С. 74–76 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41449686>. Дата обращения: 01.09.2020.

В этой связи обратимся к данным о трудовой деятельности и уровнях средней зарплаты работающих людей из рассматриваемых этнических сообществ. Так, динамика среднемесячной начисленной заработной платы работников по районам Якутии с 2005 по 2017 г. показывает, что во всех 35-ти районах и столице РС (Я) ее значение растет: в 2005 г. она составляла 13 437 руб., а в 2017 г. достигла 62 206 руб. (см. прил. 11).

Самый низкий показатель начисленной заработной платы фиксируется в центральных улусах РС (Я) с доминирующей долей якутов, причем его значение всегда ниже среднереспубликанского. Например, в Намском улусе размер заработной платы составлял 7833 руб. в 2005 г., а в 2017 г. — всего 39 952 руб., когда в целом по Якутии средний уровень был 62 206 руб.²⁰ По данным статистики, в 2017 г. у 70,4 % населения Якутии величина среднедушевого денежного дохода (по материалам выборочного обследования) фиксировалась ниже 45 000 руб.²¹

Уровень средней заработной платы в промышленных районах с русским населением выше, чем в центральных, хотя в отдельных арктических районах, где ведется промышленное освоение, уровень зарплаты сопоставим с зоной повышенного присутствия русских. Самый высокий уровень зарплаты в республике отмечается в Мирнинском районе, где проживает 13,3 % русского населения Якутии.

Отмечая высокие доходы занятых в промышленности, которые выше, чем по Якутии в целом²², некоторые экономисты считают, что промышленное освоение территории республики слабо отражается на росте уровня жизни ее населения, т.к. на создаваемых предприятиях в основном используется привлекаемая извне рабочая сила²³. Вместе с тем существуют латентные барьеры к получению высокооплачиваемых рабочих мест в промышленных компаниях, о чем свидетельствуют итоги глубинных интервью среди трудовых мигрантов. Так, в одном из них русский мужчина 28 лет, 9 месяцев назад прибывший в г. Мирный из Красноярского края, сообщает: «После развода приехал устроиться на работу, но не знал, что так трудно устроиться в алмазодобывающую компанию. Надо было вахтовиком оформиться. Но я все-таки нашел временную работу — водителем, но сейчас ищу возможности устроиться в компанию, надеюсь, найду. А если не найду, придется возвращаться»²⁴.

²⁰ Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 108.

²¹ Там же. — С. 121.

²² *Набережная А.Т.* Структурные изменения и дифференциация доходов населения Республики Саха (Якутия) // *Modern Economy Success*. — 2017. — № 6. — С. 124–127; *Она же.* Дифференциация доходов населения Республики Саха (Якутия) // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2011. — № 23. — С. 63–66.

²³ *Черепанова А.П., Данилова Е.В., Маркова В.Н.* Денежные доходы как главный критерий оценки уровня жизни населения (на примере Ленского и Олекминского муниципальных районов Республики Саха (Якутия) // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле*. — 2019. — № 1 (13). — С. 85.

²⁴ *Томаска А.Г.* Внутреннее миграционное движение в Республике Саха (Якутия) // *Общество: социология, психология, педагогика*. — 2017. — № 12 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-migratsionnoe-dvizhenie-v-respublike-saha-yakutiya>. Дата обращения: 01.09.2020.

Экономисты также отмечают, что наблюдаемый в 2002–2010 гг. прирост уровня заработной платы в целом по РС (Я) отставал по темпам прироста от средних показателей по РФ и даже по ДФО; заработная плата позволяла обеспечить работнику уровень жизни на 0,5 прожиточных минимума меньший, чем в среднем по России; уровень зарплаты не компенсирует физических затрат на работу в тяжелых климатических условиях Крайнего Севера по сравнению с другими регионами страны с более благоприятным климатом²⁵. Эти факты заставляют согласиться с выводами некоторых демографов, которые дают неблагоприятные оценки и прогнозы (коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, отрицательное сальдо миграции и т.д.) многим показателям демографического развития русского населения в Сибири, в т.ч. и в Якутии²⁶. Также согласимся с мнением экономистов о слабой привлекательности РС (Я) как места жительства и работы наиболее высококвалифицированных и конкурентоспособных трудовых ресурсов²⁷.

Современные этносоциальные процессы и социальное самочувствие. В зеркале статистики социально-экономическое положение русского населения Якутии выглядит более благополучным, чем у коренных народов республики. Однако динамика национального состава населения Республики Саха свидетельствует об обратном. Несмотря на многолетнее проживание в этноконтактной зоне с интернациональной идеологией и сформированным иммунитетом к сепаратистским и экстремистским лозунгам, на выезд из Якутии настроены не только представители русского и русскоязычного населения, но и народов, близких к якутской культуре по своему языку и традициям (татары, башкиры).

Комментируя эту ситуацию, обратимся к более ранним работам, посвященным исследованию этнокультурных ориентаций разных этнических общностей в этнонациональной среде с преобладанием русского населения. Напомним, что это был советский период с официальной провозглашенной идеологией «дружбы народов СССР». Было установлено, что украинцы и белорусы, наиболее близкие к русским по языку и культуре, подвержены большей этноязыковой ассимиляции и быстрой утрате своих этнических черт; напротив, несмотря на длительное проживание с численно доминирующими русскими, трудно ассимилируемыми группами оказались буряты, татары, народы Кавказа, Средней Азии и Казахстана²⁸.

Анализ современной ситуации показывает, что указанные тенденции еще не утратили свою силу. Миграционные процессы, совпавшие по времени с началом реализации политики по социально-экономическому развитию региона в рамках «Схемы комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020

²⁵ Попова О.В., Рац Г.И. Заработная плата как фактор конкурентоспособности экономики Республики Саха (Якутия) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2012. — № 1. — С. 18.

²⁶ Петрова Е.В. Русское население в этносоциальной структуре республик Сибири: демографические аспекты развития // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — № 1 (57). — С. 325–329.

²⁷ Попова О.В., Рац Г.И. Там же.

²⁸ Игнатьева В.Б. Указ. соч. — С. 71–72.

года» (2006), регулируются отнюдь не управленческими механизмами, а, в первую очередь, социально-экономическими интересами и потребностями людей, которые не ощущают качественных изменений в своей жизни.

Стремление к миграции также связано с усилением чувства «хоминга» вследствие ревитализации этничности и этнических ценностей, роста чувства единения с исторической родиной. Кроме того, украинцы и белорусы, с потерей своего культурного объединяющего центра — русских, невольно становятся его спутниками в процессе возвратной миграции. Косвенно это подтверждают данные переписей, согласно которым из республики преимущественно уезжают люди, которыми движет неразрывная связь с этническим ядром, потребность возвращения к корням, в свою языковую и культурную среду. Например, за межпереписной период значительно сократилась численность людей, владеющих своим национальным языком: если в 2002 г. татарским языком владели 46,6 % татар, проживающих в Якутии, то в 2010 г. их осталось только 35,0 %. Численность лиц, владеющих родным языком, снизилась и у украинцев — с 51,5 до 43,6 %.

Также считается, что миграция из национальных регионов обусловлена дискриминацией, ущемлением в правах тех или иных социальных групп, о чем в отношении Якутии нечасто, но заявлялось в прессе²⁹. Однако, по итогам массовых этносоциологических опросов, такие ощущения возникают лишь у совершенно малой части русских респондентов³⁰. Сравнительные данные исследований в Республике Саха (Якутия), проведенных Отделом этнической социологии Института социологии РАН в 2012, 2015 и 2019 гг., тоже фиксируют снижение оценки эксклюзии русских и саха-якутов: 1/3 респондентов считают, что здесь есть ограничение представителей той или иной национальности в доступе к власти или другим социальным ресурсам (лучшая работа, бизнес), но эти представления не подкреплены реальной повседневной практикой этих же респондентов (реально сталкивались с ущемлениями 12 % опрошенных)³¹.

Таким образом можно утверждать, что процент миграции, обусловленной состоянием межнациональных отношений, этнополитическими процессами в республике (включая рост этнического самосознания коренных народов Якутии), незначителен, и в сущности имеет эпизодический характер (на индивидуальном уровне).

Теперь зададимся вопросом: имеются ли существенные отличия в материальном положении русских и якутов, проживающих в одинаковых социально-экономических условиях? Для соответствующего ответа сравним данные массовых опросов 2005–2006 гг. и 2013–2015 гг., проведенных в двух

²⁹ См., например: *Путину пожаловались на притеснение русских в Якутии* [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/123845>. Дата обращения: 01.07.2020; *Антонов Р.* С потерей русского населения теряется связь и с остальной Россией [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.yktimes.ru/politika/s-poterey-russkogo-naseleniya-teryetsya-svyaz-i-s-ostalnoy-rossiey/>. Дата обращения: 01.07.2020.

³⁰ *Ермолаев Т.С.* Указ. соч. — С. 91.

³¹ *Евсеева М.А.* Мифологемы и реальность в доступе к социальным ресурсам в полиэтничном пространстве по материалам исследования в Республике Саха (Якутия) // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. — 2019. — № 1. — С. 70–71.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов о материальном положении, % (этнический срез)

Уровень достатка	Русские		Якуты	
	2005–2006	2013–2014	2005–2006	2013–2014
г. Якутск				
Низкий	19,8	16,7	19,1	23,6
Ниже среднего	28,4	41,7	25,0	27,1
Средний	48,3	33,8	47,1	39,1
Высокий	2,6	8,3	5,9	10,1
г. Нерюнгри				
Низкий	25,4	10,0	25,0	10,8
Ниже среднего	19,3	31,4	25,0	16,2
Средний	46,9	55,7	31,3	67,6
Высокий	4,8	2,9	12,5	5,4

крупных городах Якутии с высокой концентрацией русского населения — Якутск и Нерюнгри. Группировка субъективных оценок респондентов относительно их материального положения по четырем категориям: достаток низкий, ниже среднего, средний и высокий представлена в табл. 2.

Согласно субъективным оценкам, полученным по итогам двух разновременных КСИ, материальное положение части русского городского населения Якутии заметно улучшилось. В частности, значительно снизилась доля русских, считающих себя нищими (–18,5 пункта), по сравнению с саха, у которых динамика несколько ниже (–8,7 пункта). При этом у русских фиксируется рост числа богатых респондентов (+3,8 пункта), а у саха некоторое снижение этой категории (–2,9 пункта), хотя суммарная доля якутов, считающих себя богатыми, больше, чем у русских. Есть небольшой спад численности группы русских со средним достатком (–5,7 пункта) и существенный прирост респондентов, лавирующих между бедными и обеспеченными группами (+25,4 пункта).

В разрезе городов наиболее ярко проявляются дифференциации в восприятии своего материального положения населением. Русские жители г. Якутска заметно потеряли свои позиции в категории лиц со средним достатком, пополнив ряды «лавирующих», собственно, как и якуты. Но именно в столичном городе наблюдался рост и русских, и якутов с высоким уровнем доходов («богатые»). В г. Нерюнгри, наоборот, русские несколько улучшили свое материальное положение, о чем говорит прирост группы людей со средним уровнем жизни (+8,5 пунктов), а также убыль респондентов из категории «низкий» (–15,4 пункта) с частичным их переходом на следующий социальный уровень — «ниже среднего».

Этнический срез данных 2005–2006 гг. показывает, что большая часть русских чувствовала себя материально более обеспеченной, чем якуты, при том, что в г. Якутске распределение опрошенных русских и якутов по уровню их материального положения было фактически одинаково. Неоднозначный вывод можно сделать по результатам КСИ 2013–2014 гг. в г. Якутске: прежде всего потому, что в целом очевиден спад доли респондентов, причисляющих себя к группе со средним уровнем достатка (как среди русских,

так и якутов), а также рост числа опрошенных якутов в категории «нищие» и русских респондентов в категории «ниже среднего». Но в г. Нерюнгри отмечены более позитивные настроения; при этом здесь якуты чувствуют себя материально более обеспеченной, чем русские.

Полученные данные говорят о многофакторности оценок материального положения людьми разных национальностей. Так, русские больше склонны оценивать уровень своего материального благополучия ниже, чем якуты, которые чаще всех довольны уровнем своей жизни, хотя характеризуются реально низким уровнем доходов и потребления. В этом проявляется отличительная особенность таких явлений, как абсолютная и относительная бедность: от материальной способности удовлетворять только основные потребности до «социального стыда», подразумевающего разрыв между стандартами жизни и возможностью поддерживать их приличествующий уровень³². Учитывая, что опрос 2013–2014 гг. проводился в районах с достаточно высоким уровнем средней заработной платы, можно утверждать, что ее физический прирост не оказывает ощутимого влияния на рост уверенности населения (как у русских, так и у якутов) в повышении уровня своего материального достатка.

По результатам мониторингового исследования в Южной Якутии (Алданский, Нерюнгринский районы), проведенного в три волны (2007, 2009, 2012), оценка уровня жизни также зависима от доминирующих настроений в обществе, стимулируемых какими-либо политическими, экономическими и социальными событиями в регионе. Так, Т.С. Ермолаевым установлена скачкообразная оценка уровня благосостояния респондентами: то уменьшение групп, ранее высоко оценивавших свое материальное положение, и увеличение численности «бедных» людей, либо существенное сокращение группы «бедных» и увеличение числа лиц со средним уровнем дохода³³, связанная с общественной рефлексией на продажу главного градообразующего предприятия ХК «Якутуголь».

Важным показателем самочувствия русских в Якутии — многоэтническом регионе с поликультурной средой и высоким уровнем межэтнической коммуникации — является оценка ими текущей межнациональной ситуации (см. табл. 3). Итоги массовых опросов показывают значительный прирост положительных оценок межнациональной ситуации в целом по Якутии, причем как по мнению русских респондентов, так и саха. Особенно впечатляет рост объема русской респондентской группы, оценившей состояние межэтнических отношений как «благоприятные» (+12,5 пункта) и «стабильные» (+4,7 пункта), а также заметное уменьшение негативных оценок: как «напряженные» (–9,7 пункта) и «критические» (–6 пунктов).

Среди специалистов наиболее реалистичными считаются оценки коммуникационной среды в пространстве конкретного населенного пункта, поскольку на этом уровне (как и на уровне отношений в трудовом коллективе) формируются не только опыт межэтнического взаимодействия, но и соответствующие стереотипы восприятия людьми друг друга. Результаты исследования фиксируют прирост уровня благоприятной оценки у русских респондентов (+10,9 пункта), снижение уровня оценок «напряженные»

³² Богданов И.Я. Феномен российской бедности. — М., 2011. — 668 с.

³³ Ермолаев Т.С. Указ. соч. — С. 61.

Оценка межнациональной ситуации в Якутии и России, %

Оценка	Благоприятные		Стабильные		Напряженные		Критические		Затрудняюсь ответить	
	2005–2006	2013–2014	2005–2006	2013–2014	2005–2006	2013–2014	2005–2006	2013–2014	2005–2006	2013–2014
Русские										
В трудовом коллективе	38,7	44,8	43,7	41,4	7,6	5,1	1,8	1,7	6,0	7,1
В населенном пункте	16,2	27,1	53,9	52,8	18,3	11,4	1,8	1,3	7,9	7,4
В Якутии	6,3	18,8	34,6	39,3	32,2	22,5	9,4	3,4	16,0	16,1
В России	13,1	13,4	18,6	38,3	26,4	24,2	3,4	4,7	15,4	19,5
Якуты										
В трудовом коллективе	44,3	49,3	36,1	42,9	3,5	1,8	0,1	0,7	6,9	5,3
В населенном пункте	26,1	31,3	51,4	55,4	6,9	8,3	0,7	0,7	7,5	4,4
В Якутии	9,0	20,1	40,4	52,4	21,2	17,4	3,6	1,1	18,4	8,9
В России	6,5	7,9	13,9	31,1	28,7	37,6	13,9	6,7	21,7	16,7

(–6,9 пункта) и «критические» (–0,5 пункта). В то же время немного настаивает небольшое снижение оценок «стабильные» (–1,1 пункта). Со стороны опрошенных якутов также отмечается увеличение позитивных оценок («благоприятные» и «стабильные») межнациональных отношений на уровне населенного пункта, где они проживают.

Как известно, восприятие межнациональной ситуации определяется многими факторами, в т.ч. этноустановками и этностереотипами, но во многом детерминировано субъективным восприятием уровня личной безопасности и материального комфорта. Соответственно, рост благоприятных оценок межнациональных отношений на разных уровнях социального взаимодействия позволяет заключить, что в Республике Саха представителям доминирующих этносов стало более спокойно жить в собственном городе/селе, тревога и страх за себя и своих близких уменьшается, а значит растет уверенность в будущем.

Дополним полученную картину данными массового анкетного опроса (2013–2014, $n=296$) и интернет-опроса в социальной сети WhatsApp жителей столицы РС (Я) (июль 2020 г., $n=82$).

Следует сразу сказать, что негативный фон самого опроса, проведенного в условиях пандемии, а также такие резонансные события в г. Якутске, как массовые митинги против нелегальной миграции в марте 2019 г., конфликт родителей по вопросу поступления и обучения в национальной школе «Айыы кыһата», сказались на его общих итогах. Так, резко снизился уровень благоприятной оценки русскими состояния межнациональных отношений в целом по Якутии (–24,9 пункта) и в самом столичном городе (–23,7 пункта); уменьшилось число респондентов, оценивавших их как «стабильные»: по республике (–11,5 пунктов), по городу (–9,9 пункта); вырос объем негативных оценок как «напряженные»: по республике (+34,8 пункта), по городу (+32,4 пункта) и даже как «критические», которой не было в ходе раннего опроса (см. табл. 4). Несмотря на возросший уровень благоприятной оценки (+12,9 пунктов) русскими межнациональной ситуации в трудовом коллективе, снизилось число русских респондентов, оценивших ее стабильное состояние (–10,1 пунктов). Безусловно, выборки опросов

**Оценка жителей г. Якутска состояния межнациональных отношений
в Якутии и России, %**

Оценка	Благоприятные		Стабильные		Напряженные		Критические		Затрудняюсь ответить	
	2013—2014	2020	2013—2014	2020	2013—2014	2020	2013—2014	2020	2013—2014	2020
Русские										
В трудовом коллективе	52,5	65,4	37,0	26,9	—	3,8	—	3,8	10,9	—
В населенном пункте	39,1	15,4	52,2	42,3	2,2	34,6	—	3,8	6,5	—
В Якутии	32,6	7,7	50,0	38,5	15,2	50,0	—	3,8	2,2	—
В России	4,3	11,5	34,8	46,2	41,3	30,8	2,2	7,7	17,4	3,8
Якуты										
В трудовом коллективе	50,5	61,2	42,8	34,7	1,4	2,0	—	—	5,3	2,0
В населенном пункте	33,5	30,6	57,3	57,1	6,8	8,2	—	2,0	2,4	4,1
В Якутии	27,8	18,4	53,1	51,0	13,9	24,5	1,4	2,0	3,8	4,1
В России	3,9	12,2	31,6	26,5	44,7	34,7	4,9	14,3	15,0	12,2

несопоставимы, срез ситуационный, что подвергает сомнению репрезентативность результатов интернет-опроса, но все же считаем нужным обратить внимание на негативные настроения и мнения русских жителей, являющихся неотъемлемой частью пространства межэтнических отношений столицы РС (Я).

В этой связи полезно обратиться к итогам исследований, проводившихся в Якутии в 1989–1992 гг., когда русские респонденты чаще, чем якуты, были склонны давать положительную оценку межнациональным контактам³⁴. В период суверенизации республики (1995–1996), по данным социологического мониторинга «Межнациональные отношения: власть и политика», русские оценивали состояние межнациональных отношений как «спокойные» (38,7 %) и «благоприятные» (9,3 %), а как «напряженные» — 24,6 %; позитивные оценки респондентов-саха составляли, соответственно, 53,4 и 9,5 %, негативные — 13,7 %³⁵. Как оказалось, в повседневном общении только 16,6 % русских и 16,0 % якутов испытывали комфорт и оценивали их как благоприятные³⁶. Как пишет И.Е. Спиридонова, межэтническая напряженность усугублялась личным опытом людей, в частности, 14 % респондентов-саха признались, что сталкивались с фактом ущемления своих прав из-за своей национальной принадлежности, тогда как аналогичного мнения придерживались лишь 4,4 % опрошенных русских³⁷. Неблагоприятная ситуация развивалась и вследствие утраты русскими прежнего державного статуса в новом политическом и культурном пространстве России, породившей массовый синдром ущемленного достоинства.

Современные реалии межнациональных отношений в Якутии, прежде всего в г. Якутске, сигнализируют об ухудшении социального самочувствия

³⁴ Подойницына И.И. Этнокультурные стереотипы трудового поведения в сфере производства: на примере Республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 1995. — С. 113.

³⁵ Спиридонова И.Е. Указ. соч. — С. 63.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. — С. 64.

Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы остаться/уехать из населенного пункта, где Вы сейчас проживаете», %

Варианты ответов	Русские	Якуты
Останусь здесь, меня здесь все устраивает	31,0	47,1
Хочу уехать, не устраивает здесь ничего, но нет возможности	20,6	11,4
Обязательно уеду, на обучение, но вернусь сюда жить	1,3	4,0
Уеду отсюда жить в пределах Якутии	4,2	14,3
Уеду отсюда, но жить в пределах Сибири	10,5	1,1
Уеду отсюда в Центральную Россию	17,4	4,2
Уеду отсюда за границу	1,3	2,7
Не задумывался над этим вопросом	16,0	15,4

русского населения, о неудовлетворенности изменениями повседневной среды межэтнических коммуникаций, в целом — об ослаблении интеграционного потенциала многонационального регионального сообщества. Новый виток социальной напряженности, на наш взгляд, связан со снижением социальной значимости русских в современных социально-экономических процессах в регионе, что лишает многих людей их жизненно важных и стрессовых смыслов бытия как части государствообразующего народа. В результате часть русских живет с чувством социальной дискриминации, другая — ностальгирует по советским временам интернационализма, дружбы народов и даже былого наставничества как «старшего брата», третья — мечтает уехать из республики (см. табл. 5).

Стойкие миграционные интенции выявлены у 49,8 % опрошенных русских, при этом 20,6 % из них не имеют возможности покинуть Якутию. Однако, если к 31 % респондентам, вполне довольным своей жизнью, 4,2 % — желающим сменить место жительства в пределах республики, 1,3 % — мечтающим вернуться на родину после получения образования, присовокупить 16 % респондентов, никогда не задумывавшихся вопросом об отъезде, что косвенно тоже указывает на их удовлетворенность жизненной ситуацией, то получим 52,5 % русских, желающих строить свою жизнь именно в родной Якутии.

В настоящее время динамика численности русского населения Якутии определяется естественным воспроизводством; миграционный прирост, имевший место в советский период, потерял свое былое значение. До недавнего времени акселератором миграционной активности русских и других народов России был федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» (2002). Впоследствии в рамках Федерации были приняты «Программа по добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом» (2006), федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2016); на республиканском уровне также осуществляется поддержка молодых семей и специалистов в рамках государственной про-

граммы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2020–2024 годы» (2019). Однако в условиях рыночной экономики они оказались не столь действенными и не дают ощутимого притока русских в республику.

В контексте рассматриваемого вопроса стоит обратить внимание на данные точечных социологических опросов, проведенных в г. Мирном в декабре 2010 г. (административный центр Мирнинского района, $n = 290$), в г. Якутске в мае 2011 г. ($n = 400$), в г. Ленске в феврале 2012 г. (административный центр Ленского района, $n = 200$). Согласно их итогам, для жителей этих городов характерны разные поведенческие стратегии и восприятие иносреды: если столичные респонденты (52,5 %) и г. Ленска (41,8 %) желают видеть своих детей и внуков «коренными жителями», то в г. Мирном (47,5 %) превалирует позиция «временщика», «лимитчика», отрешившегося от окружающих общереспубликанских проблем: «здесь можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно» (в г. Ленске чувство дискомфорта и отчуждения испытывают 35,3 %, в г. Якутске — 29,6 %) ³⁸. То есть, несмотря на высокие зарплаты в указанных промышленных районах, материальное обеспечение как стимул для привлечения русского населения не является достаточным для его закрепления в районах и в регионе.

Исследование самочувствия и социального положения русских Якутии невозможно без определения уровня их уверенности в своем будущем. Согласно итогам КСИ 2013–2014 гг., русские респонденты чаще, чем якуты, не были уверены в своем завтрашнем дне, что показывало их некоторую потерянность. Тем не менее на основе данных табл. 6 и 7 можно утверждать, что большинство опрошенного русского населения вполне уверено в своем будущем (72 %) и демонстрирует оптимистические настроения в отношении будущего Якутии (66,5 %). Следовательно, можно предположить, что основная часть русских так или иначе связывает себя с республикой, что соотносится с их желанием (52,5 % русских) строить свою жизнь именно в Якутии (см. табл. 5).

На наш взгляд, большая неуверенность в своем будущем русских респондентов, чем якутов, детерминирована несколькими факторами, в частности: слабой связью с территорией, высокой чувствительностью к трансформации иносреды, активной внешней миграцией русского населения, изменением механизмов адаптации в этнонациональной среде. Чувство дискомфорта и неуверенности в будущем наряду с неверием в перспективность региона во многом объясняют миграционные установки желающих уехать из республики.

Таким образом русское население Якутии фактически поделено на тех, кто живет с желанием скорейшего отбытия, и тех, кто вполне удовлетворен жизнью в регионе. Данные социологических исследований проясняют имеющиеся статистические показатели миграции: несмотря на непрерывную убыль русских, сохраняется демографически весомая и значимая часть русских, связавших свою жизнь с северным краем и продолжающих трудиться

³⁸ Винокурова Д.М. Якутия — «принимающее сообщество»: опыт и перспективы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2017. — № 4 (8). — С. 46–47.

Распределение ответов на вопрос: «Уверены ли Вы в своем будущем», %

Административный район	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Русские					
Аллаиховский	36,4	33,3	12,1	6,1	12,1
Анабарский	16,7	50,0	16,7	—	16,7
Олекминский	40,6	23,4	4,7	4,7	26,6
Нерюнгринский	47,1	30,0	12,1	5,7	5,0
Усть-Янский	40,0	10,0	40,0	—	10,0
г. Якутск	40,4	34,0	12,8	2,1	10,6
Опрошенный массив в целом	42,7	29,3	11,7	4,7	11,7
Якуты					
Аллаиховский	48,6	29,7	5,4	2,7	13,5
Анабарский	58,3	27,1	8,3	0,0	6,3
Олекминский	50,0	32,5	5,0	—	3,00
Нерюнгринский	61,1	22,2	8,3	5,6	2,8
Усть-Янский	59,2	28,2	1,4	1,4	9,9
г. Якутск	39,9	39,4	8,5	3,3	8,9
Опрошенный массив в целом	48,3	33,5	6,7	2,5	9,0

во благо республики. В этой связи представляется интересным наблюдение фольклористов, акцентирующих двойственность природы русских в современных бытовых рассказах, в которых они представлены либо как родственники или друзья, хорошие учителя, врачи или представители другой профессии, либо как представители власти, а так же как люди, имеющие иное представление об окружающей природе, коренном населении, относящиеся с пренебрежением к тем местам, в которых они живут и/или работают, поскольку не считают их своими³⁹.

Обратимся теперь к материалам КСИ 2013–2014 гг., посвященным социальной идентичности русских в Якутии. Почему мы считаем это важным? Потому что иерархия многоуровневой социальной идентичности представителей одной из численно доминирующих этносов имеет важное значение для развития современных этносоциальных и этнополитических процессов в РС (Я). Например, конкуренция идентичностей, разделяемых разными этническими группами, может оказать сильное влияние на состояние межнациональных отношений как в отдельных районах, так и в республике в целом.

Исследованием выявлено, что эмоционально окрашенные аффективные потребности («очень важно», «важно», «неважно») опрошенного массива

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Есть ли перспективы развития у Якутии?», %

Вариант ответа	Русские	Якуты
Да	32,9	36,7
Скорее да, чем нет	33,6	41,8
Скорее нет, чем да	17,4	8,7
Нет	7,9	3,1
Затрудняюсь ответить	8,2	9,6

³⁹ Чарина О.И. Образы русских в преданиях и современных рассказах коренных народов Якутии // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 105.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько важно для Вас осознавать себя...», %

Самоидентификация	Русские			Якуты		
	Очень важно	Важно	Не важно	Очень важно	Важно	Не важно
Представителем своего этноса (своей национальности)	21,0	49,1	29,9	34,3	53,7	11,9
Жителем Республики Саха (Якутия)	12,2	40,5	47,3	34,1	54,7	11,2
Гражданином России, россиянином	25,1	55,7	19,2	26,9	59,9	13,2
Гражданином мира	23,4	42,3	34,3	17,6	41,6	40,8

ва показывают значимость гражданско-государственной идентичности как для русских (25,1 %), так и для якутов (26,9 %) (см. табл. 8). Вместе с тем для якутов большую ценность имеет чувство принадлежности к своей группе и республике, которая для русских имеет меньшую ценность. Для последних гораздо важнее чувствовать себя гражданином мира, чем частью русского народа или жителей Якутии. Разделение русских респондентов на две группы: патриотов республики (52,7 %) и чуждых республике (47,3 %) отчасти объясняет их отношение к миграции, о чем говорилось выше.

Главными маркерами этничности русского сообщества являются язык и культура, тогда как якуты объединяются на основе языка, родной земли и природы, общей культуры. Таким образом, высокий уровень территориальной/республиканской идентичности последних связан с тем, что земля Якутии — это сакральное хранилище памяти предков и культуры народа, физическое пространство ментальных образов. Для русских территориальная/региональная идентичность означает, скорее, лишь нормативное приписывание к месту проживания, но традиции «принимающей земли» они стараются чтить и уважать. Тот факт, что региональная идентичность воспринимается двумя сообществами по-разному, объясняет и высокую миграционную активность русских, и низкую мобильность якутов (только 2,4 % из них проживают за пределами Якутии).

О различиях в восприятии территории можно судить также по ассоциациям к слову «родина», о чем свидетельствуют результаты исследования, посвященного ценностным ориентациям в языковом сознании жителей Республики Саха (молодежный срез). Как оказалось, родина для русских студентов — это, прежде всего, мать; Россия; Якутия; большая; моя; для студентов-якутов в первую очередь — место, где родился; Республика; Саха сирэ; дьэ (дом); алаас и др.⁴⁰

Итоги исследования 2020 г. (см. табл. 9) демонстрируют сохраняющуюся ценность гражданской идентичности, но одновременно и ослабление государственного дискурса как скрепа, объединяющего группу русских респондентов (-5,4 пункта). Также снизилась эмоциональная привязанность к своей стране, о чем говорит приращение группы людей, несколько дис-

⁴⁰ Тарабукина М.В., Осина А.В., Гермогенова И.Н., Никаева Т.М. Функционирование русского языка в полиэтничной среде Республики Саха (Якутия): история и современность // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. — 2016. — № 2 (52). — С. 125.

Система идентичности населения г. Якутска, %

Самоидентификация	2013–2014	2020	2013–2014	2020	2013–2014	2020
	Очень важно		Важно		Не важно	
Русские						
Представителем своего этноса (своей национальности)	25,5	14,3	66,0	57,1	8,5	28,6
Жителем Республики Саха (Якутия)	25,5	14,3	55,3	71,4	19,1	14,3
Гражданином России, россиянином	34,0	28,6	59,6	71,4	6,4	-
Гражданином мира	12,8	14,3	38,3	57,1	48,9	28,6
Якуты						
Представителем своего этноса (своей национальности)	36,2	25,0	54,8	75,0	9,0	—
Жителем Республики Саха (Якутия)	32,4	25,0	58,1	75,0	9,5	—
Гражданином России, россиянином	23,4	12,5	60,0	62,5	16,6	25,0
Гражданином мира	10,3	12,5	38,4	87,5	51,2	—

танцованных от нее (+11,8 пункта). На этом фоне особенно заметен значительный прирост (+20,3 пункта) русских респондентов, чувствующих большую связь с глобальным миром. Кроме того, резко возросла значимость своей принадлежности к республике (+16,1 пункта).

Как оказалось, несмотря на ведущие позиции, у горожан-саха снизился высокий уровень значимости как этнической (-11,2 пункта), так и республиканской (-7,4 пункта) идентичности, но в то же время значительно укрепилось чувство принадлежности к своему народу (+20,2 пункта) и своей республике (+16,9 пункта). Особенно заметно выросла численность респондентов-саха (+51,3 пункта), чувствующих себя гражданами мира. Возможно, с растущим чувством космополитизма связано последовательное снижение ценности якутского языка. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., родным языком владели 94,3 % якутов, то в 2010 г. — 86 % (-8,3 пункта).

Таким образом, такие уровни социальной идентичности, как общероссийская/общегражданская, республиканская и этническая, потеряли свои престижные позиции и перешли в разряд «важных» по степени близости к ним и сопереживания опрошенного русского и якутского населения.

Такая динамика массового сознания может указывать на изменение акцентов в жизнеутверждающих принципах этнических русских. В частности, раннее приписывание себя к россиянам представлялось особым способом защиты интересов русских в национальной республике, неким противовесом растущему уровню этнического самосознания якутов. Сегодня же, со снижением высокого градуса общественных отношений, имевшего место в период суверенизации Саха (Якутия), формированием благоприятного климата для межнациональных отношений, государственно-гражданская идентичность русских дополняется чувством единения с республикой, где они живут и трудятся.

Отрицательная динамика гражданской и этнической идентичности подтверждается и результатами совместного опроса Центра исследования

межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Информационного центра при Главе РС (Я) в 2012 и 2019 гг. Вывод исследования заключается в том, что для русской молодежи Якутии указанное снижение может быть связано как с общим для россиян ощущением ухудшения экономической ситуации в стране, так и с восприятием перспектив добывающей промышленности, где преимущественно заняты русские, и с восприятием собственного статуса в республике⁴¹.

Что касается снижения этничности русских, то специалистами давно подмечена низкая значимость этнической идентичности по сравнению с другими видами их социальной идентичности. Для русского человека больше характерно быть государственным и проявлять чувство сопричастности к России и россиянам, чем объединяться по этническому принципу. Об этом же свидетельствует иерархия идентичностей русского населения Алданского и Нерюнгринского районов, установленная в ходе социологического исследования в Южной Якутии⁴².

Результаты точечного опроса в гг. Ленск, Мирный и Якутск (2010–2012) подтверждают, что у населения, погруженного в полиэтнонациональную среду, с одной стороны, формируются границы, групповость, с другой — укрепляется чувство интеграции в принимающее сообщество. Так, 63 % опрошенных в г. Якутске, 61,7 % — в г. Мирном, 54 % — в г. Ленске убеждены в том, что «в семье, среди своих можно и нужно соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь». Это свидетельствует о наличии высокой потребности в праве на самоопределение и сохранение культуры своего народа. Стратегии ассимиляции («здесь живут якуты и жить здесь надо согласно якутским обычаям и традициям») готовы придерживаться 36,6 % опрошенных в г. Якутске, 30 % — в г. Мирном, 21 % — в г. Ленске⁴³.

В то же время обращает на себя факт подъема уровня космополитизма у русских и в особенности у якутов. По всей видимости, такие трансформации в самосознании связаны с усилением мобильности населения (как физической, так и цифровой), что подразумевает выездной туризм, увеличение числа пользователей сети Интернет (в т.ч. за счет подключения отдаленных улусов), а также брендинг Якутии в глобальном мире (полюс холода, циркумполярная цивилизация, международные спортивные игры «Дети Азии», якутское кино и т.п.). Космополитизм, на наш взгляд, здесь понимается как расширение пространства для своих возможностей, но с возможной потерей значимости территориальной или этнической связи. В этом плане весьма показателен инцидент в социальной сети, спровоцированный постом, содержащим нелестные высказывания о жизни в Якутске, о значимости космополитизма, вызвавшим бурю эмоций среди якутян⁴⁴.

⁴¹ Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодежи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений // Социологическая наука и социальная практика. — 2019. — Т. 7, № 4 (28). — С. 116.

⁴² Ермолаев Т.С. Указ. соч. — С. 79–80.

⁴³ Винокурова Д.М. Указ. соч. — С. 46–47.

⁴⁴ Блогер из Якутии, переехавший в Петербург, раскритиковал жизнь земляков. Кажется, после этого он нашёл себе немало врагов [Электронный ресурс]. — URL: // <https://news.ykt.ru/article/109669>. Дата обращения: 18.10.2020.

Надо сказать, что важную роль в современных этносоциальных процессах в Якутии играет общественная организация «Русская община Республики Саха (Якутия)». Она была создана в 1994 г. с целью сохранения самобытной русской культуры, развития русского языка в республике, защиты гражданских, культурных и иных прав русского населения. Анализ интервью с ее руководителем А.Г. Подголовым показывает, что с изменением государственной этнонациональной и федеративной политики Российской Федерации и региональной национальной политики Республики Саха (Якутия) поменялись цель и направления деятельности Общины. Сегодня она больше работает на развитие гражданского соучастия в процессе строительства российского общества, основанного на уважении культур всех народов России. Прежде всего, это усилия Общины, направленные на дальнейшую гармонизацию межнациональных отношений, регулирование периодически возникающей напряженности в межэтнических коммуникациях. Важной частью работы членов Общины является содействие в решении проблемы миграции молодежи из Якутии, причем не только русской. О том, что Община является одной из уважаемых национально-культурных объединений в регионе, свидетельствует высокая конкурсная активность на соискание грантов Президента РФ и Главы РС (Я) на развитие гражданского общества и победы в них. Таким образом, «Русская община Республики Саха (Якутия)» предстает в качестве медиатора в процессе формирования интеграционных межкультурных связей, гражданского механизма по популяризации русского языка и культуры, решению актуальных общественных проблем РС (Я).

Оценивая современное положение русского населения республики как достаточно благоприятное, лидер «Русской общины» отметил имеющиеся трения во взаимоотношениях с активом «Русской общины г. Якутска» по поводу оценки места и роли русских в Якутии и, соответственно, определения приоритетов в их практической работе. Отсутствие консенсуса, наличие разобщенности у двух русских общественных организаций может сильно отразиться на их репутации, тем более в условиях роста общественно-управленческого веса общественных организаций среди населения и органов власти РС (Я).

В этой связи считаю уместным обратить внимание на итоги исследования Т.П. Петровой и Э.Т. Мьяркияновой, проведенного в конце 1990-х годов XX в. Они пришли к выводу о глубокой дифференциации и полярности политических и экономических интересов русского населения Якутии, которые мешают им сплотиться вокруг одной организации⁴⁵. Как и ранее, на наш взгляд, возможности для большей интеграции русского населения республики объективно ограничиваются такими контрфакторами, как: высокий уровень индивидуализации личности, низкая значимость этнической идентичности, широкие границы включения в категорию «русских», а также утрата былой социальной нагрузки как объединяющего и цементирующего элемента общества в постсоветский период.

В указанном контексте весьма интересен факт объединения в декабре 2019 г. славянских объединений, функционирующих на территории Якутии, в общественную организацию «Союз славянских общин Республики

⁴⁵ Петрова Т.П., Мьяркиянова Э.Т. Указ. соч. — С. 155.

Саха (Якутия)», куда вошли «Якутский казачий полк», «Потомки государевых ямщиков», «Русскоустыинцы по сохранению своей культурно-этнографической самобытности РС (Я)», «Национально-культурное объединение г. Якутска “Русское раздолье”», Русская община РС (Я), «Украинское общественно-культурное землячество «Крыныця» РС (Я)», Белорусская община РС (Я), Польская общественная организация «Полония», «Сербия-Якутия». Данный союз основан с целью защиты гражданских, экономических, социальных, политических и культурных прав и свобод славянского народа, сохранения самобытной славянской культуры, духовности, возрождения и сохранения традиций, обычаев, интересов народов и общин Якутии⁴⁶. Есть разные оценки образования этой коалиции: как стремление их лидеров создать единое управленческое ядро, сформировать согласованную платформу (идеи, образы, символы), на основе которой могли бы объединиться представители славянских народов; как попытку восстановления былой интеграционной функции русских; как усиление контроля власти над общественными организациями в целом. Как нам кажется, комментарий В. Васильева, первого заместителя министра по внешним связям и делам народов РС (Я), по поводу создания этого союза: «...согласитесь, что было бы сложнее вести диалог с каждой общиной по отдельности. Однако такие союзы будут консолидировать мнение огромного пласта населения, что поможет министерству, органам власти находить конкретные и быстрые решения во благо республики»⁴⁷, свидетельствует лишь об упрощении взаимодействия действующей власти и НКО.

Согласно итогам наших исследований, поиск оплота русскости в общественных организациях для большинства русских людей, проживающих в республике, не представляется жизненно важным. Вместе с тем они желают быть активными акторами общественно-политических и социально-экономических процессов, принимать участие в принятии важных управленческих решений, влияющих на развитие Якутии, повышение материального благосостояния и улучшение социального самочувствия ее населения, в т.ч. русского.

Как и в большинстве национально-территориальных субъектов Российской Федерации, здесь сохраняется номенклатурный принцип ротации кадров в органы власти и управления, сложившийся в советский период. Он действовал и на этапе суверенизации Республики Саха, когда с учетом этнического многообразия региона и сохранения паритета между численно доминирующими народами: русскими и якутами происходил процесс формирования ее политической элиты.

Так, в новой политической системе республики (до 2014 г.) был представлен институт вице-президента, позволявший нивелировать этнонациональные особенности региона. При первом президенте РС (Я) М.Е. Николаеве вице-президентом был В.А. Штыров, олицетворявший русское население

⁴⁶ Русские объединения Якутии собрались в «Союз славянских общин» [Электронный ресурс]. — URL: <https://nazaccent.ru/content/31675-russkie-obedineniya-yakutii-sobralis-v-soyuz.html>. Дата обращения: 01.06.2020.

⁴⁷ В мире и согласии. В Якутске официально презентовали Союз славянских общин республики [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutsk.bezformata.com/listnews/soyuz-slavyanskikh-obshin-respubliki/79868375/>. Дата обращения: 01.06.2020.

Якутии; при президентстве последнего вице-президентом стала Е.И. Михайлова; при президенте Е.А. Борисове вице-президентом работал Д.Е. Глушко. В современной системе такой тандем представлен должностями Главы РС (Я) и председателя Правительства РС (Я): при Е.А. Борисове председателями Правительства Якутии работали Г.И. Данчикова, Е.А. Чекин; при А.С. Николаеве — В.В. Солодов, А.В. Тарасенко. В аппарате Правительства РС (Я) практикуется постоянное рекрутирование кадров, в т.ч. из состава управленческого корпуса русского населения.

Как в депутатском корпусе, так и в руководящем составе законодательного органа власти — Государственном собрании (Ил Тумэн) РС (Я) — всегда представлены русские депутаты⁴⁸. В среднем доля русских депутатов за все шесть созывов составляет 35 %: наименьшая доля зафиксирована в I созыве (25,9 %), наибольшая — в III созыве (39,1 %). Среди них отметим активную гражданскую позицию В.А. Филатова, В.М. Власова, А.В. Власова, В.Н. Губарева, Ю.В. Заболева, О.В. Балабкиной, В.М. Членова, Г.П. Парахина и др.

Национальный состав лиц, занимающих высшие должности в органах местного самоуправления в административных районах РС (Я) (глава района, заместители главы района, председатели районного Совета депутатов), также имеет определенную корреляцию с этноструктурой их населения. Так, в муниципальных районах, входящих в зону с высоким удельным весом русского населения, эти должности занимают преимущественно этнические русские; в зоне со средним уровнем присутствия русских — представители русского или якутского населения, т.е. фиксируется тандем русский/якут.

Русское население не только активно включено в управленческую деятельность, но и деятельно участвует в избирательном процессе в Якутии, что подтверждается итогами голосования на выборах Главы Республики Саха (Якутия) в 2014 и 2018 гг. В этой связи отметим существование в республике негласной этнической ориентации при выборе кандидата, в пользу которого отдается предпочтение⁴⁹. Так, избиратели сельских улусов (районов) Якутии редко голосуют за кандидатов русской национальности. В промышленных русских районах, на фоне высокой поддержки основного лидера (представителя народа саха), также обнаруживается этноориентированное голосование. На последних выборах Главы РС (Я) в списке кандидатов значились три представителя некоренного населения Якутии (Богданов В.Н., Губарев В.Н., Парахин Г.П.), которые получили в общей сумме от 40 до 60 % голосов в районах с высокой долей русских. Такое электоральное поведение показывает наличие у части русского населения недовольства внутренней политикой, в которой высокая социальная роль отводится якутам, что определяет приоритетную поддержку русского кандидата, воспринимаемого как защитника интересов или как некоего символа русской идентичности.

Основополагающим принципом жизнедеятельности русского населения Якутии является приверженность к православной религии. По данным КСИ 2013–2014 гг., среди опрошенных русских больше религиозных людей

⁴⁸ 25 лет Государственному Собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). — Якутск, 2019. — 160 с.

⁴⁹ Опыт и практика демократических выборов в Республике Саха (Якутия). 1990–2002 гг. — Якутск, 2003. — 324 с.

(59,7 %), чем у саха (20,7 %). Естественно, что 97,2 % верующих русских исповедуют православие. В Южной Якутии 52 % респондентов считает себя сторонниками традиционных религий России, где 76,5 % составляют православные христиане⁵⁰. То есть высокий уровень религиозности русского населения в многонациональной среде — это особый маркер «российскости» и самоидентификации с русской культурой и традициями. Общая вера помогает им ощущать себя единым народом⁵¹.

Отметим, что русская интеллигенция Якутии, как и ранее, остается движущей силой прогрессивных перемен, происходящих в региональном сообществе. Например, в 2001 г. впервые был введен в учебные планы вузов РФ предмет «Основы православной культуры», который в соответствии с этим был включен в учебный план филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова. С целью реализации культурно-просветительской и воспитательной функции образовательной среды для чтения лекций приглашаются представители Якутской и Ленской епархии. Такое сотрудничество обогащает содержательный аспект филологического образования и направлено на сохранение важной роли русского языка и литературы в воспитании подрастающего поколения, укрепления единого культурно-образовательного пространства⁵². Форпостом русского языка и культуры в многонациональной республике считается Государственный Академический русский драматический театр им. А.С. Пушкина⁵³. История развития театра отражает формирование мировоззрения русских жителей далекого северного края и являет собой живое культурное наследие⁵⁴.

Безусловно, что русский язык занимает особое место в современном этносоциальном процессе в регионе, поскольку является, наравне с якутским, государственным языком РС (Я). По данным последних переписей, наблюдается прирост владения русским языком среди коренных народов Якутии, но, к сожалению, с утратой позиций родных языков, и это отдельный сложный вопрос в реализации языковой политики РС (Я).

Сегодня русские национальные праздники, в т.ч. религиозные, активно пропагандируются и поддерживаются политической элитой Якутии. Так, богослужения по случаю светлого праздника Рождества Христова идут во всех православных храмах Якутии, а Глава РС (Я) А.С. Николаев принимает участие в Божественной литургии; поддерживает традицию омовения в ледяной купели на Крещение Господне; народными гуляниями широко празднуется Масленица во многих районах Якутии и т.д.

Таким образом можно заключить, русские являются неотъемлемой частью республики, принимают участие в ее социально-экономическом и культурном развитии, формируя ценности многонационального (полиэтнического) регионального общества.

⁵⁰ Ермолаев Т.С. Указ. соч. — С. 83.

⁵¹ Астахова И.С. Религиозная идентичность населения Якутии: история и современность // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2016. — № 2 (8). — С. 30.

⁵² Залуцкая С.Ю. Роль русской филологии в духовном воспитании молодежи Якутии // Общество: социология, психология, педагогика. — 2019. — № 5 (61). — С. 70–71.

⁵³ Историческая справка — ГАРДТ им. А.С. Пушкина [Электронный ресурс]. — URL: <http://гарт.рф/istoricheskaya-spravka/>. Дата обращения: 01.10.2020.

⁵⁴ Крылова В.К. Русский драматический театр в Якутии (особенности развития в национальной республике): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 2004. — С. 23.

ГЛАВА 2.2

УСТОЙЧИВОСТЬ И УЯЗВИМОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ

В документах устойчивого развития ООН особое внимание уделялось признанию и укреплению роли коренных народов и местных общин в гармоничном сочетании экономического, социального развития, охране окружающей среды (1992)¹, планам действий по искоренению нищеты, защите планеты, обеспечению мира и процветания на период до 2030 г. (2015). Устойчивое развитие на период до 2030 года — это амбициозный, комплексный подход, который позволит решать «взаимосвязанные проблемы многомерной бедности, неравенства и отчуждения и устойчивости, одновременно повышая уровень знаний, навыков и производственных технологий, чтобы расширить выбор людей, снизить риски и сохранить достижения в области развития»².

В Российской Федерации коренными малочисленными признаются народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие менее 50 тыс. чел. и осознающие себя самостоятельными этническими общностями³.

По данным ВПН-2010, в России живут 47 малочисленных этносов, общая численность которых составляла 257,9 тыс. чел., или 0,3 % населения страны (в 2002 г. — 244 тыс. чел., или 0,2 %) ⁴. В их составе выделяются 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири, Кавказа и Дальнего Востока, которые компактно проживают более чем в 30 субъектах России. Более 65 % КМНС страны — жители сельской местности, где особенно бережно хранят традиции и быт своих предков. В Арктической зоне РФ зафиксировано на то время 82,5 тыс. представителей коренных малочисленных народов.

Республика Саха (Якутия) — крупный по территории регион России, кладовая минерально-сырьевых ресурсов, с многонациональным составом

¹ *Устойчивое* развитие, которое никого не оставляет позади [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.europe.undp.org/content/geneva/en/home/sustainable-development.html/>. Дата обращения: 05.10.2020.

² *Повестка дня* в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/2030-agenda-for-sustainable-development.html/>. Дата обращения: 06.10.2020.

³ *Федеральный закон* «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/180406/>. Дата обращения: 15.10.2020.

⁴ *Сайт* Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.raipon.info/activity/obshhaja-informacija.php>. Дата обращения: 15.10.2020.

населения, историческим опытом взаимодействия и взаимовлияния традиций и культур разных народов страны. По статданным, в регионе проживают представители более 120 национальностей (см. прил. 12).

Объектом особого внимания со стороны государства являются коренные малочисленные народы Севера, которые здесь жили веками, приспособившись к изменяющимся условиям экстремального климата и окружающей среды. К представителям КМНС Якутии, кроме долган, чукчей, эвенков, эвенов и юкагиров⁵, относятся русские арктические старожилы⁶: русско-устыинцы⁷ (Аллаиховский район) и походчане (Нижнеколымский район). Ведение традиционной деятельности на исконных землях предков — это не только основа сложившейся системы жизнеобеспечения, но и образ жизни, без которого немислима этническая культура и в целом мировоззрение северных этносов.

Показательно, что в национальном составе населения РС (Я) удельный вес КМНС возрос с 2,2 % в 1989 г. до 4,2 % в 2010 г. (см. табл. 1). Численность эвенков в 2010 г. составляла 21,0 тыс. чел., эвенов — 15,1 тыс. чел., в т.ч. в Оленекском, Кобяйском, Жиганском, Булунском улусах (районах) — от 2,3 до 3,1 тыс. чел. (см. прил. 13).

В административно-территориальном отношении к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС РС (Я) относится 71 сельский населенный пункт 21 улуса (района), в которых расположены 48 национальных (кочевых) наслегов. На 1 января 2018 г. там проживало 42,1 тыс. чел., или 4,4 % населения Якутии, преимущественно представители КМНС (см. прил. 14). Ареал компактного проживания представителей КМНС охватывает обширную территорию, на которой сконцентрировано 75,7 % аборигенных этносов республики. Условно распределяем на Арктическую зону (13 районов — 30,9 тыс. чел. в 49 поселениях традиционного проживания КМНС), в т.ч. прибрежную Арктику (5 районов — 12,9 тыс. чел. в 23 поселениях), а также северные районы, не вошедшие в Арктическую зону вследствие расположения в менее высоких широтах, но имеющие статус районов Крайнего Севера (8 районов — 11,2 тыс. чел. в 22 поселениях)⁸.

⁵ *Постановление* Правительства РФ «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24.03.2000 г. (с изм. на 26.05.2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757631>. Дата обращения: 12.10.2020; *Закон* РС (Я) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия) (новая редакция)» от 10.07.2003 г. (с изм. на 30.01.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/553108258>. Дата обращения: 12.10.2020.

⁶ *Закон* РС (Я) «О распространении положений Федерального закона от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустыинцев)» от 15.04.2004 г. (в ред. от 15.10.2009 г.) // *Законы Республики Саха (Якутия)*, отличающиеся своей уникальностью (по состоянию на 01.01.2020 г.). Тематический информационно-аналитический сборник. — Якутск, 2020. — С. 2.

⁷ *Русское сердце Арктики*. — Якутск, 2010. — С. 13.

⁸ В Арктическую зону РС (Я) не вошли места традиционного проживания КМНС — Томтор, Орто-Балаган и Ючюгей Оймяконского района, известного в мире как «Полюс холода».

Динамика численности КМНС в национальном составе населения Якутии в 1989–2010 гг.⁹ (по данным переписей, чел.)

Народы	1989	2002	2010
Все население РС (Я), тыс. чел.	1094,1	949,3	958,5
Эвенки	14 428	18 232	21 008
Эвены	8668	11 657	15 071
Долганы	408	1272	1906
Юкагиры	697	1097	1281
Чукчи	473	602	670
Всего КМНС	24 674	32 860	39 936
Доля КМНС в общей численности населения РС (Я), %			
Эвенки	1,32	1,92	2,19
Эвены	0,79	1,23	1,57
Долганы	0,04	0,13	0,20
Юкагиры	0,06	0,12	0,13
Чукчи	0,04	0,06	0,07
Всего КМНС	2,25	3,5	4,2

Наибольший интерес для исследователей представляют Арктическая зона¹⁰, в т.ч. прибрежная Арктика, как наиболее труднодоступные, малоисследованные субрегионы Якутии с самыми экстремальными условиями жизни КМНС.

Расположение основного ареала проживания населения за Северным полярным кругом, суровые природно-климатические условия, на которые оказывают воздействие близость Северного Ледовитого океана, течение с севера на юг крупных арктических рек (Лена, Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Колыма), сложный ландшафт (тундра, тайга, горные массивы), определили характер хозяйственной деятельности и формирование стратегий выживания малочисленных этносов Севера. Огромное пространство расселения, с определенными границами и соседями, формирует специфичное социокультурное пространство жизнедеятельности аборигенного социума, соответственно, его социально-экономическое и этнокультурное развитие тесно взаимосвязано с территорией проживания.

Современные социокультурные процессы, происходящие в прибрежных районах Арктической зоны РС (Я), имеют ряд особенностей (природно-климатические, социально-экономические, этнические и иные факторы), поэтому требуют особого исследовательского подхода¹¹. Пространственное развитие подразумевает территориальную организацию отраслей

⁹ Составлено по: *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.* Т. 5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения. — Якутск, 2005. — С. 7–9; *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>.

¹⁰ Указ Главы РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года» от 14.08.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://yakutsk-news.net/society/2020/08/14/58247.html>. Дата обращения: 12.10.2020.

¹¹ Грант РФФИ №18-49-140005p_a «Трансформации социокультурного облика коренных жителей арктического побережья Якутии в условиях модернизации: опыт междисциплинарного исследования» (рук. — к.и.н. Алексеева Е.К.).

экономики и размещение субъектов хозяйственной деятельности¹², а также совершенствование системы расселения населения на принципах реализации эффективной государственной политики регионального развития¹³.

Несмотря на удаленность своих территорий от центров цивилизации, КМНС Севера и Арктики постоянно находятся в фокусе интереса мировой общественности, деловых и научных кругов и вовлечены в глобализационные процессы. Повседневная жизнь аборигенных этносов — яркий пример жизнестойкости человека, хозяйственного освоения обширных территорий, векового опыта адаптации в суровой природной среде и выживания в условиях вторжения промышленности в исконные земли их обитания. Стремительное развитие новых технологий, их проникновение во многие сферы жизнедеятельности современного общества затронуло и аборигенные этносы Якутии.

В настоящее время демографическую ситуацию характеризует превышение миграционного оттока над естественным приростом в 8 из 13 арктических районов (Среднеколымский, Верхоянский, Жиганский, Верхнеколымский, Нижнеколымский, Абыйский, Усть-Янский, Аллаиховский). За последние годы население увеличилось в 5 районах: в Оленекском, Анабарском, Булуномском — за счет естественного и миграционного прироста, в Эвено-Бытантайском и Момском — за счет превышения естественного прироста над миграционным оттоком. Так, в Арктической зоне всего за 2019–2020 гг. миграционный отток составил 371 чел., естественный прирост — 349 чел., общая убыль — 22 чел. В городских поселениях отмечается прирост населения, что подтверждает стремление людей к более комфортной жизни и благам цивилизации; они в большей части находятся в трудоспособном возрасте, в т.ч. молодежь. С 2010 г. численность населения повысилась в районах алмазоносной провинции (Анабарский и Оленекский) — наиболее благополучных ареалах для проживания человека в Арктике. Крупными районами традиционного проживания эвенков считаются Жиганский (4222 чел.), Оленекский (4072 чел.), эвенов — Момский (3949 чел.), Булуномский (3792 чел.).

Самыми проблемными в этнодемографическом и социально-экономическом плане являются прилегающие к Восточно-Сибирскому и Лаптевых морям районы прибрежной Арктики, где с 1990-х годов наблюдается резкая убыль населения (в 3,1 раза). Так, в 2010–2018 гг. численность населения сократилась с 28,5 до 26,0 тыс. чел., естественный прирост возрос с 50 до 167 чел. (в связи с миграцией в городские или перспективные поселения), миграционный прирост снизился с 132 чел. до –347 чел.

Анализ социально-экономического развития прибрежных районов за 2010–2018 гг. показывает рост основных индикаторов: валового муниципального продукта — с 10,7 до 30,5 млн руб., инвестиций в основной капитал — с 381,0 до 1567,2 млн руб., номинальной начисленной заработной платы 1 ра-

¹² *Лаженцев В.Н.* Теоретические итоги исследований по тематике пространственного и территориального развития (с примерами по Европейскому Северу России) // Экономика региона. — 2015. — № 4. — С. 21–29.

¹³ *Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В.* Стратегия пространственного развития и формирование поселенческой структуры экономики России // Жилищные стратегии. — 2019. — № 2. — С. 157–174.

ботника — с 27,0 до 72,2 тыс. руб., объема социальных выплат населению — с 17,1 до 45,4 тыс. руб.

Существующие проблемы в социально-экономическом и культурном развитии коренных малочисленных народов Севера в традиционных ареалах проживания диктуют необходимость их комплексного решения. В своей работе Т.М. Красовская подчеркивает происходящие среди них изменения: «...в разных пропорциях теперь сформировались три социокультурные группы с существенно разными социально-экономическими и этнокультурными проблемами и интересами: люди, вовлеченные в традиционное оленеводческо-промысловое хозяйство; люди, живущие в относительно больших поселках и занятые вне традиционного хозяйства; люди, осевшие в селах и превратившиеся в социальных маргиналов»¹⁴.

Более того, попытки включения хозяйств, основанных на традиционном природопользовании, в систему современной экономики, внедрение на этих территориях рыночных отношений уже привели к деградации не только расположенных там культурных ландшафтов, но и самих малочисленных народов¹⁵.

Коренные народы Севера являют собой особую группу населения не только ввиду своей малой численности, но также и экстремального характера труда и жизни человека на Севере; специфического образа жизни, определяемого традиционными занятиями и хозяйством, социальным и культурным укладом. В этом качестве они представляют особенную этническую ценность, в сохранении которой заинтересовано все мировое сообщество.

Рассмотрим, опираясь на данные ВПН-2010, современное расселение и гендерный состав КМНС Якутии. Среди них по численности преобладают сельские жители — 70,8 % и женщины — 53,7 %. В структуре национального состава преобладают эвенки — 52,6 %; затем идут эвены — 37,7 %; долганы — 4,8 %; юкагиры — 3,2 %; чукчи — 1,7 % (см. табл. 2). На владение родными языками указали: 1341 эвенк (6,4 %), 3755 эвенов (24,9 %), 344 юкагира (26,8 %), 104 долгана (5,5 %), 334 чукчей (49,8 %). Для большинства современных КМНС язык своего этноса — это родной язык предков, но настоящих носителей языков КМНС сегодня можно найти в глубинке или среди специалистов-языковедов. Семьи, в которых родители еще передают эвенкийский язык детям, имеются в с. Иенгра (Нерюнгринский район) и в последнее время — в национальных наслегах.

Как известно, 1990-е годы отмечены реформой сельскохозяйственных предприятий РС (Я), что вызвало распад крупных совхозов и образование фермерских и крестьянских хозяйств, родовых общин; одновременно происходило сокращение занятых в традиционных отраслях. Несмотря на это, фактически олени пастбища были предоставлены оленеводческим хозяй-

¹⁴ Красовская Т.М. Экологическая рациональность мировоззрения коренных малочисленных народов Крайнего Севера // Этноэкологические аспекты духовной культуры. — М., 2005. — 324 с.; Sirina A. The Living Land: Ecological Ethics of the Evenks and Evens // Sibirica. — 2008. — Vol. 7, N 2. — P. 1-22.

¹⁵ Веденин Ю.А. О некоторых проблемных ситуациях в сфере сохранения культурных ландшафтов // Региональные исследования. — 2016. — № 2. — С. 141-149; Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. — М., 2000. — С. 175-185.

Численность городского и сельского населения КМНС Якутии, чел.

Народы	Всего	В т.ч.:		Город	В т.ч.:		Село	В т.ч.:	
		мужчины	женщины		мужчины	женщины		мужчины	женщины
КМНС	39 936	18 479	21 457	11 644	4945	6699	28 292	13 534	14 758
Эвенки	21 008	11 086	9922	5486	2908	2578	15 522	8178	7344
Эвены	15 071	5579	9492	5077	1550	3527	9994	4029	5965
Долганы	1906	850	1056	260	94	166	1646	756	890
Юкагиры	1281	627	654	559	257	302	722	370	352
Чукчи	670	337	333	262	136	126	408	201	207
Удельный вес в общей численности своего этноса, %									
КМНС	100	46,3	53,7	29,2	12,4	16,8	70,8	33,9	36,9
Эвенки	100	52,8	47,2	26,1	13,8	12,3	73,9	38,9	35,0
Эвены	100	37,0	63,0	33,7	10,3	23,4	66,3	26,7	39,6
Долганы	100	44,6	55,4	13,6	4,9	8,7	86,4	39,7	46,7
Юкагиры	100	48,9	51,1	43,6	20,0	23,6	56,4	28,9	27,5
Чукчи	100	50,3	49,7	39,1	20,3	18,8	60,9	30,0	30,9

Составлено по: *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения РС (Я). Население отдельных национальностей по муниципальным районам и городским округам [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>. Дата обращения: 10.08.2020.

ствам на праве безвозмездного постоянного (бессрочного) пользования. Тем не менее с 2002 г. обострилась проблема землепользования родовых общин, поскольку, как юридическое лицо, их обязали переоформить имевшееся право пользования земельными участками на право аренды¹⁶ или приобрести земельные участки в собственность¹⁷, что нереально требовать при годовой норме пастбища на 1 оленя (до 300 га земли). Оленеводческие хозяйства республики, по самым минимальным ставкам земельного налога, должны будут ежегодно платить земельный налог в неисчислимых размерах¹⁸.

Бытовая неустроенность в условиях как кочевья, так и стационарных поселений, отсутствие благоустроенного жилья, недостаточность финансовых вливаний со стороны государства в сфере жилищного строительства не могут способствовать улучшению качества жизни в местах хозяйственной деятельности аборигенов. Принятие закона РС (Я) «О кочевой семье»¹⁹ обнадеживает семьи оленеводов, ведущих кочевой образ жизни, на создание более комфортных условий проживания в местах традиционного хозяйствования. По расчетам специалистов МСХ РС (Я), необходимо построить 4500 стационарных жилых домов по зимним маршрутам оленеводческих бригад.

¹⁶ Ст. 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 г. (с изм. и доп. от 28.08.2020) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33764/. Дата обращения: 11.10.2020.

¹⁷ Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 г. (ред. от 06.06.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/. Дата обращения: 11.10.2020.

¹⁸ Погадаев М.А. Меры государственной поддержки развития коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия). 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://library.arcticportal.org/id/eprint/641>. Дата обращения: 05.09.2020.

¹⁹ Закон РС (Я) «О кочевой семье» от 15.06.2016 г. (в ред. от 30.05.2017 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/439090024>. Дата обращения: 15.10.2020.

Ключевой особенностью мест компактного проживания КМНС, определяющей необходимость специальных подходов к их социально-экономическому развитию и, соответственно, обеспечению безопасности жизнедеятельности, является высокая чувствительность традиционного образа жизни народов Арктики и Севера к внешним воздействиям.

Главными рисками уязвимости ведения хозяйственной деятельности КМНС являются: сложная транспортная логистика и отсутствие круглогодичного наземного сообщения; неразвитость социальной и производственной инфраструктуры, высокий удельный вес потерь тепло-электроэнергии, износ объектов жилищно-коммунального комплекса и увеличение доли ветхого жилья; слабое материально-техническое оснащение и низкий кадровый потенциал образовательных организаций в местах традиционного проживания; низкое качество и скорость мобильной и интернет-связи и др. Все обозначенные риски усложняют повседневную жизнь КМНС, т.к. представляют собой удорожающий фактор издержек в стоимости конечного продукта, кратно превышающего среднереспубликанский уровень.

Несмотря на меры господдержки в системе образования, в целом по районам традиционного проживания КМНС вопросы кадрового (профессионального) обеспечения отраслей экономики остаются нерешенными. В системе образования 50 % арктических школ относится к малокомплектным вследствие малой наполняемости классов, при слабой материально-технической базе и неукomплектованности квалифицированными кадрами. Несмотря на это, доля выпускников школ арктических районов, поступивших в вузы и ссузы по итогам 2018/19 учебного года, составляет 88 % (отметим, что 90 % из числа поступивших обеспечены общежитием учебного заведения). Это свидетельствует о сильной мотивации учащихся к получению профессионального образования.

В 2014–2019 гг. в арктических районах Якутии построены 5 государственных школ на 965 учеников, 16 дошкольных учреждений на 901 воспитанника. В 2019 г., в рамках реализации национального проекта «Образование», в общеобразовательных школах эвенкийских сел Хатыстыр и Кутана (Алданский район) были открыты «Точки роста». Здесь дети разных возрастов посещают занятия цифрового, естественно-научного, технического и гуманитарного направлений, в т.ч. изучают основы робототехники, трехмерного моделирования, создания медиапродуктов; учатся играть в шахматы, оказывать первую медицинскую помощь и т.д. Подобные центры должны быть доступны для получения качественного образования всем детям, независимо от места проживания. Надежды северян связаны с реализацией федерального проекта «Современная школа», который ставит целью повышение качества общего образования, воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности путем обновления содержания, технологий и методов обучения²⁰.

По данным переписей населения фиксируется в целом невысокий уровень образования коренных народов Севера по территориям их преимуще-

²⁰ *Виноградова И.* Центры образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста» откроют еще в двух школах Якутии. 10.08.2020, ЯСИА [Электронный ресурс]. — URL: <https://ysia.ru/tsentry-obrazovaniya-tsifrovogo-i-gumanitarnogo-profilej-tochka-rosta-eshhe-v-dvuh-shkolah-yakutii/>. Дата обращения: 11.08.2020.

ственного проживания. Так, в 2010 г. профессиональное образование имели 46,4 % среди всех КМНС против 43 % в 2002 г. Таким образом, в межпереписной период произошел небольшой рост уровня образования на 3,4 % (+3682 чел.). Отметим, что в 2002 г. профессиональное образование имели 9492 из 22 082 чел., в т.ч. 43,6 % эвенков (5431 чел.), 42,5 % эвенов (3428 чел.), 44,9 % юкагиров (332 чел.), 39,2 % долган (301 чел.)²¹. Уровень образования дифференцируется не только по принадлежности к отдельному этносу, но и в зависимости от типа поселения (город-село). Так, в 2010 г. среди сельских представителей КМНС профессиональное образование имеют 19 490 чел. (41 %), в т.ч. 43,4 % эвенков, 42,3 % долган; 38,1 % эвенов; 34,7 % юкагиров; 28,3 % чукчей²². Традиционно самый высокий уровень образования среди КМНС республики отмечается у эвенков.

В результате влияния внешних факторов молодое поколение северян малоконкурентно в получении качественного среднего и профессионального образования, в т.ч. освоении новых навыков и компетенций по техническим специальностям, предпринимательской деятельности, основам информационных технологий и др., и это является причиной сниженных стартовых возможностей для их социальной мобильности²³.

Итоги наших социологических опросов показывают, что аборигенные народы в местах исконной среды обитания живут надеждами на улучшение жизни в Арктике и на Севере и связывают их не только с традиционным образом жизни, но и большей частью с промышленной модернизацией и будущими инфраструктурными проектами²⁴.

В последние десятилетия, несмотря на принимаемые меры, положение малочисленных народов Севера осложняется неприспособленностью традиционных видов хозяйственной деятельности к условиям современной рыночной системы, ориентированной на капиталистическое производство на основе спроса и предложения. Их низкая конкурентоспособность обусловлена малыми объемами производства, высокими транспортными издержками, отсутствием современных предприятий и технологий по комплексной переработке сырья и биологических ресурсов.

Так, в 2010–2017 гг. наибольший спад уровня занятости — с 38,8 до 35,4 тыс. чел., или на 8,7 %, — наблюдается в Арктической зоне Якутии (Усть-Янский, Анабарский, Верхнеколымский, Среднеколымский

²¹ Рассчитано по: *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года*. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по уровню образования [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>. Дата обращения: 10.08.2020.

²² Рассчитано по: *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года*. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу, по уровню образования [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>. Дата обращения: 15.10.2020.

²³ Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 2012. — 363 с.

²⁴ Baishева S. The interaction between business and indigenous peoples of Yakutia: the social context and the realities of life // *Business Economics*. — 2016. — Issue 4 (2). — Vol. 51. — P. 580–587; Она же. Woman Employment in the conditions of transformation of society: socioeconomic dimension // *Eastern European Scientific Journal*, «Auris Kommunikations- und Verlagsgesellschaft mbH», Dusseldorf-Germany. — 2016. — N 4. — P. 96–99.

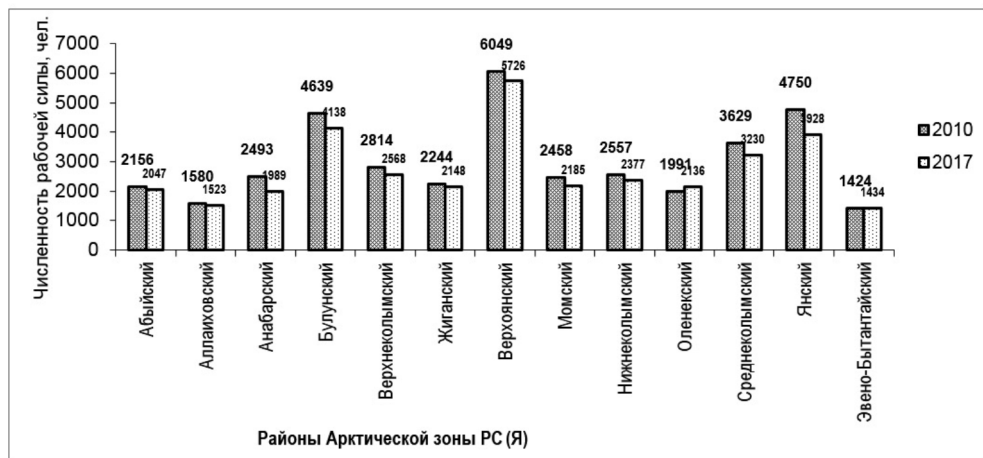

Рис. 1. Динамика занятости населения Арктической зоны РС (Я) в 2010–2017 гг., чел.

районы) (см. рис. 1). Самый высокий уровень общей безработицы в 2016–2017 гг. отмечен в Эвено-Бытантайском (13,2 %) и Кобяйском (13,7 %) районах, против 6,9–7,2 % в целом по РС (Я). Самый высокий коэффициент напряженности на рынке труда имеется в Оленекском районе — 61,7–35,8 чел. на 1 вакансию против 1,5–3,0 чел. в целом по РС (Я).

Все отрасли экономики районов традиционного проживания КМНС характеризуются неравномерным распределением рабочей силы. В частности, в 2017 г. статистически зафиксировано всего занятых 13 359 чел., из них в производственной сфере — 4983 чел. (37,3 %), непроизводственной сфере — 8376 чел. (62,7 %). Значительное число занятых в бюджетных отраслях, в т.ч. в образовании — 4233 чел. (31,7 %), государственном управлении — 1191 чел. (8,9 %), здравоохранении — 982 чел. (7,3 %).

В добывающей промышленности рассматриваемого региона работает 2089 чел. (15,6 %); в сельском хозяйстве — 1690 чел. (12,7 %), из которых 87,9 % занятых приходится на домашнее оленеводство (см. прил. 15). В поселениях прибрежной Арктики работающих всего — 3834 чел., в т.ч. в производственной сфере — 1918 чел., непроизводственной — 1916 чел. (см. рис. 2).

Республика Саха является уникальным регионом, имеющим на своей территории все природно-климатические зоны, удобные для ведения оленеводства (тундровая зона, горно-таежная зона, таежная зона), а также человеческие ресурсы в лице пяти коренных малочисленных этносов с местными знаниями и навыками в доместикации и уходе за домашними оленями.

Оленеводство — традиционная отрасль сельского хозяйства РС (Я), прерогатива занятости в которой принадлежит КМНС (см. рис. 3). Всего в домашнем оленеводстве занято 1486 работников. При этом отмечается ежегодное сокращение занятых в отрасли, большей частью за счет чумработниц, которых не устраивают ни заработная плата, ни условия труда в целом. Наиболее благополучная ситуация в оленеводстве наблюдается только в Оленекском районе (см. прил. 16).

В местах традиционного проживания КМНС (21 район) в 48 оленеводческих хозяйствах трудятся 236 молодых оленеводов, в т.ч. в арктических

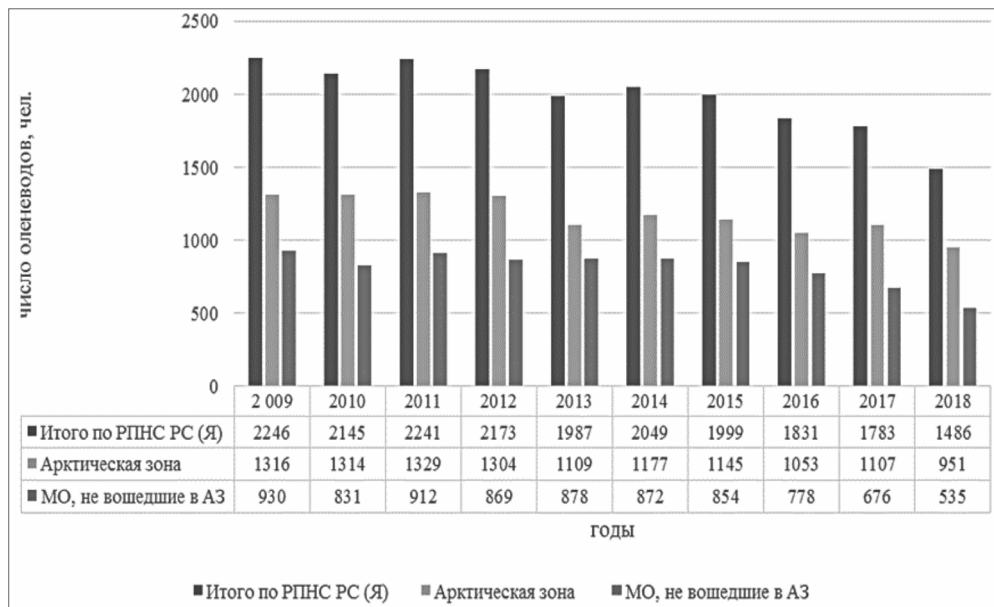

Рис. 2. Численность работников по сферам занятости в поселениях КМНС в прибрежной Арктике в 2017 г., чел.

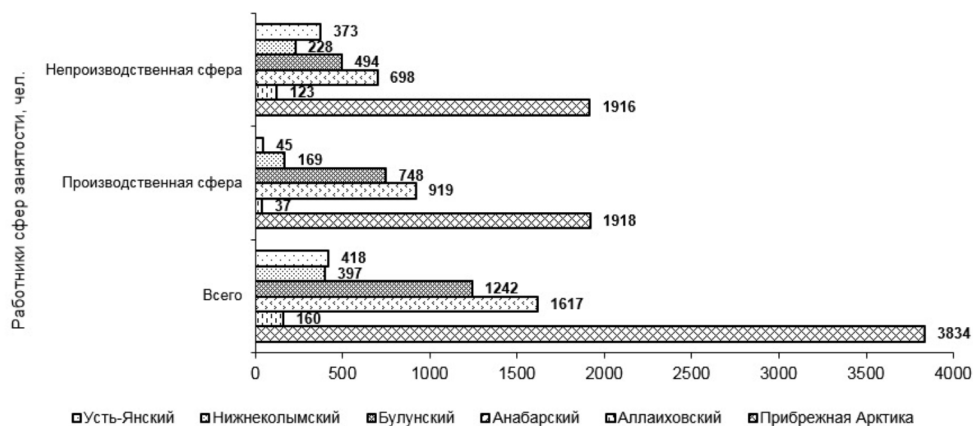

Рис. 3. Динамика численности работников оленеводства в районах проживания народов Севера РС (Я) в 2009–2018 гг., чел.

районах работают 164 молодых оленевода (69,5 % от числа молодых оленеводов). В рамках проекта «Молодой оленевод» граждане РФ до 35 лет, со стажем работы в арктическом оленеводстве РС (Я) не менее 4 лет, могут воспользоваться единовременной выплатой в размере 1 млн руб. на улучшение жилищных условий.

На фоне постоянного снижения поголовья оленей всех категорий хозяйств на начало 2019 г. насчитывалось всего 146,4 тыс. гол. в целом по республике. По сравнению с 2013 г. поголовье снизилось на 30,7 тыс. гол. или ежегодно на 4,4 тыс. гол. оленей. Нагрузка на 1 пастуха в среднем составила

135 оленей, тогда как в прежние годы была повыше — от 143 до 219 голов²⁵. Вместе с родителями кочуют дети (700–800 чел.), во время каникул большинство из них помогают старшим, обретая бесценный опыт выживания в тундре и тайге.

К наиболее острым проблемам, связанным с государственной поддержкой устойчивого развития аборигенного сообщества: созданием благоприятных условий для сохранения базовых отраслей традиционной экономики (оленоводства, рыболовства, охотничьего промысла) и повышения уровня и качества жизни, относятся приближение новых технологий, техники к местам проживания и трудовой деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Отрасль рыболовства как сфера занятости населения развита только в северных и арктических районах в РС (Я), где сосредоточено более 89 % промыслового улова, приуроченного к низовьям крупных рек. С 2011 г., согласно требованиям федерального законодательства, за всеми рыбодобывающими организациями Якутии были закреплены на 10 лет доли в общем объеме промышленных квот. Их обладателями стали 170 пользователей, в т.ч. индивидуальные предприниматели — 75 чел. (44,1 %), родовые общины — 50 (29,4 %), кооперативы — 18 (10,6 %) и прочие юридические лица — 27 (15,9 %). За последние годы, на основании прогноза ученых, республике ежегодно выделяется около 7500 т рыбы. Вне зависимости от размера выделяемой квоты ее фактическое освоение составляет в среднем 70 %, или порядка 5000 т рыбы. Численность рыбаков РС (Я) составляет 1005 чел., из расчета нормы вылова на 1 чел. 5 т рыбы за сезон.

Интенсивное промышленное освоение природных ресурсов Арктики и Севера сократило возможности ведения традиционной хозяйственной деятельности КМНС ввиду изъятия из оборота значительных площадей оленьих пастбищ и охотничьих угодий. За длительный период непростых взаимоотношений недропользователей и родовых общин КМНС накоплен определенный опыт решения экологических проблем, вопросов социально-экономического характера. Однако промышленники считают многие их требования «завышенными», местная и республиканская власть предпочитают не вмешиваться, опасаясь справедливого возмущения аборигенов и в то же время того, чтобы пользователи территорий традиционного природопользования не превратились в рантье.

Между тем несовершенное нормативное правовое регулирование хозяйственной деятельности КМНС усложняет не только их повседневную жизнь, но также традиционное природопользование и уклад жизни в исконной среде обитания²⁶. По мнению российских исследователей, существующие правовые нормы не нацелены на устойчивое развитие коренных малочисленных

²⁵ *Башишева С.М.* Современный рынок труда в арктическом социуме: состояние и возможности // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2018. — № 12. — С. 268–274.

²⁶ *Клоков К.Б., Степанов А.М.* Оценка потенциальной конфликтности в отношении особо охраняемых природных территорий Арктической зоны РФ с местным населением // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. — Т. 10, вып. 4 (41). — С. 61–69; *Бочарникова А.В.* Коренные народы и особо охраняемые природные территории: опыт соуправления природными ресурсами. — М., 2017. — 142 с.; *Слепцов А.Н.* К вопросу правового регулирования устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации. — Якутск, 2019. — С. 29–32.

народов Севера, а участие промышленных корпораций в развитии территорий, улучшении уровня и качества жизни КМНС в большинстве случаев осуществляется на бессистемной основе²⁷. Заключение экономических договоров между промышленными бизнес-структурами и КМНС способствует повышению материального положения последних в противовес происходящему сужению возможностей традиционной трудовой деятельности.

Данная проблема является комплексной, долговременной и характерной также для других циркумполярных стран, особенно Канады и США, о чем свидетельствуют зарубежные и отечественные публикации, касающиеся как взаимоотношений хозяйствующих субъектов и коренных народов, так и адаптации последних к изменившимся условиям²⁸.

Президент Ассоциации КМНС РС (Я) А.В. Кривошапкин считает, что «...Алмазные компании немалые финансовые средства в виде налогов перечисляют в бюджет Республики Саха (Якутия). Часть этих средств необходимо адресно использовать для решения жилищных, транспортных, языковых и других проблем коренных малочисленных народов Севера республики»²⁹. Действующий республиканский закон³⁰ регулирует отношения в области этнологической экспертизы, в целях предотвращения и предупреждения негативных воздействий намечаемой хозяйственной и иной деятельности на исконную среду обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, социально-экономического и культурного развития КМНС РС (Я). Следует отметить, что в республике постоянно совершенствуется законодательная база нормативных правовых актов, устанавливающих гарантии и права КМНС на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни, сохранение и развитие миноритарных языков. Мнение ведущих экспертов по проблемам экономического, социального, культурного и духовного развития коренных малочисленных народов РС (Я) сводится к тому, что самостоятельно, без целенаправленной государственной поддержки аборигенные народы не выживут³¹.

Семьи КМНС на территориях традиционного проживания относятся к категории малоимущих. Согласно статистике по обследованию домохо-

²⁷ Писарева Л.Ю. Образ жизни коренных этносов Арктической зоны Якутии: социально-экономический аспект // Социология. Журнал Российской социологической Ассоциации. — 2018. — № 4. — С. 195–202; Пилясов А.Н. От патернализма к партнерству: Строительство новых отношений народов Севера и государства. — Магадан, 1998. — 199 с.

²⁸ Osherenko G. Sharing power with native users: co-management regimes for Arctic wildlife // Canadian Arctic Resources Committee Policy. — 1988. — Paper N 5. — P. 1–44.

²⁹ Кривошапкин А.В. Добывающие промышленные компании и народы Севера // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). — М., 2009. — С. 15–26.

³⁰ Закон РС (Я) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 14.04.2010 г. (в ред. от 30.01.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/895252453/>. Дата обращения: 10.10.2020.

³¹ Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру. — Якутск, 2003. — 393 с.; Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 2012. — 363 с.; Санникова Я.М., Игнатьева В.Б. Традиционное хозяйство Севера Якутии: к вопросам выявления показателей адаптации в современной аграрной системе // Московский экономический журнал. — 2018. — № 5 (2). — С. 171–176.

зайств, денежные доходы малоимущих семей на 1 члена составляли 12 тыс. руб., что в 3,2 раза ниже, чем у всех домохозяйств Якутии (38,2 тыс. руб.). В структуре их денежных доходов удельный вес социальных выплат доходит до 27,3 %, что на 5,6 пунктов выше, чем у всех домохозяйств республики (21,7 %), в т.ч. пособий, компенсаций и других социальных выплат (14,7 %) — на 9,1 пунктов (по РС (Я) — 5,6 %) ³².

В 2019 г. Якутия, среди 85 российских регионов, при высоких среднедушевых денежных доходах населения (45,3 тыс. руб. — 11 место в стране) по уровню бедности (17,9 % против 18,6 % в 2018 г.) занимала 16 место в России. Остается значительной величина прожиточного минимума — 17,1 тыс. руб. (6 место). В 2019 г. средний уровень бедности в стране был равен 12,3 %. Среди дальневосточных регионов Республика Саха находится на 4 месте по уровню бедности населения после Республики Бурятия (20,1 %), Забайкальского края (21,5 %), Еврейской автономной области (23,9 %). Регионы с самым низким уровнем бедности (самые богатые регионы) на Дальнем Востоке — Сахалинская область (8,5 %), Чукотский автономный округ (8,7 %), Магаданская область (9,4 %).

Арктическая зона Якутии, в т.ч. прибрежные районы ³³, относятся к 1-й группе по определению размеров прожиточного минимума для исчисления расчетов стоимостной оценки потребительской корзины для населения, в зависимости от зоны проживания населения. Так, по нашим расчетам, в 2019 г. по сравнению с 2010 г. величина прожиточного минимума возросла до 20 199 руб. против 9889 руб. (в 2 раза). Анализ данных показал, что в структуре денежных доходов малоимущих домохозяйств в сельской местности доход от трудовой деятельности занимает 66,3 %, остальные 33,7 % составляют полученные трансферты, в т.ч.: социальные выплаты — 30 %, из которых пенсии — 15,7 %, пособия, компенсации, социальные поступления — 14,3 % и иные поступления от частных лиц и организаций — 3,7 %.

Итоги наших исследований в районах промышленного освоения на территории проживания аборигенного сообщества показывают, что доходы населения складываются из трех источников: государственной поддержки, доходов от традиционной деятельности, выплат промышленных компаний-недропользователей. Вопросы снижения безработицы среди коренных народов частично решаются за счет заключения соглашений между органами МСУ с недропользователями, ведущими хозяйственную деятельность в регионе. Например, это договоры, подписанные в рамках реализации республиканской программы «Местные кадры — в промышленность». Однако экспертные интервью свидетельствуют о том, что представители КМНС с трудом приспосабливаются к новым формам занятости. Примеры взаимовыгодного сотрудничества отмечаются в тех районах (Анабарский, Оленекский), где налажен эффективный диалог местных администраций с крупными бизнес-структурами, осваивающими недровые богатства на территории проживания арктических народов. Промышленные предприятия,

³² *Уровень бедности. Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным категориям* [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>. Дата обращения: 10.10.2020.

³³ В первом варианте только 5 прибрежных районов были включены в Арктическую зону Российской Федерации.

зарегистрированные в Якутии («АЛРОСА», «Нижнеленское», «Алмазы Анабара»), выстраивали свои отношения с местным населением на основе лицензионных соглашений, договоров по социально-экономическому развитию районов и мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера; оказывали шефскую помощь национальным поселкам, родовым общинам.

Вместе с тем сообществу северян не стоит уповать только на помощь извне, на наш взгляд, в ближайшей перспективе нет лучшей альтернативы, чем самим совершенствовать экономику традиционных отраслей, модифицировать и применять новые технологии в производстве, переработке и транспортировке конечной продукции, включая пищевые продукты, в т.ч. дикоросы; налаживать продукцию народных промыслов и др.

Интервью с жителями отдаленных сел Аллаиховского улуса³⁴ обнаружили дифференцированные оценки населения внутри одного административного района в отношении вопросов занятости и трудоустройства, стратегий адаптации в условиях сохранения традиционного природопользования. В последние годы здесь было ликвидировано все поголовье домашних оленей, разорены многие родовые общины. В поселениях существует скрытая безработица, особенно среди молодежи, многие люди живут за счет самозанятости в сфере использования биологических ресурсов. Однако есть яркие примеры сплоченной работы команды единомышленников, например, родовой общины «Русское Устье» — поселкообразующего предприятия одноименного населенного пункта русских арктических старожилов на р. Индигирка. Основная сфера занятости — промысловое рыболовство. Итоги социологического опроса жителей с. Русское Устье демонстрируют их оптимизм: многие люди решительно настроены жить в своем мире, опираясь на кормящий ландшафт и традиционные занятия, надеясь на себя и свои навыки. Все это свидетельствует о том, что в социальной атмосфере этого села нет тоски, тревоги и безысходности, как в других арктических поселениях.

Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера невозможно без развития человеческого капитала, которое подразумевает улучшение демографической ситуации путем привлечения и закрепления населения в районах Арктики и Севера; уменьшение уровня бедности; снижение смертности и улучшение репродуктивного здоровья людей; подготовку конкурентоспособных кадров из числа местных жителей; духовное развитие и повышение роли семейных ценностей в обществе.

Распространение современных технологий, которые стали неизменными атрибутами повседневной жизни в отдаленных поселениях КМНС, существенным образом влияет на качество жизни людей, формируя новые ценности, стереотипы поведения и общения³⁵.

Разработка интегральных индикаторов устойчивого развития, учитывающих экономические, социальные и экологические факторы, — ком-

³⁴ ПМА: рукопись (Чокурдах-Камышово-Оленегорск-Русское Устье, 2014 г.).

³⁵ Грант РГНФ №14-13-14602 е(р) «Занятость молодежи коренных малочисленных народов Севера Якутии в контексте устойчивого развития арктических территорий: реальность и возможности» (рук. — к.э.н. Баишева С.М.); Харамзин Т.Г., Изюмов И.В. Трансформация традиционных форм занятости коренных малочисленных народов Севера // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 12 (5). — С. 1067–1070.

плексная проблема, которую нужно решать с учетом концептуальных идей и основных принципов методик расчета индексов скорректированных показателей Всемирного банка и человеческого развития ПРООН. В рамках нашего исследования мы выделили три приоритетных направления развития аборигенного социума в политико-правовой, социально-экономической и этнокультурной сферах. Представленная таблица является схематичной презентацией, отражающей основные факторы (направления), влияющие на устойчивость отдельных поселений, так и на территории традиционного проживания КМНС в целом, а также на развитие этноса на перспективу (см. прил. 17).

К новым вызовам, с которыми столкнулось аборигенное сообщество, можно отнести прекариатизацию труда, происходящую в условиях усиливающегося давления рынка. Ушли в прошлое гарантированные трудовые отношения, которые становятся неустойчивыми во времени и, как следствие, представители КМНС могут окончательно перейти в разряд незащищенных слоев населения. Формирование идеологии профессий, необходимость нужных специалистов, критерии профессионализма — комплексная проблема, дебатлируемая государством, бизнесом, НКО (третий сектор) и СМИ, которые манифестируют свою «оптику, ищут более адекватные модели, анализа и интерпретации»³⁶.

Ситуация, вызванная пандемией COVID-19, оказала негативное влияние на уровень и качество жизни населения арктических территорий Якутии. Часть занятых лиц лишилась работы, снизились доходы; финансовую поддержку государства ощутили только семьи с детьми, тогда как среди КМНС много пожилых людей и безработных. Существует опасение, что отрицательные экономические эффекты могут быть длительными и это отразится на социальном самочувствии бедного населения, проживающего в районах традиционной хозяйственной деятельности.

Ясно, что в условиях нынешней реальности низкий уровень жизни КМНС, отягощенный многими вышеуказанными факторами, не может существенно улучшиться, в первую очередь, из-за нарушения равновесия во взаимоотношениях с природой и появления риска будущих пандемий. Поэтому первоочередной мерой в повестке дня является защита прав самих аборигенов, их традиционных знаний и занятий, территорий традиционного природопользования, принятие превентивных мер по охране общественного здоровья в местах их компактного проживания. Примечательно, с 2020 г. планируется увеличение выплат по программам «Земский доктор» и «Земский фельдшер», соответственно до 2 млн и 1 млн руб., поскольку нерешенной проблемой здравоохранения северных и арктических районов республики остается слабая материально-техническая база медицинских учреждений, 52–53 % укомплектованность врачами и средним медперсоналом.

Реализация государственной политики в Арктической зоне Якутии никогда не будет эффективной без учета мнения самих КМНС. В принятых стратегических документах обозначено повышение качества жизни населения с достижением значимых показателей социального развития арктиче-

³⁶ *Антропология профессий или посторонним вход разрешен.* — М., 2011. — С. 8.

ских улусов (районов) не ниже средних значений по России³⁷. Для этого разрабатывается концепция устойчивого развития КМНС Республики Саха (Якутия) до 2030 года, запускаются федеральные программы «Цифровизация языкового и культурного наследия коренных малочисленных народов Севера», «Учитель Арктики», «Дети Арктики», «Молодой оленевод».

В последнее время большое внимание уделяется усилению роли России в стратегически важном регионе мира, совершенствуется система государственного управления социально-экономическим развитием Российской Арктики³⁸. Меняются подходы и принципы: Арктическая зона становится специальной экономической зоной с набором налоговых льгот, при этом акцент переносится на поддержку инвесторов в реализации проектов в сфере экономики. Государство будет совершенствовать условия для ведения бизнеса, развивать экономику арктических территорий, потому что именно данный подход позволит в перспективе улучшить условия жизни людей, в т.ч. коренных народов Арктики.

Интенсивное промышленное освоение территории привнесло новые для Якутии типы природопользования. Так, помимо традиционных сельскохозяйственного и лесохозяйственного типов, характерных для территорий традиционного природопользования КМНС, формируются и другие типы этнокультурных ландшафтов — промышленно-урбанистический (включает городской селитебный), транспортно-промышленный и горнопромышленный.

На основе комплексной типологии этнокультурного ландшафта, методом наложения трех типологических классификаций, районы компактного проживания КМНС мы распределили по 6 этнокультурным типам (см. табл. 3). Для определения специфики жизнедеятельности КМНС, в т.ч. факторов устойчивости и уязвимости их современного развития, важно учитывать основные признаки компонентов взаимосвязанной триады: природа — этнос — хозяйство, использованные в разработке данной типологии Ж.Ф. Дегтевой.

Установлено, что процесс формирования этнокультурных ландшафтов в Якутии имеет ряд отличительных особенностей: удаленность и труднодоступность территории способствовали сохранности традиционных культур; природные условия и ресурсы Севера определили специфические типы природопользования (домашнее оленеводство, северное скотоводство, промыслы и др.); многонациональный состав населения обусловил культурное разнообразие; очаговое хозяйственное освоение территории определило пространственные различия в трансформации этнокультурных ландшафтов.

Анализ данных показал, что поселения I, V, VI этнокультурных типов имеют положительные признаки устойчивого развития и на перспективу тоже, связанные преимущественно с стратегическими приоритетами государства, промышленной модернизацией, вниманием руководства республики и ДВФО к интересам населения этих территорий, наличием грамотного менеджмента на местах, отлаженным механизмом взаимодействия с крупными

³⁷ Указ Главы РС (Я) «Об основных направлениях Государственной политики в Арктической зоне РС (Я) до 2024 г.» от 08.04.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202004090001>. Дата обращения: 20.05.2020.

³⁸ Указ Президента РФ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» от 05.03.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/>. Дата обращения: 15.10.2010.

Основные показатели мест традиционного проживания КМНС по этнокультурным типам³⁹ (по Дегтевой Ж.Ф.⁴⁰)

Этнокультурный тип	Улусы (районы)	Населенные пункты	Число поселений и численность населения на 1 января 2018 г.	
			ед.	чел.
1	2	3	4	5
I. Полиэтнический традиционный тундровый	Анабарский*	Саскылах, Юрюнг-Хая	2	3567
	Аллаиховский*	Чкалов, Нычалах, Русское Устье, Оленегорск, Ойотунг	6	631
	Булунский*	Намы, Кюсюр, Найба, Быковский, Сиктях, Таймылыр, Усть-Оленек	7	3792
	Н.-Колымский*	Андрюшкино, Походск, Колымское	3	1731
	Усть-Янский*	Казачье, Хайыр, Тумат, Сайылык, Усть-Янск, Уянди, Юкагир	7	3225
Итого по типу I			25	12 946
II. Полиэтнический традиционный горно-тундровый	В.-Колымский*	Усун-Кюёль, Нелемное, Верхнеколымск	3	1097
	Верхоянский*	Улахан-Кюёль	1	984
	Момский*	Кулун-Елбют, Хонуу Буор-Сысы, Соболох, Чумпу-Кытыл, Сасыр	6	3949
	Эвено-Бытантайский*	Джаргалах, Кустур, Батагай-Алыта	3	2813
Итого по типу II			13	8843
III. Полиэтнический традиционный таежный	Абыйский*	Кубергана	1	479
	Жиганский*	Бестях, Кыстатыам, Жиганск, Баханай	4	4222
	Оленекский*	Жилинда, Харыялах, Оленек, Эйик	4	4072
	С.-Колымский*	Березовка, Уродан	2	310
	Кобяйский**	Сегян-Кюёль, Себян-Кюёль	2	1109
	Олекминский**	Токко, Уолбут, Тяня, Куду-Кюёль, Бясь-Кюёль	5	2317
Итого по типу III			18	12 509
IV. Полиэтнический традиционный горно-таежный	Оймяконский**	Томтор, Орто-Балаган, Ючюгей	3	1739
	Томпонский**	Тополиное	1	909
	Усть-Майский**	Кюпцы, Тумул, Троицк, Петропавловск, Эжанцы, Усть-Мая	6	1665
Итого по типу IV			10	4313
V. Полиэтнический новационный горно-таежный	Алданский**	Кутана, Хатыстыр, Угоян	3	2268
	Нерюнгринский**	Иенгра	1	971
Итого по типу V			4	3239

³⁹ Составлено по: Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ на территории РС (Я) за 2012–2017 гг. Стат. сборник № 17/466. — Якутск, 2018. — С. 6–8.

⁴⁰ Дегтева Ж.Ф. Пространственная организация этнокультурных ландшафтов Якутии: дис. ... канд. географ. наук. — Смоленск, 2017. — С. 112–114.

1	2	3	4	5
VI. Полиэтнический новационный таежный	Мирнинский**	Сюльдюкар	1	271
Итого по типу VI			1	271
Всего по КМНС РС (Я)			71	42 121

* Районы Арктической зоны РС (Я); **Районы, не вошедшие в Арктическую зону РС (Я).

бизнес-структурами, в т.ч. недропользователями. Поселения II, III, IV типов занимают промежуточное положение и для их устойчивого развития необходимо усилить целенаправленную работу по снижению социальных рисков, поиску внутренних резервов и дополнительных источников финансирования на развитие территорий (поселений), внедрению новых технологий традиционного природопользования.

Устойчивость развития КМНС в арктических и северных поселениях требует, прежде всего, регулирования процесса миграции из сельских населенных пунктов в городские поселения и за пределы региона. Вместе с тем, исходя из оптимистического варианта социально-экономического развития арктических территорий, следует ожидать позитивных изменений в численности населения, объемах миграционных потоков, урбанизационных процессах.

Повышение устойчивости, жизнеспособности аборигенного социума основано на знаниях традиционной культуры и родного языка, развитии национального самосознания КМНС, которые сопровождаются такими позитивными процессами, как самоорганизация в форме общин, получение правоустанавливающих документов на земли, развитие частного оленеводства и других видов предпринимательства, самозанятости, учреждение центров традиционной культуры.

Редким опытом периода 1990-х годов явилось создание института родовых угодий в республике, наделение семей/домохозяйств коренных народов Севера документами на землю в соответствии с их историческими правами. Исконные территории и исторические формы традиционного природопользования КМНС — это основа жизнедеятельности, ресурсы выживания, основание для реализации прав малочисленных этносов в современных условиях.

Как показывают исследования Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, социально-экономические и этнокультурные аспекты развития улусов (районов) Арктики сильно дифференцированы в зависимости от масштабов изменений условий жизнедеятельности населения, скорости миграционных процессов, уровня присутствия промышленности на их территории⁴¹. В целях цивилизационного будущего КМНС необходимо использовать имеющийся научно-исследовательский потенци-

⁴¹ *Baishева S.* The Main Problems of the Indigenous Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) in Terms of Socio-Cultural Modernization: the Shear Zone // *Russian Studies: Institute for Russian, East European and Eurasian Studies (IREEES) at Seoul National University*, 2012, Seoul, Korea 2012. — P. 343–386.

ал республики для разработки прагматических подходов к решению социально-экономических вопросов развития мест их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, в первую очередь, регулирования вопросов землепользования, формирования паритетных взаимоотношений с крупными бизнес-структурами, развития самоуправления, создания условий для самообеспечения и саморазвития на основе уникального опыта выживания и жизнестойкости в экстремальных условиях Арктики и Севера.

Для нашей страны важнейшим императивом становится, по мнению А.И. Татаркина, «форсирование всего спектра инвестиций в развитие человеческого потенциала, в первую очередь его инновационных составляющих. Именно в этом заключается новая человекоориентированная парадигма социально-экономического развития XXI века»⁴². Аксиомой является понимание того, что решающим и ориентированным на перспективу фактором успешной реализации ресурсных возможностей страны и отдельных ее регионов становится социально и экономически заинтересованный, профессионально и граждански активный человеческий потенциал. Качественные характеристики населения, его инновационно-новаторская роль могут стать доминирующим фактором, определяющим контуры успешного и поступательного развития России.

Трансформация российского общества не может не влиять на изменение экономического положения и социального самочувствия малочисленных народов страны. Тем не менее концептуальные подходы к вопросам сохранения и развития КМНС предполагают укрепление социально-экономического потенциала народов, защиту исконной среды обитания, традиционного уклада жизни, базовых ценностей, языка и культуры, гарантированные государством.

В целом проведенный анализ адаптации коренных малочисленных народов Севера, их хозяйства и культур к меняющимся условиям внешней среды выявил устойчивость традиционных компонентов этнической культуры, естественное сочетание исторических традиций с современными инновациями. Основу системы жизнеобеспечения населения арктических сел составляют традиционные виды хозяйственной деятельности — домашнее оленеводство, северное скотоводство, охота, рыболовство, пушной промысел, сбор дикоросов, в последнее время — сбор палеонтологических материалов плейстоценовой фауны (бивни мамонта)⁴³. В этой связи сохранность существующей системы жизнеобеспечения КМНС рассматривается как один из важнейших факторов устойчивого развития Арктики в целом.

Традиционное природопользование — это квинтэссенция многовекового опыта каждого народа, причисленного к категории «коренных» и «малочисленных»; трансформируется в зависимости от комплекса политических (идеологических), социально-экономических, экологических факторов, принимает свои неповторимые формы, проходя сложный путь использования многими поколениями людей. Пренебрегать существованием традиционного природопользования означает лишить основы существования пред-

⁴² Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 6 (24). — С. 42–59.

⁴³ Лицензирован только для родовых общин КМНС как юридических лиц.

ставителей КМНС. Права на охоту, рыбную ловлю, льготное налогообложение и др., гарантированные федеральными законами, фактически не соблюдаются. В этой связи остро стоит другая проблема, связанная с образованием территорий традиционного природопользования (ТТП)⁴⁴. В сложившихся условиях требуется эффективное государственное стратегирование, направленное на повышение устойчивости и адаптивности традиционного природопользования, что одновременно проецируется на места компактного расселения коренных малочисленных народов Севера и, соответственно, на их традиционную культуру.

Усиление многозначной артикуляции северного статуса России как одной из фундаментальных основ ее национальной государственности, презентации Арктики как глобальной арены диалога и сотрудничества государства, бизнеса и местного населения, с неизбежностью предполагают признание вклада коренных народов Севера в освоении и сохранении этого громадного пространства. Соответственно, вопросы устойчивости и уязвимости аборигенного сообщества, сохранившего бережное отношение к истокам синкретической традиционной культуры, признающего тесную взаимосвязь и равнозначность стержневых средовых составляющих мироздания — «природа-общество-человек», — задача государственной важности и интересная, комплексная тема будущих исследователей, способных участвовать в процессах принятия решений на национальном, региональном и местном уровнях.

⁴⁴ *Костяев А.И., Клоков К.Б.* Проблемы развития северных территорий оленеводческо-промыслового типа // Вестник Государственного аграрного университета Северного Зауралья. — 2016. — № 4 (35). — С. 116–122.

ГЛАВА 2.3

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СТАРТОВЫХ УСЛОВИЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ

Объявление «Десятилетия детства в Российской Федерации» на период 2018–2027 гг. свидетельствует о том, что интересы и права детей как особо уязвимой социальной группы общества являются важной частью государственной политики России¹. В Республике Саха (Якутия) полностью поддерживают эту плодотворную идею в русле улучшения положения детей, создания благоприятных условий для их духовного и физического здоровья, развития интеллектуальных и творческих способностей. Еще в 1990-е годы XX в. здесь сформировались региональные приоритеты в нормотворческой деятельности в сфере охраны детства, что способствовало законодательному закреплению и практическому осуществлению государственных мер, направленных на социальную защиту детей Якутии, улучшению условий, уровня и качества их жизни².

Активная нормотворческая деятельность продолжается и в настоящее время. В республике приняты такие законы, как «О государственной поддержке образовательных организаций, расположенных в сельских населенных пунктах» (2000); «Об уполномоченном по правам ребенка в Республике Саха (Якутия)» (2003); «О государственной целевой программе «Семья и дети Республики Саха (Якутия)» на 2007–2011 годы» (2007); «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)» (2008); «О республиканском материнском капитале «Семья» (2011); «Об образовании в Республике Саха (Якутия)» (2014)³ и др., направленные на улучшение

¹ Указ Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» от 29 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41954>. Дата обращения: 05.10.2020.

² Закон Республики Саха (Якутия) «О правах ребенка» от 1 июля 1994 г. // Сборник законов Республики Саха (Якутия). — Т. 3. 1994–1995. — Якутск, 2001. — С. 150–160.

³ Закон Республики Саха (Якутия) «О государственной поддержке образовательных организаций, расположенных в сельских населенных пунктах» от 11 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/800200709>. Дата обращения: 07.10.2020; Закон РС (Я) «Об уполномоченном по правам ребенка в Республике Саха (Якутия)» от 5 февраля 2003 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/428619430>. Дата обращения: 07.10.2020; Закон РС (Я) «О Государственной целевой программе «Семья и дети Республики Саха (Якутия)» на 2007–2011 гг.» от 16 марта 2007 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/802096813>. Дата обращения: 07.10.2020; Закон РС (Я) «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)» от 17 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/819089973>. Дата обращения: 07.10.2020; Закон Республики Саха (Якутия) «О республиканском материнском капитале «Семья» от 16 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/453109686>. Дата обращения: 07.10.2020; Закон РС (Я) «Об образовании в Республике Саха (Якутия)» от 15 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/423902254>. Дата обращения: 07.10.2020.

положения детей Якутии на основе комплексного решения проблем семей с детьми и защиты их прав.

Сегодня в республике реализуется Программа «Якутия доброжелательна к детям» (2018–2020 гг.)⁴, которая является продолжением «Стратегии действий в интересах детей Республики Саха (Якутия) на 2012–2017 гг.»⁵. Программа включает 12 направлений государственной политики в сфере защиты детства: поддержка семей при рождении и воспитании детей; создание инфраструктуры детства; совершенствование системы медицинской помощи детям; повышение доступности качественного образования; обеспечение условий для культурного и физического развития детей, детского отдыха и туризма, безопасного информационного пространства для детей; развитие системы защиты детей в обеспечении их прав и интересов; создание равных возможностей для детей, нуждающихся в особой заботе государства.

Пристальное внимание к вопросам детства тесно связано с возрастной структурой народонаселения Республика Саха, которая характеризуется значительным удельным весом детских возрастных групп: 0–4, 5–9, 10–14 лет. Так, в 2000 г. численность детей в возрасте 0–14 лет составила 251,3 тыс. чел., или 26,1 % в общем составе населения РС (Я), соответственно, в 2005 г. — 218,5 тыс. чел. (22,9 %), в 2010 г. — 208,0 тыс. чел. (21,7 %), в 2015 г. — 221,1 тыс. чел. (23,1 %), в 2018 г. — 226,8 тыс. чел. (23,5 %). Снижение численности и удельного веса детей в составе населения республики происходило в течение 2000–2010 гг. Несмотря на их положительную динамику в 2010–2018 гг., численность и удельный вес детей все же не достигают уровня 2000 г.

Анализ статистических данных по типу поселения показывает схожую тенденцию в ранний период, однако начиная с 2015 г. в городской местности фиксируется рост численности детей, в сельской — их сокращение, хотя за предшествующие пять лет отмечалась положительная динамика⁶ (см. рис. 1).

Рассмотрим распределение детских возрастных групп по типу поселения. В 2000 г. в возрастной структуре детского населения Якутии, причем и в городе, и на селе, большинство составляли дети 10–14 лет, затем в возрасте 5–9 лет и наименьшая доля приходилась на младших детей (0–4 лет). В 2000–2015 гг. произошло перераспределение удельного веса возрастных групп: как в городских, так и в сельских поселениях, преобладающими стали дети 0–4 лет, а самой меньшей группой — дети в возрасте 10–14 лет. В 2018 г. указанное соотношение групп осталось прежним в сельской местности, но в городской черте детей в возрасте 5–9 лет стало чуть больше, чем

⁴ *Распоряжение* Правительства РС (Я) «Об утверждении Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства в Российской Федерации», «Якутия доброжелательна к детям» на 2018–2020 гг. от 31 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561544902>. Дата обращения: 23.08.2020.

⁵ *Указ* Президента РС (Я) «Об утверждении Стратегии действий в интересах детей Республики Саха (Якутия) на 2012–2017 гг.» от 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://minmol.sakha.gov.ru/strategija-dejstvij-v-interesah-detej-na-2012-2017-gody>. Дата обращения: 28.08.2020.

⁶ Рассчитано по: *Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г.* Стат. сборник № 19/475. — Т. 1. — Якутск, 2018. — С. 11–14.

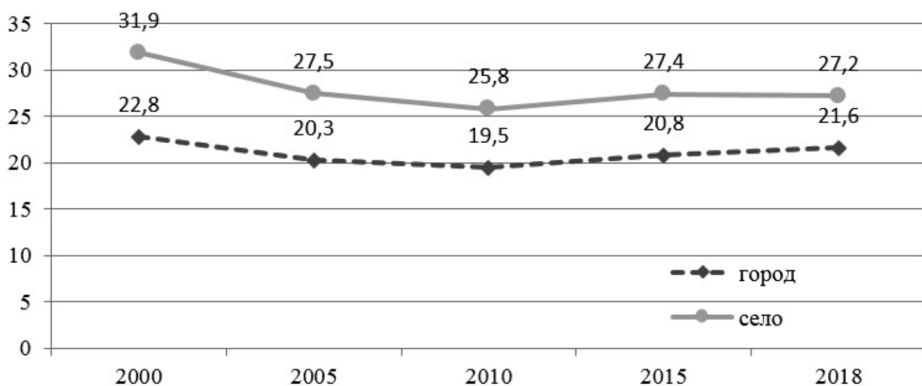

Рис. 1. Динамика удельного веса детей в возрасте 0–14 лет в составе населения городских и сельских поселений Якутии, %.

младших детей. Переходным моментом в перераспределении городских и сельских возрастных групп стал период между 2005 и 2010 гг., что свидетельствует о значимых изменениях (см. рис. 2).

Расселение детского населения аналогично современной системе расселения Республики Саха, отличающейся крайней неравномерностью в размещении городских и сельских жителей. Итак, в городской местности проживает 60,3 %, в сельской — 39,7 % детей. В территориальном срезе наблюдается, что в 23-х из 35-ти административных районов Якутии доля детей в возрасте 0–14 лет выше среднереспубликанского уровня (23,5 %). Группировка этих улусов (районов) показывает, что наиболее высокой долей детей (от 24 до 30,8 %) в составе своего населения выделяют 11 из 13-ти арктических районов; 4 улуса Западной Якутии, где доля детей варьирует от 27,8 до 29,1 % соответственно, 8 улусов Центральной Якутии — от 26 до 30 % (см. рис. 3).

Детские доли ниже среднереспубликанского уровня преимущественно характерны для промышленных районов Южной (от 18,7 до 22,2 %) и Вос-

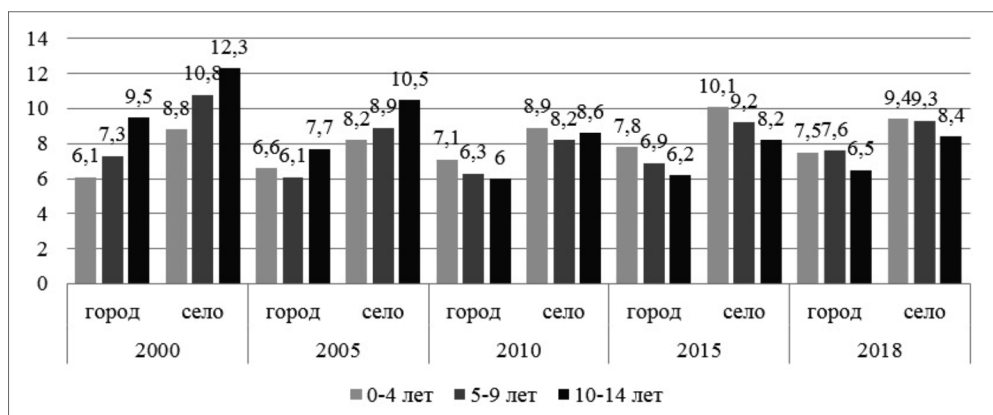

Рис. 2. Изменение доли детей в составе населения городских и сельских поселений Якутии по возрастным группам, %.

точной (от 20,1 до 21,2 %) Якутии, а также для 2 арктических районов (19,9–22,9 %), 2 районов Западной Якутии (21,2–21,8 %), г. Якутска с подчиненными территориями и Хангаласского улуса (21,9–23,2 %).

Таким образом можно заключить, что возрастная структура населения характеризуется высокой долей детей в преобладающем большинстве улусов (районов) республики, однако дифференцирована по территориальному признаку. В частности, в последние годы наблюдаются отличия в положительной и отрицательной динамике численности детского населения в городских и сельских поселениях. Следовательно, изменения в численности детей, несмотря на имеющуюся положительную динамику на протяжении ряда лет, показывают постепенное их сокращение в сравнении с более длительным периодом.

Семья играет особую роль в социализации детей. В сегодняшних непростых условиях она оказалась в особо уязвимом положении и вследствие влияния многих факторов подвержена постоянным изменениям. Сравнение итогов ВПН-2002 и ВПН-2010 показывает трансформацию структуры городских и сельских семей Якутии. Так, доля полных (супружеская пара) семей с детьми до 18 лет из общего числа семей с несовершеннолетними детьми в городской местности уменьшилась с 69,9 % в 2002 г. до 67,8 % в 2010 г., в сельской — соответственно, с 71,1 до 64,8 %. Остальную часть занимают неполные семьи; матери и отцы, воспитывающие в одиночку несовершеннолетних детей. Таким образом, в межпереписной период значительно изменился состав сельской семьи (–6,3 %), чем городской (–2,1 %).

Важно отметить увеличение бездетных городских супружеских пар в общем числе семейных ячеек — с 22,2 % в 2002 г. до 25,9 % в 2010 г.; сельских супругов без детей — соответственно, с 13,7 до 16,9 %. Заметим, что жизнь без детей всегда была более характерна для городского образа жизни, но в последние десятилетия этот тренд распространяется и на сельскую семью.

В рассматриваемый период также изменился количественный состав семьи. Среди полных городских семей увеличилась доля семей с двумя, тремя и более детьми и немного уменьшилась доля семей с одним ребенком; среди сельских семей, напротив, рост доли семей с одним ребенком. Укажем, что состав семей по количеству детей резко дифференцирован по типу поселения. Так, среди сельских жителей доли семей с одним, двумя, тремя и более детьми распределены более равномерно, чем среди городских семей. Среди неполных семей преобладает доля матерей, воспитывающих одного ребенка, что в целом характерно как для городских, так и для сельских женщин (см. табл. 1).

Показанные тенденции изменения городской и сельской семьи оказывают непосредственное влияние на проблемы современного детства, прежде всего, снижение ценности детей в обществе (дети как экономическая выгода/невыгода), с чем связаны последовательное уменьшение количества детей в семье и распространение малодетных семей с одним ребенком. Безусловно, социальные реальности детства находятся в непосредственной зависимости от эволюции института семьи, поскольку трансформации ее структуры и состава ведут к дифференциации условий социализации детей,

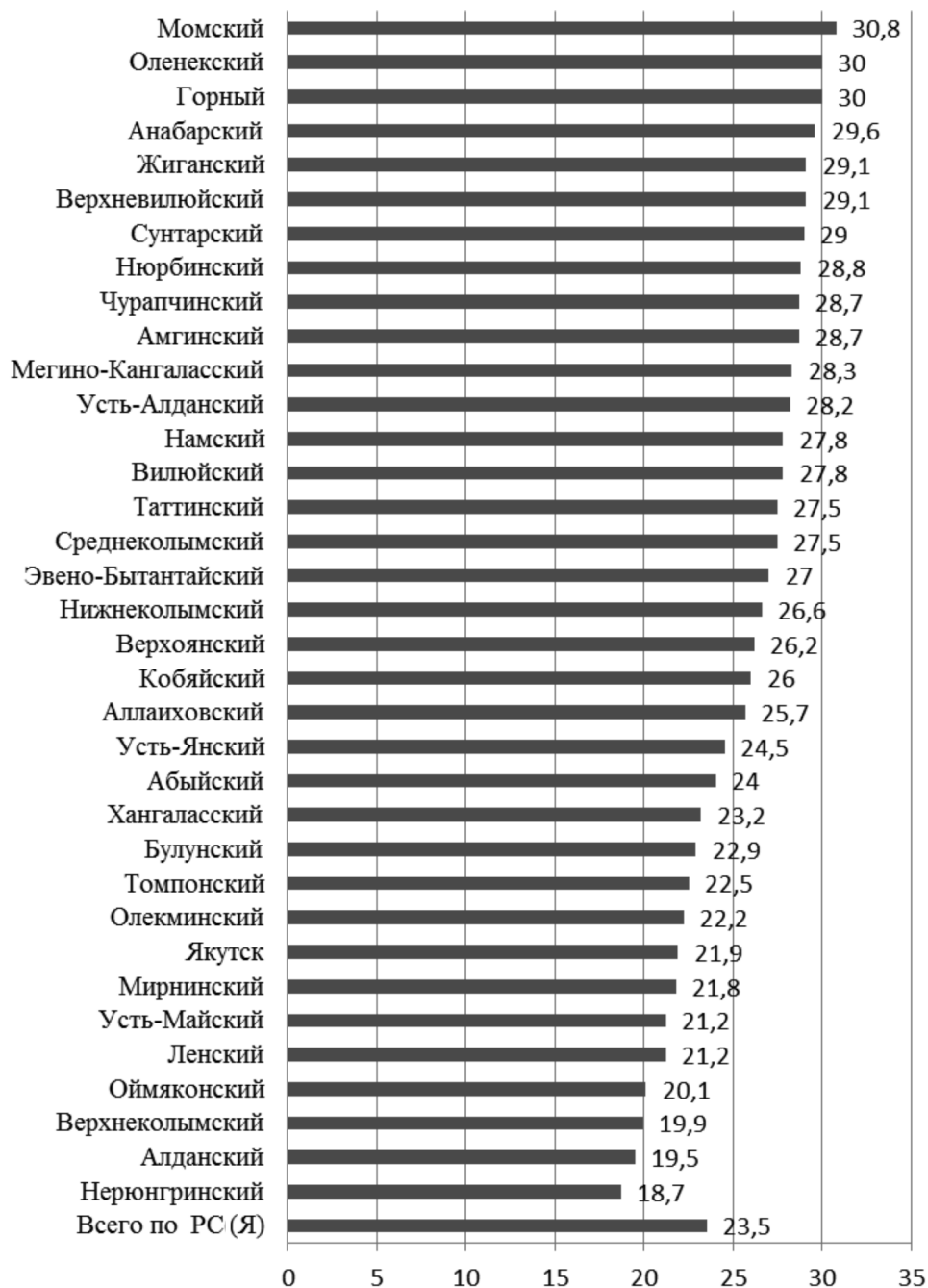

Рис. 3. Доля детей в возрасте 0–14 лет в общей численности населения улусов (районов) Якутии⁷, %.

⁷ Рассчитано по: *Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г.* Стат. сборник № 24/537. — Т. 2. — Якутск, 2018. — С. 7, 11–13.

Изменение доли семей по числу детей в городской и сельской местности Якутии⁸, %

Семьи по числу детей	Город		Село	
	2002	2010	2002	2010
Супруги с детьми младше 18 лет, в том числе:	100	100	100	100
с 1 ребенком	59,8	57,4	32,6	40,6
с 2 детьми	33,1	34,3	35,7	35,1
с 3 и более детьми	7,2	8,3	31,7	24,3
Матери с детьми младше 18 лет, в том числе:	100	100	100	100
с 1 ребенком	75,8	76,0	61,1	66,1
с 2 детьми	20,1	20,3	26,5	24,7
с 3 и более детьми	4,0	3,7	12,4	9,2
Отцы с детьми младше 18 лет, в том числе:	100	100	100	100
с 1 ребенком	76,8	82,4	68,5	76,1
с 2 детьми	19,1	15,2	22,8	18,7
с 3 и более детьми	4,1	2,4	8,7	5,1

а также к изменению финансовых и материальных возможностей семей, которые в совокупности создают их экономический потенциал⁹.

Повышение благосостояния семей с детьми является одной из приоритетных задач объявленного в России «Десятилетия детства». Действительно, в условиях нестабильной экономической ситуации в стране материальное благополучие семей с детьми подвержено наибольшему риску. В качестве порога бедности/дефицита благосостояния, как правило, принимается официально утвержденный прожиточный минимум. В этом случае государственная статистика приводит оптимистические данные: численность населения с денежными доходами, ниже величины прожиточного минимума, сокращается из года в год. Так, если в 2000 г. 272,4 тыс. чел., или 28,3 % от общей численности населения РС (Я), имели доходы ниже величины прожиточного минимума, то в 2005 г. — 190,7 тыс. чел. (20 %), в 2010 г. — 182,1 тыс. чел. (19 %), в 2015 г. — 185,7 тыс. чел. (19,4 %), в 2018 г. — 179,4 тыс. чел. (18,6 %). То есть в течение 2000–2018 гг. число бедных людей сократилось в 1,52 раза¹⁰.

В соответствии с материалами выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, распределение малоимущих людей по типу поселения демонстрирует различные динамики в зависимости от места их проживания. Так, в течение 2005–2016 гг. в городской местности их число уменьши-

⁸ Рассчитано по: *Итоги Всероссийской переписи 2002 г.* Т. 13. Число и состав семей Республики Саха (Якутия) // Семейные ячейки в различных типах частных домохозяйств по размеру и числу детей моложе 18 лет по РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>. Дата обращения: 11.10.2020; *Итоги Всероссийской переписи 2010 г.* Т. 6. Число и состав домохозяйств. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по размеру и числу детей моложе 18 лет [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Дата обращения: 11.10.2020.

⁹ *Сукнева С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю.* Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13, № 2. — С. 201–213.

¹⁰ *Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода / Уровень бедности / Уровень жизни* [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>. Дата обращения: 27.08.2020.

лось с 52,2 до 50,1 %, а в сельской — увеличилось с 47,8 до 49,9 %. При этом, если в 2005 г. доля малоимущих горожан превышала долю сельских, то начиная с 2010 г. ситуация менялась в сторону преобладания доли малоимущих сельских жителей (54,2 %) над городскими (45,8 %).

Распределение малоимущего населения Якутии по возрастным группам показывает, что доля детей в возрасте до 16 лет в общем числе малоимущих в 2005 г. составляла 29,9 %; в 2010 г. их доля выросла до 39,0 % и в 2016 г. достигла 43,1 %¹¹. То есть материальное положение детей существенно ухудшилось, их доля в составе малоимущего населения РС (Я) возросла в 1,44 раза. Соотношение долей малоимущих домохозяйств без детей и с детьми до 16 лет имеет сходный тренд, а именно — ухудшение положения семей с детьми, рост числа малоимущих домохозяйств с детьми до 16 лет (с 73,3 % в 2005 г. до 84,5 % в 2016 г.) в общем числе малоимущих домохозяйств без детей и с детьми до 16 лет¹².

Учитывая, что социальное самочувствие является одним из значимых, универсальных индикаторов, определяющих уровень и качество жизни населения, обратимся к итогам социологического опроса по теме «Качество жизни детей в Республике Саха» (2016). Массовым анкетированием были охвачены родители 383-х частных домохозяйств, в которых проживали 643 несовершеннолетних ребенка. Городское население представлено жителями городов Якутск, Мирный, Покровск ($n = 235$); сельское — жителями с. Верхневилуйск и с. Оргет Верхневилуйского улуса, с. Магарас Горного улуса, с. Немюю Хангаласского улуса ($n = 148$).

Согласно субъективным оценкам удовлетворенности материальным положением, 22,5 % городских респондентов находились в зоне бедности, т.к. их доходы позволяли приобретать лишь необходимые продукты питания; соответственно, в зоне риска — 43 % опрошенных, которые были вынуждены экономить для приобретения товаров длительного пользования, в зоне стабильности — 33,2 % респондентов, у которых денег вполне хватало на приобретение дорогих товаров и услуг.

Материальный достаток сельских респондентов характеризует их как бедных по доходам и расходам. Так, 46,6 % опрошенных лиц пребывали в зоне бедности, причем 10,8 % из них — в зоне глубокой бедности (нищеты), им приходилось выживать, поскольку доходов не хватало даже на покупку продуктов питания; в зоне риска жили 31,8 % сельских респондентов, в зоне стабильности — 20,2 % (см. рис. 4).

Таким образом можно заключить, что положение детей в республике подвержено риску бедности, дифференцированному по поселенческому признаку. Растущее социальное расслоение ведет к формированию социального неравенства семей и их возможностей обеспечить стартовые условия социализации детей¹³.

¹¹ *Распределение* малоимущего населения по основным группам / Уровень бедности / Уровень жизни [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>. Дата обращения: 27.08.2020.

¹² *Распределение* малоимущих домашних хозяйств по основным категориям / Уровень бедности / Уровень жизни [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>. Дата обращения: 27.08.2020.

¹³ *Дементьева И.Ф.* Социализация детей в семье в условиях трансформации: тенденции, факторы, детерминанты: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — М., 2006. — С. 13.

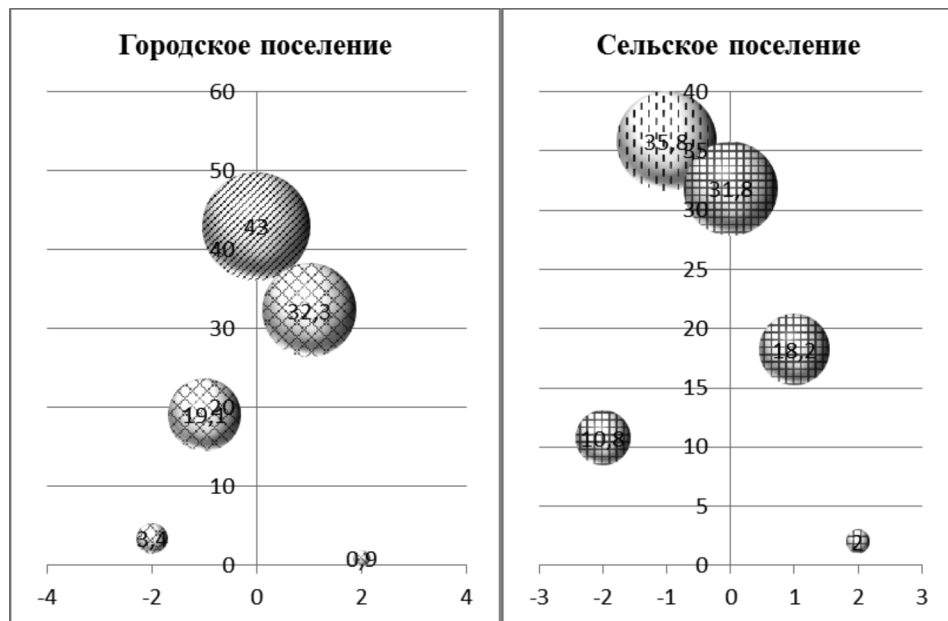

Рис. 4. Оценка семейного дохода, %.

-2 — зона нищеты; -1 — зона бедности; 0 — зона риска; 1 — зона комфорта; 2 — зона стабильности.

Одним из основных факторов, определяющих не только материальное положение семьи, но и развитие человеческого потенциала, является жилищная обеспеченность. Кроме того, для подавляющего большинства семей жилье является основным и единственным финансовым активом.

По данным статистики, общая площадь, приходящаяся в среднем на 1 жителя в целом по РС (Я), постепенно растет: в 2000 г. — 18,8 м², в 2010 г. — 20,2 м², в 2018 г. — 22,5 м² на одного человека. При этом за счет строительства индивидуального жилья сельские жители в расчете на 1 чел. располагают чуть большей общей площадью, чем горожане. В частности, в 2000 г. в селе на одного жителя приходилось 19,5 м², в городе — 18,4 м², в 2018 г. — соответственно, по 23,4 и 22,1 м². Заметим, что этот показатель был практически одинаковым в 2005 г.: в селе — 19,3 м², в городе — 19,4 м²; в 2010 г. — по 20,2 м².

Сопоставление показателей обеспеченности населения жильем показывает существенные различия по административным районам (см. табл. 2). На противоположных полюсах находятся два арктических улуса — Анабарский и Верхнеколымский; это связано лишь с тем, что 67,7 % жителей «благополучного» улуса живут в Зырянке — поселке городского типа, тогда как в неблагоприятном — функционируют только сельские населенные пункты. Ретроспективные данные между 2010 и 2018 гг. характеризуются только положительной динамикой, где наименьшая разница в росте обеспеченности общей жилой площадью составляет 0,1 м² (Мирнинский, Нерюнгринский), наибольшая — 7,9 м² (Оленекский).

Статистика жилищного строительства в республике в 2000–2017 гг. показывает увеличение общей площади построенных жилых домов более чем в 2,5

**Изменение общей площади жилья, приходящейся в среднем на 1 жителя
в сравнении со среднереспубликанским показателем, м²**

Изменения к среднему пока- зателю по РС (Я)	2000	2010	2018
	18,8 м ²	20,2 м ²	22,5 м ²
+5,1 и больше м ²	Верхнеколымский, Нижнеколымский, Усть-Майский	Верхнеколымский, Усть-Янский	Верхнеколымский, Момский, Мегино-Кангаласский, Усть-Майский
+4,1–5 м ²	Верхоянский, Таттинский	Нижнеколымский	Нюрбинский
+3,1–4 м ²	Кобяйский, Усть-Алданский, Томпонский	Мегино-Кангаласский, Усть-Алданский, Нерюнгринский	Алданский, Верхоянский, Усть-Янский, Ленский, Сунтарский, Амгинский, Таттинский, Усть-Алданский
+2,1–3 м ²	Нюрбинский, Мегино-Кангаласский, Нерюнгринский	Абыйский, Нюрбинский, Таттинский, Алданский, Усть-Майский	Абыйский, Нижнеколымский, Чурапчинский, Олекминский, Оймяконский
+1,1–2 м ²	Абыйский, Момский, Сунтарский, Намский, Чурапчинский, Олекминский	Верхоянский, Ленский, Сунтарский, Амгинский, Кобяйский, Чурапчинский	Кобяйский, Нерюнгринский, Томпонский
+1 м ²	Жиганский, Среднеко- лымский, Амгинский, Горный, Алданский	Аллаиховский, Среднеколымский, Мирнинский, Олекминский, Оймяконский	Аллаиховский, Среднеколымский, Вилуйский, Горный, Хангаласский, Намский — равен пока- зателю по РС (Я)
-1 м ²	Аллаиховский, Булун- ский, Усть-Янский, Верхневилуйский, Ви- луйский, Мирнинский	Момский, Вилуйский, Горный, Хангаласский, Томпонский	Жиганский, Оленекский
-1,1–2 м ²	Эвено-Бытантайский, Хангаласский	Булунский, Верхневилуйский, Намский	Мирнинский
-2,1–3 м ²	Ленский, Якутск	Жиганский, Якутск	Булунский, Верхневилуйский
-3,1–4 м ²	Оленекский Оймяконский	Эвено-Бытантайский	Эвено-Бытантайский, Якутск
-5,1 и больше м ²	Анабарский	Анабарский, Оленекский	Анабарский

Источник: *Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник.* — Якутск, 2019. — С. 144.

раза: с 247,2 тыс. м² в 2000 г. до 633,8 тыс. м² в 2017 г. При этом отмечается растущий вклад предприятий и организаций в общий ввод жилья, тогда как самого населения — сокращается. Так, если в 2000 г. доля ввода жилых домов предприятиями и организациями составила 34,5 %, населения — 65,5 %, то соответственно, в 2010 г. — 48,1 и 51,9 %, в 2017 г. — 67,8 и 32,2 %¹⁴.

¹⁴ *Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник.* — Якутск, 2018. — С. 213.

**Динамика построенных жилых домов в городской и сельской местности Якутии,
тыс. м² общей площади**

Тип поселения	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017
Город	129,8	182,4	206,7	321,8	401,5	463,9	462,6
Село	117,4	78,1	96,3	152,0	144,7	156,5	171,2
Всего по РС (Я)	247,2	260,5	303,0	473,8	546,2	620,4	633,8

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения РС (Я). Стат. сборник. — Якутск, 2018. — С. 213.

Темпы строительства жилья в городской и сельской местности республики имеют различия, более динамично рынок жилья развивается в городских поселениях (см. табл. 3). Также отметим, что пик введенной в действие общей площади населением за счет собственных и заемных средств в сельской местности пришелся на 2014 г. (120,7 тыс. м²), в городской — на 2016 г. (126,4 тыс. м²)¹⁵.

Между тем следует акцентировать внимание на то, что по жилищной обеспеченности Якутия все еще отстает от показателей в целом по России: в 2017 г. на одного жителя РС (Я) приходилось 23,7 м², в РФ — 25,2 м². Для улучшения своих жилищных условий население республики стало активно использовать ипотечные кредиты, что и определило высокий уровень его банковской закредитованности.

В литературе отмечается, что средний показатель жилищной обеспеченности обладает тем недостатком, что он возрастает с увеличением площадей жилищного фонда и с уменьшением численности населения, и, соответственно, не отражает количества семей, реально улучшающих свои жилищные условия с ростом средней обеспеченности в стране. Поэтому параллельно с мониторингом средней обеспеченности необходимо наблюдать за характеристиками, более чувствительными к происходящим на микроуровне изменениям¹⁶.

Другим активным инструментом в решении жилищного вопроса стали сертификаты на материнский (семейный) капитал. В частности, в 2016 г. на эти цели направили 5795 сертификатов, в т.ч. на погашение кредитов — 47,4 %, приобретение/строительство жилья — 52,6 %, соответственно, в 2017 г. — 6092 сертификата (47,7 и 52,3 %), в 2018 г. — 5712 сертификатов (51 и 49 %)¹⁷. Как видно, из года в год растет доля использования получаемых средств на погашение банковских кредитов. С 2011 г. здесь также практикуется предоставление республиканского материнского капитала «Семья» при рождении (усыновлении) третьего или последующего ребенка. В течение 2016–2018 гг. большая часть средств — 62,4 % (6205 из 9947 сертификатов) была направлена на улучшение жилищных условий. Семьи могут воспользоваться и правом на двойное увеличение выплаты на улучшение

¹⁵ Там же. — С. 213.

¹⁶ Бурдяк А.Я. Обеспеченность населения России жильем: региональные и социально-демографические особенности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2008. — № 4. — С. 3–17.

¹⁷ Государственный доклад «О положении детей и семей с детьми в Республике Саха (Якутия) в 2018 г.». — Якутск, 2019. — С. 14 [Электронный ресурс]. — URL: <https://minmol.sakha.gov.ru/deyat/doklady-vystuplenija-otchety>. Дата обращения: 22.02.2020.

жилья, если откажутся от бесплатного земельного участка. На 1 января 2019 г. это право использовали 263 семьи¹⁸.

В целом, по статданным, если в 2005 г. число многолетних семей, улучшивших жилищные условия, составило 4,2 % от числа семей, стоявших на учете и нуждающихся в жилье, то в 2015 г. — 10,5 %, в 2017 г. — 9,1 %. Соответственно, в 2005 г. получили жилье 11,3 % молодых семей, в 2017 г. — 16,9 %¹⁹. Кроме того, в 2011–2019 гг. по программе выделения земельных участков многолетним семьям было выделено 9283 участка, из которых 73,8 % использованы под индивидуальное жилищное строительство²⁰.

Вместе с тем, по итогам нашего исследования, жилищный вопрос не утратил своей остроты. Хотя 75,4 % городских и 75,7 % сельских респондентов живут в помещениях (дом, квартира, комната), находящихся в их собственности, что является положительным показателем жилищного статуса семьи, но при этом уровень их коммунальной благоустроенности оставляет желать лучшего. Понятно, что качественные характеристики жилья в городе и на селе практически не поддаются сравнению: 76,2 % респондентов-горожан указали на полную благоустроенность своих жилищ, а 73,6 % сельских опрошенных — на их неблагоустроенность. Как видно из рис. 5, каждый третий сельский респондент не был удовлетворен имеющимися жилищными условиями²¹ (см. рис. 5).

В качестве комментария укажем на тот факт, что доля полностью благоустроенного жилья в городских поселениях республики в 2017 г. составляла 70 %, а в сельских — 2 %²². При этом происходит существенный износ имеющегося жилого фонда: так, если в 2000 г. удельный вес ветхого и аварийного жилья в общей площади всего жилищного фонда составлял 5,2 %, то в 2010 г. — 14,4 %, в 2017 г. — 20,1 %²³. В городской черте снижается обеспеченность жилья водопроводом (с 84 % в 2000 г. до 81 % в 2017 г.) и отоплением (с 91 до 90 %). Более заметные изменения произошли лишь в газоснабжении жилья, причем как в городе, так и на селе. Так, если в 2000 г. в городской местности удельный вес общей площади, оборудованной газом, был равен 26 %, то в 2017 г. достиг 39 %; в сельской местности — 11 и 22 %. В сельских населенных пунктах улучшился показатель по отоплению, который в 2000 г. составлял 29 %, а в 2017 г. — 55 %. Учитывая, что в сельской местности республики живет треть населения, имеющая высокую долю детей, социогеографический контекст жилищной проблемы акцентирует уязвимость и неравенство, прежде всего, сельских детей.

Образование также является важным капиталом, который определяет дальнейшие траектории в реализации жизненных возможностей и достижений детей. Как отмечают специалисты, раннее образование детей претерпе-

¹⁸ Там же. — С. 15.

¹⁹ *Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия)*. Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 214.

²⁰ *Парламентские слушания, правительственные часы, круглые столы за 2019 год* [Электронный ресурс]. — URL: <http://old.iltumen.ru/node/33745/>. Дата обращения: 07.10.2020.

²¹ Подробно: *Федотова Н.Д.* К вопросу качества жизни детей: жилищный аспект // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2017. — № 1 (18). — С. 51–58.

²² *Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия)*. Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 217.

²³ Там же. — С. 214.

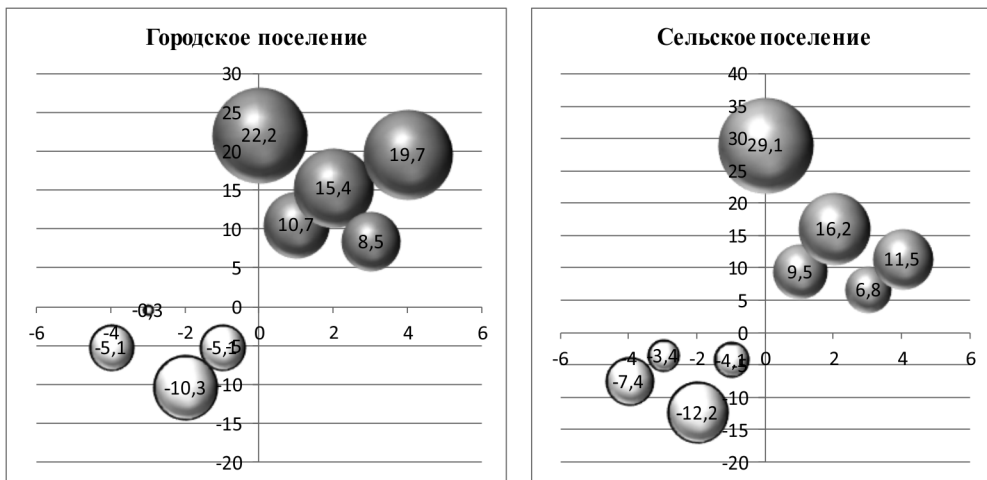

Рис. 5. Оценка удовлетворенности жилищными условиями, %.

–1 до –6 — оценки неудовлетворенности; 0 — в целом положительная, нейтральная оценка; от 1 до 6 — оценки удовлетворенности.

ло значительные изменения. Услуги по уходу за детьми и услуги дошкольного образования превратились в источник человеческого капитала. Соответственно, доступность дошкольного образования выполняет роль в выравнивании возможностей накопления образовательных преимуществ²⁴.

Сравнение статданных по числу функционирующих дошкольных образовательных организаций (далее — ДОО) показывает неуклонное их сокращение. В течение 2000–2019 гг. детских садов стало меньше на 54 ед., преимущественно в городских поселениях РС (Я). В частности, 92,6 % закрытых ДОО составляют городские сады (см. табл. 4).

Между тем в рассматриваемый период численность городских детей в возрасте 3–6 лет неуклонно возрастала. Так, если 2000 г. их доля в общем составе городского населения республики составляла 4,8 %, то в 2010 г. — 5,3 %, в 2018 г. — 6,2 % (в сельской местности, соответственно, 7,1 % — 6,9 % — 8 %), т.е. потребность в услугах дошкольного образования и воспитания в городских населенных пунктах превышала существующие возможности в данной сфере. Отметим, что по мере закрытия ДОО увеличивалось и число детей, ожидающих свои места в детские сады: в 2000 г. — 16,7 тыс., 2005 г. — 19,7 тыс., 2010 г. — 31,2 тыс. и достигло максимального пика в 2014 г. — 37,6 тыс. Начиная с этого времени очередь из детей, стоявших на учете для определения в ДОО, стала постепенно уменьшаться, но повышенный спрос на услуги по дошкольному воспитанию и образованию остался прежним. Так, в 2018 г. численность детей в очереди составила 27,9 тыс.²⁵

²⁴ Кулич Н., Скопек Я. и др. Слишком высокие ожидания? Результаты международного мультиметодического исследования роли раннего воспитания и образования в социальном неравенстве // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX, № 5 (88). — С. 17, 33.

²⁵ Социальное положение и уровень жизни населения РС (Я). Стат. сборник. — Якутск, 2018. — С. 252.

Число детских садов и детей на 100 мест по типу поселения²⁶

Год	Число дошкольных образовательных организаций, ед.			На 100 мест приходится детей (чел.)		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
2000	250	510	760	105	98	102
2005	237	514	751	109	95	102
2010	226	489	715	119	97	109
2015	216	516	732	117	103	111
2019	200	506	706	107	99	104

Одним из выходов из ситуации дефицита мест в детских садах стало расширение доступности услуг за счет создания вариативности их форм, открытия дополнительных групп в различных образовательных организациях. Так, если в 2014 г. детские сады составляли 89,5 % в общем числе организаций, предоставляющих услуги по дошкольному воспитанию и образованию, присмотру и уходу за детьми, то в 2019 г. — уже 81,4 %. Остальную часть занимали детские группы при общеобразовательных школах — 18 %, филиалах детских садов — 4,2 %, подразделениях учебных заведений среднего и высшего звена — 0,3 %, учреждениях дополнительного образования (Дворцы детства, Дома детского творчества и пр.) — 0,1 % и др. Для сравнения приведем их состав в 2014 г.: работали детские группы при школах — 10,3 %, филиалы детских садов — 3,8 %, учреждения дополнительного образования — 0,3 %.

Кроме того, услуги по дошкольному образованию предоставляются 36 индивидуальными предпринимателями для 2743 ребенка, еще 39 — занимаются присмотром и уходом за 896 детьми без реализации образовательных программ²⁷. Таким образом, охват детей дошкольным образованием постепенно увеличивается как в городских поселениях, так и в сельских (см. табл. 5).

Систему общего образования РС (Я) составляют муниципальные (государственные) и негосударственные общеобразовательные школы. Как и по всей стране, вследствие перехода на систему подушевого финансирования в 2000–2019 гг. общее число дневных государственных школ республики сократилось на 84 ед. (11,9 %), в т.ч. в городской местности — 48 ед. (22,1 %), в сельской — 36 ед. (7,4 %). Если в 2000/01 учебном году в общем числе общеобразовательных школ республики сельские школы составляли 69,2 %, а городские — 30,8 %, то в 2018/19 учебном году их соотношение стало следующим: в селе — 72,4 %, в городе — 27,3 %. При этом с 2010/11 учебного года действуют филиалы государственных школ, количество которых увеличивается.

²⁶ Источник: Основные показатели деятельности образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми / Дошкольное образование / Образование / Население [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/41561>. Дата обращения: 24.08.2020.

²⁷ Государственный доклад «О положении детей и семей с детьми в Республике Саха (Якутия) за 2018 г.». — Якутск, 2019. — С. 38 [Электронный ресурс]. — URL: <https://minmol.sakha.gov.ru/deyat/doklady-vystuplenija-otchety>. Дата обращения: 22.02.2020.

Охват детей дошкольным образованием, %

Тип поселения	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Города и поселки городского типа	64,5	65,1	63,2	63,5	67,9	67,7	67,8	68,9
Сельская местность	63,5	68,7	57,1	68,1	70,0	73,6	76,2	76,5
Всего по РС (Я)	64,0	66,6	60,6	65,4	68,9	70,1	71,1	71,9

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения РС (Я). Стат. сборник. — Якутск, 2018. — С. 249–250; Численность воспитанников (с 2014 г.) / Дошкольное образование / Образование / Население [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/41561>. Дата обращения: 24.08.2020.

Таблица 6

Основные показатели дневных общеобразовательных школ Якутии (без вечерних общеобразовательных школ)

Показатель	2000–2001	2005–2006	2010–2011	2014–2015	2017–2018	2018–2019
Число организаций*	704	686	644/6	630/8	620/10	620/11
Численность обучающихся, тыс. чел.	185,9	159,8	138,0	134,6	141,1	143,9
Численность учителей, чел.	18 873	19 405	14 292	14 189	14 268	14 348
Число частных организаций	5	6	6	8	7	7
Численность обучающихся, чел.	667	529	549	724	636	602
Численность учителей, чел.	74	81	63	73	42	50

* Число общеобразовательных школ, через дробь показано число филиалов.

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения РС (Я). Стат. сборник. — Якутск, 2018. — С. 253–254, 256; Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия). Стат. сборник. — Якутск, 2019. — С. 179, 182.

Одновременно с процессом оптимизации школ снизилась численность педагогического корпуса школьного образования; сокращалась общая численность школьников, но начиная с 2014/15 учебного года наблюдается позитивная тенденция роста (см. табл. 6)

Как видно из данных табл. 6, в период между 2000–2001 и 2018–2019 учебными годами численность учащихся общеобразовательных школ в городских поселениях Якутии сократилась на 13 %, в сельских — на 34,6 %. Сопоставление изменений в численности обучающихся и количестве функционирующих школ показывает необходимость более тщательного прогнозирования и долгосрочного планирования инфраструктуры образовательной сферы в РС (Я).

В этой связи следует помнить, что проблемы реализации права сельского ребенка на образование тесно переплетаются с актуальными вопросами развития человеческого потенциала в сельской части Якутии. В этой связи специалисты отмечают, что новая образовательная парадигма России не учитывает процесс опустынивания деревни, который можно остановить лишь тогда, когда произойдет радикальное переосмысление места и роли сельской школы в современном российском обществе. Важно понять, что школы в селе, в отличие от городских, имеют не только образовательную, но еще одну конкретную функцию, это — воспитание сельского человека, крестьянина, хозяина земли²⁸. Например, сельские школы в малочислен-

²⁸ Игнатьева В.Б. Языковая и этническая политика в сельских школах Якутии // Этно-политическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад EAWARN. — М., 2012. — С. 328–333.

ных поселениях республики по сути готовят будущие кадры для инфраструктуры аграрного сектора экономики. Понятно, что продолжение политики реструктуризации сельских школ, прежде всего, малокомплектных, в конечном счете обернется закрытием сельских поселений, соответственно, образованием безлюдных территорий.

Несмотря на относительную стабильность количественного состава педагогических работников государственных школ, на муниципальном уровне отмечается нехватка учительских кадров в сельских малокомплектных школах Якутии²⁹. Министерством образования и науки РС (Я) ежегодно предъявляются более 800 вакансий для общеобразовательных организаций³⁰. То есть многие сельские школьники лишены равного доступа не только к качественному образованию, но даже к элементарной предметной базе, что изначально лишает их какого-либо конкурентного потенциала для получения впоследствии высшего образования. Обеспокоенность родителей проецируется через количественный рост использования средств материнского капитала на образование детей: если в 2016 г. на эти цели были направлены 641 сертификат, то в 2017 г. — 684, в 2018 г. — 852³¹.

С 2020 г. в России начала действовать программа «Земский учитель», в рамках которой приоритетную поддержку получают арктические улусы (районы) республики. Так, 12 из 19 утвержденных квот в перечне вакантных должностей учителей на получение единовременных компенсационных выплат (в ДВФО они составляют 2 млн руб.) выделены для труднодоступных школ Арктической зоны России. Всего в 2020–2022 гг. предусматривается реализация 50 квот для земских учителей Якутии³².

Небольшой рост числа частных школ, составляющих лишь 1 % от общего числа общеобразовательных школ республики, свидетельствует о том, что в обществе есть запрос на качественное образование и индивидуальные траектории обучения, дающие детям возможность продолжения обучения в высокорейтинговых российских и зарубежных университетах. Вместе с тем численность учеников частных школ снижается, а педагогический состав уменьшился более чем в 1,5 раза.

К наиболее значимым факторам доступности/недоступности частного образования можно отнести экономический аспект. Как отмечает руководитель Отдела общего образования Министерства образования РС (Я) Н. Ситникова: «... в среднем родительский взнос в частных учреждениях составляет от 6 до 12 тыс. руб. и зависит от класса (чем старше ребенок, тем дороже стоимость его обучения) и выбранных дополнительных услуг»³³. Рынок услуг

²⁹ *Отчет* об итогах деятельности Министерства образования и науки РС (Я) в 2019 г. и задачах на 2020 г. — Якутск, 2020. — С. 63 [Электронный ресурс]. — URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Ob-izpolnitelynom-OGV-RS--/Otcheti-v-Pravitelystvo-RS--/publichnye-doklady-morsja>. Дата обращения: 09.10.2020.

³⁰ Там же. — С. 124–125.

³¹ *Государственный доклад* «О положении детей и семей с детьми в Республике Саха (Якутия) в 2018 г.». — Якутск, 2019. — С. 14 [Электронный ресурс]. — URL: <https://minmol.sakha.gov.ru/deyat/doklady-vystuplenija-otchety>. Дата обращения: 22.02.2020.

³² Там же. — С. 115.

³³ *Лицензию* на оказание образовательных услуг имеют восемь частных школ в Якутии. YakutiaMedia 13.08.2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutiamedia.ru/news/455038/>. Дата обращения: 26.10.2020.

частного образования сосредоточен главным образом в г. Якутске и призван содействовать ослаблению напряженной ситуации в столичных дневных общеобразовательных школах в связи с переполненностью классов³⁴.

Действительно, еще одним негативным результатом политики «оптимизации» государственных школ стало вынужденное обучение школьников во вторую и третью смены. Так, в 2000/01 учебном году обучающиеся в три смены составляли 36,5 % в общем числе учащихся в городских общеобразовательных школах (в сельских — 11,7 %). Далее их численность стала постепенно сокращаться: в 2005–2006 гг. — 34 % (11,7 %), в 2010–2011 гг. — 27,4 % (9,1 %), в 2014–2015 гг. — 29,1 % (7,3 %), в 2017–2018 гг. — 18,6 % (1,1 %). Статистические данные показывают положительный тренд в решении данной проблемы в целом по РС (Я), однако в городских школах вопрос перехода обучения в одну смену остается острым. Особенно это касается г. Якутска, где сложилась напряженная ситуация с переполненностью классов во всех общеобразовательных школах, функционирующих на его территории. Отмечаются несоблюдение требованиям СанПиН и превышение количества учащихся в классе (по стандарту — не более 25 учеников)³⁵.

Несмотря на сокращение численности учеников, вопрос доступности школьного образования, особенно начального, остается актуальным. Из года в год не снижается дефицит мест в государственных школах республики. Темпы ввода мощностей общеобразовательных организаций имеют различия по типу поселения (см. рис. 6). Наибольшее число новых ученических мест вводится в сельской местности Якутии, но к 2017 г. они сократились до 708 мест. В городских поселениях темпы создания ученических мест значительно отстают от роста численности учащихся, которая в ближайшие годы еще больше возрастет.

Итоги нашего исследования также свидетельствуют о существующих проблемах в образовательной среде, прежде всего, это касается переполненности дошкольных групп и классов. Оценки респондентов-горожан подтверждают наличие более напряженной ситуации в городских поселениях: 48,5 % городского массива опрошенных не удовлетворена доступностью и качеством образовательных услуг для детей и их семей, тогда как по сельскому массиву недовольных оказалось 28,3 %³⁶. Кроме того, доступность начальной и средней школы дифференцирована по принципу территориальной отдаленности от крупных городов и центров административных районов, что ограничивает доступ сельских школьников к качественному школьному образованию. Данная ситуация в значительной степени создает социальное напряжение в обществе.

Анализ основных компонентов жизненной ситуации: существующие доходы и жилищные условия семей, доступность и качество образования

³⁴ Решить проблему нехватки учебных мест в Якутске могут частные школы. Наука и образование. SakhaNews 05.03.2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lsn.ru/206735.html>. Дата обращения: 26.10.2020.

³⁵ Государственный доклад «О положении детей и семей с детьми в Республике Саха (Якутия) в 2018 г.». — Якутск, 2019. — С. 144 [Электронный ресурс]. — URL: <https://minmol.sakha.gov.ru/deyat/doklady-vystuplenija-otchety>. Дата обращения: 22.02.2020.

³⁶ Федотова Н.Д. К проблеме развития дошкольных учреждений и социализации детей в Республике Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. — 2019. — № 7 (137). — С. 18–21.

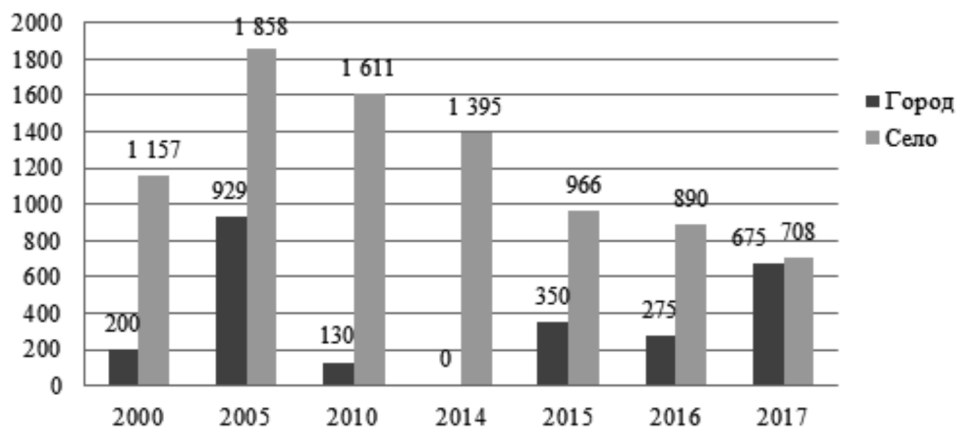

Рис. 6. Ввод в действие ученических мест в государственных школах Якутии³⁷.

раскрывают факторы, влияющие на социальное положение и мобильность городских и сельских детей. Имеющиеся ограничения мобильности тесно связаны с асимметричным распределением капитала подвижности, это — сосуществование нескольких республиканских экономик: ресурсно-экспортной с высокими доходами, «бюджетной» и высокодотационной аграрной; географическая локация городских и сельских поселений, уровень и качество жизни домохозяйств, доступность услуг в области образования, здравоохранения, коммуникации и др., которые в сочетании друг с другом формируют вектор мобильности и отчетливый стратификационный порядок³⁸.

Устойчивый тренд социального неравенства раннего детства связан преимущественно с материальным благосостоянием семьи, определяющим жилищные условия, возможность потребления, доступность благ и услуг, здоровье и безопасность детей. Пространственная локализация и траектории детского неблагополучия непосредственно проецируются на их стартовую мобильность, достижение детьми определенного статуса в обществе.

³⁷ Источник: *Социальное положение и уровень жизни населения РС (Я)*. Статистический сборник. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2018. — С. 273.

³⁸ Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): возможности и проблемы // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). — Вып. 1. Сб. науч. статей. — Якутск, 2015. — С. 64–81.

РАЗДЕЛ III

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ГЛАВА 3.1

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ОБЩЕРОССИЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Целью данной главы является исследование институциональных аспектов системы образования, основных проблем ее модернизации в соответствии с глобальными вызовами. В ходе многочисленных реформ меняются институты и институциональная структура сферы образования, но подразумевает ли это модернизацию как таковую, в т.ч. модернизацию качества образования и образовательных услуг посредством его инновационного развития. В силу географических, демографических, социальных и культурных особенностей состояние системы образования в Республике Саха (Якутия) представляется необходимым рассмотреть с точки зрения развития тенденций образовательной и кадровой политики, доступности общего образования, состояния инфраструктуры и технологий, качества образовательных результатов, разработки рекомендаций для институционального управления модернизацией системы образования.

Развитие системы общего образования. Общеизвестно, что общее образование (начальное, основное, среднее полное) является одним из важнейших социальных институтов общества, каналом для социальной мобильности. Принятый в Республике Саха (Якутия) масштабный стратегический документ, объединивший более 400 проектов с суммарным объемом инвестиций в основной капитал более 6 трлн руб., ставит главной целью формирование гармонично развитого и конкурентоспособного человека¹. В данном контексте рассмотрим соответствие действующей региональной системы общего образования объявленным амбициозным целям и потребностям республики.

В 2000/01 учебном году, по данным Министерства образования и науки РС (Я), функционировали 724 самостоятельные общеобразовательные организации, в которых обучалось 185,9 тыс. учащихся. На начало 2018/19 учебного года действовала 641 школа (без учета филиалов), в т.ч. 627 — дневной, 14 — вечерней формы². Таким образом, с 2000 года ежегодно уменьшалось число государственных и муниципальных дневных школ в основном за счет начальных и основных школ; число вечерних школ также снизилось и составило 14 ед. В 2018 г. количество негосударственных дневных школ составило 7 ед. с численностью учащихся в них 602 чел. Работали 2 кадет-

¹ Закон РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года». Принят Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я) 19.12.2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/550299670>. Дата обращения: 04.11.2020.

² Деятельность организаций общего образования детей в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2019. — С. 37.

ские школы, в которых наряду со средним (полным) образованием ученики получали специализированные знания в военной области.

Общее количество учащихся в 2018/19 учебном году в общеобразовательных организациях республики всех типов составляло 146,1 тыс. школьников, что на 1,7 % больше, чем в 2017/18 учебном году. Абсолютное большинство — 144,5 тыс. учащихся обучались в дневных общеобразовательных организациях. 2427 детей с ограниченными возможностями здоровья учились в 22-х специальных (коррекционных) школах; 229 детей, нуждающихся в длительном лечении, обучались в оздоровительных образовательных организациях санаторного типа. Численность учащихся в классах с очно-заочной формой обучения, учебно-консультативных пунктах для работающей молодежи, созданных при дневных общеобразовательных школах, составила 1645 чел. (-10,9 %).

Наиболее чувствительной проблемой системы образования РС (Я) остается недостаточность и слабость инфраструктуры среднего образования: сохраняется значительная доля школьных зданий, находящихся в ветхом и аварийном состоянии; в сельской черте еще есть школы, где детей продолжают учить в зданиях, не имеющих теплые туалеты; материально-техническая оснащенность многих учреждений образования не соответствует современным требованиям. В 2019 г. здания 242 школ (39 %) нуждались в капитальном ремонте, 38 школ (6,1 %) — признаны аварийными. По сравнению с данными предыдущего года количество ветхих школьных зданий уменьшилось на 66 ед., школ в аварийном состоянии — на 19 ед. Между тем темпы ввода новых зданий для общеобразовательных организаций республики остаются неудовлетворительными. В частности, в 2019 г. было построено лишь 7 школ на 1550 учебных мест: в с. Бетюнцы (Амгинский район, с. Петровка (Мегино-Кангаласский), с. Томтор (Оймяконский), с. Кюсюр (Булунский), с. Абый (Абыйский), с. Усун-Кюель (Сунтарский) и в г. Якутске³.

Показательно, что к высокоскоростной сети интернет подключены только 139 образовательных организаций республики со скоростью не менее 100 Мб/с — в городских школах, 50 Мб/с — в сельских, не менее 1 Мб/с — для спутникового подключения. В рамках реализации регионального проекта «Современная школа» на базе 54 общеобразовательных школ созданы центры образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста». Вместе с тем из года в год снижается оснащенность школ персональными компьютерами, используемыми в учебных целях. Так, если на начало 2017/18 учебного года в дневных государственных и муниципальных общеобразовательных школах на 1000 учащихся приходилось 137 персональных компьютеров, то на начало 2018/19 учебного года — 134. Следовательно, развитию дистанционного образования в республике не уделялось должного внимания, что обнажилось в период самоизоляции — отсутствие каких-либо сценариев при изменениях в реальности и мобилизационной активности, низкая степень адаптивности централизованных институтов образования,

³ Ежегодный отчет о результатах деятельности исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия), в том числе по вопросам, поставленным Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я). — Якутск, 2020. — С. 11 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3227408>. Дата обращения: 04.11.2020.

полное отсутствие опыта работы с инфраструктурой дистанционного образования.

По данным статистики, в государственных и муниципальных дневных общеобразовательных школах РС (Я) работают 14 348 учителей, в т.ч. 86 % имеют высшее образование (в основном педагогическое — 84,6 %). В негосударственных школах было занято 50 учителей, из них 96 % с высшим образованием (94 % — педагогическое). Нагрузка на одного учителя в целом по республике составляла 10 обучающихся. Зарботная плата педагогических работников учреждений общего образования составила 62 264,1 рубля (101,3 % к среднемесячной начисленной заработной плате наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц).

Вместе с тем отток квалифицированных учителей в города обусловил дефицит педагогических кадров, особенно в школах в сельской местности Якутии. Между тем следует констатировать тот факт, что у Министерства образования и науки РС (Я) до сих пор нет отлаженного механизма кадровой ротации педагогического состава. Таким образом проблема подготовки и привлечения молодых специалистов в общеобразовательную школу продолжает оставаться одной из актуальных в системе образования РС (Я). Кроме того, следует сказать, что отсутствие общей системы оплаты труда учителей обернулось погоней за средней зарплатой, за нагрузкой, что существенно сказывается на качестве образования. Необходимо создание новой системы оплаты труда учителя в РС (Я).

В общеобразовательных школах не хватает молодых учителей, такая тенденция существует по всей России. К сожалению, как показывают результаты социологических опросов, выпускники вузов — молодые педагоги не связывают свою профессиональную жизнь со школой. В этой связи обратим внимание на результаты исследований Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которых одним из ключевых показателей обеспеченности школ педагогическими кадрами считается численность обучающихся в расчете на одного учителя. В течение последнего десятилетия в целом по России соотношение «ученик/учитель» незначительно, но стабильно росло: если в 2011 г. оно составляло в среднем по всем уровням школьного образования 15,7, то в 2019 г. — 18,4. Также, судя по данным TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey, Международное исследование учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения), средний возраст учителей в России — 46,3 года, это несколько выше, чем в среднем по ОЭСР (44,1 года). Однако педагогов старше 50 лет в нашей стране значительно больше — 41,9 % против 34,4 % в среднем по ОЭСР⁴.

Основная проблема в развитии общеобразовательных школ Республики Саха заключается в том, что существуют противоречия между требованиями государственной политики в сфере образования и имеющимися у школ возможностями соответствовать этим требованиям. Проблемное поле было определено при проведении серии экспертных опросов педагогической общественности г. Якутска в 2019–2020 гг.⁵ Их итоги показали высокую сте-

⁴ Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований «Мониторинга экономики образования» // НИУ ВШЭ. — 2020. — № 29. — С. 3.

⁵ Экспертный опрос по теме «Изучение восприятия ситуации в сфере образования в России в период самоизоляции» (см. прил. 18).

пень кадрового потенциала столичных образовательных учреждений в основном из-за притока учителей из сельской местности Якутии. Как известно, вследствие миграционного притока сельского населения с детьми школы г. Якутска переполнены. Основной причиной сельской миграции является желание обучить подросших детей в городских школах с целью продолжения обучения в системе высшего профессионального образования. Соответственно, из сельских населенных пунктов опытные педагоги тоже мигрируют в город. В результате формируются различные диспропорции в региональной системе образования. Об этом можно судить по динамике численности учащихся и учителей в дневных государственных и муниципальных общеобразовательных школах по улусам (районам) Якутии. В целом по республике за период 2001–2018 гг. численность учащихся в указанных учреждениях образования сократилась на 23 %, тогда как в г. Якутске увеличилась на 27 %⁶. При этом численность учителей увеличилась лишь на 2 %, что в 13,5 раз меньше роста численности учеников. Анализ статистики сокращения численности педагогических кадров и обучающихся в образовательных организациях показывает, что негативным показателем снижения качества образования является кратная диспропорция между увеличением численности учащихся и учителей в столичных городских школах (в 13,5 раз). Следовательно, отток жителей из сельской местности в переполненные школы г. Якутска создает угрозу качества образования в городской местности.

Дальнейший кросс-анализ статистических данных по динамике выявляет значительные диспропорции сокращения численности учащихся и учителей в дневных общеобразовательных организациях в разрезе улусов (районов) Республики Саха (см. рис. 1–2). Эти диспропорции могут быть объяснены локальными особенностями административных районов, а могут быть и приметам трайбализма, когда в силу влияния исключительно субъективных факторов некоторые из них могли позволить себе сохранить имеющийся педагогический контингент.

Каждый год в России проводится более 220 олимпиад с целью выявления и поддержки одаренных детей и подростков. В настоящее время 2 школы Якутии включены в проект «Базовые школы РАН»; подписана дорожная карта по реализации проекта «Школа Росатома» при содействии государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»⁷. Дополнительное образование представлено 215 организациями, охват детей в 2019 г. составил 75 %. В республике также функционируют 20 муниципальных (опорных) центров дополнительного образования, 14 детских технопарков. То есть в системе общего образования Якутии основное внимание также уделяется реализации талантливых детей, которые и без этого обладают повышенной адаптивностью и, как правило, уезжают на обучение и постоянное проживание в другие российские регионы и зарубежные страны.

⁶ Деятельность организаций общего образования детей в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2019. — С. 29, 54.

⁷ Ежегодный отчет о результатах деятельности исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия), в том числе по вопросам, поставленным Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я). — Якутск, 2020. — С. 11 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3227408>. Дата обращения: 04.11.2020.

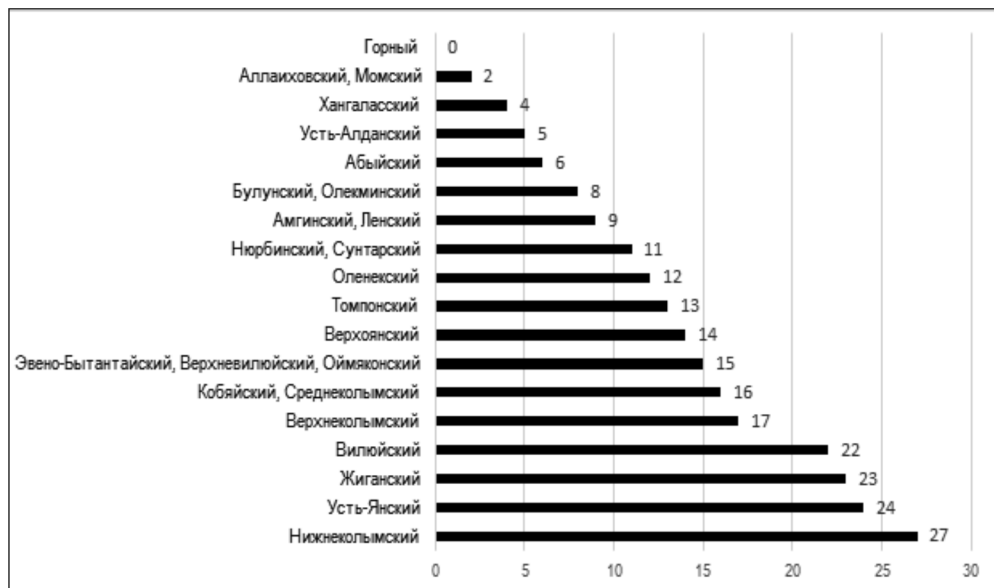

Рис. 1. Диспропорции в сокращении численности учащихся и учителей в дневных государственных и муниципальных общеобразовательных школах по административным районам Якутии в сравнении с 2001–2018 гг. Районы с положительной и нулевой динамикой учителей, в %⁸.

Одной из особенностей региональной системы образования является формирование сети кочевых школ коренных малочисленных народов Севера. Обучение в местах традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности КМНС и в базовых школах ведется по индивидуальным учебным графикам и учебным планам. Согласно Закону РС (Я) «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)»⁹, существует 10 видов кочевых школ:

— кочевая школа (филиал) — филиал образовательной организации (опорной школы), организующей учебно-воспитательный процесс в соответствии с традиционным укладом жизни КМНС, созданный на производственной базе оленеводов, охотников, рыбаков или непосредственно кочующий вместе с оленеводческой бригадой;

— начальная кочевая школа — детский сад — филиал опорной школы, реализующий программы дошкольного и начального общего образования, постоянно кочующий вместе с оленеводческой бригадой, приобщающий детей к труду, национальной культуре, родному языку, традициям и обычаям коренных малочисленных народов Севера;

— общинная школа — филиал опорной школы, реализующий программы начального общего и основного общего образования, по структуре и содержанию соответствующий стационарной малокомплектной школе;

⁸ Деятельность организаций общего образования детей в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2019. — С. 29, 54.

⁹ Закон РС (Я) «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)» от 22 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/445029377>. Дата обращения: 04.11.2020.

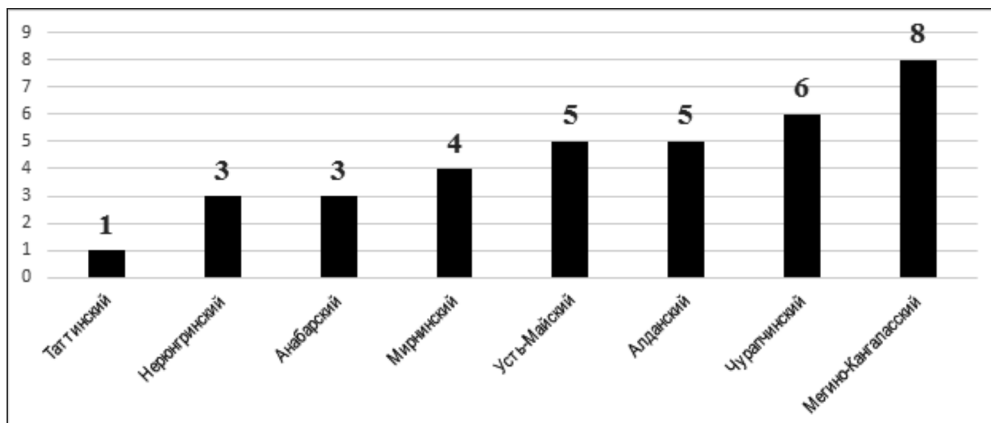

Рис. 2. Диспропорции в сокращении численности учащихся и учителей в дневных государственных и муниципальных общеобразовательных школах по административным районам Якутии в сравнении с 2001–2018 гг. Районы с отрицательной динамикой учителей, в %¹⁰.

— губернаторская школа — филиал опорной школы, реализующий программы начального общего и основного общего образования. Педагогические работники обучают, находясь непосредственно в семье своих учеников в оленеводческих, рыболовецких и охотничьих бригадах;

— таежная школа — филиал опорной школы, реализующий программы начального общего и основного общего образования. Детей обучают сами родители в качестве консультантов-тьюторов. Таежные блоки обучения сочетаются с очными сессиями в опорной школе;

— стационарная кочевая школа — общеобразовательная организация, ученики которой, обучаясь в опорной школе, на определенный период выезжают в оленеводческую бригаду, где обучаются этнокультуре и национально-региональному компоненту по основным предметам;

— воскресная школа — филиал опорной школы, обеспечивающий этнокультурное образование в населенных пунктах, в которых отсутствует достаточное количество школьников для открытия иных школ;

— сетевая кочевая школа — школа, передвигающаяся между несколькими оленеводческими бригадами, осуществляющая очно-заочное обучение. В структуру образовательного процесса входят очные сессии учеников с учителями в оленеводческих бригадах, очные сессии в опорных школах, обучение детей самими родителями в качестве консультантов-тьюторов, дистанционное обучение с использованием интернет-технологий;

— летняя кочевая школа — филиал опорной школы, функционирующий в летнее каникулярное время в местах традиционного природопользования и хозяйственной деятельности КМНС с целью изучения учащимися, не владеющими родным языком, национальной культуры, родного языка и традиционных занятий;

— семейная кочевая школа (группа) — филиал опорной школы/ДОУ, реализующий программы дошкольного, начального общего, основного об-

¹⁰ Деятельность организаций общего образования детей в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2019. — С. 29, 54.

шего, среднего общего образования. Детей обучают члены семейной (родовой) общины в местах традиционного природопользования и хозяйственной деятельности КМНС.

В 2018 г. кочевые школы действовали в 11 улусах (районах) республики, в которых обучалось 103 ребенка (в 2017 г. — 147), в т.ч. 21 ребенок дошкольного возраста (в 2017 г. — 45). Отрицательная динамика обусловлена временным переездом учащихся Утайнской кочевой начальной общеобразовательной школы (Верхнеколымский район) в п. Зырянка и с. Верхнеколымск.

В системе общего образования РС (Я) также созданы условия для развития и сохранения национальных/родных языков коренных малочисленных народов Севера. В настоящее время функционируют 9 базовых общеобразовательных школ — Андрюшкинская, Колымская (Нижнеколымский улус), Березовская (Среднеколымский), Иенгринская (Нерюнгринский), Нелемнинская (Верхнеколымский), Себян-Кельская (Кобяйский), Тополинская (Томпонский), Юрюнг-Хаинская (Анабарский) школы и школа-интернат «Арктика» в Нерюнгринском районе. В целом изучение языков коренных малочисленных народов Севера проводится в 40 общеобразовательных школах республики: в 19 — изучают эвенкийский язык, в 12 — эвенкийский, в 3 — юкагирский, чукотский и долганский — по одной школе, а также в 10 кочевых школах, где обучается 113 детей. Эвенкийский язык изучают 946 учащихся, эвенкийский — 718, юкагирский — 101, долганский — 132, чукотский — 59. При этом только в двух школах ведется обучение на родном языке в начальной школе — это Себян-Кельская и Березовская школы, как предмет родные языки изучаются в 15 стационарных и 7 кочевых школах. В остальных школах языки изучаются как факультатив, один час в неделю, что совершенно недостаточно для сохранения миноритарных, исчезающих языков¹¹.

Существующая ситуация проявляет следующую проблематику изучения родных языков в современной образовательной практике. Предмет «родной язык» должен присутствовать во всех вариантах новых учебных планов и в новых стандартах ФГОС. Учащийся должен иметь возможность сдавать экзамены на родном языке и получать дополнительные баллы ЕГЭ за знание родного языка, а также проходить итоговые аттестации (в ФГОС отсутствуют экзаменационные требования по родным языкам). В национально-территориальных субъектах Федерации должны быть разработаны программы стандартов преподавания государственных языков этих субъектов. В результате предмет «государственный язык» должен быть внедрен в школьную программу. В этой связи отметим, что сегодня только 56 % общеобразовательных школ РС (Я) готовы создавать такие условия для получения образования по выбору на русском или государственных языках. Кроме того, подготовка и выпуск учебников для национальных школ, обеспечение их экспертизой и финансированием должно осуществляться со стороны Министерства просвещения РФ. Также следует признать, что в

¹¹ Шарина С.И. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием, посвящ. 100-летию Ф.С. Донского (24 сентября 2019 г., Якутск). — Якутск, 2019. — С. 121–130.

настоящее время фактически отсутствуют механизмы управленческого воздействия в развитии национальной школы или национально-регионального компонента образования, которые не позволяют принимать эффективные решения.

Следует признать, что в Министерстве образования и науки РС (Я) абсолютно отсутствуют прозрачные алгоритмы работы с отстающими общеобразовательными школами. Известно, что в рамках проекта «500+» Министерство просвещения РФ в 2021 г. определит 250 общеобразовательных школ из 20 регионов страны и будет с ними работать, увеличивая их число до 2024 г. В этой связи в нашей республике следовало бы внедрить адресную поддержку по повышению качества образования в сельских общеобразовательных школах с низкими результатами работы. В настоящее время здесь реализуется первый в России проект социального воздействия, направленный на создание современной модели муниципальной образовательной системы в Хангаласском улусе. Он запущен при поддержке государственной корпорации «ВЭБ.РФ» и Высшей школы экономики (ВШЭ), которые взяли на себя обязательство улучшить качество образования на 10 %.

Кроме того, наши эксперты недовольны отсутствием внятных рейтингов оценки работы общеобразовательных школ РС (Я); данные закрыты для общественности. Многие из них выражают недоумение по поводу присужденного места своей школы в рейтингах, составленных по российской методике. Соответственно, для повышения качества среднего образования представляется необходимым координировать проведение исследований НИКО (Национальные Исследования Качества Образования) в 2021 г., чтобы определиться с тактикой развития образовательной системы, опираясь на реальные факты на местах.

Инфраструктурные ограничения как фактор неравенства в доступе к образованию. В условиях вынужденных ограничений в связи с пандемией COVID-19 и введения удаленного обучения обнажилась проблема цифрового неравенства в образовании. В настоящее время арктические улусы (районы) Республики Саха и Чукотский автономный округ не охвачены волоконно-оптическими линиями связи (ВОЛС). В частности, 99 % населения 13-ти арктических районов Якутии имеют доступ к сотовой связи стандарта 2G, которое предназначено только для передачи голосовой информации и SMS-сообщений; доступ в интернет осуществляется через каналы спутниковой связи.

Известно, что Глава РС (Я) 14 августа 2020 г. подписал Указ «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года», в котором определены первостепенные задачи по строительству современной инфраструктуры связи¹². Понятно, что развитие инфраструктуры территорий локальных общин КМНС и внедрение инфокоммуникационных технологий позволит проживающим в Арктике получить возможности для образования, занятости и получения доходов. Вместе с тем с учетом необходимости строительства ВОЛС протя-

¹² Анатолий Семенов: Устранение цифрового неравенства в Арктике — одна из главных задач следующих лет [Электронный ресурс]. — URL: <https://glava.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3205179>. Дата обращения: 04.11.2020.

женностью 1900 км с оценочной стоимостью 3,7 млрд руб., школьники 15 населенных пунктов Момского, Верхнеколымского, Среднеколымского и Нижнеколымского улусов (районов) 4 года будут дожидаться перехода на полноценное дистанционное образование.

Пока цифровизация не дошла до отдаленных уголков РС (Я), вопросы сохранения непрерывности обучения приходится решать самим учебным заведениям. Для сельских малокомплектных школ доступными были услуги аудиоконференции до 6 чел. от федеральных операторов (Билайн-секретарь, аудиоконференция МТС). От перегрузок федеральных серверов в первые дни удалось уйти из-за разницы в часовых поясах, пока якутские учителя работали — европейская часть страны отдыхала. В дальнейшем удалось адаптироваться и пошел тренд в сторону увеличения собственного контента (обустройство домашней видеостудии). Как это выглядело: лист А3 — снимают видео — на телефон. Из-за ограничений WhatsApp было рекомендовано делать видео не более 15 мин и не больше 60 мегабайт. При этом учителя критикуют федеральные порталы — часть учебных материалов имеет ошибки.

Опыт организации учебного процесса в общеобразовательных школах Якутии в условиях коронавирусной пандемии обнаружил необходимость разработки муниципальных программ для работы с операторами связи и привлечения инвесторов для строительства линий/объектов связи на территории сельских населенных пунктов для обеспечения широкополосного доступа к Интернету; покупки ноутбуков и другой компьютерной техники для малообеспеченных социальных групп; обучения наиболее востребованным навыкам работы на персональном компьютере учителей старшего поколения. Кроме того, представляется целесообразным создание и внедрение системы мониторинга для тестирования учителей на уровень цифровой грамотности; поддержки учителей, активно использующих цифровые технологии; проведения онлайн-образования и семинаров; продвижения новых функций учителя как модератора, тьютора, фасилитатора; формирования сетевых сообществ учителей для обмена опытом. На наш взгляд, важно быстрее осознать, что современные информационные технологии, уровень компьютеризации и информатизации, наличие виртуальной образовательной среды становятся важными факторами трансформации этносоциальной структуры населения РС (Я).

Развитие среднего профессионального образования. В течение 1990–2000 гг. в Республике Саха основное внимание уделялось системе высшего образования. Параллельным процессом, непосредственно повлиявшим на оторванность ряда образовательных учреждений среднего профессионального образования, стало открытие учебно-консультационных пунктов при крупных ресурсодобывающих предприятиях. Однако с 2000-х годов серьезное внимание также стало уделяться развитию системы среднего профессионального образования в РС (Я). Так, если в 2000/01 учебном году функционировали 22 государственные образовательные организации, в которых обучалось 11,9 тыс. студентов, то в 2018–2019 гг. действовали 45 организаций и 12 их филиалов с 18,3 тыс. обучающимися. С 2010/11 учебного года подготовка специалистов среднего звена также осуществляется в негосударственных образовательных организациях — в 2 учреждениях с 2 филиалами

(0,6 тыс. студентов), в 2018–2019 г. — 3 учреждениях с 1 филиалом (2,4 тыс. студентов)¹³.

При этом численность преподавателей в государственных образовательных организациях СПО постоянно увеличивается: с 862 чел. в 2000/01 учебном году до 1,2 тыс. чел. в 2018/19 учебном году, в т.ч. с высшим образованием, соответственно, с 772 чел. до 1,1 тыс. чел.¹⁴

Также работает Центр опережающей профессиональной подготовки (ЦООП), который отвечает за профессиональную ориентацию и карьеру, образовательные проекты, мониторинг и прогнозирование в сфере среднего профессионального образования РС (Я). Функционируют 3 базовых учреждения, оказывающих методическую поддержку внедрения инклюзивного профессионального образования. Это — Южно-Якутский технологический колледж в г. Нерюнгри, Колледж связи и энергетики им. П.И. Дудкина с ИТ-направлением в г. Якутске, Жатайский техникум в п. Жатай для слабо-видящих студентов¹⁵. Доступная среда обеспечена в 21 (43,8 %) образовательном учреждении СПО.

Вместе с тем анализ тенденций экономики образования в РС (Я) показал, что республика радикально сократила количество лиц, обучающихся на программно-целевой основе в рамках государственного заказа в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, расположенных за ее пределами. В частности, если в ведущих вузах Центра, Сибири и Дальнего Востока в 2014 г. обучалось 2967 чел., то в 2019 г. — 972 чел. Аналогичная картина наблюдается и в системе среднего специального образования: в настоящее время обучение проходят 2178 чел., в т.ч. за пределами республики — 1115 чел. То есть произошло пятикратное снижение подготовки кадров для нужд предприятий региона за пределами Республики Саха. Это — однозначно негативный тренд.

В рамках реализации проекта «Молодые профессионалы» создано 10 мастерских, оснащенных современным оборудованием для подготовки кадров по приоритетным группам компетенций. В результате, если в 2013 г. на региональном этапе соревнования проводились по 6 компетенциям, то в 2019 г. — 127 компетенциям. В финале VII Национального чемпионата «Молодые профессионалы» (WorldSkills Russia-2020), состоявшемся в г. Казани, сборная Якутии стала победителем в номинации «Прогресс года» и вошла в ТОП-10 лучших в России¹⁶. В финале V Национального чемпионата по профессиональному мастерству среди людей с инвалидностью и лиц с ограниченными возможностями здоровья «Абилимпикс» дети из Якутии завое-

¹³ *Статистический* ежегодник Республики Саха (Якутия). Стат. сборник. — Якутск, 2019. — С. 220

¹⁴ Там же. — С. 218.

¹⁵ Указ Главы РС (Я) «О комплексной программе Республики Саха (Якутия) «Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на 2020–2022 годы» от 10.12.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia-daily.ru/ukaz-glavy-respubliki-saha-yakutiya-ot-10-dekabrya-2019-goda-%E2%84%96-878-o-kompleksnoj-programme-respubliki-saha-yakutiya-formirovanie-sistemy-kompleksnoj-reabilitaczii-i-abilitaczii/>. Дата обращения: 06.11.2020.

¹⁶ *Директор* Союза «WorldSkills Russia» наградил призеров национального чемпионата «Молодые профессионалы» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3227408>. Дата обращения: 04.11.2020.

вали 4 призовых места¹⁷. Безусловно, достижения в WorldSkills позитивно воздействуют на перспективы социальной мобильности.

По итогам проведения государственной итоговой аттестации в виде демонстрационного экзамена Якутия вошла в четверку лучших регионов России по качеству подготовки выпускников. В 2019 г. число выпускников профессиональных образовательных организаций РС (Я) составило 6296 чел. (в 2018 г. — 6092 чел.), из них трудоустроено 57,4 % (в 2018 г. — 53,8 %) и продолжили обучение 19,7 % (см. прил. 19). В Концепции развития среднего профессионального образования РС (Я) ставится цель повысить показатели трудоустройства выпускников колледжей и техникумов до 70 % к 2024 г.¹⁸ Ключевым моментом является увеличение контрольных цифр ежегодного приема на бюджетные места не менее 10 тыс. чел. по РС (Я), а также развитие профилей образовательных организаций.

Современная стратегия развития среднего специального образования Российской Федерации до 2030 г. включает в себя пять приоритетных направлений: обновление содержания, формирование нового ландшафта сети СПО, повышение финансовой устойчивости и целевая поддержка колледжей, повышение квалификации работников системы СПО, развитие культуры профессиональных соревнований¹⁹. В настоящее время только по 87 из 485 профессиям и специальностям обновлено содержание образовательных программ по ФГОС, еще 19 — находятся на утверждении, в том числе по трем новым профессиям. Позитивная тенденция наблюдается в том, что в квалификацию работников системы СПО войдет новый набор компетенций педагогов, а это значит, что поступающий на работу в колледжи с производства должен получить педагогические компетенции, и, наоборот, имеющий педагогическое образование с отсутствием опыта работы на производстве должен обучиться профессиональным компетенциям.

Однако переход к дистанционным образовательным технологиям продемонстрировал, что количество технологических решений и продуктов, ориентированных на систему СПО, является недостаточным, есть отставание «цифрового сегмента», что связывается с хронической нехваткой ресурсов развития. Сегодня все проекты в области цифровизации образования, реализуемые на федеральном уровне, в т.ч. «Кадры для цифровой экономики», ориентированы исключительно на уровни школьного и высшего образования. Внедрение современных образовательных технологий в среднем профессиональном образовании остается актуальной и для РС (Я).

Хронической проблемой системы среднего специального образования РС (Я) является большой спрос на высшее образование и падение presti-

¹⁷ *Ежегодный отчет о результатах деятельности исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия), в том числе по вопросам, поставленным Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я).* — Якутск, 2020. — С. 13 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3227408>. Дата обращения: 04.11.2020.

¹⁸ *Принята первая Концепция развития среднего профобразования в Якутии* [Электронный ресурс]. — URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2911280>. Дата обращения: 04.10.2020.

¹⁹ *Минпросвещения России представило «Стратегию развития среднего профобразования до 2030 года»* [Электронный ресурс]. — URL: <https://edu.gov.ru/press/3058/minprosvescheniya-rossii-predstavilo-strategiyu-razvitiya-srednego-profobrazovaniya-do-2030-goda/>. Дата обращения: 04.11.2020.

жа учреждений среднего профессионального образования. Как следствие, на рынке труда наблюдается перенасыщение специалистов с дипломами высшего образования, среди них также высок процент безработных при существенном недостатке рабочей силы со средним профессиональным образованием. Следовательно, основная задача системы профессионального образования должна заключаться в подготовке и выпуске на рынок труда молодых кадров, востребованных реальной экономикой, что происходит далеко не всегда. Для этого необходимо подвергать анализу текущие и будущие потребности рынка труда, уметь прогнозировать потребности в квалифицированных кадрах. Финансово-экономический фактор также играет немаловажную роль, так как значительная доля выпускников ищут работу не по полученной специальности, а более высокооплачиваемую.

В этой связи в литературе подчеркивается, что следует ориентироваться на показатели эффективности трудоустройства выпускников посредством комплексной методики оценки результативности деятельности системы профессионального образования путем мониторинга и анализа трудоустройства выпускников²⁰. При этом соответствие квалификации выпускников образовательных организаций СПО потребностям рынка труда, требованиям работодателей и заказчиков должно быть основным показателем трудоустройства и качества полученного ими образования. Но для этого нужно ввести оценочный инструментарий для контроля результатов формирования общих и профессиональных компетенций студентов образовательных учреждений СПО.

В настоящее время существуют четыре показателя, которые позволяют оценить эффективность подготовки профессиональных кадров²¹ и в дальнейшем предоставить возможность принятия решения по следующей проблематике: а) результативность трудоустройства — финансовый; б) образование в родном регионе — социальный; в) ориентация на рынок труда — кадровый; г) миграционные потоки выпускников — демографический. При этом рейтинг востребованных профессий строится на основе следующих четырех показателей: а) массовость — доля работников по профессии к общему числу работников; б) востребованность — доля вакансий по профессии к общему числу вакансий; в) обеспеченность — доля заработной платы по профессии к средней заработной плате в регионе; г) дефицитность — спрос по профессии значительно превышает такое предложение²². Таким образом, необходимо изменить подходы к подготовке кадров, а именно — увеличить его объемы по востребованным профессиям в регионе, усилить взаимодействие с работодателями с целью повышения закрепляемости выпускников в РС (Я).

²⁰ Питухин Е.А. Методика оценки эффективности подготовки кадров системой профессионального образования в регионах Дальневосточного федерального округа // Непрерывное образование: XXI век. — 2018. — Вып. 4 (24). — С. 11.

²¹ ГОСТ ИСО 9000-2008 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь «Национальный стандарт Российской Федерации системы менеджмента качества». Дата введения — 10.09.2009 г. — М.: Стандартинформ, 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200068733>. Дата обращения: 01.10.2020.

²² Питухин Е.А. Указ. соч. — С. 12.

Процесс реформирования системы образования Российской Федерации начался в 1991 г. и прошел шесть этапов²³. Первый этап (1991–1992) — обеспечил вариативность и информатизацию образования, многоплановость школы, право учеников на выбор индивидуальных образовательных траекторий. Отмечен отсутствием нормального финансирования школ, техники и технологий, неспособностью удовлетворить интересы и способности учащихся. Второй этап (1993–1997) — вводились элементы индивидуализации образовательного процесса. Третий этап (1998–2000) — принят ряд документов для развития образования, но с финансовой точки зрения это не стало не результативным. Четвертый этап (2000–2005) — введены ЕГЭ, появилась тенденция коммерциализации образования. Пятый этап (2005–2010) — создание системы оценки качества образования, но вся информация по критериям оценок оказалась фактически засекреченной. Шестой этап (2010 – наши дни) — реформы идут в рамках Национального проекта «Наша новая школа».

Однако увеличение реформ и переход на западные образцы не стали показателями развития образования. Модернизация образования — это обновление и усовершенствование элементов системы образования в соответствии с требованиями современности, причем через человеческий капитал (профессионалы, граждане, общество, органы управления). А «реформа» — это любые реорганизации и изменения, идущие от властных структур.

В настоящее время решение вопросов обновления действующей системы образования является безотлагательным и осознается практически всеми заинтересованными сторонами образовательного процесса — педагогическим и родительским сообществом. В то же самое время существует множество точек зрения по направлениям, характере и темпам, необходимых для этого обновления действий. Критическая ситуация осложняется еще и тем, что формальное проецирование федеральных программ на региональные образовательные пространства неспособно ответить современным реалиям. 2020 год также отмечен активным обсуждением темы реформирования отечественного образования, происходившего на фоне распространения коронавирусной инфекции, и предстал воплощением самых антиутопических сценариев будущего. В этой связи становится очевидным, что государство должно больше внимания и средств уделять сферам образования и здравоохранения.

Президент РФ В.В. Путин²⁴ заявил о необходимости эффективно использовать всю образовательную и другую инфраструктуру, возможности современных технологий в интересах обучения детей: 1) переход к цифровой трансформации отечественной школы; 2) внедрение индивидуальных подходов к обучению, нацеленных на раскрытие способностей каждого ребенка; 3) попадание России в десятку лучших стран по качеству образования к 2024 г., сформулированное в Указе «О национальных целях развития на период до 2030 года»; 4) ключевыми способами достижения целей национального проекта «Образование» будут: новые методы обучения и воспита-

²³ *Аванесов В.С.* Модернизация образования в России: ключевые проблемы и пути решения // Народное образование. — 2017. — № 1–2. — С. 21–32.

²⁴ *Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020* [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>. Дата обращения: 15.01.2020.

ния, новые образовательные технологии; реализация эффективного выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи; формирование условий для раннего развития детей в возрасте до трех лет; создание современной и безопасной цифровой образовательной среды.

Как известно, еще в 2011 г. была разработана модель «Российское образование — 2020», которую, действительно, уместно подвергнуть критике. В ней были заложены несколько векторов развития: доступность качественного образования для любого жителя страны, на сегодняшний день — это скорее — недоступность; непрерывность обеспечения возможности учиться, повышать свою квалификацию и перепрофилироваться в любом возрасте, на сегодняшний день — большой процент педагогов не способен адаптироваться к неожиданно назревшей необходимости вести занятия онлайн, и это касается и общей, и средней специальной, и высшей школы; ориентация системы образования на инновационное развитие экономики, ее открытость для общества, включающая в себя учет интересов потребителей образовательных услуг, на сегодня — как показала практика, самоцелью этой реформы оказалась не система образования, а сама реформа, т.е. «инновационный» заказ на повсеместную коммерциализацию систем жизнеобеспечения населения России; возможность общественной оценки уровня учреждений и их образовательных программ — в этом плане наблюдается рост негативных отзывов экспертов; разработка и внедрение новых образовательных технологий, реализующих компетентностный подход в общем образовании — многие специалисты обратили внимание на то, что эта «модель образования для экономики», а не для человека.

Анализ проекта нового документа «Ключевые направления развития российского образования для достижения Целей и задач устойчивого развития в системе образования» до 2035 г.²⁵ показывает:

Во-первых, страны — члены ООН взяли на себя обязательства по обеспечению достижения Целей устойчивого развития на основе решения 11 задач, которые оцениваются 43 соответствующими им индикаторами; при этом каждая страна обязана разработать в дополнение собственную Национальную систему показателей, конкретизирующую инструмент мониторинга прогресса с учетом приоритетов социально-экономического развития страны и характеристик национальной образовательной системы.

Во-вторых, в проекте определены ряд «драйверов», которые служат показателями развития системы образования в мире:

— внешние драйверы, т.е. глобальные общие тенденции (демографические факторы и миграция; низкие и неравномерные темпы экономического роста; неравномерность научно-технического прогресса; растущая глобализация и всеобщая цифровизация; кризис института семьи);

— производные драйверы как последствия «внешних драйверов» (увеличение экономического, технологического и информационного неравенства; высокий уровень нестабильности в экономике и сфере управления образованием; приоритет гибких навыков в условиях глобализации; умень-

²⁵ «Ключевые направления развития российского образования для достижения Целей и задач устойчивого развития в системе образования» до 2035 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://edu2035.firo-nir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-klyuchebye-napravleniya-2035>. Дата обращения: 04.11.2020.

шение работы для человека; размывание «среднего класса»; угроза примитивизации личности; сетевая культура и практики самоорганизации);

— системные драйверы, т.е. это тенденции, сложившиеся в системе образования (отставание образовательных стандартов от научно-технического прогресса; социальная борьба в школе, низкая мотивация обучающихся; дезадаптация педагогических кадров, эмоциональное выгорание и критическая нагрузка учителей, неравенство в заработной плате, «непрестижность» педагогической профессии, отставание педагогического образования от сферы самого образования);

— перспективные системные драйверы (приоритет творческой, проектной деятельности в образовании; удаленная/сетевая деятельность в образовании; повышение роли индивидуальности и креативности в образовании; новые технологии управления в образовании; новые технологии оценки качества образования; индивидуализация образования, обучение на основе деятельности, создание образовательных программ роботом и сближение виртуальной и обыденной реальности в образовании);

— внутренние системные драйверы, которые отражают специфику уровней образования со своими общими и частными проблемами для каждого уровня.

Исходя из перечисленных «драйверов» и словосочетания «устойчивого развития», все формулировки основываются на документах ООН и ЮНЕСКО, а вопросы непосредственно самой системы модернизации образования остались открытыми. Но что более неприемлемо, это создавать образовательную систему, которая ориентирована на обучение навыкам ОУР (образование в интересах устойчивого развития). Тем более, что почти во всех составляющих «драйверов» системы образования наблюдается усиление негативных факторов, особенно это касается растущей экономической и социокультурной дифференциации, неравенства образовательных возможностей, опасности развития «цифрового аутизма», проблемы преемственности в передаче социальных ценностей и практик.

Сегодня есть вероятность того, что образование уже никогда не будет прежним. Существуют очевидный недостаток квалифицированных педагогов, трудности адаптации к цифровым технологиям образовательной среды и их обеспечением. Подготовка смешанных онлайн и оффлайн программ обучения при переходе на удаленный режим занимает большую часть образовательного процесса. В связи с отсутствием интернета или его слабой скоростью, нехваткой или слабой технической оснащенностью семей с большим количеством детей (что в Якутии не редкость) появилась серьезная проблема углубления дифференциации условий образования, появления второй и третьей смены, когда как по исполнению поручения Президента РФ В. Путина к 2024 г. вторая смена должна быть ликвидирована полностью.

Удаленный формат обучения не может полноценно заменить живое общение учителя и учеников. И самое главное, страдает интерактивность образования как один из главных залогов его эффективности. Занятия в школе в формате постоянного взаимодействия позволяют учителю поддерживать мотивацию ученика. Понятно, что перемен требует само время пандемии, но за новыми методиками есть опасность ликвидации российской

школы как таковой, а в процессе цифровизации кардинально изменятся организация образовательного процесса и сама структура обучения. Нововведения требуют наличия соответствующей инфраструктуры, новых технических и образовательных ресурсов, модели управления этим процессом.

В целом, с учетом вышеизложенного, можно сделать следующее заключение. В последние годы из сферы среднего образования полностью исчезла «управляемость», так как государство значительно отстранилось от позиции ее регулятора. Управление системой образования в России — это особенный для каждого исторического периода баланс традиционных и инновационных практик, и, как показывает время, поиск их эффективного и грамотного сочетания представляет собой главную управленческую проблему — на уровне Федерации, региона, отдельного образовательного учреждения.

Сегодня происходит переход к новому этапу реформирования трансформации институтов государственного управления — к формированию и развитию «цифрового правительства» в рамках реализации «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»²⁶. «Цифровое государственное управление» нацелено на доступность предоставления гражданам и организациям доступа к приоритетным государственным услугам и сервисам в цифровом виде. В связи с этим предстоит внедрение новых технологий управления в образовании на основе «больших данных» в объеме всей системы и ее текущему состоянию, учитывающей общую цифровизацию сферы государственного управления.

Между тем сегодня наблюдается большой разрыв между финансированием и качеством образования, требующий соответствующего регулирования финансовых потоков, так как национализированный бюджет на 2020 год составляет примерно 2,76 трлн руб. при необходимых 3,6. Ситуация осложняется тем, что финансирование поступает в регионы, пройдя через целый ряд инстанций, и в результате от первоначальных цифр убывает около 30 %²⁷. Отсюда можно заключить, что нет эффективности бюджетного финансирования ввиду избыточного контроля, а также невозможность выполнения в срок всех запланированных программ, освоение ограниченного объема выделяемых регионам финансовых средств.

Модернизация системы образования, которая представляет основу динамичного экономического роста и социального развития общества, условие для формирования инновационной экономики страны предполагают увеличение расходов на образование до 6,5 % ВВП к 2030 г., в т.ч. бюджетной системы до 5,2 % ВВП (в 2011 г. — 4,9 и 4,1 % ВВП соответственно)²⁸.

²⁶ Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>. Дата обращения: 04.11.2020.

²⁷ *Бюджет для граждан*. К Федеральному закону о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период до 2021 и 2022 годов. — М., 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/12/main/Budzhets_dlya_grazhdan_2020-2022.pdf. Дата обращения: 04.11.2020.

²⁸ *Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года* (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/798fe60b85830249c4141fec7f71d809613fala7/. Дата обращения: 04.11.2020.

Считаем нужным создать национальную систему оценки качества образования в России, поскольку международные показатели и рейтинги качества общего образования как для учителей, так и учеников (например, PISA) созданы под образовательные системы стран их учредителей, в которых система образования характеризуется устойчивостью.

ГЛАВА 3.2

ВЫСШАЯ ШКОЛА В СЕВЕРНОМ МОНОГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ г. НЕРЮНГРИ)

Настоящая глава обращается к актуальным вопросам реализации традиционных целей и задач высшего учебного заведения, функционирующего в северном монопромышленном городе в условиях реформы высшего образования в Российской Федерации. В аналитической части использованы данные федерального мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования; материалы отчетов по научно-исследовательской работе и ежегодных отчетов по самообследованию вуза. Полевая часть исследования представлена экспертными интервью, проведенными в марте-апреле 2020 г.

Административный центр Нерюнгринского района — г. Нерюнгри является вторым по численности городом Якутии. В 2018 г. здесь проживали 57 009 чел., или 5,9 % населения Республики Саха. В городскую агломерацию входят поселки городского типа: Чульман (7775 чел.), Беркакит (3563 чел.), Серебряный Бор (3188 чел.). Город Нерюнгри — центр угледобывающей промышленности и крупный транспортный хаб РС (Я).

Становление высшей школы в Южной Якутии тесно связано с промышленным освоением региона в советский период. Последняя ударная комсомольская стройка — строительство северной ветки БАМ (линия Тын-да-Беркакит) и формирование Южно-Якутского территориально-производственного комплекса (ЮЯТПК) — испытывала острый «кадровый голод» в высококвалифицированных специалистах. Наиболее оптимальным вариантом решения этого вопроса стала подготовка кадров непосредственно на месте и без отрыва от производства: осенью 1981 г. в г. Нерюнгри был открыт учебно-консультационный пункт (далее — УКП) инженерно-технического факультета Якутского государственного университета. Функционирование УКП ЯГУ с 1981 по 1991 г. позволило несколько снизить нехватку инженерно-технических кадров. В 1991 г. в УКП обучалось 268 студентов заочной формы обучения¹. Высокие темпы трудовой миграции и урбанизации (в 1992 г. численность населения г. Нерюнгри составила 76 тыс. чел.) способствовали преобразованию УКП в филиал ЯГУ. 24 апреля 1992 г. вышел приказ Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ «Об организации в г. Нерюнгри филиала Якутского государственного университета». С помощью градообразующих промышленных предприятий («Якутуголь», «Якутуглестрой» и др.) в сжатые сроки были решены вопросы размещения филиала, проектирования и строительства студенческого об-

¹ 20 лет Техническому институту (филиалу) СВФУ им. М.К. Аммосова. — Нерюнгри, 2012. — С. 15.

щежития и столовой, жилого дома для профессорско-преподавательского состава. 29 апреля 1992 г. издан приказ ректора ЯГУ об открытии филиала — Горно-энергетического института на базе У КП и с передачей его штатов и материально-технической базы. Этим же приказом был определен план приема студентов на первый курс в 1992/93 учебном году (100 чел. — на дневное, 50 чел. — на заочное отделение) по четырем специальностям. 18 ноября 2004 г. был переименован в Технический институт (филиал) ЯГУ в г. Нерюнгри. За прошедшие с момента открытия филиала годы «путевку в жизнь» получили около 4 тыс. молодых специалистов².

В настоящее время в Техническом институте (филиале) СВФУ им. М.К. Аммосова функционируют 6 выпускающих и 2 общедисциплинарные кафедры. Учебно-лабораторная база состоит из 20 лабораторий различного профиля. Материальную базу института составляют учебно-административный и учебно-лабораторный корпуса, учебно-культурный центр, спортивные комплексы «Олимп» и «Богатырь», лыжная база «Снеговик», благоустроенное общежитие для иногородних студентов³. Библиотека института располагает читальным залом на 60 мест. Фонд библиотеки содержит около 100 000 экземпляров книг и периодических изданий по всем изучаемым дисциплинам; нормативно-техническую литературу; литературу на иностранных языках. В сервисное обслуживание посетителей включен электронный каталог АИБС «MARK-SQL», облегчающий поиск источников; бесплатный выход в Интернет для сотрудников и студентов вуза; дополнительные цифровые услуги.

Ключевым показателем уровня образования в вузах России считается средний балл ЕГЭ зачисленных абитуриентов. Так, по данным отчетов самообследования вуза, средний показатель ЕГЭ составил: в 2013 г. — 51 балл, соответственно, 2014 г. — 52,9; 2015 г. — 55,4; 2016 г. — 57,2; 2017 г. — 56,78; 2018 г. — 54,47 балла⁴. Для сравнения — в 2018 г. вступительный средний показатель ЕГЭ в Северо-Восточном федеральном университете составил 64,37 баллов, что говорит о довольно низком уровне подготовки студентов первого курса Технического института (филиала) ведущего вуза республики.

По этому поводу приведем самые распространенные инсайдерские мнения и оценки: «Ребята, которые приходят к нам из школы, таковы, что с ними нужно заниматься индивидуально, адаптировать “вручную”, особенно это касается иногородних студентов... только таким образом, с трудом, они начинают включаться в образовательный процесс. Дети “цифровой эпохи” в основном потребляют “картинки”, не умеют читать и вникать в суть информации, утрачивается умение мыслить и это печально» (сотрудник администрации института). «Очень мало действительно мотивированных на учебе студентов. Большинство рассуждают прагматично: им нужен исключительно диплом, который, по их представлениям, откроет им какие-то жизненные перспективы. Но это же иллюзия... Отсутствие интереса к учебе впоследствии может привести к профессиональной и социальной неуспешности» (сотрудник администрации института).

² Подсчитано автором на основе текущих ежегодных отчетов Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри.

³ Отчет о самообследовании Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри за 2016 г. — С. 60.

⁴ Отчеты о самообследовании Технического института (филиала) СВФУ за 2014–2018 гг.

Динамика численности студентов в 2015–2019 гг.⁵

Год	Всего студентов	Дневная форма	Заочная форма
2015	823	551	272
2016	784	449	335
2017	776	396	380
2018	811	388	423
2019	844	384	460

Несмотря на территориальную доступность института, численность всего контингента студентов вуза остается на одном уровне на протяжении последних пяти лет (см. табл. 1). Это связывается, во-первых, с ежегодным сокращением контрольных цифр приема абитуриентов и, во-вторых, снижением численности выпускников общеобразовательных школ Нерюнгринского района.

Ответы на вопрос о том, почему единственный вуз в Южной Якутии так и не становится достаточно востребованным среди выпускников городских школ, сводятся в целом к одному — их миграции за пределы региона в поисках лучших российских вузов. «Самые лучшие выпускники уезжают в крутые вузы Москвы и Питера, а региону достаются средненькие, посредственности, в лучшем случае — только часть хороших студентов. Но выхода нет, мы обязаны учить всех» (преподаватель института). «...Подавляющее большинство выпускников школ уезжают ... на “материке” гораздо больший выбор специальностей, да и возможностей для развития молодежи. Порой уезжают целыми семьями после окончания учебы в школе, специально для этого...» (работник администрации г. Нерюнгри).

По данным федерального мониторинга российских вузов, в течение 2015–2019 гг. фиксируется последовательное снижение численности студентов дневной (очной) формы обучения (–167 чел.) и, напротив, увеличение численности студентов заочной формы обучения (+188 чел.). Указанные тренды обусловлены существенным ухудшением уровня, условий и качества жизни населения Южной Якутии. Растущий показатель перевода студентов-очников на заочный формат обучения объясняется материальными трудностями, которые вынуждают их искать постоянную работу. По всей видимости, проблема стоит так остро, что многих не останавливает даже платный контент заочной формы обучения, которая также предусматривает увеличение продолжительности учебного процесса до 5,5–6,5 лет по техническим специальностям. Кроме того, многим студентам приходится совмещать процесс приобретения нужной специальности с необходимостью подработок, что стимулирует переход их на индивидуальный график обучения.

На 1 октября 2019 г. численность основного профессорско-преподавательского состава Технического института (без внешних и внутренних соинститутителей) составляла 35 чел., в том числе 3 чел. с ученой степенью доктора наук и 24 чел. с ученой степенью кандидата наук⁶.

Приоритеты государственной политики России в области реформы высшей школы хорошо иллюстрируются данными, приведенными в табл. 2.

⁵ Составлено по: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>. Дата обращения: 17.09.2020.

⁶ Годовой отчет по научно-исследовательской работе Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри за 2019 г.

Основные финансовые показатели института в 2016–2019 гг.⁷

Показатели	2016	2017	2018	2019
Численность профессорско-преподавательского состава, чел.:	48	41	36	35
в т.ч. с научной степенью, %	69	71	75	77
Средняя зарплата профессорско-преподавательского состава, тыс. руб.	73	93	113	132
Объем финансирования вуза, млн руб.	197	160	153	171
Доходы и внебюджетные средства, млн руб.	27	27,5	29,5	31

Оптимизация штата преподавателей и плана приема студентов на бюджетные места приводит к закономерному росту средней заработной платы оставленных на работе преподавателей; ежегодное сокращение финансирования деятельности института усиливает коммерциализацию образовательной деятельности, заставляя вуз «добывать» внебюджетные средства.

Эти своеобразные «качели» в сфере финансового обеспечения деятельности российских вузов стали типичным явлением, которые не учитывают особенности функционирования и реализации образовательного процесса в небольших моногородах страны. Вполне понятно, что это обстоятельство вызывает недовольство профессорско-преподавательского состава и специалистов института. «В последнее время происходит некая стагнация развития института, связанная с процессами оптимизации системы высшего образования и “подгонкой” критериев оценки работы вуза в моногороде под типовые требования, приемлемые для “нормальных” вузов в мегаполисах... думается, что деятельность вуза в моногороде имеет свою специфику» (сотрудник администрации института). «Многие проблемы в образовании решатся, если убрать последние вредные новации. Достойная зарплата... уменьшение нагрузки преподавателя до посильной... снижение плана по публикациям... отмена эффективного контракта... Я не призываю к консерватизму, это просто здравый смысл — восстановить нормальное состояние нашего высшего образования» (преподаватель института).

Многие из них отмечают, что в существующих условиях им приходится еще прилагать дополнительные усилия для выравнивания уровня подготовки студентов. «Образовательные стандарты в последнее время постоянно меняются, стараюсь опережать профессиональные стандарты. Но бывает и совершенно иная ситуация, когда бизнес требует более продвинутых выпускников, заточенных под конкретные современные технологии» (сотрудник администрации вуза). «Нужно менять отношение к успешным и отстающим студентам. Активных нужно только подбадривать, стимулировать. А со слабыми работать персонально, преодолевать барьер отчуждения от учебы... Тех, кто совсем не хочет учиться, — отчислять, правда, рост отсеянных порождает сокращение преподавателей» (преподаватель института).

⁷ Составлено по: Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>. Дата обращения: 06.09.2020.

В настоящее время институт осуществляет образовательный процесс по 10 направлениям подготовки кадров — горное дело, электроэнергетика и электротехника, строительство, экономика, прикладная математика и информатика, психолого-педагогическое образование, филология. Практически все основные образовательные программы, главным образом — технического профиля, проходят процедуру согласования с работодателями и, соответственно, подвергаются постоянному качественному обновлению. Для приближения учебного процесса к условиям будущей профессиональной деятельности институт привлекает работодателей в качестве преподавателей, руководителей выпускных квалификационных работ, внешних экспертов аттестационных работ студентов. Опорные промышленные предприятия региона (АО ХК «Якутуголь», УК «Колмар», Нерюнгринская ГРЭС и др.) являются главными площадками для прохождения производственной практики студентов технических специальностей.

Однако преимущественная ориентированность вуза на локальный рынок труда устраивает не все стороны, вовлеченные в образовательный процесс. В этой связи высказываются следующие суждения: «Институт вполне справляется со своей основной функцией — подготовкой специалистов по наиболее востребованным профессиям для основных предприятий и учреждений района... но, конечно, хотелось бы в перспективе иметь более широкий спектр подготовки специалистов, не все же время вокруг города будут добывать уголь» (представитель коммерческой структуры). «Однозначно, существует необходимость в более тесном взаимодействии института с работодателями в отношении подготовки выпускников... пора сойти с “накатанной лыжни”, переходить на более креативные и гибкие формы подготовки специалистов, особенно это касается предприятий малого и среднего бизнеса, более восприимчивых к применению инновационных технологий...» (сотрудник администрации вуза).

Об уровне удовлетворенности студентов данного вуза качеством образования, условиями организации учебного процесса, досуга и др. можно судить по итогам социологического on-line опроса на университетской платформе СВФУ (<http://anket.s-vfu.ru>), проведенного с 1 по 16 марта 2018 г. Выяснилось, что респонденты-студенты Технического института (филиала) высоко оценивают качество обучения в вузе (91 %), культуру речи и поведение преподавателей (93 %), компетентность администрации вуза (90 %). Объективность преподавателей в оценке знаний отметили 76 % опрошенных студентов. Также достаточно высоко оценена работа институтской библиотеки, особенно доступность учебно-методической литературы. Каждый второй респондент вполне удовлетворен организацией студенческого досуга.

Вместе с тем более 60 % респондентов недовольны возможностями институтской локальной сети Wi-Fi и уровнем комфортности студенческого общежития; 28 % респондентов заявили об имеющихся проблемах с учебой, некоторым из них пришлось обращаться за помощью к своему куратору или специалистам учебно-методического отдела института; 22 % опрошенных не удовлетворяет уровень оснащенности компьютерами учебных аудиторий; некоторые респонденты указали на недостаточную доступность учебных помещений для студентов с ограниченными возможностями. В результате

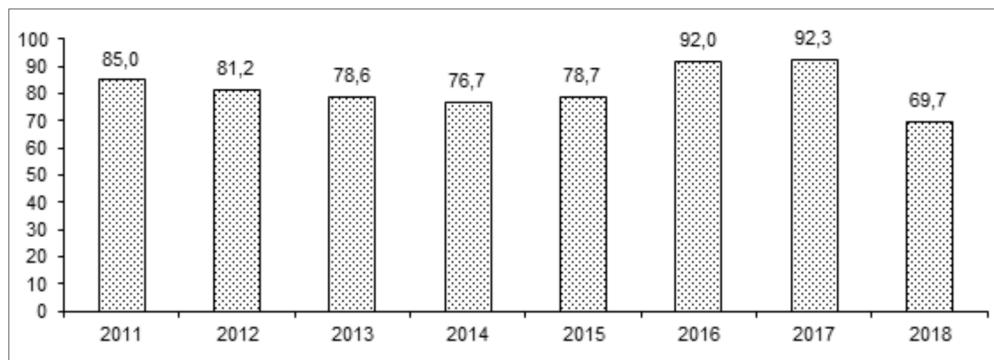

Рис. 1. Доля выпускников института, трудоустроившихся по специальности, в общем количестве трудоустроенных в 2011–2018 гг.⁸, %.

доля студентов, готовых рекомендовать свой вуз родственникам и знакомым для получения высшего образования, составила 69 %.

К важнейшим индикаторам эффективности образовательной деятельности вуза относится востребованность выпускников на рынке труда. В этом отношении, в соответствии с данными по трудоустройству за 2011–2018 гг., отмечаются довольно высокие показатели трудоустроившихся по своей специальности в общем количестве трудоустроенных выпускников (см. рис. 1). Однако нельзя не заметить, что в последние годы этот показатель существенно снизился с 92,3 % в 2017 г. до 69,7 % в 2018 г. (–22,6 пункта).

Как заметил сотрудник администрации г. Нерюнгри: «Выпускники технических специальностей худо-бедно устраиваются, пусть даже на рабочие вакансии, но все-таки с гарантиями нормального заработка и, возможно, дальнейшего продвижения по работе. А вот с устройством педагогических кадров имеются определенные проблемы... начинающий учитель обречен, по сути, на маленькую зарплату, да и вакансий не так уж и много».

При этом выпускники института предпочитают работать в «домашнем» регионе, что в какой-то степени сдерживает отток молодежи из моногорода и региона в целом (см. рис. 2). В частности, от 60 до 78 % от общей численности трудоустроенных выпускников остаются работать в Нерюнгринском районе, от 11 до 25 % — находят работу в других районах Якутии (Алданский, Мегино-Кангаласский, Намский, Томпонский, Усть-Алданский и др.) и лишь незначительная часть (от 5 до 15 %) выезжает за пределы республики (Амурская область, Забайкальский и Приморский края, гг. Хабаровск, Новосибирск, Сочи, Москва, Санкт-Петербург и др.)⁹.

На протяжении длительного времени основными работодателями для выпускников технических специальностей являются такие крупнейшие компании, функционирующие на территории Южной Якутии, как АО ХК «Якутуголь», ООО УК «Колмар», ООО «Транснефть-Восток», ООО «Малые разрезы Нерюнгри», АО «Нерюнгринская ГРЭС», АО «Дальневосточная генерирующая компания», АО «Нерюнгриэнергоремонт», АО «Нерюнгрин-

⁸ Составлено по: *Отчеты о самообследовании Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри за 2014–2018 гг.*

⁹ Там же.

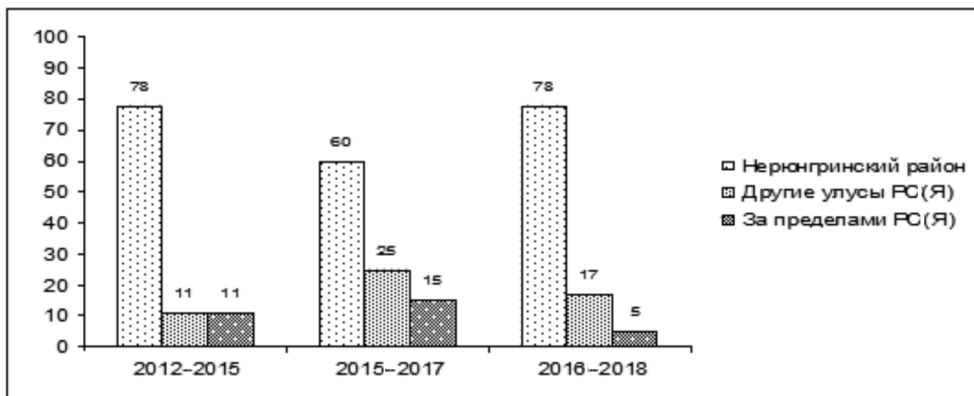

Рис. 2. Динамика показателей трудоустройства выпускников института, %.

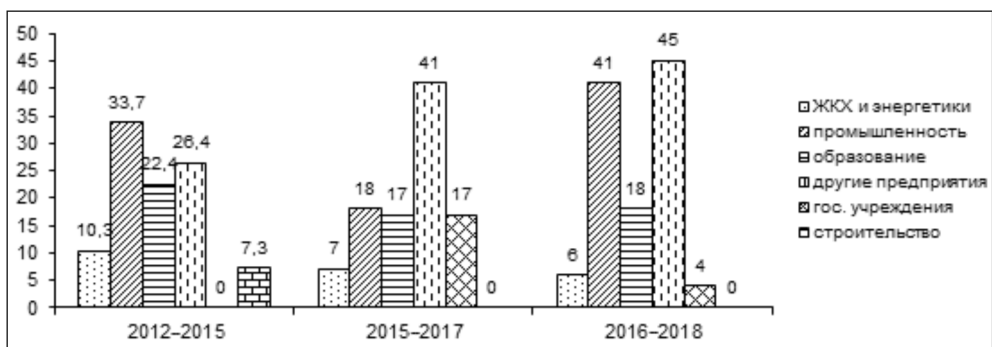

Рис. 3. Трудоустройство выпускников в разрезе отдельных отраслей экономики.

ские районные электрические сети» и др. (см. рис. 3)¹⁰. Выпускников со специальностью «промышленное и гражданское строительство» принимают на работу в ООО «Нерюнгрипроект», ООО «Эльгауголь», ООО «Газпром Трансгаз Томск» и организации сферы ЖКХ.

Выпускники с направлением подготовки «экономика» находят рабочие места в НФ ПАО «Улметбанк», Нерюнгринском отделении № 8155 «Сбербанк России», МУ «Централизованная бухгалтерия муниципальных учреждений Нерюнгринского района» и других кредитно-финансовых учреждениях региона. Специалисты педагогического профиля трудоустраиваются в региональные образовательные организации различного типа.

Достаточно высокая востребованность выпускников Технического института (филиала) СВФУ подкрепляется также удовлетворенностью региональных работодателей знаниями и компетенциями своих новых работников. В отзывах, поступающих от руководителей предприятий и организаций, отмечаются следующие характеристики выпускников: должный уровень подготовки по приобретенной специальности; оперативность в решении производственных задач; стремление к дальнейшему повышению своего профессионального уровня; уверенные навыки работы на компьютере; инициативность; ответственность.

¹⁰ Там же.

Рис. 4. Основные направления подготовки выпускников к будущей работе.

В том, что Технический институт (филиал) СВФУ зарекомендовал себя как учебное заведение, выпускающее специалистов достаточно высокого уровня, немаловажную роль играет системная работа Комиссии по содействию в трудоустройстве выпускников (см. рис. 4). Учебно-методическим отделом и выпускающими кафедрами института проводится мониторинг трудоустройства выпускников, который включает в себя сбор и анализ информации о местах работы и занимаемой должности молодых специалистов. Сформирована и постоянно обновляется база данных об имеющихся вакансиях и предложениях предприятий и организаций республики. Кроме того, проводятся групповые/индивидуальные психологические тренинги, что способствует впоследствии успешной адаптации выпускников в трудовых коллективах непосредственно на местах. Целесообразность многогранной деятельности данной Комиссии подтверждается многолетней и успешной практикой трудоустройства выпускников института по полученной специальности. Важной частью образовательной функции института является предоставление дополнительного профессионального образования, соответствующего конъюнктуре регионального рынка труда. В данном контексте институт проводит профессиональную переподготовку кадров в соответствии с потребностями предприятий, учреждений, самих граждан с присвоением дополнительной квалификации. В 2018 г. институт прошел аккредитацию в качестве Независимого аттестационно-методического центра по подготовке руководителей и специалистов по вопросам промышленной безопасности, в т.ч. в сфере нефтегазового комплекса¹¹.

Специфика функционирования высшей технической школы в ограниченном пространстве монопрофильной агломерации требует проведения постоянной профориентационной работы не только среди выпускников го-

¹¹ Отчет о результатах самообследования ТИ (ф) СВФУ в г. Нерюнгри за 2018 год. — С. 34.

сударственных образовательных организаций и учреждений среднего профессионального образования Нерюнгринского района, но также сопредельных улусов (районов) республики и прилегающих субъектов ДВФО. Так, с целью расширения контингента абитуриентов сотрудники и студенты института проводят встречи со старшеклассниками сельских школ Амгинского, Таттинского, Усть-Майского, Усть-Алданского, Чурапчинского улусов. Поиск потенциальных студентов за пределами Республики Саха происходит путем распространения рекламных роликов и буклетов, публикации информации о вузе в СМИ Амурской области, Забайкальского края, Республики Бурятия и др. Установлены связи с представителями национально-культурных общин Нерюнгринского района с целью привлечения абитуриентов из других регионов России.

Системное взаимодействие вуза с общеобразовательными школами г. Нерюнгри включает: подготовительные курсы для сдачи ЕГЭ; ежегодное проведение дней «открытых дверей» с презентацией направлений подготовки специалистов в вузе; встречи школьников и родителей с выпускниками института; экскурсии школьников на промышленные предприятия региона; научно-методическое сопровождение научно-исследовательской деятельности учеников; разнообразные мероприятия для школьников с профориентационным контентом во время прохождения студентами педагогической практики¹².

В 2013 г. на базе Технического института (филиала) был создан Университетский округ, в состав которого вошли 6 городских и 3 поселковые общеобразовательные школы Нерюнгринского района; в некоторых школах г. Нерюнгри вуз открыл профильные классы с техническим уклоном. Кроме того, на площадке Технического института (филиала) проводятся Северо-Восточная Олимпиада под эгидой СВФУ им. М.К. Аммосова, а также предметные олимпиады, входящие в перечень Российского совета олимпиад школьников (отраслевая олимпиада школьников «ПАО «Газпром»).

Важным направлением деятельности Технического института (филиала) СВФУ является проведение научно-исследовательских и проектно-исследовательских работ. Становление научной школы института происходило в 1992–2014 гг.¹³ В эти годы сформировались основные направления и проблематика научных исследований, алгоритм подготовки собственных научно-педагогических кадров, предложенный профессором А.В. Самохиным («способный студент — аспирант/соискатель — кандидат/доктор наук»). Данная схема полностью оправдывала ожидания: лучшие выпускники вуза, прошедшие обучение в аспирантуре, защищали кандидатские диссертации и пополняли ряды высококвалифицированных научно-педагогических кадров.

Положение изменилось со вступлением в силу ФЗ «Об образовании», согласно которому с 2015 г. прием вступительных экзаменов в аспирантуру и сдача экзаменов кандидатского минимума на базе института были прекращены. Несмотря на это, прочная кадровая платформа и устоявшиеся базовые направления научных изысканий института позволили продолжить

¹² Составлено по: *Годовые отчеты УМО и ОФКСиДО Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри за 2015–2019 гг.*

¹³ *Акинин М.А. О развитии научной школы в Южной Якутии // Наука и техника в Якутии. — 2017. — № 2 (33). — С. 48.*

информационно-аналитическое сопровождение стратегии социально-экономического развития Северо-Востока России в области рационального природопользования и технологически эффективного воспроизводства минерально-сырьевой базы региона; наукоемких технологий и производства в условиях Севера; экологической безопасности; сохранения и развития культуры народов Арктики.

Итоги научных исследований, проведенных за последнее время, позволяют выделить ряд направлений, которые характеризуются высокой результативностью. Это — оптимизация и повышение качества геологоразведки; оценка возможности подземной газификации в условиях криолитозоны; исследование и прогноз сейсмичности в Южной Якутии; геолого-геофизические исследования для изыскательских и горно-геологических предприятий; оптимизация технологических процессов на добывающих предприятиях; анализ энергетического потенциала природных ресурсов; разработка системы электроснабжения отдаленных районов РС (Я); исследование проблем воспроизводства трудовых ресурсов в индустриальном регионе; гендерная проблематика в системе образования; особенности культур малочисленных народов Якутии, изучение топонимики Южно-Якутского региона. Из этого следует, что научно-инновационная деятельность института охватывает практически все основные проблемы развития Южно-Якутского промышленного региона.

Вместе с тем следует отметить низкие показатели грантовой поддержки научных проектов института и привлечения дополнительных инвестиций. Анализ динамики привлеченных средств на выполнение научных исследований в 2012–2018 гг. демонстрирует тенденцию сокращения финансирования научной деятельности вуза по всем каналам. С 2016 г. прекратилось поступление средств из республиканского бюджета, с 2017 г. — из федерального бюджета. В настоящее время финансирование НИР осуществляется в основном за счет хоздоговорных работ (см. рис. 5).

Во время интервью с исполнителями текущих научно-исследовательских проектов вуза выяснялись причины сложного положения. «У института фактически нет прямого финансирования научной деятельности — средства можно получить только за счет выполнения хоздоговорных работ, выигранных грантов. Получив деньги на проекты, вуз может к их реализации привлечь академическую науку. Но вот при написании заявок на гранты он не вправе указывать ресурсы академической среды. Академия наук, в свою очередь, при подготовке заявок на гранты не видит вузы в качестве своих партнеров» (сотрудник администрации института). «Все чаще грантодатели поддерживают не отдельных ученых или группы, а НОЦ (научно-образовательные центры) и НКО (некоммерческие организации). Например, объявляется конкурс на получение гранта или на заключение государственного контракта, участниками которого могут быть только НОЦ ...прикладывается приказ о создании НОЦ, положение о нем и т.п. Это позволяет объективно определить, насколько реален и действенен этот центр. Поэтому простым переименованием, скажем, отдела в НОЦ проблема не решается» (сотрудник администрации института).

Были высказаны самокритичные оценки своих заявок на грант, которые, главным образом, основаны на тематиках диссертационных исследова-

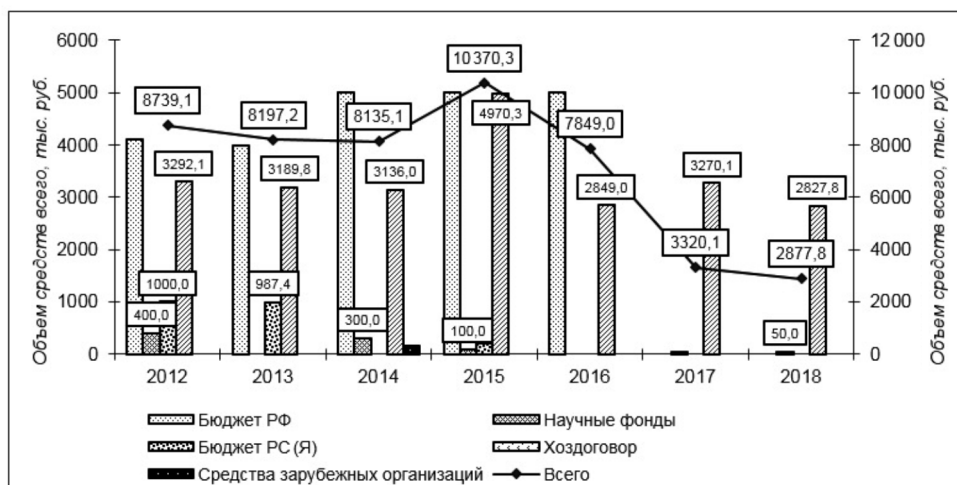

Рис. 5. Изменение объема привлеченных средств на выполнение НИР, тыс. руб.

ний самих преподавателей, хотя научные фонды в большинстве своем ориентированы на поддержку крупных междисциплинарных проектов. Кроме того, условия различных научных конкурсов предусматривают обязательное участие в научных исследованиях молодых ученых и аспирантов, которых у вуза практически нет.

Безусловно, можно согласиться с мнением, что у небольшого вуза нет ресурсов и возможностей конкурировать с ведущими научными школами и институтами страны. Но как объяснить снижение интереса к научно-исследовательским и инновационным проектам вуза со стороны промышленных предприятий, заинтересованных в получении значимых коммерческих эффектов от этих НИР?

Как выяснилось, несмотря на то, что количество заключенных институтом хоздоговорных работ остается достаточно стабильным, их стоимость редко превышает сумму в 100 тыс. руб. Происходит это по нескольким причинам. Одной из них является недостаточность полномочий филиалов и представительств крупных предприятий в Южной Якутии. Решение о выделении средств выше названной суммы принимают их головные офисы, под опекой которых находятся собственные проектные институты (например, у ОАО «Мечел» их два). Как правило, они очень неохотно идут навстречу провинциальным институтам. Кроме того, существующие требования для заключения договоров обязывают вуз иметь разрешительный документ на каждый вид оказываемых услуг — от инженерно-геологических изысканий до психолого-педагогического сопровождения трудных подростков. Оформление и своевременная актуализация таких документов (свидетельство об аттестации испытательных лабораторий, сертификаты поверки и пр.) требуют значительных финансовых затрат, которые зачастую превышают стоимость самих договорных работ.

Но есть и противоположная точка зрения, которую высказал представитель регионального предприятия: «Заключаем хоздоговор на необходимую и перспективную тему, но вот беда: необходимы приборы, стоимость

которых влетает «в копеечку»... по части организационной мы преграды правдами-неправдами преодолеваем, но все больше упирается в финансовый вопрос».

Также приведем несколько штрихов, дополняющих описание барьеров в реализации исследовательской миссии вуза: «Неумолимо сокращается численность ППС, соответственно, растет учебная нагрузка, поэтому не хватает порой времени вести НИР, писать статьи, хотя плановые показатели необходимо выполнять...образуется некий порочный круг, который необходимо разорвать» (преподаватель института). «В погоне за выполнением планов обязывают рядовых преподавателей выдавать как можно больше статей в год и не только в РИНЦ, но и в зарубежных системах цитирования. Преподаватели загоняются в угол: им надо нести неподъемную учебную нагрузку и писать большое количество научных статей. Не может преподаватель вуза выдавать столько же публикаций, сколько ученые в НИИ» (преподаватель института).

В настоящее время в институте проводится активная работа по налаживанию проектного взаимодействия с промышленными предприятиями и организациями Южной Якутии, нацеленного на получение значимых результатов по профильным направлениям вуза.

В литературе отмечается, что важной характеристикой современных вузов во всем мире становится их ориентированность на социальные изменения посредством разработки и внедрения инноваций¹⁴. С точки зрения J.V. Goddard, P. Chatterton¹⁵, значимость университетов для регионального развития определяется их умением концентрироваться на проблемах локальной территории и привлечь к их решению другие заинтересованные стороны. J.V. Goddard также отмечает уникальную способность институтов высшей школы встраивать приоритеты общенациональной политики в отдельный региональный контекст с учетом местной специфики¹⁶. Наибольший синергетический эффект для регионального развития достигается в случае высокого уровня интеграции возможностей вузов в обучение, исследованиях и предоставлении услуг местному сообществу, бизнес-предприятиям и территориальным органам власти. Установление такой взаимосвязи обеспечивает взаимовыгодные преимущества для развития и вуза, и региона. Процесс интеграции с внешними контрагентами повлек за собой расширение социальной функции вузов и оформление нового направления их деятельности. В западной социологии эта модель трансформации вузов известна как «third mission»¹⁷. Третья роль — это особенный фокус деятельности университетов, связанный с их ориентацией на потребности общества

¹⁴ Arbo P., Benneworth P. Understanding the regional contribution of higher education institutions: a literature review // OECD Education Working Paper. — 2007. — N 9. — P. 55–60.

¹⁵ Goddard J.B., Chatterton P. The Response of Universities to Regional Needs // Economic Geography of Higher Education: Knowledge, Infrastructure and Learning Regions. — London, Routledge, 2003. — P. 34–36.

¹⁶ Goddard J.B. The engagement of higher education institutions in regional development: an overview of the opportunities and challenges // OECD/IMHE International Conference «Globally Competitive, Locally Engaged Higher Education and Regions». 19–21 September 2007, Valencia, Spain. — URL: <http://www.oecd.org/edu/imhe/39552613.pdf>. Дата обращения: 15.08.2020.

¹⁷ Медушевский А.Н., Перфильева О.В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. — 2016. — № 3. — С. 21.

в целом и отдельных граждан в частности, а также активная социальная позиция университета в отношении «своей» территории, сопровождаемая установлением многостороннего взаимодействия с различными акторами¹⁸.

Технический институт (филиал) СВФУ является составной частью регионального социума, центром притяжения человеческого капитала Южной Якутии. Сложный социально-экономический и этнокультурный ландшафт, формирующийся вокруг единственной высшей школы, разнообразие выполняемых ими общественных функций, также определяет его растущую значимость как драйвера регионального развития.

Между тем содержание «третьей роли» в деятельности института, функционирующего в пространстве с выраженной «локальной» спецификой, не уточняется. К примеру, в «Программе развития Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова на 2010–2020 годы» основной акцент делается на всемерное содействие социально-экономическому развитию региона путем подготовки необходимых кадров и укрепления потенциала вузовской науки¹⁹. Третья функция — поддержка и развитие местных сообществ — головным университетом фактически не обозначено. Такое позиционирование основных миссий университета автоматически проецируется на его подразделение в Южной Якутии, хотя Технический институт (филиал) является активным участником всех социально значимых региональных событий и постоянно взаимодействует с местным сообществом.

Следует признать, что в одном из официальных документов института все же есть собственная концепция социальной ответственности вуза: «...выполнение роли центра культурных и общественных инициатив, воспитание молодых людей с высокими духовными, нравственными принципами и отличным физическим здоровьем, способных взять на себя ответственность и умеющих отстаивать экономические, политические интересы и культурные ценности своего региона и страны»²⁰. Для реализации указанной социальной функции внутри института создан соответствующий структурный механизм (см. рис. 6).

В ходе бесед со студенческим активом и сотрудниками внеучебного отдела Технического института (филиала) сложилось позитивное впечатление о многообразии направлений и форм проводимой ими сегодня социальной работы. Как оказалось, пока целевой группой социальной деятельности чаще всего являются сами сотрудники института и студенческое сообщество. Это — поддержка творческих и деловых инициатив молодежи; формирование студенческих строительных отрядов; защита социальных прав сотрудников и др.

Практическая часть третьей миссии вуза в масштабах г. Нерюнгри проецируется через разработку и реализацию социально значимых проектов, учитывающих потребности людей в комфортной городской среде («умный

¹⁸ *Перфильева О.В.* Университет и регион: на пути реализации третьей функции // Вестник международных организаций. — 2011. — № 1 (32). — С. 134.

¹⁹ *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова».* Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.s-vfu.ru/>. Дата обращения: 25.09.2020.

²⁰ *Отчет о самообследовании Технического института (филиала) СВФУ за 2018 г.* — С. 3.

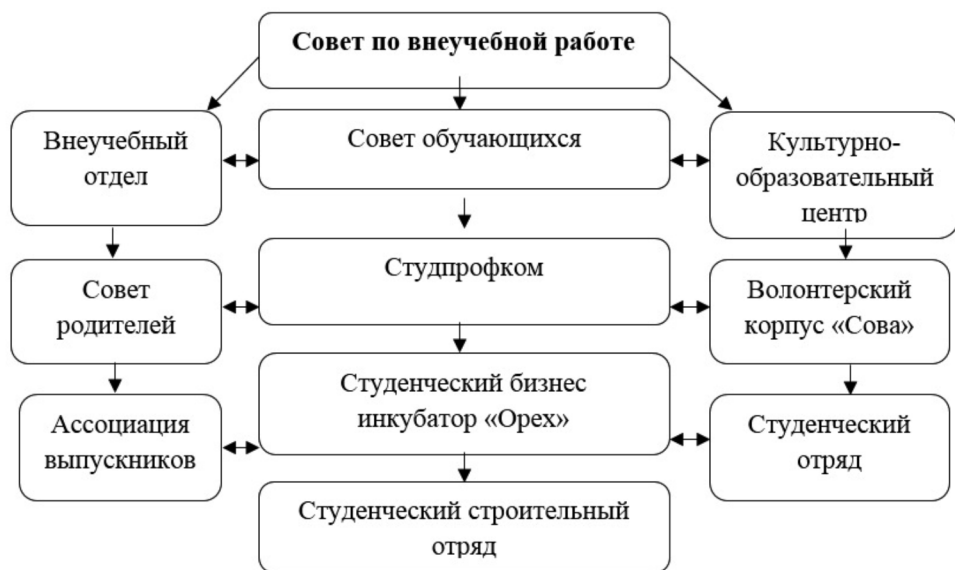

Рис. 6. Структурный механизм реализации социальной функции вуза.

город», «город нового поколения»); участие в волонтерском движении по оказанию помощи нуждающимся группам общества; предоставление дополнительных образовательных услуг населению («школа — вуз — образование через всю жизнь»); профориентационную работу среди старшеклассников городских школ; организацию социально-культурных мероприятий и т.д. Кроме того, в последние годы усиливается взаимодействие вуза с различными акторами регионального развития — предприятиями и учреждениями, коммерческими структурами, социально активными гражданами. В частности, можно говорить о формировании социального партнерства в области трансфера цифровых технологий (создание IT-парка, инкубаторов, патентование изобретений, оказание консультационных услуг и т.д.); решения экологических проблем и др. Разнообразие существующих социальных практик, ориентированных на удовлетворение интересов и потребностей местного сообщества, позволяет заключить, что вуз вносит существенный вклад в развитие гражданского общества региона.

Следует отметить высокую социальную значимость Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри как образовательного и интеллектуального драйвера экономического, социального, культурного и духовного развития Южно-Якутского промышленного региона. Реализация «третьей роли» единственного высшего учебного заведения в регионе способствует стабильному развитию современного народонаселения Нерюнгринского района, закрепляя образованную и талантливую молодежь на местах. Институционализация социальной функции вуза, реализация его инновационных социальных, деловых, творческих и культурных проектов консолидируют местное сообщество, что свидетельствует о растущей роли института как агента прогрессивных изменений на территории своего присутствия.

ГЛАВА 3.3

МИССИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М.К. АММОСОВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Современные реалии существенно трансформировали место и роль высших учебных заведений в обществе и государстве, поставили перед ними новые цели — активизировать поиск инновационных форм деятельности, эффективных методов взаимодействия с различными сегментами российского социума, организации продуктивных взаимоотношений с окружающей средой. Происходит эволюция социальной роли современных вузов, развиваются и становятся более разнообразными их функции. Наряду с образовательной, научной, культурно-просветительной, информационной деятельностью их общественное назначение направлено не только на демократизацию образования, социализацию и развитие интеллектуального потенциала людей, но также на расширение многомерных социальных коммуникаций, гражданского взаимодействия, межкультурных связей и обмена, способствуя тем самым формированию общественного согласия и стабильности.

Создание новой модели университетов в 2010-х годах исходило из стратегических национальных интересов Российской Федерации¹ и было ориентировано на внедрение современной системы управления, на трансформацию вузов в центры инновационных технологий и формирования человеческого капитала, обеспечивающих новое качество профессиональной подготовки специалистов для комплексного социально-экономического развития страны и регионов. В единую сеть из 10 федеральных вузов России вошел и Северо-Восточный федеральный университет (далее — СВФУ), учрежденный на базе Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова. Первый вуз Якутии был основан в 1934 г. как Якутский педагогический институт, в 1956 г. получил статус государственного университета; в 1990 г. вузу было присвоено имя Максима Кировича Аммосова — видного советского государственного и партийного деятеля, одного из организаторов Якутской АССР. Долгие годы Якутский государственный университет был единственным региональным вузом, готовившим специалистов практически по всем направлениям народного хозяйства — промышленность, строительство, сельское хозяйство, образование, здравоохранение и др.

В настоящее время Северо-Восточный федеральный университет — крупнейший межрегиональный научно-образовательный центр и много-

¹ Указ Президента РФ «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах» от 21 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5793>. Дата обращения: 15.01.2022.

профильное высшее учебное заведение на Северо-Востоке России. В состав головного университета входят 3 региональных филиала: Политехнический институт (г. Мирный), Технический институт (г. Нерюнгри), Чукотский филиал (г. Анадырь); 12 институтов (Горный; Инженерно-технический; Физико-технический; Математики и информатики; Естественных наук; Финансово-экономический; Медицинский; Педагогический; Зарубежной филологии и регионоведения; Языков и культур народов Северо-Востока РФ; Психологии; Физической культуры и спорта); 5 факультетов (автодорожный, геологоразведочный, исторический, филологический, юридический); 6 научно-исследовательских институтов (математики; региональной экономики Севера; прикладной экологии Севера; Здоровья; Олонхо; НИИ им. А.Е. Кулаковского); 2 колледжа (инфраструктурных технологий; юридический).

Дополнительное образование представлено Институтом развития профессиональных компетенций и квалификаций «Орен», факультетом довузовского образования и профориентации и Домом научной коллаборации им. Н.Г. Соломонова. В организационную структуру СВФУ также входят 115 кафедр (из них 99 выпускающих), 19 научно-образовательных центров (НОЦ), 36 учебно-научных, научных, учебно-научно-технологических лабораторий, студенческий бизнес-инкубатор, учебный офис; университетский лицей, включающий классы: физико-технический, математический и ИТ, химико-технологический, биолого-экологический и лингвистический; Ботанический сад.

В 2021 г. в университете работали 3042 научно-педагогических работника, в том числе 23 иностранных преподавателя (средний возраст — 48 лет). Доля лиц с учеными степенями в общей численности кадров составляет 70,2 %. В СВФУ созданы все условия для гендерного равенства, обеспечения и расширения прав и возможностей женщин. Так, их доля в общем количестве сотрудников университета составляет 66,3 %, в составе руководящих кадров вуза — 56,1 %.

В условиях полиэтнической, поликультурной и полилингвальной среды высшего учебного заведения учатся 18 582 студентов² из 52 российских регионов и 45 зарубежных стран³. Основной контингент представлен доминирующими по численности народами — якутами и русскими. Кроме них в СВФУ обучались 1195 студентов из числа народов, включенных в официальный «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2006). Это эвенки — 695, эвены — 354, долганы — 53, чукчи — 45, юкагиры — 37, эскимосы — 4, чуванцы — 2, коряки — 1, нанайцы — 1, ненцы — 1, ханты — 1⁴.

Численность иностранных студентов СВФУ с учетом региональных филиалов возросла с 4-х чел. в 2010 г. до 744 чел. в 2021 г. Главной страной, из

² По состоянию на 01.10.2021 г. // Официальный сайт СВФУ. О вузе [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/o-vuze/>. Дата обращения: 11.03.2022.

³ *Попова Л.Н., Панина С.В.* Формирование этнокультурного самоопределения личности в образовательной среде // Социология образования. — 2012. — № 8. — С. 86–95.

⁴ *Доклад о достижении Целей устойчивого развития* — 2020. — Якутск, 2021. — С. 27.

которой прибывают на учебу, является Китай; на его долю приходится 325 студентов, что составляет 45,97 % от общего числа иностранного контингента. Также обучаются студенты из Египта, Камеруна, Афганистана, Алжира, Саудовской Аравии, Эфиопии и др. В основном они выбирают технические и инженерные специальности, медицину, экологию, филологию.

Обучение в СВФУ ведется на русском и якутском языках. Также действуют образовательные программы на английском языке: «Стратегический менеджмент» (ФЭИ), «Мониторинг и оценка качества языкового образования» (ИЗФир); «Общая хирургия», «Гистология», «Микробиология» и др. (Медицинский институт). Работает программа двойного дипломирования, например, по программе бакалавриата «Экономика» с Университетом Ниццы — София Антиполис (Франция), «Археология, антропология и этнология Северной и Центральной Азии» с Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева (Казахстан). В настоящее время подготовлен пакет документов по открытию совместных образовательных программ (медицина, педагогическое образование, филология, экономика) с Чанчуньским научно-техническим институтом (КНР).

Образовательные программы СВФУ включают 148 направлений высшего и среднего профессионального образования (346 основных программ бакалавриата, специалитета, магистратуры и среднего профессионального образования)⁵. В 2020/21 учебном году начали реализацию 19 новых основных профессиональных образовательных программ высшего образования. В 2022/23 учебном году планируется ввести новые образовательные программы, уделяющие особое внимание специфике труда в условиях Крайнего Севера: это — сварка в минусовых температурах; арктическое строительство; электромонтаж; промышленная автоматика; реинжиниринг и аддитивное производство; мехатроника и автоматизация; мобильная робототехника; UAV operator (оператор дронов, инженер-дроностроитель).

Следует подчеркнуть, что свыше 50 % реализуемых в университете образовательных программ относятся к программам арктической направленности, по которым на разных уровнях подготовки высшего образования обучается более 60 % студентов. СВФУ — единственный российский вуз Минобрнауки России, ведущий подготовку кадров по всему сегменту алмазопровода, инженеров разных профилей для производства работ в зоне многовековой криолитозоны; единственный на Дальнем Востоке университет, обучающий врачей разных профилей и занимающий третью позицию после МГУ и СПбГУ; один из ведущих центров Дальнего Востока по подготовке кадров для IT-сферы и цифровой экономики.

В настоящее время в университете разрабатываются новые компетенции: технология бурения скважин в условиях вечной мерзлоты; подготовка транспорта к эксплуатации и обеспечение безопасности движения транспорта в арктической зоне; оптимизация инженерных систем в условиях Арктики и Субарктики; туризм в Арктике; компетенции Agroskills, LogisticSkills, командная работа на производстве. С последовательной реализацией комплекса образовательных программ будут решаться вопросы расширения

⁵ Отчет о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2020 год от 19 апреля 2021 г. — С. 32 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/information/>. Дата обращения: 15.02.2022.

профессиональных возможностей местных кадров и их закрепления на республиканском рынке труда, обеспечивая тем самым устойчивое развитие арктических и северных улусов (районов) Якутии, а также материальное и социальное благополучие представителей коренных малочисленных народов Севера.

В СВФУ осуществляется практико-ориентированное обучение, что является одной из важных составляющих качественной подготовки специалистов высокой квалификации. В этом плане СВФУ ведет целенаправленную работу по росту числа долгосрочных договоров с предприятиями соответствующего профиля с целью обязательного прохождения практики студентами университета. В результате количество таких договоров увеличилось с 308 в 2012 г. до 784 в 2020 г.

Базами практической подготовки являются практически все министерства, ведомства и предприятия, научные институты, учреждения образования и здравоохранения Якутии, России и зарубежных стран. По мнению студентов и руководителей от кафедр, лучшими базами производственной практики являются флагманы промышленности — «Газпром», «Роснефть», «Сургутнефтегаз», «Сахатранснефтегаз», «АЛРОСА», «Алмазы Анабара», «Полюс Алдан»; строительной индустрии — «Якутцемент», ОАО «ДСК»; IT-сферы — Технопарк «Якутия», ООО «Майтона», «Ростелеком» — филиал «Сахателеком» и др. Будущие медики проходят практику в Национальном центре медицины, Якутском республиканском онкологическом диспансере, поликлинике № 1, Якутской городской больнице № 3, МУП «Аптеки Якутска»; студенты педагогического профиля — в Якутском индустриально-педагогическом колледже, Высшей школе музыки (институте) им. В.А. Босикова, Управлении образования г. Якутска, Дворце детского творчества, Республиканском центре национальных видов спорта им. В. Манчаары и т.д.

Долгие годы существует традиция привлекать ведущих специалистов-практиков республики для участия в учебных программах, реализуемых базовыми кафедрами и клиническими базами СВФУ. Целью таких программ является совершенствование образовательного процесса и повышение качества практической подготовки студентов. На конец 2020 г. действовали 19 базовых кафедр, в т.ч. на предприятиях — 9, в образовательных организациях — 3, на базе научной организации — 4 (г. Якутск); на предприятиях в гг. Мирном и Анадырь — 3. За отчетный год на базовых кафедрах прошло обучение 1232 студента.

Университет реализует концепцию классического вуза, активно включенного в решение проблем устойчивого развития огромного макрорегиона, включающего Республику Саха (Якутия), Магаданскую область, Чукотский автономный округ, Камчатский край⁶. Это стратегически важный форпост для освоения и развития Арктики: промышленной разработки богатейших минерально-сырьевых ресурсов тундры, тайги, северных морей, развития транспортной, социально-коммунальной и культурно-образовательной инфраструктуры, сохранения и приращения человеческого капитала северо-восточных территорий страны.

⁶ Михайлова Е.И., Савинов В.М. Университет как институт развития региона // Высшее образование в России. — 2016. — № 10 (205). — С. 37–47.

Данная концепция определяет основные направления деятельности СВФУ, это — развитие кадрового потенциала и профессиональных сообществ макрорегиона, системы трансфера знаний и технологий и в целом инновационного пояса Северо-Востока России. Как вуз нового времени он также ориентирован на формирование образовательной экосистемы, где в процессе подготовки специалистов с университетским дипломом им даются не только фундаментальные теоретические знания, но формируются мировоззрение студентов, их отношение к людям и обществу с тем, чтобы у выпускников возникло стремление к новому, желание улучшить и менять среду вокруг себя, создавать продукты, производства, компании и др.⁷

Образовательная деятельность СВФУ направлена на реализацию идеи «университета, включенного в региональное развитие» (Regionally Engaged University), главным образом, путем качественной подготовки нового поколения профессионалов, способных обеспечить устойчивое развитие Севера и Арктики⁸. Как базовый вуз региона университет является активным субъектом кадровой политики Республики Саха (Якутия), одна из задач которой — обеспечение трудоустройства выпускников в соответствии с профилем профессиональной подготовки. Для ее реализации в СВФУ функционируют Центр развития квалификаций (проектный офис), выступающий координатором деятельности по внедрению и развитию элементов Национальной системы квалификаций, и Центр карьеры, ориентированный на оказание содействия в трудоустройстве выпускников и организации временной занятости студентов.

Основными показателями подготовки специалистов являются количество дипломов с отличием и уровень качества аттестационных испытаний, где за последние три года наблюдается стабильная динамика. Так, за 2019/20 учебный год достигнут довольно высокий результат — диплом с отличием получили 20 % выпускников головного вуза. В разрезе учебных подразделений наибольшая доля выпускников, получивших дипломы с отличием, в Институте зарубежной филологии и регионоведения — 67 (41 %), Институте языков и культур народов Северо-Востока РФ — 46 (30 %), филологическом факультете — 39 (26 %); дипломы с отличием о среднем профессиональном образовании в Юридическом колледже — 51 (36 %).

Общий уровень подготовки студентов по направлениям подготовки и специальностям, реализуемым в СВФУ, соответствует требованиям к выпускнику среднего профессионального и высшего учебного заведения. Государственные экзаменационные комиссии отметили высокий уровень подготовки и организации государственных экзаменов, что свидетельствует о четкой, слаженной работе учебных и структурных подразделений университета.

Обратимся непосредственно к важнейшему индикатору эффективности деятельности современного российского вуза — показателю трудоустройства, который демонстрирует достаточно высокую конкурентоспособность

⁷ Ежегодник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова — 2019 // Официальный сайт СВФУ [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.svfu.ru/sotrudniku/warning/pr/%D0%95%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202019.pdf>. Дата обращения: 15.01.2022.

⁸ Доклад о достижении Целей устойчивого развития — 2020. — Якутск, 2021. — С. 3.

Показатели трудоустройства выпускников СВФУ по направлениям высшего и среднего профессионального образования (с филиалами в гг. Нерюнгри, Мирный; очная форма обучения)⁹

Год	Выпуск	Трудоустроены		Из них по специальности		Не трудоустроены	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
2016	2865	1448	50,5	1417	97,9	47	1,6
2017	3210	1820	56,7	1787	98,2	51	1,6
2018	3165	1637	51,7	1597	97,6	27	0,8
2019	3013	1643	54,5	1571	95,6	60	1,99
2020	2809	1437	51,2	1372	95,5	36	1,3
2021	2659	1604	60,3	1554	96,9	30	1,1

выпускников СВФУ на региональном рынке труда (см. табл. 1). Как видно из текущих статданных, с 2016 по 2021 г. в вузе завершили обучение 17 721 чел., из которых трудоустроились 9583 чел. (54,1 %). При этом 9287 выпускников (96,9 % от трудоустроенных) нашли работу по профильной специальности. По другим каналам занятости распределились еще 7881 выпускников (44,5 %), в том числе продолжили обучение 4914 чел. (27,7 %), были призваны в ряды Вооруженных Сил РФ 1814 чел. (10,2%), находились в отпуске по уходу за ребенком 1128 чел. (6,4 %), не работали по семейным обстоятельствам, состоянию здоровья — 25 чел. (0,1 %). Остались нетрудоустроенными 257 чел. (1,45 %).

Распределение трудоустроившихся по отдельным отраслям экономики высвечивает следующую картину: наибольшее число выпускников СВФУ устроилось в учреждения образования — 2359 чел. (24,6 %). Действительно, несмотря на достаточно широкий спектр вакансий в Республике Саха (Якутия, самыми востребованными специалистами остаются учителя начальных классов, математики, физики, информатики, русского языка и литературы, английского языка, физической культуры).

По числу трудоустроивших выпускников СВФУ также выделяется сфера здравоохранения — 1680 чел. (17,5 %). Отметим, что в условиях оптимизации системы здравоохранения потребность в медицинских работниках самых разных специализаций очень высока как в городских, так и в сельских поселениях Якутии; они остаются остро необходимыми не только в арктических, но также и в южных районах республики. Для укрепления кадрового потенциала медицинских учреждений, стимулирования мобильности молодых врачей в Республике Саха (Якутия) работает программа «Земский доктор», предусматривающая единовременную компенсационную выплату в 2 млн руб. и обеспечение жильем. Министерство здравоохранения РС (Я) также будет оплачивать учебу по целевой программе при условии, если студент заключит трудовой договор с медицинской организацией, укомплектованность штата которой составляет менее 60 %.

Лидирующую тройку замыкает сектор промышленности — 555 чел. (5,8 %), во многом благодаря практико-ориентированному обучению и ста-

⁹ Таблица составлена по данным Отчета о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2016–2020 гг. — С. 27.

Трудоустройство выпускников СВФУ по отраслям/сферам экономики¹⁰

Отрасли/сферы экономики	Год					
	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Всего	1448	1820	1637	1643	1437	1598
Образование	287	381	430	469	384	408
Здравоохранение	399	446	200	184	202	249
Промышленность	62	122	102	109	92	68
ЖКХ и энергетика	21	22	23	33	33	44
Строительство	23	30	48	49	61	62
Транспорт	13	14	23	28	25	13
Сельское хозяйство	18	18	18	9	17	20
Культура и искусство	4	11	11	40	21	46
Связь	11	24	58	72	58	45
Другие, в т.ч. ИП, ООО	610	752	724	650	544	643

жировкам студентов в компаниях своих индустриальных партнеров — «АЛРОСА», «Алмазы Анабара», «Иркутская нефтяная компания», «Роснефть», «Колмар», «Газпром» и др. Далее по рекрутингу квалифицированных специалистов с дипломом СВФУ выделяются такие отрасли, как (по убыванию): строительство — 273 чел. (2,9 %), связь — 268 чел. (2,8 %), жилищно-коммунальное хозяйство и энергетика — 176 чел. (1,8 %), культура и искусство — 133 чел. (1,4 %), транспорт — 116 чел. (1,2 %), сельское хозяйство — 100 чел. (1,0 %). Также в 2021 г. 22 выпускника были трудоустроены в научных институтах ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», главным образом, с технической специализацией. Таким образом, наличие университетского диплома обеспечивает почти каждому второму выпускнику — 3923 чел. (40,9 %) трудоустройство в таких отраслях, как государственное управление, муниципальная служба, финансовая деятельность, сферы услуг, торговли, питания, деятельность по обеспечению пожарной безопасности и др., включая работу и в частном секторе экономики.

Вместе с тем имеется проблема нехватки высококвалифицированных кадров на рынке труда и занятости РС (Я), которая имеет отраслевой характер. По нашему мнению, одним из факторов может быть устойчивая гендерная диспропорция в составе выпускников СВФУ. Так, если в общей численности студентов первого курса 55 % приходится на долю девушек, то доля выпускниц университета по гуманитарным и общественным наукам составляет 77,8 %, по медицине — 76,1 %, а по предметным областям STEM (инженерные, технические, математические, биологические и др. науки) — 17,6 %¹¹.

В специфических условиях Севера — низкой плотности населения, удаленности сельских поселений от центра, их труднодоступности вследствие слабого развития транспортной инфраструктуры — нерешенной проблемой

¹⁰ Таблица составлена по данным Отчета о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2016–2020 гг. — С. 29.

¹¹ Доклад о достижении Целей устойчивого развития — 2020. — Якутск, 2021. — С. 33.

Таблица 3

**Распределение выпускников СВФУ
в 2018–2020 гг. и вакантные места
педагогических работников
на 2022/23 учебный год¹²**

Улус (район) Республики Саха (Якутия)	Количе- ство выпуск- ников	Количе- ство вакан- сий
Абыйский	19	8
Аллаиховский	2	14
Анабарский	11	16
Булунский	10	16
Верхнеколымский	5	8
Верхоянский	31	35
Жиганский	17	10
Момский	5	6
Нижнеколымский	2	11
Оймяконский	-	22
Оленекский	16	7
Среднеколымский	15	17
Усть-Янский	16	8
Эвено-Бытантайский	1	8
Итого	154	186

в высшем образовании РС (Я) остается острая нехватка педагогических кадров, главным образом, в сельских малокомплектных школах в отдаленных населенных пунктах. Обратимся к статданным о распределении выпускников СВФУ по 14 из 21 улусов (районов), определенным законом «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» от 10 июля 2003 г. как места компактного расселения эвенков, эвенов, долган, юкагиров и чукчей.

В табл. 3 представлена информация по 13 улусам, входящим в состав Арктической зоны России, а также по Оймяконскому району, имеющему статус территории Крайнего Севера. Итак, в 2018–2020 гг. по местам трудоустройства были распределены 154 выпускни-

ка из арктических улусов Якутии, из них 21 чел. — представители коренных малочисленных народов Севера. Отметим, что в 2020 г. 31 выпускник завершил обучение по договорам о целевой подготовке. Однако, несмотря на все усилия вуза, в 2022/23 учебном году из 1018 предоставленных вакансий педагогических кадров для дошкольных и общеобразовательных организаций арктических и северных улусов республики были заполнены 832 (81,7 %), открыты — 186 (18,3 %). Наибольшее число вакантных мест приходится на Верхоянский и Оймяконский улусы, претендующих на звание «полюса холода»; а также на Анабарский и Булунский улусы, примыкающие к Северному Ледовитому океану.

По сведениям Управления образования улусов (районов) РС (Я), особенно высока потребность в учителях начальных классов, учебных предметах естественного цикла (математика, физика, информатика, биология, химия), русского языка и литературы, иностранных языков, физической культуры и др. При этом еще необходима дополнительная подготовка педагогов, готовых обучать нескольким учебным предметам, что наиболее актуально для ДОУ и СОШ с малочисленным контингентом. Кроме того, не хватает высококвалифицированных кадров социальных педагогов, психологов, логопедов.

Перед педагогической общественностью республики, в том числе и СВФУ, также стоит задача эффективной реализации концепции кочевого образования коренных малочисленных народов Севера с конкретным пла-

¹² Вакантные места педагогических работников на 2022–2023 гг. // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). Министерство образования и науки РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <https://minobrнауки.sakha.gov.ru>. Дата обращения: 21.02.2022.

ном действий, которые бы учитывали особенности образования детей в условиях кочевого или полукочевого образа жизни родителей¹³. В соответствии с международной программой ЮНЕСКО, образование должно быть доступно для всех слоев населения посредством внедрения ИТ-технологий, в т.ч. на основе инновационных технологий дистанционного обучения. В этой связи разрабатываются такие республиканские проекты, как «Кочевой учитель», «Кочевой воспитатель», «Транспорт для кочевой школы», а также межрегиональные проекты по сохранению языков и культур коренных малочисленных народов Севера (например, слеты и фестивали юных оленеводов, «Арктикскилс» в рамках подпрограммы «Дети Арктики»). Они нацелены на выполнение социального заказа населения по созданию сетевого сообщества кочевых и малокомплектных школ Севера России, поскольку именно в таком ракурсе возможно получение оптимального результата.

Следует признать, что действующие программы по привлечению и закреплению молодых специалистов в арктических территориях, сельской местности, труднодоступных населенных пунктах Якутии, предпринимаемые органами власти и управления, муниципальными образованиями, работодателями, учебными заведениями высшего и среднего профессионального образования Республики Саха (Якутия) пока не имеют нужного эффекта. Существующие барьеры в решении этой проблемы усложняются продолжающимся оттоком населения из арктических территорий, непривлекательностью сельских районов, недостаточностью условий и уровня жизни для работы молодежи на селе. Практика убеждает, что дальнейшие меры по поддержке трудоустройства молодых специалистов должны предусматривать не только гарантии единовременной компенсации, размеров заработной платы, приличного жилья и бытовых условий, но также и системное решение вопросов развития сельских поселений, запуск стартапов, социально ориентированных проектов, бизнес-программ, нацеленных на повышение качества жизни сельского населения Якутии.

Приоритетной институциональной миссией СВФУ является интеграция целей и ценностей идеологии устойчивого развития, провозглашенной ООН, в текущую деятельность университета. Так, Программа развития СВФУ на 2021–2030 гг. выделяет три составляющих устойчивости северных территорий: 1) устойчивая экономика как условие формирования жизненного пространства человека на Севере, основа его материального благополучия, комфортности проживания и качества жизни; 2) устойчивая окружающая среда как естественное природное пространство бесконфликтного неразрушительного сосуществования представителей живой и неживой природы; 3) устойчивое общество, совокупность различных социальных групп с разнообразием ценностей и традиций, интересов и потребностей, истории и культуры, совместно проживающих в экстремальных природно-климатических условиях Севера.

Для внедрения модели устойчивого университета важная роль отводится внедрению системы учетов интересов стейкхолдеров, мониторинга участия в проектах по реализации Целей устойчивого развития (ЦУР), а также

¹³ Николаева А.Д. Образование в условиях кочевья (научный обзор) // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. — 2021. — № 2 (22). — С. 5–13.

Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы оцениваете потенциал СВФУ в выполнении социальной миссии по содействию устойчивому развитию северных территорий на ближайшие десять лет?», %¹⁴

Варианты ответов	Внутренние стейкхолдеры (n = 1951)	Внешние стейкхолдеры (n = 248)
Скорее высоко, СВФУ наработал хороший задел, который стоит развивать дальше	46	42
Высоко, у СВФУ есть для этого все необходимые ресурсы	21	26
Сложно определиться, нет четкого представления о том, что будет делать СВФУ в этом направлении	15	17
Затрудняюсь ответить	12	13
Скорее низко, СВФУ стоит сосредоточиться на решении задач развития территории своей локализации	4	2
Оцениваю низко. У СВФУ не получится выйти на решение глобальных проблем развития в связи с отсутствием необходимых для этого ресурсов	2	0

оценкам эффективности взаимодействия. В связи с этим в сентябре 2020 г. СВФУ провел опрос по оценке потенциала университета в выполнении социальной миссии по содействию устойчивому развитию северных территорий на среднесрочную перспективу. В опросе приняли участие 2199 респондентов. Как видно из табл. 4, почти треть стейкхолдеров позитивно относится к возможности реализации миссии СВФУ. Почти половина респондентов высоко оценивают задел в университете, что является веским аргументом для реализации новой программы развития. Вместе с тем 12–14 % респондентов, затруднившиеся ответить, заявляют о новизне и масштабах задач развития, выдвигаемых перед университетом.

Обращение к повестке устойчивого развития северных территорий и более широкой рамке содействия главным целям устойчивого развития является гармоничным развитием самого университета и обеспечивает реализацию начатых проектов в соответствии с глобальными приоритетами развития. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос о социальной миссии университета в макрорегионе (см. табл. 5). Так, 3/4 опрошенных поддерживают миссию СВФУ, что показывает их осведомленность о происходящих изменениях и служит основанием для принятия комплекса управленческих решений по модернизации научно-образовательной, инновационной и организационной деятельности вуза. При этом оценка внешних стейкхолдеров незначительно выше, что сообщает о высоком уровне ожиданий в обществе в связи с внедрением новой программы развития.

Интерес к устойчивому развитию народов Арктики и Севера обусловлен не только географическим расположением СВФУ, но и осознанием ответственности головного вуза республики в преодолении существующего неравенства в области образования, в том числе доступности образовательных услуг для отдельных категорий населения страны. Несмотря на то, что

¹⁴ Савинов В.М. Концепция устойчивого развития как основа современных практик управления образованием // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2021. — № 1 (41). — С. 143.

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что социальная миссия СВФУ заключается в содействии устойчивому развитию северных регионов», %¹⁵

Варианты ответов	Внутренние стейк-холдеры (n = 1951)	Внешние стейк-холдеры (n = 248)
Скорее согласен	41	39
Полностью согласен	33	38
Сложно определить, нет четкого представления о том, что должны делать университеты	12	12
Затрудняюсь ответить	10	10
Скорее не согласен	3	1
Абсолютно не согласен	1	0

данная проблема находит отклик как на государственном, так и на общественном уровнях, все еще не решены вопросы оторванности населения арктических и северных улусов (районов) от образовательных центров Якутии, доступа к достижениям современной науки и культуры.

Одной из первоочередных мер в данном направлении стало создание в 2010 г. ассоциации «Северо-Восточный университетский образовательный округ». В настоящее время ассоциация объединяет 112 образовательных организаций, в том числе СВФУ — 1; средних общеобразовательных школ — 96, из них в Республике Саха (Якутия) — 89 (27 школ повышенного уровня, 46 с углубленным изучением предметов), в регионах Дальневосточного федерального округа — 7 (Магаданская область — 5, Камчатский край — 1, Сахалинская область — 1); СПО — 7; Центры дополнительного образования — 8. В рамках деятельности данной ассоциации организуются вебинары «ВУЗ-школе: профориентационный четверг» и дистанционные профориентационные проекты по актуальным вопросам выбора профессии. В цикле открытых встреч по видеосвязи принимали участие ректор и проректоры СВФУ, успешные выпускники и компании-партнеры вуза. На YouTube-канале появился отдельный плейлист «Педагогическая академия для родителей». Ежегодно проводятся конкурсы «Школа года СВФУ», «Учитель года СВФУ», основным назначением которых является создание дополнительных стимулов к профессиональному совершенствованию учителей средних школ для качественного обучения школьников, мотивированных на поступление в СВФУ.

Традиционно университет организует различные довузовские профориентационные форматы: олимпиады, конкурсы, выставки, научно-практические конференции школьников, фестивали и т.д. Так, в 2019/20 учебном году в интеллектуальных конкурсах приняло участие 23 742 чел., в том числе в Северо-Восточной олимпиаде школьников — 14 565 чел. из 62 регионов и 5 зарубежных стран; олимпиаде из перечня Российского совета олимпиад школьников (РСОШ) — 7407 чел.; Арктической олимпиаде школьников — 602 чел. из 5 регионов России; ИГ (олимпиада для иностранных граждан) — 563 чел.; ВПЛ (олимпиада для выпускников

¹⁵ Там же. — С. 144.

прошлых лет) — 605 чел. из 10 организаций СПО, подготовительного отделения факультета довузовской подготовки и профориентации. Приведем в качестве примера Арктическую олимпиаду школьников, которая была организована с целью создания условий поддержки творчески одаренных детей из арктических районов Российской Федерации по 18 предметам и профилям¹⁶. В 2021 г. она проводилась в дистанционной форме; всего приняли участие 602 школьника из пяти регионов: Архангельской и Мурманской областей, Республики Саха (Якутия), Чукотского и Ямало-Ненецкого автономного округов; дипломантами стали 42 школьника и 9 из них поступили в СВФУ.

С 2015 г. университет проводит олимпиаду среди школьников по родным языкам — якутскому, долганскому, чукотскому, юкагирскому, эвенскому. В 2021 г. СВФУ, в сотрудничестве с другими вузами страны, инициировал федеральную олимпиаду для школьников 8–11-х классов по родным языкам, которую поддержало Министерство просвещения РФ. Так, в 2021–2022 гг. олимпиада пройдет по языку и литературе якутов, юкаги-ров, эвенов, эвенков, татар, башкиров, ненцев и чеченцев. Призеры получают дополнительные баллы при поступлении в вуз и смогут пройти без вступительных экзаменов на программы, где в перечень вступительных испытаний включен, к примеру, якутский, башкирский, татарский или другие языки народов России из списка профилей олимпиады. Для этого необходимо сдать ЕГЭ по русскому языку на 75 баллов и выше. Также дополнительные 2–4 балла могут получить дипломанты олимпиады, поступающие на другие направления и специальности.

Вместе с тем имеются проблемы по набору в СВФУ. Это объясняется тем, что ежегодно, особенно в последнее время, число выпускников средних школ не достигает 9 тыс. чел. и такая ситуация прогнозируется в ближайшие годы. Сохраняется низкий уровень образовательного потенциала абитуриентов. Так, средний балл ЕГЭ выпускников СОШ РС (Я) ниже средних показателей по стране практически по всем школьным дисциплинам. Главным образом это связывается с такими факторами, как: а) неуккомплектованность сельских школ, преимущественно в отдаленных территориях, учителями-предметниками (физика, химия, математика, английский язык и др.); б) ограниченный уровень профессиональных компетенций учителей средних школ по работе с учениками с повышенными образовательными потребностями; в) снижение числа детей, желающих участвовать в интеллектуальных конкурсах ввиду отсутствия должной подготовки к ним.

Среди причин отметим и недостаточную разработанность университетской концепции маркетинговых коммуникаций для продвижения бренда СВФУ и, как следствие, слабое информирование населения о его достижениях и преимуществах, что приводит к выбору конкурентоспособными абитуриентами Якутии других вузов России. Кроме того, заметно укрепился тренд выбора выпускниками основной школы для продолжения обучения в учебных заведениях СПО. Увеличение количества мест в учебных заведениях СПО, а также решение Министерства просвещения РФ об отме-

¹⁶ Отчет о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2020 год от 19 апреля 2021 г. — С. 16–17 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/information/>. Дата обращения: 15.02.2022.

Зачисление на программы бакалавриата и специалитета в 2020 г.¹⁷

Учебное заведение	Очная форма							Очно-заочная форма		Заочная форма				
	Без вступительных испытаний	Особые права	Целевые	Общий конкурс	Коммерческие	Квота РФ	ИТОГО	Общий конкурс	ИТОГО	Особые права	Целевые	Общий конкурс	Коммерческие	ИТОГО
ВСЕГО	26	106	339	1900	406	6	2783	50	50	7	12	432	422	873
Головной вуз	26	94	328	1635	406	6	2495	50	50	5	12	377	322	716
Филиалы	0	12	11	265	0	0	288	0	0	2	0	55	100	157

не ОГЭ и о необязательности ЕГЭ по предметам по выбору привело к сокращению количества слушателей подготовительных курсов.

Несмотря на все трудности, СВФУ выполняет план набора: по результатам приемной кампании 2020/21 учебного года около 10 000 абитуриентов подали документы для поступления на все уровни образования — программы среднего профессионального образования, бакалавриата, специалитета, магистратуры, аспирантуры и ординатуры. Прием на обучение по программам СПО проводился в двух колледжах — юридическом и инфраструктурных технологий, в Медицинском институте и ФЭИ.

Всего по итогам приемной кампании 2020 г. зачислено 573 абитуриента. В СВФУ (включая филиалы) на обучение по программам бакалавриата и специалитета зачислено: по очной форме — 2783 абитуриента, по очно-заочной — 20, по заочной — 873. На бюджетные места по общему конкурсу зачислено 2382 чел., на коммерческие места — 828 чел. (см. табл. 6).

Средний балл ЕГЭ абитуриентов, поступивших по общему конкурсу, составил 64,68, с учетом поступивших без вступительных испытаний — 65,63. Из числа абитуриентов, набравших 100 баллов по ЕГЭ, зачислены 13 чел., в т.ч. 1 по двум предметам. Без вступительных испытаний зачислены 26 студентов — победители и призеры всероссийских олимпиад и олимпиад из перечня РСОШ. На первый курс было зачислено 490 абитуриентов, поступивших на места в рамках особой и целевой квот.

Прием на обучение по программам магистратуры проводился в головном вузе. Всего по очной форме зачислено 659 чел., по очно-заочной — 54, по заочной — 244 чел.; на бюджетные места по общему конкурсу — 711, на коммерческие места — 222 чел.; по целевой квоте — 20 чел. (14 на очную форму обучения, 1 на заочную, 5 на очно-заочную).

По программам научно-педагогических кадров в аспирантуре было принято 89 чел., в т.ч. 48 на бюджетные места по общему конкурсу (очная форма обучения); на коммерческие места по очной форме — 14, по заоч-

¹⁷ Отчет о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2020 год от 19 апреля 2021 г. — С. 28 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/information/>. Дата обращения: 15.02.2022.

Таблица 7

Зачисленные в 2021/22 учебном году (головной вуз)

Уровень	Всего	Из них РС (Я)	Из них		Из них из другого региона РФ	Из них из зару- бежных стран
			г. Якутск	район/улус РС (Я)		
Бакалавриат	2585	2481	753	1728	19	85
Специалитет	718	660	193	467	7	51
СПО	629	628	175	453	0	1
Магистратура	889	800	366	434	16	73
Всего	4821	4569	1487	3082	42	210

ной — 19 чел. На очное обучение по программам подготовки кадров высшей квалификации в ординатуре зачислены 184 чел., в т.ч. 77 — на бюджетные места по общему конкурсу, 17 — на коммерческие места. По итогам приемной кампании 2020 г. из зачисленных 4821 первокурсника г. Якутск представляют 1487 чел., улусы (районы) Якутии — 3082 чел. (см. табл. 7).

Важнейшей миссией СВФУ является развитие человеческого капитала Северо-Востока России, основу которой составляет идея сохранения и возрождения коренных малочисленных народов Севера, которые «... являются создателями и хранителями уникальной человеческой культуры и составляют важную часть современной мировой цивилизации. На протяжении многих веков они осваивали арктические ландшафты, адаптировались к экстремальным природно-климатическим условиям в условиях вечной мерзлоты, развивали свою самобытную культуру и жили в гармонии с природой, не нарушая и сохраняя экологию ранимой северной природы»¹⁸. Университет полностью разделяет современную арктическую повестку, включающую в себя вопросы «роли, функций и задач региональных властей, науки и образования, бизнеса, общественных организаций в поддержке устойчивого развития»¹⁹.

В аспекте подготовки высококвалифицированных специалистов из числа коренных малочисленных народов Севера приоритетные направления деятельности СВФУ во многом обусловлены образовательной политикой РС (Я), направленной на «обеспечение права обучения и воспитания детей на родном языке; освоение подрастающим поколением национальной культуры, духовности родного народа, обогащение его культурой народов совместного проживания, приобщение к ценностям мировой культуры; подготовка к жизни и труду с учетом традиционного уклада, трудовых традиций народа и требований, возникающих при переходе к новым экономическим отношениям; особый подход к определению содержания и форм обучения в школах малочисленных коренных народов Севера»²⁰.

¹⁸ *Исследование проблем культуры и искусства, сохранение и возрождение языков и культуры народов Арктики и Субарктики* // Официальный сайт СВФУ [Электронный ресурс]. — URL: <http://sever.s-vfu.ru/quality/cultpotential>. Дата обращения: 12.02.2022.

¹⁹ *О Северном форуме по устойчивому развитию: Устойчивое развитие — ключевая проблема современности* [Электронный ресурс]. — URL: <https://nsdf.ru/about/>. Дата обращения: 12.02.2022.

²⁰ *Слепцова Г.Н.* Формирование межкультурной компетентности бакалавров-педагогов средствами иностранного языка (на примере Республики Саха (Якутия)). Дис. ... канд. пед. наук. — Якутск, 2015. — С. 48.

В целях сохранения и развития языка и культуры коренных малочисленных народов Севера, поддержки их традиционного образа жизни в Институте языков и культуры народов Северо-Востока РФ организована подготовка учителей с классическим гуманитарным образованием. Здесь обучают будущих учителей эвенского, эвенкийского, юкагирского, чукотского языков и литературы; культурного наследия коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Системно проводятся курсы повышения квалификации учителей национальных школ по родному языку, истории и культуре, подготовлены учебно-методические комплексы для учащихся и учителей. Кроме того, организуются выездные курсы повышения квалификации учителей непосредственно в местах компактного проживания северян, где функционируют национальные школы.

В Педагогическом институте готовят кадры для дошкольного и начального образования в основной малокомплектной и кочевой школе Севера. Так, в 2021/22 учебном году по программе бакалавриата (очная форма) обучается 631 студент, из них: якуты (саха) — 567, эвенки — 24, русские — 21, эвены — 13, киргизы — 2, белорус — 1, долган — 1, таджик — 1 и украинец — 1. Многоуровневые образовательные программы включают в себя изучение родных языков и литературы коренных народов (якутский, эвенский, эвенкийский), различные методики их преподавания с учетом рационального сочетания федерального и национально-регионального компонентов в учебно-воспитательном процессе в начальной (1–4 классы) и основной (5–9 классы) ступени среднего школьного образования. Комплексная подготовка студентов к работе в отдаленных улусах и наслегах Якутии также предусматривает овладение ими широких этнокультурных компетенций, что обеспечивается учетом в учебно-педагогическом цикле физико-географических, природно-климатических, экономических, исторических, этнографических и иных особенностей северных территорий республики.

На базе «Лаборатории проблем сельской малокомплектной школы» и «Учебно-научной лаборатории этнокультурного образования» ведутся тематические экспериментальные исследования в 17 сельских школах Якутии; изучается опыт учебно-методического обеспечения 13 кочевых школ республики. Научно-исследовательская работа сотрудников и аспирантов, педагогическая практика студентов-педагогов ориентирована на изучение и претворение в практику педагогического потенциала традиционного воспитания детей Севера, этнокультурных традиций коренных народов в учебно-образовательный процесс для школьников-северян в условиях кочевого лагеря, кочевой школы и др. Сегодня многие выпускники СВФУ продолжают обучение в аспирантуре, работают в национальных гимназиях г. Якутска, являются руководителями и учителями образовательных организаций республики, преподавателями СВФУ²¹.

Миссия СВФУ по сохранению и развитию культурного и языкового многообразия в Республике Саха (Якутия) включает в себя образовательную, научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность. В настоящее время сформирован портфель адекватных вызовам со-

²¹ Шергина Т.А., Бугаева А.П., Кожурова А.А. Этнокультурное воспитание младших школьников в условиях Арктики: монография. — Якутск: изд. дом СВФУ, 2021. — С. 123–124.

временности проектов, программ и технологий, позволяющих результативно влиять на современный социально-культурный ландшафт республики. При этом значимой их частью является учет интересов, ценностных установок и жизненных перспектив студенческого сообщества.

Например, экспресс-опрос студентов 1–3-х курсов и магистрантов-первокурсников ($n = 321$, ноябрь 2021 г.) Института математики и информатики, Педагогического института, Института зарубежной филологии и регионоведения, Института якутской филологии и культуры народов Северо-Востока РФ, Филологического факультета обнаружил довольно высокую потребность молодых людей в знании и применении в учебно-воспитательном процессе в вузе культурных традиций народов Якутии (49 % респондентов — полностью и 40 % — частично одобряют; 2 % считают, что необходимо что-либо другое, но не пояснили что; 9 % считают, что в этом нет необходимости).

Распределение ответов на вопрос: «К какой группе прежде всего Вы себя причисляете?» выявило иерархию разделяемых студентами идентичностей, среди которых доминируют этническая (52 %) и гражданская («россиянин» — 31 %) идентичности; наименее востребованы региональная («житель Республики Саха (Якутия)» — 7,5 %) и религиозная («христианин» — 1,2 %) идентичности. Также была установлена высокая ценность национальных праздников (73 %), кухни (63 %), традиционных хозяйств (48 %) и т.д. В целом по итогам опроса можно сделать вывод, что молодых людей волнует как настоящее, так и будущее культуры и традиций народов Якутии; они имеют важное значение для них как ресурс противостояния процессам глобализации и культурной унификации.

Помимо профессиональной подготовки специалистов, важным направлением деятельности СВФУ является воспитание личности, готовой к жизни в современном многополярном, мультикультурном, поликонфессиональном и полилингвальном мире, что возможно лишь при условии «освоения традиционного опыта, культурного наследия этносов»²². Формирование этнокультурной компетенции студентов разных специализаций процесс многоступенчатый и рассматривает изучение многих учебных дисциплин и дополнительных образовательных программ в разветвленной системе. Так, региональный и этнокультурный компонент в обучении будущих специалистов в СВФУ обеспечивается рядом дисциплин предметного и профессионального блоков: история Якутии, регионоведение, краеведение, диалог культур, этнопедагогика, литература народов Севера и др., а также учебных практик: музейной, фольклорной, археологической, языковой и т.д.

Работа Центра многоязычия и других структурных подразделений СВФУ нацелена на развитие билингвистического образования. В образовательных программах гуманитарного профиля предусмотрено изучение русского и якутского языков, языков малочисленных народов Севера (юкагирский, эвенский, эвенкийский), а также таких языков, как английский, немецкий, французский, китайский, корейский, японский. В последнее время в вузовскую практику входит организация специализированных языковых школ, например, курсы русского языка для мигрантов и обучающихся из

²² Борисов М.Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки). — Рыбинск, 1995. — С. 199.

зарубежных стран, а также участие в работе языковых школ за рубежом. На Филологическом факультете с 2012 г. функционирует кафедра «Русский язык как иностранный», где студенты из 11 зарубежных стран обучаются не только русскому языку, но и знакомятся с многообразной культурой многонационального народа Республики Саха (Якутия). Здесь также ведется взаимосвязанное преподавание русской, якутской и зарубежной литературы. Институт зарубежной филологии и регионоведения проводит обучение на английском языке и готовит специалистов, способных принять участие в активном трансфере знаний, технологий и кадров в области языка, коммуникации, прав человека и др. в северных регионах мира и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В Педагогическом институте особое внимание уделяется расширению спектра технологий культурологической педагогики, в частности это — продуктивная технология «Сатабыл», педагогика Олонхо, музейная педагогика и др., основанные на народных традициях воспитания детей и молодежи. В контекст академической подготовки, дополнительного образования и научной деятельности студентов также включено изучение и распространение передового опыта этнокультурного образования, накопленного в региональных образовательных организациях Республики Саха (Якутия).

Важную роль в формировании этнокультурной компетенции студентов играют молодежные объединения СВФУ — интеллектуальные клубы, научно-инновационные инкубаторы, учебно-проектные группы, малые инновационные предприятия, студенческие музеи этнической культуры с виртуальным аналогом, театры, художественные галереи, творческие объединения, студии, кружки, молодежный сетевой университет «Наша Арктика» и т.д. Богатым потенциалом в воспитании у современной молодежи таких качеств, как патриотизм и ответственность, обладает волонтерское, добровольческое движение студентов СВФУ, реализуемое через благотворительность, безвозмездный труд и профессиональную помощь окружающим.

Большую значимость для социально-экономического развития Якутии имеют университетские проекты, реализуемые в рамках научно-образовательного центра «Север — территория устойчивого развития», созданного в 2019 г. Указом Главы РС (Я) от 16 сентября 2019 г. Активное участие в деятельности данного НОЦ дает широкие возможности для развития СВФУ в формате «большого университета» — консорциума образовательных и научных организаций Республики Саха (Якутия), Чукотского автономного округа, Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей. Социально значимыми являются такие направления научно-исследовательской и экспертной деятельности СВФУ, как создание цифровых информационных продуктов, аккумулирующих текстовый, аудио-, фото- и видеоконтент по языкам и культурному наследию коренных народов Северо-Востока России. Это предполагает исследование трансформаций культурных текстов, реституций жанров фольклора; систематизацию и архивацию локальных текстов культуры; составление системного каталога акустической базы языков народов Севера, лингвистического паспорта коренных народов Северо-Востока России, этноэнциклопедии чукотской культуры и др. НИИ Олонхо реализует проекты, нацеленные на внедрение в образовательный процесс научно-информационной системы по сохранению и распространению героических эпосов народов

Евразии, в т.ч. якутского олонхо, признанного ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального наследия человечества.

СВФУ вносит свой вклад в реализацию идеи языкового и культурного разнообразия глобального киберпространства и в развитие плюралистического информационного общества в целом. Так, в рамках программы ЮНЕСКО «Информация для всех» создаются различные мультимедийные культурно-образовательные объекты. Например, разработан Арктический многоязычный портал (www.arctic-megapedia.ru), на котором представлена информация о языке и культуре коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, о разнообразных мероприятиях по сохранению и развитию языкового и культурного многообразия в Республике Саха (Якутия). Созданы и функционируют образовательный онлайн-ресурс по языкам коренных народов Арктики; телеканал и специализированный сайт «Олонхо»; электронные библиотеки, обеспечивающие равный доступ к качественной информации, свободу выражения мнений и формирующие уважительное отношение к культурному и языковому разнообразию современного мира.

Кафедра ЮНЕСКО СВФУ реализует международные проекты в области адаптации человека и общества в условиях меняющейся Арктики. Междисциплинарные исследования проводятся в различных аспектах: это — законодательство, предпочтения, рынок труда, экология, медицина, формирование креативных кластеров, развитие туризма, качество жизни и социально-психологическая работа с незащищенными и малоконкурентными группами населения и др. Внедрение их результатов предполагает элиминирование неравенства коренных народов и местных общин арктических регионов мира в процессе глобализации и изменения мирового климата.

Диапазон научных проектов СВФУ в области устойчивого развития Северо-Востока России также включает исследования по минимизации рисков возникновения социальной напряженности в районах интенсивного промышленного освоения; разработку универсальных критериев проведения этнологической экспертизы и этнокультурного мониторинга; создание базы данных и серии карт по оценке этнокультурной устойчивости коренных малочисленных народов Севера, геоинформационной справочной системы по территориям традиционного природопользования коренных народов Якутии. Университет является инициатором такого пионерного проекта в России, как «Новые арктические поселения» в Арктике и Субарктике. Он нацелен на создание новых технологий по повышению безопасности общественных зданий и сооружений, разработку новых подходов в проектировании и строительстве с учетом критериев энерго- и ресурсосбережения северного градостроительства²³. Также ведутся кросснаучные исследования жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры населенных пунктов Чукотского автономного округа с целью внедрения инновационных моделей функционирования ЖКХ — эффективного управления, использования и эксплуатации систем обеспечения жилых зданий теплом, водой, электроэнергией и другими элементами современного быта, отвечающих международным стандартам.

²³ Доклад о достижении Целей устойчивого развития — 2020. — Якутск, 2021. — С. 17.

Приведенные и другие примеры демонстрируют возможности СВФУ как высшего учебного заведения и научно-исследовательского центра России оперативно реагировать на самые разные вызовы современности и отвечать на них, получая поддержку со стороны многих социальных групп общества. Не случайно усилия и достижения северного федерального университета отмечены признанием национального и международного профессионального сообщества. Так, в 2020 г. СВФУ вошел в рейтинг влияния университетов на устойчивое развитие (The University Impact Ranking) британского издания в области образования Times Higher Education. Университет подавал данные по 10 целям в области устойчивого развития, из которых три были отмечены как лучшие показатели образовательных организаций: цель 1 — ликвидация нищеты, цель 5 — гендерное равенство, цель 10 — сокращение неравенства²⁴.

Действительно, СВФУ стремится усилить свои позиции в конкурентной среде на внутреннем и зарубежном образовательных рынках за счет развития инклюзивного образования и сокращения социального неравенства. Например, в вузе работает постоянная комиссия по работе со студентами с особыми образовательными потребностями, действует Лаборатория по методическому сопровождению учебного процесса студентов с проблемами слуха. В 2013 г. был создан Северо-Восточный научно-инновационный центр развития инклюзивного образования, оснащенный современным оборудованием.

В настоящее время в СВФУ учатся по программе бакалавриата (очная форма) 123 студента, из них с нарушениями зрения — 26 и слуха — 13, с проблемами опорно-двигательного аппарата — 25, с другими нарушениями — 42; на заочной форме обучающихся 17 студентов: с нарушениями зрения — 4, слуха — 3, с проблемами опорно-двигательного аппарата — 3, с другими нарушениями — 7²⁵. Университет уделяет большое внимание поддержке студентов-сирот: в 2020 г. училось 363, в 2021 г. — 366. Наибольшее количество студентов-сирот из г. Якутска — 101 чел., Мегино-Кангаласского — 24, Сунтарского — 19, Усть-Алданского и Нюрбинского — по 18, Чурапчинского улусов — 17 чел.

В заключение можно сказать, что в настоящее время СВФУ им. М.К. Аммосова сложился как многоуровневый и многопрофильный учебно-образовательный, научно-исследовательский, экспертно-аналитический, инновационный, социально-культурный центр Арктического макрорегиона, имеющий высокоэффективные коллективы преподавателей, исследователей и специалистов. Анализ многообразной деятельности университета с учетом его возросшей социально-институциональной роли показывает положительную динамику в достижении поставленных перед ним задач, это:

- подготовка высококвалифицированных и конкурентоспособных специалистов для устойчивого социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) и арктических регионов Российской Федерации;
- расширение услуг дополнительного профессионального образования, отвечающих индивидуальным потребностям людей и запросам общества;

²⁴ Отчет о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2020 год от 19 апреля 2021 г. — С. 7 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.svf.ru/universitet/information/>. Дата обращения: 15.02.2022.

²⁵ Там же.

— разработка и внедрение инновационных, гибридных и креативных ИТ-технологий с целью повышения уровня, условий и качества жизни человека на циркумполярных территориях с экстремальными условиями проживания;

— содействие нивелированию существующего неравенства в доступе к высшему образованию для различных категорий населения;

— продвижение системы «образования через всю жизнь», ориентированной на «формирование готовности личности обучающегося к профессиональному и социальному самопроектированию»²⁶;

— стимулирование научно-образовательной и творческой активности детей и молодежи, развитие их интеллектуального потенциала с целью повышения качества человеческого капитала Арктики;

— вклад в установление гармоничных межэтнических коммуникаций в поликультурном и мультилингвальном российском обществе;

— рост авторитета и влияния федерального университета на развитие Арктического региона во всех сферах жизни общества и государства.

Несмотря на положительную динамику основных показателей деятельности, СВФУ предстоит последовательно решать многие проблемы, связанные с меняющимися реалиями жизни в стране и республике. Прежде всего, это рост стоимости коммерческого обучения, что усиливает миграцию выпускников средних школ Якутии, студентов университета в центральные вузы и учебные заведения других регионов России. Также не стираются различия в качестве базового образования сельских и городских школьников, абитуриентов из разных улусов (районов), что существенным образом влияет на результаты ЕГЭ и вступительных испытаний в СВФУ и, соответственно, на рост диспропорций в кадровом составе отдельных административно-территориальных образований РС (Я). В этом плане предстоит решать вопрос о расширении программы довузовской подготовки потенциальных абитуриентов, что существенным образом поможет последним реализовать фундаментальное право человека на образование.

²⁶ Залуцкая С.Ю. Роль русской филологии в духовном воспитании молодежи Якутии // Общество: социология, психология, педагогика. — 2019. — № 5. — С. 70.

РАЗДЕЛ IV

ЭТНИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ГЛАВА 4.1

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ

В настоящей главе постулируется тезис, согласно которому в транзитивном российском обществе, переживающем новые тренды современности, происходит расширение социального неравенства; его наложение на этнические особенности общества может углубить существующие в нем противоречия и вызывать конфликты.

В научной литературе вопросы влияния социально-экономического положения человека на формирование его взглядов стали рассматриваться, главным образом, в рамках марксистской идеологии и теории борьбы классов, согласно которой за любым этническим конфликтом стоят интересы социальных классов. Развитие этой идеи И. Валлерстайном и Э. Балибаром в рамках неомарксистской теории привело к созданию концепции о сущности расы, нации и класса как проявлений осевого разделения труда. К причинам появления и последовательности выделения этих трех категорий они относят структурные изменения мировой экономики — территориальное расширение капиталистического способа производства, вовлечение в него стран и народов, находящихся на разных уровнях социально-экономического развития¹.

Вышеуказанная категоризация позволяет выполнять «три важные функции»: рекрутировать работников на наименее выгодные позиции за минимальную плату. Воспроизводить социальные сообщества, в которых дети изначально понимают ограниченность набора своих будущих социальных ролей и статусов. Третья функция заключается в оправдании социального неравенства, не связанного с личными заслугами человека. Расизм позволяет «структурировать» рабочую силу, легитимирует низкую оплату труда определенным категориям работников². По мнению И. Валлерстайна и Э. Балибара, ксенофобские настроения являются проявлением неорасизма, направленного на рабочий класс, иными словами, своего рода расизацией социальных групп.

Неомарксистская теория критикуется за то, что расизм и «этнизм» рассматриваются как вторичные явления, зависимые от капиталистических производственных отношений. Мы считаем, что это не является поводом к игнорированию важных выводов о влиянии экономики на этничность. Если этничность как явление и формируется в результате влияния многих

¹ Валлерстайн И., Балибар Э. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. — М., 2003. — С. 85–102.

² Солодова Г.С. Иммануэль Валлерстайн о категориях расы, нации и этнической группы // Сибирский философский журнал. — 2018. — Т. 16, № 1. — С. 130.

факторов, в т.ч. экономических, тем не менее объективно она уже стала частью общественных процессов, которые оказывают самостоятельное влияние на формирование сложной социокультурной картины современного мира.

В указанном контексте представим кейс Республики Саха (Якутия) и рассмотрим более подробно влияние социально-экономических отношений в обществе на развитие этносоциальных процессов и межнациональной обстановки. Как известно, Якутия, как и азиатская часть страны в целом, втягивались в орбиту русской государственности через систему ее управления и экономики. В этом плане в России сложилась несколько специфическая картина, важные характеристики которой были сформированы как в дореволюционное (включенность в капиталистическую мир-экономику), так и в советское (условно выключенное из капиталистической мир-экономики) время. Не углубляясь в эту тему, скажем лишь, что в дореволюционное время система взаимоотношений с этническими группами на местах выстраивалась как масштабирование центром модели власти национальной буржуазии, где на фоне существующей этнической иерархии в стране, на местах устанавливалось доминирование этнических элит, которые частично кооптировались в существующую властную вертикаль. В советское время произошел процесс гиперкомпенсации, когда этнические группы (меньшинства) в рамках «своих республик» получили дополнительные возможности для развития (например, политика коренизации). Таким образом, в разные периоды истории страны так или иначе создавались ситуации неравенства, которые позволяли людям осознавать этнические различия.

В вышеуказанном русле происходило формирование специфичного этносоциального облика современной Республики Саха (Якутия) — национально-территориального образования в составе Российской Федерации, обладающего статусом республики (государства). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность жителей Якутии составила 958,5 тыс. чел. Кроме доминирующих по численности якутов (48,7 %) и русских (36,9 %) здесь проживают коренные малочисленные народы Севера (4,2 %), а также представители более ста народов России и зарубежных стран (7,8 %).

Следует отметить пространственную стабильность якутов (саха), являющихся одним из крупных по численности народов Сибири. Согласно последней переписи населения, в границах своей республики проживают 97,6 % якутов. Аналогичный показатель у исторически более мобильных представителей коренных малочисленных народов Севера, проживающих в 21 улусе (районе) республики, законодательно отнесенным к местам их традиционного проживания, составляет 77,5 %.

К особенностям этносоциальной ситуации относится разнообразие этнических границ, пронизывающих социальное пространство Республики Саха (Якутия). Самым зримым из них является исторически сложившееся расселение этнических групп республики. Жители сельской местности, как правило, это представители коренного населения — якуты (саха) и малочисленные народы Севера. Русские и представители иных национальностей проживают в основном в городах и рабочих поселках.

Важное значение имеет существующее в течение длительного времени разделение труда между основными этническими группами республики. Так, для якутов характерна более высокая доля специалистов и руководителей (и в городе, и в селе), а также работников, занятых в сферах управления, просвещения, здравоохранения, науки, культуры и искусства. Русские же всегда отличались высоким удельным весом квалифицированных рабочих, прежде всего, в промышленности. В 1990-е годы XX в., после развала Советского Союза, имевшиеся в сфере приложения труда границы отчетливо проецировались через миграционный отток русского населения, составившего большую часть уезжающих из Якутии вследствие спада промышленного производства и потери рабочих мест.

Нужно упомянуть и то, что этнические границы проявляются в репродуктивном поведении городского и сельского населения Якутии. Фактически, по общему коэффициенту рождаемости Республика Саха находится в первой десятке субъектов Российской Федерации во многом за счет репродуктивного контингента сельских жителей, большинство которых составляют якуты (саха) и коренные малочисленные народы Севера³.

Таким образом, на тесную взаимосвязь этнического и социального указывают многие этносоциальные явления прошлого и современности. Вместе с тем системная трансформация социальной действительности создает новые предпосылки для еще большей стратификации регионального сообщества. При этом особое внимание надо обратить на динамичные изменения социальной сферы, являющейся основой развития человеческого капитала.

В указанном контексте актуализируется вопрос: какой бэкграунд, определяющий социально-экономическое положение этносоциальных групп, имеется сейчас в Республике Саха? Начать следует с того, что Якутия, как и другие неотъемлемые части России, испытывает на себе действие всех решений, принятых в рамках политического и экономического курса, выбранного сегодняшним руководством страны. Как известно, различные реформы, происходящие в стране с начала 1990-х годов, характеризуются постепенным сокращением социальных функций государства, что непосредственно сказывается на жизни ее населения.

Ускорение процессов в социальной сфере произошло после мирового экономического кризиса 2008 г. и сопутствующего ему резкого падения цен на энергоносители. В 2010 г., когда был принят федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», началась реформа здравоохранения, целью которой стала оптимизация расходов путем закрытия неэффективных больниц и расширения высокотехнологичных медицинских учреждений. В целом в стране она привела к уменьшению количества больниц в 2 раза, поликлиник — почти на 13 %, к сокращению большого числа медицинских работников⁴. Несмотря на то, что Правительство РФ публично признало данную реформу провальной, процесс «оптимизации» в сфере здравоохранения продолжается и в настоящее

³ Мостахова Т.С. Региональная специфика воспроизводства населения северного региона и приоритеты демографической политики // Региональная экономика: теория и практика. — 2017. — Т. 15, № 4. — С. 785.

⁴ Савченко П.В., Федорова М.Н. Социальные аспекты устойчивого и динамичного развития российской экономики // Вестник института экономики РАН. — 2020. — № 3. — С. 106.

время. В частности, по данным Счетной палаты РФ, в 2017–2019 гг. численность врачей сократилась на 1 %, соответственно, среднего и младшего медицинского персонала — на 2,4 и 32,3 %⁵. При этом по состоянию на 1 января 2019 г. из 116 865 зданий, в которых оказывается медицинская помощь, 14 % зданий находится в аварийном состоянии, в 30,5 % — отсутствует водопровод, в 52,1 % — горячее водоснабжение, в 41,1 % — центральное отопление, в 35 % — канализация, в 47 % — не обеспечивается доступность для инвалидов и других маломобильных групп населения⁶.

В Республике Саха (Якутия) количество больниц сократилось с 343 ед. в 2000 г. до 287 ед. в 2005 г. С 2006 г. учет стал вестись по юридическим лицам, не включая число медицинских учреждений, являющихся структурными подразделениями ЦРБ (районные больницы и т.д.), что не дает в полной мере оценить масштабы происходящих сокращений, в частности, о количестве амбулаторно-поликлинических организаций. С 2000 г. число больничных организаций сократилось до 65 ед. в 2010 г. В этот же период число коек в больничных организациях сократилось с 14 609 до 11 007 ед. В 2017 г. данный показатель составил уже 9519 ед. при сокращении числа больничных организаций до 63⁷. Число фельдшерско-акушерских пунктов сократилось с 255 ед. в 2000 г. до 207 ед. в 2017 г.⁸

Однако об эффективности реформаторской деятельности можно судить по уровню заболеваемости населения Якутии, который демонстрирует существенный рост по целому ряду заболеваний из основных классов болезней (см. табл. 1). Особенно возросли показатели заболеваемости от злокачественных новообразований, непосредственно связанных с социально-демографическим индексом. При этом одним из наиболее важных факторов, сказывающихся на состоянии здоровья людей в стране, является доступность медицинских услуг⁹.

Счетная палата РФ указывает на то, что при планировании численности врачей необходимо учитывать значительную протяженность страны, относительно низкую плотность населения и высокий уровень заболеваемости людей, который формирует высокую потребность в медицинской помощи, прежде всего врачебной. Однако на местах происходит дальнейшая оптимизация.

Как указывают исследователи Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) в условиях российских регионов, где низкая плотность населения, неравномерность заселения территории, неразвитая сеть дорог, огромные расстояния и пр., страховая модель (принцип «деньги следуют за больным») ведет к тому, что лечебным заведениям не хватает денег, связанных с обращаемостью больных. В первую очередь это касается учреждений

⁵ *Бюллетень* Счетной палаты РФ. Здравоохранение. — 2020. — № 2 (267) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/84e/84ed13237c0fe2b0dae052063e371cfe.pdf>. Дата обращения: 29.06.2020.

⁶ Там же.

⁷ *Здравоохранение* в Республике Саха (Якутия): статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 91.

⁸ Там же. — С. 95.

⁹ Карпикова И.С. Качество и доступность медицинских услуг: мнение населения и специалистов сферы здравоохранения // Социологические исследования. — 2015. — № 6. — С. 53–57.

Заболееваемость населения Республики Саха (Якутия) по основным классам болезней в 2000–2015 гг.

Болезни	2000	2015	Рост, %
	Случаев, на 1000 населения		
Системы кровообращения	12,7	25,9	103,93
Органов дыхания	354,4	500,3	41,16
Органов пищеварения	37,2	78,6	111,29
Новообразования	4,9	12,2	148,97
Нервной системы	16,9	28,7	69,82
Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	84,4	105,2	24,64
Болезни уха и его сосцевидного отростка	17,8	25,6	43,82
Болезни крови и кроветворных органов	55,5	47,9	-13,7
Болезни кожи и подкожной клетчатки	45,6	55,4	21,49
Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани	22,9	26,9	17,46
Болезни мочеполовой системы	35,8	49,6	38,54
Некоторые инфекционные и паразитарные	44,3	26,9	-39,28
Психические расстройства и расстройства поведения	93,9	46,9	-50,06

Составлена по: *Здравоохранение в Республике Саха (Якутия): статистический сборник.* — Якутск, 2018. — С. 32.

в населенных пунктах, где мало людей, — небольших городов и в сельской местности. В результате хронического недофинансирования такие больницы и поликлиники теряют ставки врачей-специалистов, ликвидируются или объединяются с более крупными¹⁰.

В Якутии широкий резонанс получило постановление Правительства РС (Я) «О стандартах структуры и параметров минимальной сети объектов социальной инфраструктуры в Республике Саха (Якутия)» от 25 июня 2018 г., в соответствии с которым осуществлялась оптимизация рабочих мест в бюджетной сфере. Вместе с тем, несмотря на отмену данного постановления 22 мая 2019 г., Глава РС (Я) А.С. Николаев счел нужным подчеркнуть, что «политика по уменьшению количества ненужных бюджетных учреждений и управленческого персонала в бюджетной сфере будет сохранена». В Государственном Собрании (Ил Тумэн) РС (Я) 11 ноября 2019 г. прошел Круглый Стол на тему «Об упорядочении сети учреждений здравоохранения Республики Саха (Якутия)», где было заявлено, что в 2020 г. общее количество штатных единиц сократится на 2311,5, или на 7,1 % от их количества на 1 января 2019 г. Сокращению подлежат 1180 работников, в т.ч. 176 чел. из среднего медперсонала, 459 чел. из младшего медперсонала, 289 служащих и 266 рабочих. Количество врачей планируется увеличить на 38 ед. Показательно, что большая часть сокращений пройдет в сельской местности Якутии.

Таким образом доступность и качество медицинских услуг, финансируемых государством, последовательно снижаются. Свое отражение это находит в таком демографическом показателе, как смертность населения. Не-

¹⁰ *ЗдравоЗахоронение? Оптимизация российской системы здравоохранения в действии [Электронный ресурс].* — URL: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/04/ЗдравоЗахоронение.Оптимизация-российской-системы-здравоохранения-в-действии.pdf>. Дата обращения: 27.08.2020.

смотря на некоторую стабилизацию процесса естественной убыли населения РС (Я), уровень смертности (8,1 ‰ на 1000 чел.) остается выше аналогичного уровня периода перестройки (6 ‰ — для городского населения, 8 ‰ — для сельского в 1990 г.)¹¹.

Кроме того, за относительно благополучными среднереспубликанскими параметрами смертности скрываются существенные региональные различия. Сохраняются дифференциации коэффициента смертности по административным районам, типам поселений и половозрастным категориям населения. В частности, уровень смертности сельского населения (8,7 ‰ на 1000 чел.) выше, а городского (7,9 ‰ на 1000 чел.) ниже среднереспубликанского коэффициента смертности. В сельских населенных пунктах 23 улусов (районов) смертность населения не только превышает указанный показатель, но и варьирует в широком диапазоне — от 8,7 до 15,2 ‰ на 1000 чел.¹² Если говорить о городском населении, то лишь в 4 из 22 районов Якутии, имеющих городские поселения, удалось достичь более благоприятных показателей (от 5,9 до 7,7 ‰)¹³, которые и вытягивают общие показатели смертности по данной категории населения на сравнительно низкий уровень. Как указывает В.Б. Игнатьева, существующую модель смертности населения Якутии можно рассматривать, в том числе, как признак растущих внутрорегиональных различий в финансировании, доступности и качестве медицины.

Таким образом, вследствие повсеместной деградации инфраструктуры здравоохранения, сказывающейся на доступности и качестве медицинской помощи, люди стремятся к переезду в более крупные населенные пункты, что усиливает процесс «вымирания» сел и малых городов республики. В условиях существующей страховой модели медицины данная тенденция приводит к дальнейшему сокращению количества медицинских учреждений, снова усиливая центростремительные миграционные потоки.

В качестве иллюстрации сошлемся на оценку этого явления, данную председателем Улусного Совета депутатов муниципального района «Сунтарский улус» У.Д. Поповой: «Оставшись без работы, люди начнут массово уезжать с засиженных мест и села опустеют». В качестве примера она приводит опыт Эльгыйского наслега, где в 2016 г. был ликвидирован дом для престарелых, что повлекло сокращение 40 работников. В результате за последние 4 года в наслеге наблюдается сильный отток населения. Свыше 100 чел. выехали в г. Якутск и другие районы республики. В этот раз под сокращение в Эльгье попадут еще 18 чел.¹⁴

Не менее сложная ситуация сложилась и в системе образования Республики Саха (Якутия), где обостряются проблемы неравенства и трансмиссии социальных статусов. Например, высшее образование становится все более и более недоступным широкому кругу населения республики в

¹¹ Игнатьева В.Б. Региональная дифференциация смертности населения в Республике Саха (Якутия) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2019. — № 4 (38). — С. 118.

¹² Там же.

¹³ Там же. — С. 119.

¹⁴ В Ил Тумэне обсуждены вопросы упорядочения сети учреждений здравоохранения. 12 ноября 2019 [Официальный сайт Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)]. — URL: <https://iltumen.ru/news/16726>. Дата обращения: 02.08.2020.

силу его удорожания. По данным Единой межведомственной информационно-статистической системы, в Якутии самая высокая средняя стоимость обучения в государственных и муниципальных образовательных организациях высшего профессионального образования в стране. Если в среднем по России в 2019 г. стоимость обучения за семестр в государственном вузе составляла 74 698,98 руб., то в Якутии — 127 015,48 руб.¹⁵

Казалось бы, система массового образования провозглашает своим ученикам, что она открывает им путь к восходящей социальной мобильности, на самом деле выбрасывает большинство из них в экономику, где единственно доступным оказывается ненадежный, не требующий профессиональной квалификации, мелочный труд¹⁶. Данная тенденция связана с заметным превышением предложения над потребностями экономики в квалифицированной рабочей силе¹⁷.

Мы разделяем мнение А. Левинсона о том, что в России практически без всяких реформ (те, что были проведены, носили скорее косметический характер) сложилась новая система высшего образования, которую он называет «всеобщим высшим», дополняющим всеобщее среднее некоторым набором общих социальных компетенций и неспециальных общих знаний о современной жизни. По сути, данная система готовит работников широкого профиля для нижних звеньев управления хозяйственными процессами и для сферы услуг¹⁸.

В подтверждение этой точки зрения приведем следующую статистику, которая характеризует ситуацию в России: в течение 1987–2004 гг. наиболее масштабно уменьшалось число рабочих мест в отраслях материального производства: на 47,7 % — в промышленности, на 43,1 % — в сельском хозяйстве, на 50,8 % — в строительстве, на 35,4 % — на транспорте. Вместе с тем наиболее высокие «темпы сброса» наблюдались в науке, где численность работников снизилась на 79,5 %. Напротив, основными «создателями» рабочих мест оказались отрасли сферы услуг, которые очень сильно расширили число занятых: торговля — на 198,3 %, государственное управление — на 445,5 %, финансы (без статистического учета)¹⁹. При этом реструктуризация отраслевой занятости молодежи происходила более интенсивно, чем во всем занятом населении. Среди молодежи, в сравнении со всеми занятыми, с одной стороны, численность работающих в отраслях материального производства снижалась большими темпами (на 43,8 % против 26,1 %), и, с другой, также более быстро и масштабно шел «набор» кадров в отраслях услуг и инфраструктуры (торговля, финансы и т.п.)²⁰.

¹⁵ Единая межведомственная информационно-статистическая система. Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги в 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448>. Дата обращения: 22.09.2020.

¹⁶ Коллинз Р. Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? Сборник статей. — М., 2015. — С. 85–86.

¹⁷ Козырева П.М. Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник. — М.: Новый хронограф, 2015. — С. 306.

¹⁸ Левинсон А.Г. Дурное образование — хороший лифт // Отечественные записки. — 2012. — № 5 (50). — С. 82–83.

¹⁹ Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). — М., 2014. — С. 137.

²⁰ Там же. — С. 138.

Как указывалось выше, в Российской Федерации, в т.ч. и в нашей республике, произошли кардинальные изменения в социальной сфере, отразившиеся на уровне жизни населения. Представляется уместным напомнить, что в советское время важнейшие социальные потребности в здравоохранении и образовании удовлетворялись за счет государственного бюджета (или общественных фондов потребления) и не входили в состав бюджета семьи/домохозяйств. В этой связи становится понятным формирование феномена новой бедности в постсоциалистических странах Европы, включая Россию. Как отмечают исследователи, в условиях трансформации новизна бедности заключается в изменении ее природы: из феномена жизненного цикла и временного явления она становится постоянной и передаваемой из поколения в поколение²¹.

Рассмотрим подробно этот тезис на примере Якутии. Отметим, что медийное поле заполнено симулякрами социально-экономического благополучия региона, в частности, высокими местами в различных рейтингах регионов России. Так, по оценкам экспертов РИА Новости, по итогам 2019 г. был составлен рейтинг российских регионов по уровню благосостояния семей, где Якутия вошла в десятку регионов с наиболее высоким остатком денежных средств после оплаты минимальных расходов. Однако данный рейтинг не сообщает ничего о реальном благополучии населения республики, так как не учитываются другие важные показатели — неравенство доходов, стоимость жизни на Севере, закредитованность населения, традиции многодетности и т.д.

По статистическим данным фиксируется высокое экономическое расслоение по уровню доходов, при котором почти половина общего объема денежных доходов (46,4 % в 2019 г.) сосредоточена в руках 20 % населения с наибольшими денежными доходами. Высокий уровень дифференциации снижает информативность средних показателей размеров денежных доходов от трудовой деятельности, от собственности и социальных выплат, поскольку при ее текущих значениях примерно две трети населения имеют более низкие доходы. Более показательным является медианный доход, который в 2019 г. составлял около 34 тыс. руб. в месяц (см. табл. 2), это значит, что половина всех работников получала заработную плату ниже этой суммы.

Существующее неравенство в доходах определяет возможности доступа к социальной инфраструктуре и детерминирует принципиально разный уровень жизни населения республики. Можно предположить, что не только уровень, но и соответствующий образ жизни человека, включая отношения в семье, с друзьями, здоровье, социально-психологическое состояние и т.д.

В этой ситуации практически неизбежно обострение проблемы социальной мобильности. Восходящая мобильность оказывается возможна лишь для детей и родственников из обеспеченных групп, что не может не вызвать раздражения в обществе. Только лучшие из молодежи, не имеющей подобного социального капитала, могут конкурировать с ними в об-

²¹ Ярошенко С. «Новая бедность» в России после социализма // *Labaratorium*. — 2010. — № 2. — С. 221–251.

Отдельные показатели размеров денежных доходов населения Якутии (руб. в месяц)²²

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Среднедушевые денежные доходы	37 013	38 863	40 554	42 669	45 335
Медианное значение среднедушевых денежных доходов	28 388	29 800	30 989	32 227	34 221
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	54 631	59 000	62 206	68 871	73 402
Средний размер назначенных пенсий	16 640	17 054	18 005	18 901	19 821

разовательной гонке, остальным же уготована участь пополнить ряды рабочего класса разросшегося рынка услуг.

Население дальневосточных регионов оказывается избыточным для экономики «энергетической сверхдержавы». По всей видимости, давно наметившаяся тенденция инфляции дипломов помогает поглощать лишнюю рабочую силу. Напомним, что уровень безработицы в Якутии (7,7 %) выше, чем общероссийский показатель (6,2 % в среднем за май-июль 2020 г.), а также выше, чем в других регионах Дальнего Востока (6,8 %). В условиях деиндустриализации страны, в т.ч. и дальневосточного региона, система образования создавала рабочие места, а также вовлекала в себя тысячи учащихся, удерживая их от необходимости выхода на рынок труда, что является скрытым процессом социального перераспределения материальных ресурсов.

Республика Саха является одним из регионов страны с наиболее высоким уровнем средней задолженности домохозяйства — 610 тыс. руб. на одно домохозяйство; уровень долговой нагрузки по кредитам составляет 39 %. Напомним, что последний оценивается как соотношение среднедушевого долга по банковским кредитам у экономически активного населения и годовой зарплаты. Якутия находится на 12 месте в рейтинге регионов России по уровню закредитованности своего населения. Основной формой денежных поступлений остается заработная плата: ее доля в структуре доходов населения РС (Я) хотя и колеблется, но устойчиво составляет около 65 % всех денежных доходов.

Кроме того, следует отметить, что несмотря на сокращение численности людей с заработной платой ниже величины прожиточного минимума: с 15,8 % от общей численности работников в 2009 г. до 7,6 % в 2017 г. (с 43,6 до 18,7 тыс. чел.), количество бедных с доходами ниже прожиточного минимума кардинально не изменилось (наблюдается даже слабая динамика к росту). Предположим, что увеличение числа людей, живущих за чертой бедности, произошло за счет роста представителей молодежи трудового возраста, оказывающих иждивенческую нагрузку на доходы семей. Ведь Якутия славится традицией многодетности: по данным ВПН-2010, среди семейных ячеек, имеющих детей моложе 18 лет, доля семей с 3 детьми составляет 11,5 % (с одним ребенком — 58,2 %, с 2 детьми — 30,3 %), в то время как

²² Источник: Республика Саха (Якутия) в цифрах: краткий статистический сборник [Электронный ресурс]. — URL: <http://stat.sakha.gks.ru:8899/bgd/2020/god/ВнГ3.01.01/01/i4112401008.pdf?da605567-b7de-4254-8cd3-2e6559192b82> (дата обращения: 02.10.2020).

Таблица 3

Распределение населения Якутии по основным возрастным группам, %

Год	Все население в возрасте, %		
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
2000	28,2	62,0	9,8
2005	25,0	64,8	10,2
2010	23,3	64,4	12,3
2011	23,3	63,9	12,8
2012	23,5	63,1	13,4
2013	23,8	62,3	13,9
2014	24,1	61,4	14,5
2015	24,4	60,5	15,1
2016	24,7	59,6	15,8
2017	24,8	58,8	16,4
2018	24,9	58,1	17,0

Источник: Труд и занятость в Республике Саха (Якутия): статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 15.

в целом по России данный показатель составляет 5,8 % (с одним ребенком — 67,4 %, с 2 детьми — 26,8 %)²³. Однако динамика численности лиц моложе трудоспособного возраста в 2000–2018 гг. показывает, что доля этой возрастной категории в составе населения Якутии уменьшилась (–3,3 пункта). В то же время распределение малоимущего населения по основным возрастным группам показывает, что в течение 2005–2016 гг. произошел рост численности малоимущего населения среди лиц, не достигших 16 лет — с 29,9 до 43,1 %²⁴. Приведенные данные позволяют сделать следующие умозаключения: во-первых, чем больше в домохозяйстве несовершеннолетних детей, которые увеличивают иждивенческую нагрузку, тем выше вероятность их попадания в бедность; во-вторых, имея в виду небольшое снижение численности лиц моложе трудоспособного возраста, можно допустить, что вследствие удорожания жизни выросла иждивенческая нагрузка каждого ребенка. Исследования социально-демографической структуры бедности по основным группам населения России обнаружили, что в общем числе бедных домохозяйств семьи с детьми составляют 54,6 %, т.е. у российской бедности скорее «детское лицо», а не старческое²⁵. Совокупность указанных факторов приводит к тому, что в Якутии за чертой бедности находится 17,9 % населения, в то время как по России в целом данный показатель составляет 12,3 %²⁶.

В этой связи рассмотрим различные срезы современного якутского общества и происходящие в нем процессы сквозь призму итогов нашего социологического исследования, проведенного в двух самых крупных городах Республики Саха — Якутске ($n=300$) и Нерюнгри ($n=250$), а также в п. Нижний Бестях ($n=104$) — точке наибольшего притяжения мигрантов,

²³ *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года*. Т. 6. Число и состав домохозяйств. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств по размеру и числу детей моложе 18 лет по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-13.pdf. Дата обращения: 15.10.2020.

²⁴ *Распределение малоимущего населения по основным группам / Уровень бедности / Уровень жизни* [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>. Дата обращения: 15.10.2020.

²⁵ *Детская бедность в России. Тревожные тенденции и выбор стратегических действий*. — М., 2005. — 79 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://perm-deti.ru/wp-content/uploads/2016/08/detskay_bednost.pdf. Дата обращения: 13.10.2020.

²⁶ *Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода в Республике Саха (Якутия) / Уровень бедности / Уровень жизни* [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>. Дата обращения: 15.10.2020.

расположенного в Центральной Якутии. Анкетным опросом было охвачено население в возрасте 18 лет и старше. Социально-демографические характеристики респондентов соответствуют генеральной совокупности: а) по полу: мужчины — 46,5 %, женщины — 53,5 %; б) по возрасту: 18–22 года — 12,7 %, 23–34 года — 28,6 %, 35–44 года — 18,8 %, 45–54 года — 19,3 %, 55–64 года — 13,5 %, старше 65 лет — 7,2 %. Этнический состав: 55 % — русские, 42 % — саха, 3 % — КМНС.

Доходы, потребление, благосостояние являются ключевыми показателями уровня жизни населения, так как определяют возможности удовлетворения остальных компонентов жизненной ситуации: жилищные условия, уровень образования, условия и характер труда, отдыха и досуга, состояние здоровья и др. Поэтому респондентам было предложено указать, к какому социальному слою населения они отнесли бы себя. Исходя из суммы полученных ответов по следующим позициям:

1 — «Не можем обеспечить себя питанием, одеждой и жильем»;

2 — «Живем от зарплаты до зарплаты. Иногда приходится занимать»;

3 — «В основном денег хватает, но при покупке товаров длительного пользования (крупная бытовая техника, мебель, зимняя одежда) наших сбережений не всегда достаточно, приходится копить»;

4 — «Покупка товаров длительного пользования не вызывает у нас особых затруднений, однако денег на покупку квартиры, автомашины не хватает»;

5 — «Мы можем позволить себе любые дорогостоящие покупки, ни в чем себе не отказываем»,

было проведено их ранжирование с последующей перекодировкой крайних позиций («1»+«2»; «4»+«5»). То есть варианты ответов сведены к трем значениям таким образом, чтобы выделить 3 группы, отличающиеся своим социально-экономическим статусом.

26,7 % респондентов, выбравших 1–2 варианты ответов, означающих оценку материального положения как «ниже среднего», вошли в первую группу — «малообеспеченных». 46,2 % респондентов, оценивших свое положение «как среднее», соответствующее 3 варианту ответа, образовали вторую, самую многочисленную группу — «среднеобеспеченных». 27 % респондентов, материальный достаток которых был оценен ими как «выше среднего» (4–5 варианты ответов), составили третью группу — «обеспеченных».

Далее рассмотрим, какими признаками характеризуются представители разных социальных групп, помимо дифференцированной оценки уровня своего благосостояния. Выяснилось, что каждая из выделенных трех групп обладает специфическим социальным профилем. Были построены таблицы сопряжения и рассчитаны статистики хи-квадрат по таким категориям, как возраст, пол и образование опрошенных лиц. Уровень значимости критерия хи-квадрат показывает, что статистически связанными с социально-экономическим самоопределением оказываются возраст и образование респондента, тип поселения (см. табл. 4). Гендерные характеристики не актуализированы.

Повышение возраста наблюдается в группе «высокообеспеченных». На сложившуюся ситуацию оказывает влияние тенденция роста предложения рабочей силы при одновременном уменьшении спроса на нее на региональном рынке труда и омоложении контингента безработных. При высоком

Таблица 4

**Особенности социально-экономических групп
(объективные факторы)**

Признак	Критерий хи-квадрат Пирсона	Степени свободы	Асимптотическая значимость
Возраст	14,183	10	0,165
Пол	0,084	2	0,959
Образование	60,623	8	0,000
Тип поселения	3,442	2	0,179

уровне общей безработицы в Якутии (по методике МОТ — 7,6 % в РС (Я) против 6,1 % по РФ), каждый пятый безработный республики — моложе 25 лет²⁷. По статданным, наиболее высокий уровень безработицы — на уровне 14,9 % — наблюдается в группе лиц от 20 до 30 лет²⁸.

Некоторые исследователи считают, что в Якутии наблюдается слабая связь бедности с занятостью, поскольку рост числа рабочих мест слабо сказывается на динамике численности населения с доходами ниже прожиточного минимума²⁹. Представляется, однако, что наличие безработных в домохозяйстве ощутимо влияет на вероятность его попадания в бедность и связь эта носит прямой характер, т.к. безработные не имеют или имеют очень низкие доходы (например, пособие по безработице). Наше исследование показывает, что 33,7 % «малообеспеченных», 21,8 % «среднеобеспеченных» и даже 13,4 % «обеспеченных» респондентов не имеют работы. Если рассматривать полученные данные через возрастной профиль опрошенных, получается, что безработные в группе «обеспеченных», это в основном люди в возрасте, соответствующем студенчеству или выходу на пенсию; в «малообеспеченных» и «среднеобеспеченных» группах представлены все возрастные категории населения.

Вторым фактором разделения выделенных групп является образование. Известно, что в развитых странах мира в среднем, чем выше уровень образования, тем более высоки доходы его обладателя. В России образование, как составляющая человеческого капитала, может совмещаться как с высоким, так и с низким доходом, т.е. связь между двумя категориями необязательна³⁰.

Итогами нашего исследования подтверждается связь между социально-экономическим статусом и уровнем образования респондентов. Среди тех, кто имеет среднее специальное образование и относится к «обеспеченной» группе, подавляющую часть составляют жители промышленного г. Нерюнгри. Тогда как среди тех, кто имеет среднее специальное образование и входит в группу «малообеспеченных», больше жителей г. Якутска и п. Нижний Бестях. При этом происходит наложение двух границ — эконо-

²⁷ Ермолаев Т.С. Южная Якутия: промышленное освоение и динамика современных этносоциальных процессов. — Якутск, 2018. — С. 58 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.yzn.ru/files/publicasii/SouthYakutia.pdf>. Дата обращения: 10.10.2020.

²⁸ Обследование рабочей силы в Республике Саха (Якутия) (январь–сентябрь 2018 г.). Статистический бюллетень № 289/533. — Якутск, 2018. — С. 29.

²⁹ Григорьева Т.Н., Набережная А.Т., Иванова М.А., Никифоров Ф.В. Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — № 1 (211). — С. 43.

³⁰ Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. — 2008. — № 4. — С. 65.

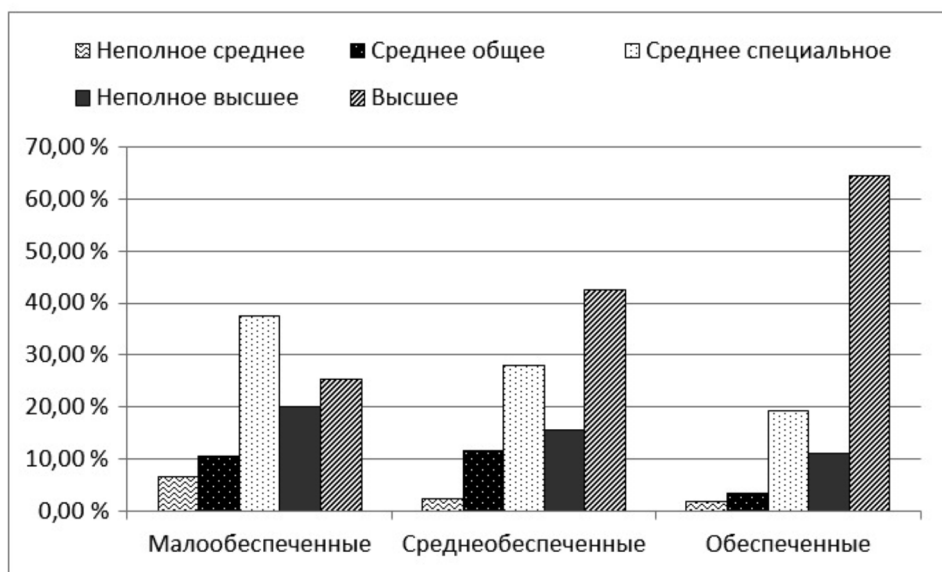

Рис. 1. Субъективная оценка статуса респондента в разрезе уровня образования.

мических и этнических. Так, в г. Нерюнгри респонденты в основном русские, а в г. Якутске и п. Нижний Бестях — примерно равные части саха и русских с некоторым преобладанием респондентов-саха.

В этой связи обратимся к показателям среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций по видам экономической деятельности. Заработная плата в ведущей отрасли экономики РС (Я), как добыча полезных ископаемых, в процентах к среднереспубликанскому уровню составляет 180,8 %, в государственном управлении — 112,3 %, а в сельском хозяйстве — 41,2 %, образовании — 74,2 %, здравоохранении — 74 %, предоставлении коммунальных, социальных, персональных услуг — 70,8 %³¹.

Таким образом получается, что респонденты со средним специальным образованием, трудоустроенные в г. Якутске и п. Нижний Бестях, не могут зарабатывать столько же, сколько зарабатывают люди с таким же уровнем образования в угледобывающем г. Нерюнгри. Однако ситуация меняется и для промышленных городов РС (Я). Значимую дестабилизирующую роль в этом играют экономические интересы крупных корпораций России, участвующих в освоении природных ресурсов республики и следующих стратегий гибкого рынка труда. К примеру, после приобретения компании «Якутуголь» глобальная горнодобывающая и металлургическая компания «Мечел» провела массовые сокращения работников, что создало напряженную ситуацию в г. Нерюнгри, где основная часть трудоспособного населения была занята в угольной промышленности. Нерюнгринцы также рассчитывали, что их привлекут к строительству нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан». Однако их надежды не оправдались, т.к. компания

³¹ Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия): статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 92.

«Транснефть» привлекла к его строительству около 800 китайских рабочих фирмы СРР³². В 2020 г. высокий уровень сокращения затронул крупнейшее предприятие Якутии — алмазодобывающую корпорацию «АЛРОСА».

Также исследованием выявлено, что среди русского населения республики можно наблюдать более эффективную отдачу от высшего образования в оценке собственного благосостояния. Так, 43,5 % русских респондентов с высшим образованием отнесли себя к «обеспеченным» слоям общества, в то время как среди якутов (саха) таковых оказалось 36,6 %. Этот же показатель на уровне поселений обнаруживает еще большую дифференциацию, особенно в г. Якутске. Обозначенную тенденцию мы связываем с имеющейся у якутов (саха) устремленностью на определенные виды профессиональной деятельности: работа в таких сферах, как образование и здравоохранение, немыслима без высшего образования, но в то же время в этих сферах не самая высокая заработная плата.

Таким образом, высокая образованность человека не гарантирует достижение им материального благосостояния. Здесь следует учитывать две тенденции, с одной стороны — не просто уровень формального образования, а включенность в процесс непрерывного образования и повышения качества своего человеческого капитала. Как указывают эксперты, внимание к этой стороне своей деятельности отсутствует у большинства работающих представителей нижних страт, но достаточно выражено у верхних³³. Исходя из этого можно заключить, что благополучное социально-экономическое положение дает возможность для повышения качества человеческого капитала. В группах «малообеспеченных» и «среднеобеспеченных» респондентов возможностей для наращивания человеческого капитала, по всей видимости, значительно меньше. Возможно и то, что при нынешних профессиональных позициях, занимаемых представителями этих групп, подобная деятельность оказывается просто неэффективной.

Вторая тенденция — это закрепление социального статуса в поколениях и высокий уровень влияния социального капитала. Значимым для успешной адаптации оказывается социальный капитал, его роль даже выше качественного человеческого капитала (особенно в плане квалификации). Это тревожная тенденция, свидетельствующая об уходе России с пути построения конкурентоспособной рыночной экономики, поскольку в обществе, где статус человека определяется в большей степени его социальным ресурсом, а не человеческим капиталом, нельзя всерьез рассчитывать на формирование мотивации по наращиванию знаний и квалификации³⁴.

На формирование социально-экономических групп также влияет тип поселения. Так, в п. Нижний Бестях значительно меньше опрошенных лиц отнесли себя к группе «высокообеспеченных»; более широко представлена группа «среднеобеспеченных». На этом месте нужно подчеркнуть, что распределение малоимущего населения по месту проживания демонстрирует

³² Егоров П.М. Отношение рабочих промышленных предприятий Республики Саха (Якутия) к труду в условиях промышленного освоения // Приоритетные научные направления: от теории к практике. — 2015. — № 17. — С. 75.

³³ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. — М., 2014. — С. 147.

³⁴ Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. — 2016. — № 10. — С. 48.

Особенности социально-экономических групп (субъективные факторы)

Признак	Критерий хи-квадрат Пирсона	Степени свободы	Асимптотическая значимость	Коэффициент Фи
Удовлетворенность работой	52,779	8	,000	,309
Удовлетворенность социальной сферой	11,456	4	,020	,134
Удовлетворенность жилищными условиями	62,476	6	,000	,314
Уверенность в будущем	51,032	8	,000	,284
Можете ли Вы повлиять на принятие общественно значимых решений в Вашем населенном пункте	38,376	4	,000	,247
Считаете ли Вы справедливой современную социально-экономическую структуру общества	28,949	8	,000	,214

его концентрацию в сельских поселениях республики, где сосредоточено до 60 % всех малоимущих.

По мнению экономистов, наиболее высока вероятность попадания в бедность у лиц, незанятых в экономике, затем — у проживающих в сельских населенных пунктах, на 3-м месте находились дети. Причем в Якутии, как правило, все эти риски сосредоточены в сельской местности. В 2017 г. 63 % (131 тыс. чел.) незанятого в экономике населения и 40,3 % (96,2 тыс.) от общей численности детей в возрасте до 16 лет проживали в сельских населенных пунктах, при этом доля сельских жителей составляла 34,5 % в общей численности населения РС (Я). В 2017 г. риск бедности в сельских поселениях был почти в 4 раза выше, чем в городе³⁵.

Исследованием выявлены иные особенности трех выделенных групп (см. табл. 5). Как оказалось, в разных социально-экономических группах имеются различные представления об удовлетворенности жизнью. По коэффициенту Фи, теснота связи между двумя переменными не такая высокая.

Тем не менее укажем на то, что низкие доходы ассоциируются с общей неудовлетворенностью жизнью и неуверенностью в будущем.

Кроме того, высокий материальный статус респондентов коррелирует с оценкой социально-экономической структуры общества как справедливой. Представители «высокообеспеченной» группы лучше адаптированы к ней. Среди опрошенных, причисливших себя к «малообеспеченным» слоям населения, больше тех, кто не смог адаптироваться и, соответственно, считает существующую ситуацию несправедливой.

Немаловажную роль имеет и властный ресурс, которым располагают представители разных социально-экономических групп. Данный индикатор рассчитан на основе ответов респондентов на вопрос о наличии возможности оказать какое-либо влияние на принятие общественно значимых решений в населенном пункте их проживания. Понятно, что респонденты, не обладающие этим ресурсом, сконцентрированы в группе «малообеспеченных».

Каким же образом данная ситуация влияет на этносоциальные процессы в регионе? С одной стороны, в советское время часть саха смогли воспользоваться открывшимся социальным лифтом и существенно улучшить

³⁵ Попова О.В. Оценка перспектив сокращения бедности в Республике Саха (Якутия) // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 2. — С. 61–67.

свое положение. В результате к настоящему времени сформировался слой экономически благополучного населения. В то же время наметилась тенденция углубления неравенства среди саха, которые вместе с коренными малочисленными народами Севера составляют большинство сельского населения РС (Я). Сетевая дисгармония сельской социальной инфраструктуры: как материальных объектов образования, здравоохранения и культуры, так и комплекса социально-экономических программ по развитию человека и территорий, сопряженная с низким уровнем зарплат в сельском хозяйстве, приводит к тому, что жители села значительно чаще нуждаются в различных социальных трансфертах. Данный показатель достигает в среднем 29,9 % от совокупного дохода сельских домохозяйств (в городских поселениях — 18,3 %). Кроме того, сравнительно высокий уровень рождаемости в якутских семьях стимулирует не только рост бедности в многодетных семьях, но и формирует тенденцию к ее закреплению в поколениях. Так, в будущем сельские дети из несостоятельных семей с меньшей вероятностью получают хорошее образование и высокооплачиваемую работу по сравнению с детьми из обеспеченных семей.

В настоящее время фундаментальная неудовлетворенность текущим положением дел проявляется в высоком уровне протестного голосования в сельских районах республики. Из года в год сокращается численность сельского населения: центростремительные потоки мигрантов направляются из сельских населенных пунктов в административные центры районов, городские поселения и г. Якутск. Однако на рынке труда и занятости они зачастую предлагают лишь свою способность к труду и, соответственно, им доступны лишь работы, не требующие специальной квалификации, тем самым они пополняют ряды низкоквалифицированной рабочей силы.

Включение сельских переселенцев в наиболее низкодоходные группы населения создает ситуацию конкуренции с мигрантами из других регионов страны и ближнего зарубежья. Последние в основном претендуют на занятость в тех же сегментах региональной экономики, на которые ориентированы внутренние трудовые ресурсы, вытолкнутые сжимающимся пространством сельской жизни. Ранее мы писали, что наиболее негативное отношение к трудовым мигрантам испытывают малообеспеченные люди с более низким уровнем образования и отсутствием властного ресурса³⁶. Таким образом, борьба за изначально ограниченные рабочие места с невысокой квалификацией становится источником роста «антимигрантских» настроений в принимающем обществе.

Соперничество на рынке рабочей силы по демпинговым ценам также усиливает межэтническую напряженность, так как ксенофобские установки максимально реализуют отождествление этнического происхождения (соотносимого с культурой) и социально-экономического положения. Следует признать, что организаторам митинга против трудовой миграции, состоявшегося в феврале 2019 г. в г. Якутске, удалось мобилизовать значительное число сельских жителей, которые специально приехали в столицу респуб-

³⁶ Васильева О.В. Влияние социально-экономического статуса населения Северо-Востока России на отношение к мигрантам // Мир России. Социология. Этнология. — 2019. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-ekonomicheskogo-statusa-naseleniya-severo-vostoka-rossii-na-otnoshenie-k-migrantam>. Дата обращения: 29.08.2020.

лики, чтобы выразить свое несогласие. Можно сказать, что расширяющийся класс людей, не востребованных рынком труда в условиях политики гибкой занятости, предпринимает попытки добиться экономических целей через активизацию политики идентичности и протеста.

Неудовлетворенные этнокультурные потребности сельских мигрантов в условиях полиэтничного столичного города вызывают недовольство недостаточностью/отсутствием возможности социализации и обучения детей на якутском языке, узостью его коммуникативной сферы и др. Этот фактор способствует популярности этноориентированных общественных организаций, как спортивный клуб «Ураанхай», Центр гражданско-патриотического воспитания «Үс түмсүү», интеллектуально-творческое и научное объединение молодежи «Түмэн», объединение молодежных организаций улусов Якутии «ZEMA», любители родной словесности «Ийэ тыл» и т.д. Многочисленность и широкий спектр их практической деятельности свидетельствуют о высокой личностной значимости таких этнических ценностей, как «родной язык», «национальная культура», «общность происхождения» в частной и общественной жизни многих горожан-саха.

Формирование разнообразных социальных сетей с целью кооперации усилий отдельных индивидов/групп происходит на основе этноконсолидирующих представлений, часть из которых основана на исторической памяти, а другая — является полным «новоделом». В то же время отдельные этнические активисты, опирающиеся на растущий социальный капитал этноориентированных организаций, стараются использовать их в собственных целях — для упрочения позиций в обществе, доступа к определенным ресурсам и др. Здесь развитие социального капитала понимается как проникновение этнического из сферы неформальных сетей в сферу экономических и социальных институтов общества.

Связь идентичности, музыки и потребления проявляется в современной якутской музыкальной индустрии (певцы, промоутеры, ди-джеи, клипмейкеры, звукозаписывающие студии, FM-радио, бары, клубы, дискотеки и т.д.). С созданием различных мест потребления музыки и расширением потребляющей ее аудитории в столичном городе появилось и множество музыкантов-саха. Для талантливых сельских мигрантов музыка стала средством, позволившим им покинуть свои деревни и обосноваться в г. Якутске³⁷.

Относительно коренных малочисленных народов Севера следует отметить, что изначальная слабость позиций в социальной структуре общества заставляет их создавать институционализированные социальные сети с целью расширения доступа к материальным ресурсам неэкономическими способами, в т.ч. через активизацию политики идентичности. Впоследствии это реализовалось в разработке и принятии Закона РС (Я) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» (2010). В рамках этого закона представители КМНС добиваются обязательного проведения этнологической экспертизы в случаях возможного или накопленного влияния промышленной модернизации

³⁷ *Ventsel, A. Sakha pop-musik — a celebration of consuming // Anthropology of East Europe Review. — Vol. 24, N 2. — P. 35–43.*

на жизненную среду и традиционные занятия местных сообществ. В этой связи надо признать, что расположение месторождений полезных ископаемых, а также строящихся и планируемых промышленных объектов (рудники, нефтяные и газовые скважины, перекачивающие станции, трубопроводы, линии электропередач и др.) непосредственно на землях традиционной хозяйственной деятельности КМНС составляет стержневую проблему их устойчивого развития. В реалиях жизни этот закон, гарантирующий им определенную долю ренты от деятельности промышленных предприятий, имеет и обратную сторону, когда лояльность некоторых общин, выражаемая через отказ от артикуляции протестных интересов в публичном пространстве, обменивается на латентные дивиденды. В этом случае этничность предстает как некий социальный капитал, формирующий специфические стратегии поведения КМНС, использующих ресурсы своей идентичности.

В период деиндустриализации России и сокращения рабочих мест в сфере промышленности русское население Якутии (главным образом трудовые мигранты) часто выбирало стратегию миграции. Есть основания полагать, что в республике, кроме многочисленного русского старожильческого населения, живут представители двух полярных — экономически адаптированной и дезадаптированной, маргинализованной групп. Численно преобладает первая группа, которую составляют люди в большей степени настроенные на конструктивное межэтническое взаимодействие. Наш вывод подтверждают и исследования российских социологов, отметивших «улучшение межнациональных отношений между двумя доминирующими этническими группами — русскими и саха»³⁸. Кроме того, русские жители столичного г. Якутска, являющегося основным реципиентом сельских мигрантов-саха, редко становятся участниками протестных акций. Дезадаптированная часть русского населения, особенно молодежь, также требует пристального внимания власти и общества: в последнее десятилетие именно подростки, не имеющие никаких альтернатив, приобщаются к криминальной субкультуре, вступают в экстремистские движения типа АУЕ («Арестантский уклад един»/«Арестантское уркаганское единство»), которое как раковая опухоль распространилось по всей стране.

В последние годы во многих развитых странах мира происходит отказ от значимых элементов социального государства в пользу неолиберальных принципов, усиливающих общественное неравенство. На наших глазах идет процесс свертывания социальных функций государства, что приводит к росту разнообразных рисков. Трансформирующееся многонациональное российское общество также испытывает влияние этих глобальных тенденций. Пересечение социальных и этнических границ определяет специфический характер современных этносоциальных процессов в регионах страны, в т.ч. в нашей республике, места и роли в них различных социальных групп общества. К примеру, этнические различия сегодня не позволяют малообеспеченным слоям населения осознать их общие интересы и вести борьбу за широкие социальные реформы, увеличение числа рабочих мест и более справедливую заработную плату.

³⁸ Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). — 2019. — № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутия). — 89 с. — URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506. Дата обращения: 22.08.2020.

Такая ситуация ставит в необходимость создание новой социальной политики государства, позволяющей учитывать интересы и потребности всех членов многосоставного общества, а также формирование новых социальных групп. По мнению экспертов, в этих условиях хорошее профессиональное образование в большей степени способно было бы повысить доходы тех, кто находится внизу шкалы распределения доходов. В частности, академик Л.И. Абалкин уверен в том, что «социальные расходы — это не безвозвратные затраты, не вычет из экономических ресурсов, а общественно необходимые вложения в человеческий капитал, в высшей степени эффективные как в социальном, так и в экономическом смысле»³⁹.

Как оказалось, в соответствии с теорией И. Валлерстайна и Э. Балибара, социально-экономические процессы действительно оказывают существенное влияние на межэтнические отношения. Анализ современной этносоциальной ситуации в республике сопровождался ссылками на советский период ее развития не случайно. Несмотря на кардинальное изменение характера миграции рабочей силы, советское наследие в виде промышленности с преобладанием русского населения и сельского хозяйства, где заняты коренные народы Якутии, продолжает воспроизводить пространство, где пересекаются социальные и этнические границы. Усложнение социальной структуры общества, усиление внутренней и внешней миграции и др. формируют новые явления, наслаивающиеся на эти границы. Учитывая некоторую инерцию этносоциальных процессов, задаваемых этнокультурными параметрами народонаселения Республики Саха, нельзя ожидать быстрых перемен, с одной стороны, но многие риски могут усилиться под влиянием дальнейшей модернизации общества в духе неолиберальной политики.

³⁹ Абалкин Л.И. Курс переходной экономики. — М., 1997. — С. 17.

ГЛАВА 4.2

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА

В Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. миграция рассматривается как один из факторов социально-экономического и демографического развития страны и регионов¹. А в Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. подтверждается, что в 2012–2017 гг. миграционный приток в Россию компенсировал естественную убыль населения и стал источником дополнительных трудовых ресурсов для национальной экономики².

Миграционные процессы в Республике Саха играют большую роль в социальном и экономическом развитии регионального общества, культурно-хозяйственном развитии территории, динамике численности и расселении населения, его половозрастной и этнической структуры, количества и качества трудовых ресурсов.

По данным Росстата, в 2019 г. доля межрегиональных трудовых мигрантов в возрасте 15 лет и старше, въезжающих на работу в РС (Я), в общей численности ее занятого населения составила 8,6 % (40,1 тыс. чел.), что более чем в два раза выше среднероссийского уровня (4,1 %)³. Среди субъектов Федерации, принимающих на работу граждан из других регионов, Якутия занимает пятое место после г. Москвы, Тюменской области, Ненецкого и Чукотского автономных округов. По доле трудовых мигрантов в общей численности занятого населения, выезжающих на работу в другие регионы России, Якутия занимает последнее место наряду с Ненецким автономным округом — по 0,1 % (среднероссийский уровень — 4,1 %).

В то же время несмотря на то, что начиная с 2013 г. постепенно сокращается массовая убыль населения, миграционный прирост остается отрицательным (см. рис. 1).

Современные миграционные процессы в Якутии определяются комплексом факторов-условий: это — экстремальные природно-климатические условия; удаленность от центра страны; сложная внутрирегиональная транспортная схема с сезонностью и дороговизной транспортных расходов;

¹ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>. Дата обращения: 15.10.2020.

² Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>. Дата обращения: 15.10.2020.

³ О межрегиональной трудовой миграции в 2019 г. — С. 4 [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf. Дата обращения: 17.09.2020.

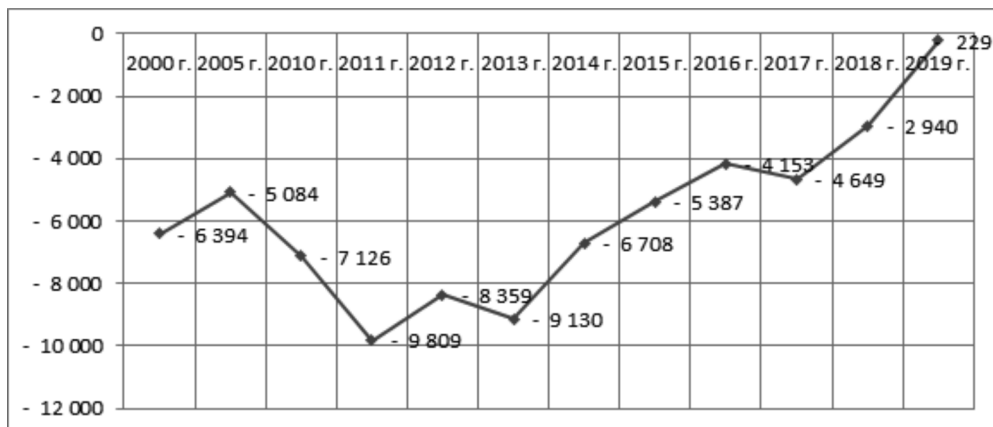

Рис. 1. Миграционный прирост населения Якутии⁴, чел.

уникальность территории по разнообразию, количеству и качеству полезных ископаемых, и в связи с этим, неравномерное территориальное распределение производительных сил; диспропорции в распределении человеческих ресурсов на рынке труда.

В Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Якутии на период до 2035 г. указано, что круглогодичная наземная транспортная система, связывающая эту огромную территорию (52,1 % площади РС (Я)) с населенными пунктами внутри самой зоны и соседними территориями, отсутствует. Все пассажирские перевозки как в дальнем, так и во внутрирайонном сообщении осуществляются только воздушным транспортом, в то время как для грузовых перевозок используются сезонные виды транспорта — внутренние водные пути и автозимники. При этом речной транспорт является практически безальтернативным при завозе жизнеобеспечивающих грузов⁵.

Ведущие отрасли промышленности РС (Я) — цветная металлургия (добыча и обработка алмазов, добыча золота), нефтегазовая и угольная промышленность, электроэнергетика, производство строительных материалов, лесная и деревообрабатывающая промышленность и др. В основном промышленное производство сосредоточено в центрах добычи и транспортировки полезных ископаемых (Мирнинский, Нерюнгринский, Алданский, Ленский районы) и в г. Якутске, в которых создается повышенный спрос на рабочую силу, что и определяет объемы миграционных потоков. Из 34 муниципальных районов и 2 городских округов республики именно в вышеуказанные районы прибыли 61,9 % мигрантов в 2019 г. По данным Росстата, 279,1 тыс. чел. (9,5 %) из числа внутрироссийских трудовых мигрантов, выезжающих за пределы своего региона, заняты в добыче полезных ископаемых⁶.

⁴ Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. — Якутск, 2019. — С. 83–85.

⁵ Указ Главы РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года» от 14.08.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://yakutsk-news.net/society/2020/08/14/58247.html>. Дата обращения: 08.10.2020.

⁶ О межрегиональной трудовой миграции в 2019 г. — С. 5 [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf. Дата обращения: 09.10.2020.

По данным Госкомитета по занятости населения РС (Я), основная проблема низкого уровня трудоустройства населения Якутии заключается в отсутствии в сельской местности вакантных рабочих мест на постоянной основе⁷. До 1990-х годов основой экономики сельских поселений являлась сельскохозяйственная деятельность. В 2019 г. относительно 2000 г. численность занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве сократилась в 1,5 раза. По данным статистики, за 2018–2019 гг. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников сельхозпредприятий была в среднем в 2 раза ниже республиканской⁸.

В результате реформы системы аграрного производства основой жизнеобеспечения сельского населения являются преимущественно бюджетные непроизводственные сферы приложения труда: здравоохранение, образование, социальное обеспечение, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг, муниципальное и государственное управление и др. Низкий уровень занятости сельского населения, не востребованность имеющегося трудового потенциала приводят к устойчивому росту внутренней трудовой миграции из села в город. В 2019 г. внутриреспубликанская миграция из села в город составила 62,5 % в структуре межрегиональных миграций.

Численность населения РС (Я) на 1 января 2020 г. составляет 971,9 тыс. чел. (городское население — 66,1 %, сельское — 33,9 %). С 2000 г. в республике сохраняется миграционная убыль, что является одним из главных факторов изменения численности ее населения (см. рис. 4). Роль миграции в формировании прироста (убыли) общей численности населения наглядно прослеживается в соотношении компонентов естественного и миграционного прироста (убыли).

Как видно на рис. 2, до 1989 г. происходит интенсивный рост численности населения Якутии, идут активные процессы миграции и урбанизации, связанные с промышленным освоением природно-ресурсного потенциала региона. После переписи 1959 г. численность городского населения выросла в 3,1 раза, сельского — в 1,5 раза. В этот период были основаны промышленные районы и гг. Мирный и Нерюнгри, где большинство населения формировалось из мигрантов. В 1959–1989 гг. наблюдается быстрый рост доли русских и, напротив, снижение доли якутов в общей численности населения Якутии (см. рис. 3). В результате трудовой миграции возросла численность украинцев, бурят, башкир, молдаван, азербайджанцев и других народов СССР. Рост численности населения, значительные объемы ежегодно прибывающих в республику мигрантов, положительное сальдо внешней миграции сохранялись до момента распада СССР в 1991 г.

Политические и социально-экономические события 1990-х годов вызвали интенсивный миграционный отток населения в разные регионы страны, преимущественно в европейскую часть России. Самые значительные потери произошли в период между 1991 и 2001 гг. (см. рис. 2). За эту декаду численность горожан сократилась на 132,6 тыс. чел. (17,8 %), сельских жителей — на 28,8 тыс. чел. (7,8 %). После 2001 г. численность населения РС (Я) относительно стабилизировалась.

⁷ *Уровень безработицы в Якутии выше, чем в среднем по России* [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.isn.ru/204575.html>. Дата обращения: 29.09.2020.

⁸ *Республика Саха (Якутия) в цифрах: краткий стат. сборник*. — Якутск, 2020. — С. 45.

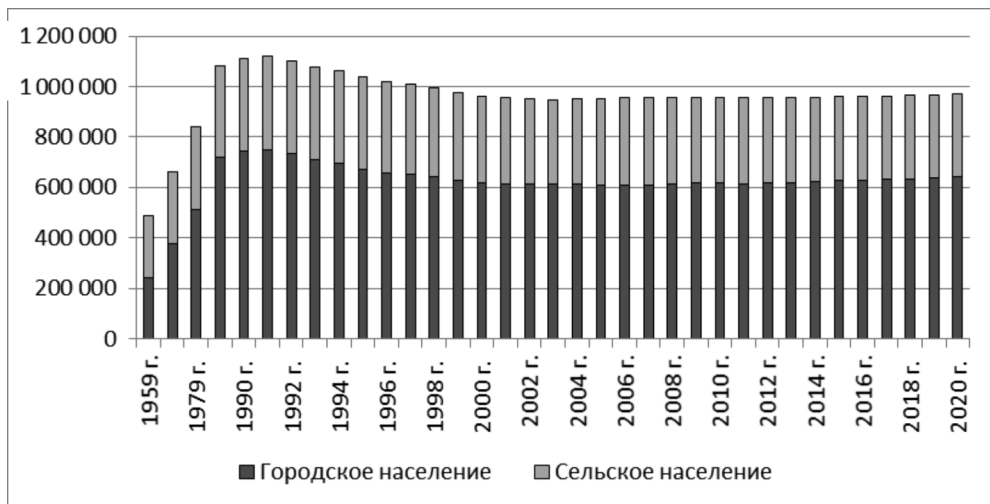

Рис. 2. Динамика численности постоянного населения Якутии, чел.⁹

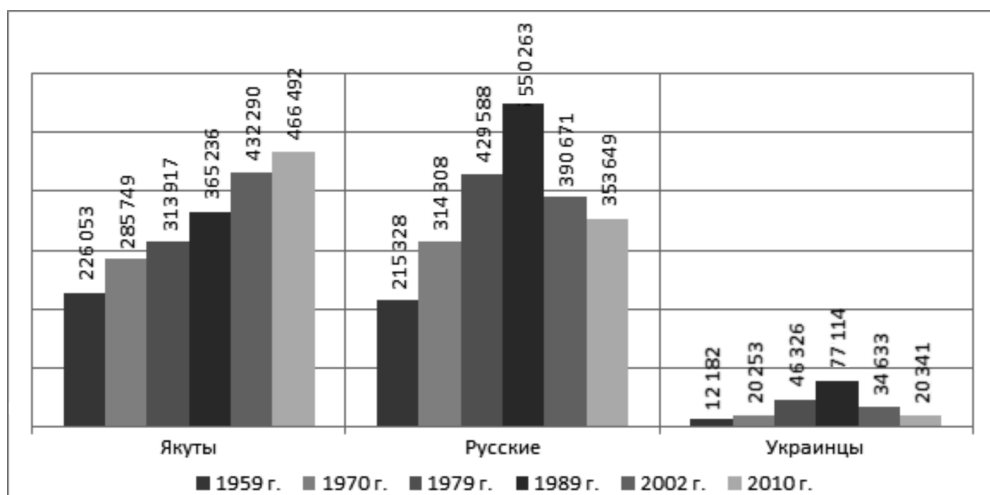

Рис. 3. Динамика численности многочисленных народов Якутии по итогам переписей населения, чел.

В 1989–2002 гг. 143 малых населенных пункта Якутии с общей численностью 29,3 тыс. чел. были исключены из учетных данных, большей частью в связи с фактической утратой значения и функций поселения, отсутствием постоянного населения и бесперспективностью населенного пункта¹⁰. К ним относятся полярные станции, приисковые, старательские, рудничные, геологоразведочные поселки, станции научных экспедиций, лесопромышленные участки.

⁹ Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2020 г. Статистический сборник. — Якутск, 2020. — С. 11.

¹⁰ Перечень населенных пунктов Республики Саха (Якутия), изменивших статус за период между переписями 1989 и 2002 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/search?q=%D0%B2%D0%BF%D0%BD+2002>. Дата обращения: 29.09.2020.

Рис. 4. Соотношение естественного, миграционного и общего прироста численности населения РС (Я), чел.¹¹

Провозглашенный руководством России путь реформ, как единственно возможный для преодоления глубокого социально-экономического кризиса, привел к обнищанию большинства населения страны, в т.ч. и Якутии. Понятно, что в эти годы миграционная убыль значительно преобладала над естественным приростом (см. рис. 4). Отток трудовых мигрантов в связи с закрытием предприятий промышленности сопровождался острыми социальными проблемами. Так, например, в с. Эбелях Анабарского района «жили и работали в основном приезжие из средней полосы России и СНГ. Ныне большинство выезжают. Контейнерами с домашним скарбом зимой 2008 г. были буквально заставлены улицы поселка. Эбеляхцы встали в очередь на выезд. Одним были обещаны квартиры в Орле (там строился дом АЛРОСы), другие начали искать новую работу на других предприятиях АЛРОСы»¹².

Масштабы миграции, стимулируемой реорганизацией деятельности предприятий в добывающей сфере и свертыванием/закрытием рабочих поселков на северо-востоке страны, побудили Правительство РФ утвердить Федеральную целевую программу «Строительство на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей»¹³. С целью регулирования выезда жителей ликвидируемых горнопромышленных поселений республики, обеспечения их жильем, Правительством РС (Я) была принята республиканская целевая программа о мерах по обеспечению выезда граждан за

¹¹ Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2020 г. Статистический сборник. — Якутск, 2020. — С. 12.

¹² Крупнейшая отрасль крупнейшего субъекта Федерации в крупнейшем экономическом районе // География. — 2008. — № 13 [Электронный ресурс]. — URL: https://geo.isept.ru/view_article.php?id=200801315. Дата обращения: 17.07.2020.

¹³ Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Строительство на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 10 июля 1995 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/2306070/#ixzz6bvUcJkvW>. Дата обращения: 18.8.2020.

пределы республики¹⁴. В 2002 г. был принят Федеральный закон о жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей¹⁵.

Несмотря на предпринятые меры, практическая их реализация была связана с рядом трудностей. Так, в «Российской газете» осветили сложную проблему с получением жилья на федеральные жилищные субсидии. Как оказалось, десятки семей из давно ликвидированных поселков Якутии пострадали из-за действий мошенников¹⁶. Впоследствии Правительство РС (Я) взяло на себя обязательства по обеспечению квартирами северян, оказавшихся без жилья из-за близорукости государственных структур¹⁷.

В структуре миграционных процессов преобладает внутрироссийская миграция. Например, если в 1994 г. ее доля в общем миграционном обороте республики составляла среди прибывающих — 23,9 тыс. чел. (77,8 %), среди выбывающих — 53,0 тыс. чел. (85,5 %), то с 2000 г. по настоящее время эта доля в среднем составляет 95 % прибывающих и 97,8 % выбывающих мигрантов. В свою очередь, с 1996 г. во внутрироссийских миграционных процессах преобладает внутриреспубликанская миграция. Максимальное число мигрантов в пределах РС (Я) отмечается в 2017 г. — 27,1 тыс. чел., или 63,1 % всех мигрантов и 64,8 % российских мигрантов. С 1990 г. массовая миграция из села в город является одной из форм адаптации сельского населения к меняющимся условиям жизни, одновременно — важнейшим механизмом урбанизации региона.

С 2000 г. усилилось миграционное движение в сельскохозяйственных районах Центральной Якутии (Намский, Мегино-Кангаласский, Усть-Алданский, Чурапчинский), в Олекминском районе Южной и Сунтарском районе Западной Якутии. Рост интенсивности оттока населения в этих районах отражает снижение их миграционной привлекательности для потенциальных переселенцев. При этом сельский мигрант испытывал большие проблемы с трудовыми доходами на селе, не был удовлетворен уровнем и качеством жизни на селе, желал повысить и повышал уровень профессионального образования, имел трудности с жильем и трудоустройством в городе¹⁸.

Так в 2019 г. из сельских поселений выехало 12,5 тыс. чел., или 29,4 % всех выбывших в пределах республики. Внутриреспубликанская миграционная убыль складывается за счет миграции сельских жителей в городскую

¹⁴ *Постановление* Правительства РС (Я) «Об утверждении республиканской целевой программы о мерах по обеспечению выезда граждан Республики Саха (Якутия) за пределы республики» от 11 августа 1998 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/473505172>. Дата обращения: 18.8.2020.

¹⁵ *Федеральный закон* о жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей от 25.10.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/18773>. Дата обращения: 18.8.2020.

¹⁶ *Жилье и жулье* // Российская газета. — 3 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2011/02/03/subsidyi.html>. Дата обращения: 01.10.2020.

¹⁷ *Разворот* на 185 миллионов [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2011/07/29/kvartiri.html>. Дата обращения: 01.10.2020.

¹⁸ *Томаска А.Г.* Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городском поселении // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Сборник научных статей. Вып. 1. — Якутск, 2014. — С. 42.

Таблица 1

Общие итоги миграции за 2019 год, %

Тип поселения	Прибыло	Выбыло
Сельская местность		
Внутриреспубликанская	23,4	29,4
Межрегиональная	2,1	2,0
Международная	0,4	0,1
Городская местность		
Внутриреспубликанская	35,3	28,6
Межрегиональная	24,4	34,5
Международная	14,4	5,4
Итого	100	100

Источник: *Общие итоги миграции населения* [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348>. Дата обращения: 09.10.2020.

местность — 70,8 % (8,9 тыс. чел.). Из села в село выехало 3,6 тыс. чел. (29,2 %). Число прибывших в сельские населенные пункты составило 10,0 тыс. чел. (23,6 % всех прибывших в республику). Среди них — 6,3 тыс. чел. приехали из городской местности (63,2 %), 3,6 тыс. чел. (36,8 %) — из сельской. Доля сельских жителей в 2019 г. составляла 34,1 % в общей численности населения РС (Я). А доля сельской миграции равна в среднем 26,4 % в структуре республиканской миграции (см. табл. 1). С 2000 г. вместе с потоком прибывающих из улусов (районов) республики увеличивается миграционная нагрузка на г. Якутск (см. рис. 5).

В структуре мигрантов трудоспособного возраста выше доля молодежи в возрасте 15–19, 20–29 лет и ниже доля людей старше 30 лет, чем среди занятого населения, работающего на своей территории, и относительно возрастной структуры населения республики (см. рис. 6). Среди мигрантов в возрасте 20–29 лет заметна высокая доля женщин: среди прибывающих — 39,8 %, среди выбывающих — 38,2 %, в то время как среди занятого населения принимающего сообщества доля женщин в этой группе составляет всего 18,6 % (в общей структуре населения — 17,1 %). Рост численности женщин среди мигрантов, в т.ч. и трудовых, не является региональной спецификой.

Мировая научная общественность озадачена тем, что миграционная активность женщин стала глобальным явлением, имеющим неоднозначные последствия для социально-экономического развития как стран-доноров, так и стран-реципиентов.

В последние годы статистически фиксируется рост доли мигрантов в трудоспособном возрасте и среди прибывающих, и среди выбывающих мигрантов. Так, в 2000 г. доля трудоспособных мигрантов среди прибывших составляла 72,5 %, среди выбывших — 71,7 %; в 2019 г. — соответственно, 78,9 и 75,3 %. Рост их доли связывается с усилением внутриреспубликанских переселений сельского населения в поисках работы в городских поселениях и миграцией в районы добычи полезных ископаемых. В 2019 г. особенно много прибытий по доле трудоспособных мигрантов в Сунтарский (90,5 %), Эвено-Бытантайский (87,8 %), Алданский (86,5 %), Кобяйский (86,3 %) и Нюрбинский районы (85,7 %), а выбытий — из Татгинского (84,3 %), Момского (84,1 %), Верхневилуйского (84 %), Сунтарского (82,6 %) и Амгинского (82,2 %) районов.

Как в общем населения РС (Я), так и среди мигрантов сократилась доля детей в возрасте 0–15 лет: если в 2000 г. среди прибывающих они составляли 20,6 %, то в 2019 г. — 13,8 %; среди выбывающих — 19,9 и 14,7 % соответственно. В 2019 г. по наибольшей доле прибытий и выбытий детского населения выделяются Оленекский: прибыло — 24,7 %, выбыло — 27,7 %,

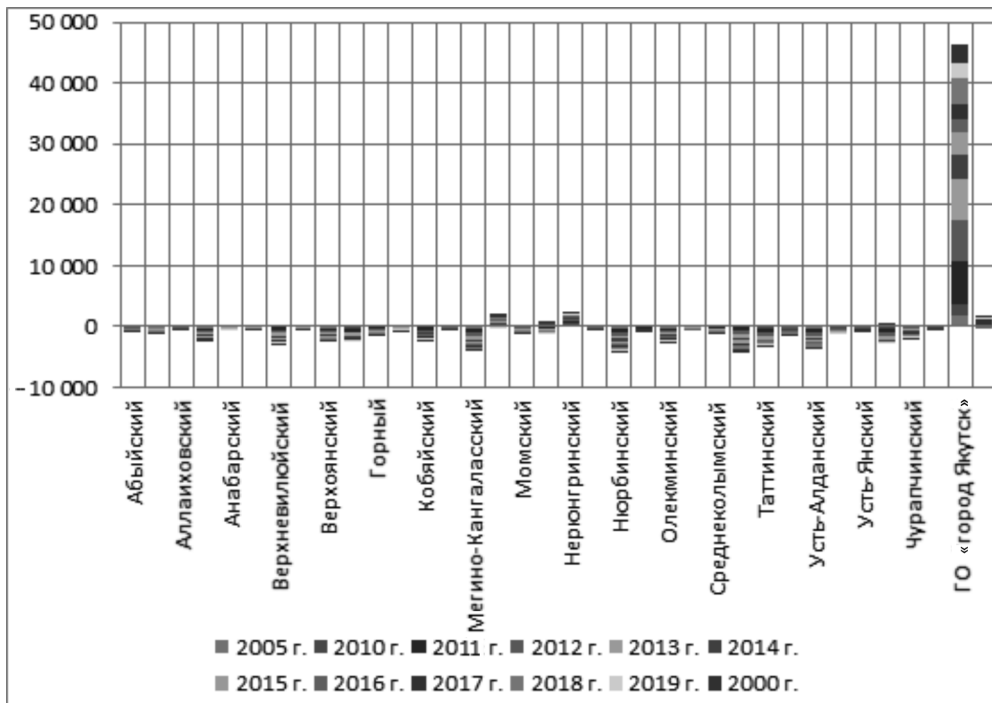

Рис. 5. Прирост внутриреспубликанской миграции по районам, чел.¹⁹

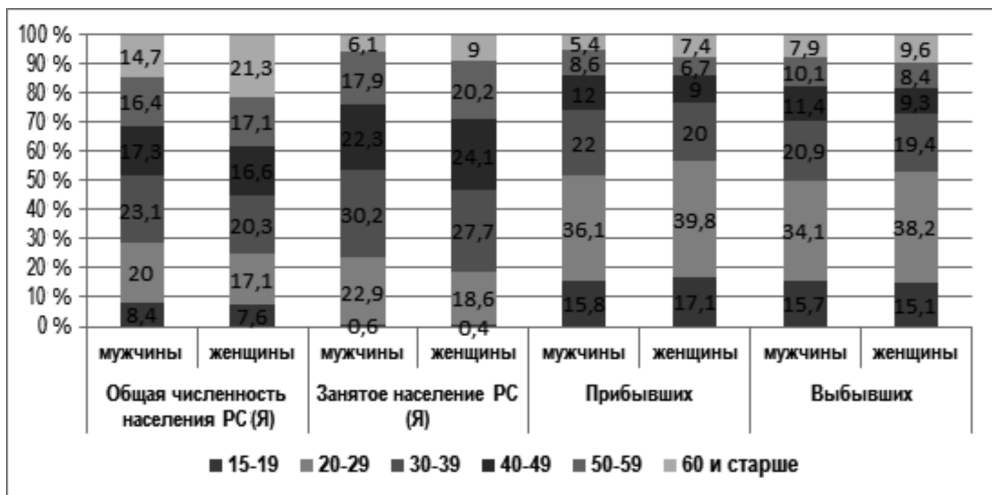

Рис. 6. Распределение численности мужчин и женщин старше 15 лет занятого населения РС (Я) и мигрантов по возрасту в 2019 г., %²⁰.

¹⁹ Общие итоги миграции населения [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348>. Дата обращения: 09.10.2020.

²⁰ Республика Саха (Якутия) в цифрах: краткий стат. сборник. — Якутск, 2020. — С.34; Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия). Стат. сборник. — Якутск, 2019. — С. 59.

соответственно, Усть-Янский (21,8 % — 23,9 %), Чурапчинский (22,6 % — 23,1 %), Намский (23,6 % — 28,3 %) районы. Наименьшая доля детского миграционного оборота наблюдается в Оймяконском: прибыло — 5,1 %, выбыло — 9,9 % и Алданском (6,5 % — 10,3 %).

Увеличивается доля мигрантов старше трудоспособного возраста, что связано с увеличением доли пожилого населения и с ростом продолжительности жизни. Среди прибывающих в 2000 г. доля мигрантов старше трудоспособного возраста составила 6,9 %, в 2019 г. — 7,3 %; среди выбывающих 8,4 и 9,9 % соответственно. В 2019 г. по наибольшей доле прибытий и выбытий населения старше трудоспособного возраста отмечаются Верхнеколымский (прибыло — 14,5 %, выбыло — 16,8 %) и Нижнеколымский (прибыло — 15,8 %, выбыло — 16,2 %) районы.

Среди мигрантов (в сравнении с населением, работающим на территории своего региона) выше доля лиц со средним общим, основным общим образованием, не имеющих основного общего образования, и ниже доля лиц с высшим и средним профессиональным.

По данным Министерства внутренних дел РС (Я), в 2019 г. на миграционный учет было поставлено 77,4 тыс. иностранных граждан, что на 5,6 % выше, чем в предыдущем году (73,2 тыс. чел.). Большую часть из них составляют выходцы из стран СНГ: из Кыргызстана прибыли 7190 чел. (19,2 %), Таджикистана — 5992 (19,2 %), Узбекистана — 3939 (12,6 %), Армении — 2201 (7 %), Казахстана — 1860 (5,9 %). Кроме этого, отмечается большое количество мигрантов из Украины — 2489 (7,9 %). Наибольшая доля в числе прибывших иностранных граждан с визовым режимом принадлежит гражданам Китая — 3134 чел. (42,3 %), Кореи — 443 (5,9 %), Германии — 332 (4,5 %), Японии — 279 (3,8 %), США — 211 (2,8 %), Франции — 177 (2,4 %) и Индии — 143 (1,9 %). Основными целями въезда иностранных граждан в Республику Саха остаются «работа по найму» и «частная»²¹.

Положительный миграционный баланс в республике отмечен только в г. Якутске и близлежащем к нему п. Жатай. Наиболее привлекательным для мигрантов остается г. Якутск: с 2000 г. миграционный прирост здесь составил 27,8 тыс. чел. В 2019 г., по сравнению с данными ВПН-2010, численность его населения увеличилась на 15,4 %, с ВПН-2002 — на 33,9 %. Столичные жители выезжают за пределы РС (Я), а взамен прибывают сельские мигранты и выходцы из ближнего зарубежья. Средний возраст жителя г. Якутска составляет 32 года (по РС (Я) — 35 лет, по РФ — 34 года). Городской округ занимает первое место среди административных районов республики по показателям рождаемости — 3933 новорожденных. Вследствие непрерывного роста численности горожан за счет естественного прироста и миграции, фактическое количество детей, нуждающихся в детских садах, выше норматива на 7304 чел., фактическое количество учащихся городских школ превышает норму в 2 раза²².

²¹ Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://14.мвд.рф/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-мвд-по-республике-саха-якутия-/item/19768336/>. Дата обращения: 04.10.2020.

²² Отчет по итогам деятельности Окружной администрации г. Якутска за 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: якутск.рф/images/docs/Годовой%20отчет%202019.pdf. Дата обращения: 07.10.2020.

По данным администрации г. Якутска, в начале 2019 г. численность горожан увеличилась на 7032 чел. и составила 335,5 тыс. чел., однако еще остается большое количество людей, проживающих без регистрации по месту жительства. Кроме того, в столичном городе много иностранных граждан и лиц без гражданства (17,8 тыс. чел.), из них 6,6 тыс. чел. (76,1 %) продлили срок временной регистрации в связи с дальнейшим продолжением трудовой деятельности. В числе прибывших в визовом порядке преобладают граждане КНР — 1052 чел. (65,5 %) ²³.

В результате г. Якутск — главный центр притяжения рабочей силы — внутренних (село/улус РС (Я)-город, регион РФ-город), так и внешних (СНГ-город, далее зарубежье-город) мигрантов стал эпицентром своеобразного «этнического перекрестка», где происходят сложные процессы взаимодействия разных народов, культурных традиций и коммуникативных практик этнических сообществ Севера и Юга ²⁴. Еще в 2017 г. наши коллеги писали, что в столице республики «Потенциал противоречий и конфликтов формируется в силу столкновения двух векторов миграции — внутренней и внешней в местах повышенного спроса на рабочую силу; неравенства доступа к ограниченным социальным ресурсам (жилье, образование, здравоохранение и т.д.) ²⁵.

17–18 марта 1919 г. здесь произошло одно из громких общественно-политических событий в стране, непосредственно связанное с проблемой международной трудовой миграции в России. Уголовное преступление, совершенное выходцем из Кыргызстана, спровоцировало стихийные акции протеста против нелегальной миграции ²⁶. В г. Якутске состоялись несанкционированный митинг, в котором приняли участие около двухсот человек, а также митинг-встреча руководства города и республики с населением региона. 19 марта в республику прибыли представители кыргызских властей с целью проведения разъяснительной работы со своими соотечественниками в Якутии; выработки согласованной позиции в части совершенствования системы мониторинга и профилактики правонарушений среди мигрантов ²⁷.

Общественное неприятие идеи привлечения дополнительной рабочей силы из-за пределов страны Глава РС (Я) А.С. Николаев объяснил так: «Мигрантов становится все больше, а экономическая ситуация в республике и стране в целом неоднозначная. В этих условиях, как многие считают, мигранты начинают забирать рабочие места и самым наглым образом престу-

²³ О незаконной миграции по итогам 1 полугодия 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/191826>. Дата обращения: 06.10.2020.

²⁴ Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия). Отчет о НИР/НИОКР № 22/14 от 12.11.2014 г. — 364 с.

²⁵ Игнатьева В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2017. — № 4. — С.86.

²⁶ Антимигрантские митинги и погромы в Якутии как еще один признак неработающей миграционной политики [Электронный ресурс]. — URL: <https://otr-online.ru/programmy/novosti-otrazhenie-nedeli/antimigrantskie-mitingi-i-pogromy-v-yakutii-kak-signal-nerabotayushchey-migracionnoy-politiki-36252.html>. Дата обращения: 09.10.2020.

²⁷ Антимигрантский митинг-резонанс: Киргизия и Якутия договорились [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakhhalife.ru/antimigrantskiy-miting-rezonans-kirgiziya-i-yakutiya-dogovorilis/>. Дата обращения: 09.10.2020.

пать закон». По мнению мэра г. Якутска С.В. Авксентьевой: «Возмущение преступлением психологически наложилось на собственную ситуацию: цены растут, доходы не такие высокие, безработица среди молодежи, пенсионная реформа фоном... Плюс бытовые истории — обсчитали или обхамили в овощном ларьке, уставший человек едет с работы в автобусе, а там музыка громко играет, грязно. Мигранты работают в сфере обслуживания, а это то, с чем горожане сталкиваются не раз в день. Кроме того, многие в своих бедах ищут виноватого: трудно признаться себе, что что-то не смог изменить в своей жизни сам. Это не национальное, а чисто социальное, экономическое явление»²⁸.

По мнению председателя «Русской общины» А. Подголова, «раньше Якутск был русским городом, сейчас это якутский город. Дети городских жителей — и русских, и якутов — уезжают в другие города учиться и не возвращаются. Взрослые тоже уезжают, вместо них приезжают люди из села. В мигрантах они видят конкурентов, в селах вообще отношение к чужакам другое. Я говорю так: раньше вид Якутска был сельский, а менталитет жителей — городской»²⁹. Причины протестных настроений в принимающем обществе общественные деятели республики связывают с конкурентными преимуществами нелегальных мигрантов, ориентацией работодателей на слабозащищенных работников, формированием прекариата в Якутии, слабой конкурентоспособностью на рынке труда и низкой мобильностью местного населения³⁰.

Заметим, что в федеральных СМИ транслировались разные интерпретации этих событий: от мигрантского кризиса в российском обществе, коррупции и «передела» рынка труда, проблемы безработицы местного населения до национализма, ксенофобии и беспредела якутов и др. По этому поводу на встрече лидеров и членов национально-культурных объединений Якутии с М. Мишиным, заместителем руководителя Федерального агентства по делам национальностей России (ФАДН), была высказана их обеспокоенность искажением фактов, произошедших в г. Якутске. Выступившие на встрече отметили, что «национальные конфликты на бытовой почве есть и будут, но в последнее время они носят социально-экономический характер»³¹.

Следует сказать, что негативное отношение к найму трудовых мигрантов отчетливо проецирует отсутствие общественного консенсуса по вопросам их интеграции в принимающее сообщество. В частности, это видно на примере предложения о переносе мусульманской мечети за пределы жилых районов г. Якутска ввиду того, что он закрывает подъездные пути к зданию экстренной службы скорой помощи, жилым домам, проезжей части для автотранспорта и лишает возможности пешего прохода по улице; нарушает

²⁸ «Люди у нас терпимые. До определенного момента». Почему в Якутии начались протесты против мигрантов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3930406>. Дата обращения: 09.10.2020.

²⁹ Там же.

³⁰ Романов С. Как в Якутии решить проблему нелегальных мигрантов? [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakhaliife.ru/kak-v-yakutii-reshit-problemu-nelegalnyih-migrantov/>. Дата обращения: 09.10.2020.

³¹ Лидеры НКО Якутии встретились с Михаилом Мишиным [Электронный ресурс]. — URL: <http://ddnykt.ru/?p=21522>. Дата обращения: 11.10.2020.

федеральный закон «О тишине» (1999) и тем самым лишает жителей данного городского района положенного отдыха. Эту петицию, адресованную мэрии столицы, поддержали 8963 горожан³². Муфтий М. Сагов оценил это предложение как ущемление прав верующих: храмы должны быть расположены в пределах городских границ, чтобы было удобно всем верующим, независимо от их религиозной принадлежности. Также он подчеркнул, что ислам играет важную роль в воспитании людей — кто ходит в мечеть, тот никогда не совершит преступления³³. Примечательно, что мэрия г. Якутска высказалась за непрерывный диалог всех городских жителей с целью формирования гармоничного общества в северном мегаполисе, отличающемся своим этническим, лингвистическим, культурным и религиозным многообразием³⁴.

Известно, что среди российских регионов Якутия отличается самыми жесткими правовыми условиями, регулирующими численность трудовых мигрантов и осуществление ими трудовой деятельности. Так, в 2017 г. по инициативе Государственного комитета по занятости населения РС (Я) был принят Указ Главы РС (Я) об ограничении использования труда иностранцев по 14 видам экономической деятельности на региональном рынке труда — в сфере розничной торговли, сельского хозяйства, рыболовства, пассажирского и грузового транспорта, а также в системе здравоохранения, дошкольного, общего и дополнительного образования. В 2019 г. вышел новый Указ Главы РС (Я), ужесточающий меры борьбы с нелегальной миграцией и незаконным предпринимательством³⁵. Стоимость патента на работу в Якутии самая высокая по России — в 2019 г. составляла 9335 руб. в месяц.

По данным Государственного комитета по занятости РС (Я), в 2018 г. от работодателей поступило более 12 тыс. уведомлений о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами, что на 29 % меньше, чем в 2017-м. Ежегодно снижается доля работающих в республике иностранных граждан. Если в 2015 г. было выдано 1145 разрешений на работу, то в 2016 г. — 944, в 2017 г. — 338, в 2018 г. — 223 разрешений³⁶.

Другое главное направление трудовой миграции устремлено в сторону юго-западного экономического кластера РС (Я). Здесь расположены три важных промышленных района — лидеры по миграционному оттоку населения: Алданский, где с 2000 г. общая убыль составила –4783 чел., соответ-

³² *Прошу* рассмотреть возможность переноса мечети за пределы жилых районов г. Якутска [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.change.org>. Дата обращения: 09.10.2020.

³³ «*Это* ущемление по религиозному признаку»: муфтий Якутска об идее переноса мечети за пределы города [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/187802>. Дата обращения: 11.10.2020.

³⁴ «*Нам* нужно взаимоуважение»: мэр Якутска выступила против переноса мечети за пределы города [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/187885>. Дата обращения: 08.10.2020.

³⁵ Указ Главы РС (Я) «Об установлении на 2019 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Республики Саха (Якутия), иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» от 27.03.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3007753>. Дата обращения: 08.10.2020.

³⁶ *Скрытая* угроза: почему в России не рады мигрантам [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/28/12270524.shtml>. Дата обращения: 09.10.2020.

ственно, Нерюнгринский (–27 852 чел.), Мирнинский (–9711 чел.), Ленский (–4735 чел.). В этих районах в среднем ежегодно прибывают 4,8 % и убывают 6,1 % от общей численности населения и, главным образом, это мигранты из других регионов России.

Модель экономики, основанная на добыче и транспортировке сырья, нуждается в рабочих кадрах со специальным профессиональным образованием. Трудовая миграция в районы промышленной модернизации, как правило, временная, когда активно используется вахтовый метод. Прежде всего вахтовые формы труда востребованы в отдаленных, изолированных и малообжитых местностях, где работают вальщики леса, буровые вышки или ведется добыча полезных ископаемых. Как правило, такая производственная деятельность подразумевает длительный период вахты с удлиненной рабочей сменой и слабость социального обеспечения³⁷.

Несмотря на все выплаты, предусмотренные Трудовым кодексом РФ³⁸, обсуждение вопроса о выгодах вахтового метода для работодателей не прерывается. Есть мнение, что вахтовые расходы уменьшают их налогооблагаемую прибыль, а компенсационные выплаты вахтовиков не облагаются НДФЛ и взносами, в т.ч. взносами «на травматизм»³⁹. Вахтовый работник лучше контролируется трудовым договором, регламентирующим вид транспорта до места работы, оплату проезда, сроки и график работы, выходные дни, спецодежду, инструменты, бытовые условия, медицинское обслуживание и возможные вычеты премий, зарплаты.

В силу своего зависимого статуса «Вахтовики, по сути, попадают в пространство вне социальной ответственности территориальных властей и влияния социума в местах проживания их семей. С ними могут, а иногда и поступают как с нежелательными “гастарбайтерами”. А между тем... коллективы вахтовиков по месту их труда — это взрывоопасный материал. Значит, нужен государственный контроль и регулирование вахтовой системы как особой социальной страты»⁴⁰.

В этой связи отметим неоднозначное отношение принимающего общества к найму временных работников и к вахтовой работе в целом. Стало известно, что «Якутуголь» предпочитает привозить вахтовиков, селить их в общежитии или съемной квартире, платить зарплату, на чем все обязательства компании и заканчиваются. А местным кадрам нужно платить отпускные, проезды в отпуска, обеспечивать санаторно-курортным лечением, путевками в детские лагеря и т.д. Понятно, что такой подход вызывает недовольство местных жителей: «Некоторые наши пытаются к ним устро-

³⁷ Михайлова А.В., Попова Л.Н., Егорова Н.А. Пути совершенствования трудовой адаптации вахтовых работников (на примере вальщиков леса СМУ АО «Сахатранснефтегаз»). Ч. 1 // Кадровик. — 2018. — № 7. — С. 76–85.

³⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. Ст. 302. Гарантии и компенсации лицам, работающим вахтовым методом [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.

³⁹ Волохова А. Надбавки за вахту свободны от НДФЛ и страховых взносов // Новая бухгалтерия. — 2019. — № 7 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.eg-online.ru/article/402152/>. Дата обращения: 15.09.2020.

⁴⁰ Хайтун А.Д. Вахтовый метод может решить проблему монопоселений // Независимая газета. — 9 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0409/gazeta017.php>. Дата обращения: 15.10.2020.

иться, но с нерюнгринской пропиской не берут. Поэтому люди выписываются из города, прописываются по другим адресам»⁴¹. Между тем наниматели объясняют создавшуюся ситуацию оттоком молодежи из Нерюнгринского района: «Вроде бы условия неплохие, но молодые приходят на обогатительную фабрику утром, а в обед уже пишут заявление об увольнении. Мы же понимаем, что сейчас за те же деньги или чуть меньше можно попытаться найти и менее тяжелую работу»⁴².

Кроме того, у работодателей есть свои претензии к привозной рабочей силе: «Мы заинтересованы в том, чтобы работать с местными. Вахтовики — это большая текучка. Отношение у многих к оборудованию, как у временщиков. А ведь у нас техника на многие сотни миллионов рублей. Есть люди, которые работают вахтой на Эльге по семь лет. И они понимают, что технику нужно беречь, что им на ней работать. Но есть и те, кто приходит на полгода-год, и там отношение уже другое»⁴³. В данном контексте нужно сказать, что указанная проблематика трудовой миграции не является новой для Якутии. Негативные эффекты массовых перемещений рабочей силы в советский период довольно подробно изучены в региональной социологии в таких понятиях, как «миграционный сквозняк» и «северное временительство»⁴⁴. Как оказалось, даже в условиях новой социологической реальности, когда на первый план вышли экономические интересы, «обуздать» явление «временительства» не удается.

Привлечение временных работников также вызывает социальную напряженность в малочисленных местных общинах Западной Якутии. Так, жителей с. Таас-Юрях Мирнинского района тревожит, что: «Вокруг нас несколько компаний добывают нефть. Тут и там построены вахтовые поселки. Где-то 3–4, а то и даже 7 тыс. вахтовиков в них живут. Их, конечно, не волнует, как тут выживает маленькое село с населением 400 чел. Воздух грязный от их деятельности, много людей страдают аллергией, астмой, болезнями дыхательных путей»⁴⁵. Отчаявшиеся селяне, начиная от маленьких детей до глубоких стариков, устроили 24 марта 2016 г. массовый флешмоб, протестуя против строительства водозабора, который может оставить их без единственного источника чистой воды, рыбалки и охоты⁴⁶.

Озабоченность местного населения Якутии деятельностью недропользователей и временными поселками вахтовиков подтверждается итогами этнологической экспедиции 2016 г. В частности, 84 % опрошенных жителей с. Таас-Юрях выразили обеспокоенность ухудшением экологической обстановки в местах кочевий оленей и охотничьего промысла в связи с промыш-

⁴¹ *Нерюнгринцы* выписываются из Якутии, чтобы устроиться в свой угольный разрез [Электронный ресурс]. — URL: <http://taigapost.ru/news/neryungrincy-vypisyvayutsya-iz-yakutii-chtoby-ustroitsya-v-yakutugol>. Дата обращения: 15.10.2020.

⁴² *Что происходит в Южной Якутии? Вахте быть!* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vestil4.ru/2019/01/30/что-происходит-в-yakutugol-zachem-menyayut-svoih-na-chuzhikh/>. Дата обращения: 17.10.2020.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *Аргунов И.А.* Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР: история формирования и современные проблемы. — Якутск: Якутское кн. изд-во, 1988. — 232 с.

⁴⁵ *ПМА*: рукопись Томаса А.Г. (г. Мирный, с. Таас-Юрях, 2016).

⁴⁶ *В мирнинском селе Таас-Юрях прошел флешмоб «Сохраним нашу реку Ботуобия»* [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lsn.ru/162225.html>. Дата обращения: 16.10.2020.

ленным освоением территории традиционного природопользования эвенков. По мнению респондентов, это может привести к исчезновению традиционной хозяйственной деятельности — основы их жизни⁴⁷.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что интеграционный потенциал принимающего общества по большому счету зависит от характера взаимоотношений добывающих предприятий-нанимателей и мигрирующей рабочей силы, а также от состояния политики социальной ответственности хозяйствующих субъектов в отношении местного сообщества.

Социологическое исследование по вопросам интеграции трудовых мигрантов в принимающую среду проведено в 2018 г. в г. Якутске ($n = 164$) и п. Нижний Бестях Мегино-Кангаласского улуса ($n = 54$). Они отобраны как наиболее привлекательные для трудовых мигрантов населенные пункты общества-реципиента. Характеризуются сложным национальным составом населения, имеющего длительный опыт взаимодействия с миграционными сообществами. Анкетный опрос осуществлен по квотной выборке, учитывающей структуру генеральной совокупности по полу и возрасту.

Социально-демографические характеристики респондентов выглядят следующим образом: по возрасту: 18–29 лет — 34,59 %, 30–49 лет — 37,6 %, 50–64 лет — 17,4 %, 65 лет и старше — 10,1 %; по полу: 52,3 % женщин, 47,7 % мужчин; по брачному состоянию: холост/не замужем — 29,8 %, в браке (в т.ч. гражданском) — 62,4 %, вдовые — 0,5 %; по образованию: высшее — 23,9 %, незаконченное высшее — 28,9 %, среднее специальное — 34,4 %, среднее — 12,4 %, неполное среднее — 0,5 %; по роду деятельности: работающие — 92,7 %, безработные — 3,7 %, неработающие пенсионеры — 3,7 %.

В 2019 г. также были проведены полуформализованные глубинные интервью среди трудовых мигрантов ($n = 8$) из наиболее многочисленных этнических групп (киргизы, армяне, таджики, узбеки). При этом мигрант рассматривался как член транснациональных социальных сетей (семейных, земляческих). Поиск респондентов осуществлялся по месту работы. Информанты были выбраны по определенным критериям: пол, возраст, семейное положение, репродуктивные намерения, уровень образования, наличие/отсутствие опыта трудовой деятельности; периодичность/отсутствие отлучки к постоянному месту жительства, независимо от легитимности пересечения границы и способа трудоустройства; миграционные установки или их неимение.

Исследованием выявлена ограниченность пространства социального взаимодействия представителей принимающего общества и трудовых мигрантов. Так, 63,6 % респондентов контактируют с ними только по необходимости — по месту их работы (овощные лавки, рынки, магазины, общественный транспорт); пользовались услугами (строительные, ремонтные работы); живут по соседству; 26,7 % опрошенных никак не взаимодействуют с мигрантами и всего 9,7 % имеют личные отношения (родственники, друзья, коллеги и др.).

⁴⁷ Оценка воздействия на этнологическую среду (ОВЭС) на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера при строительстве и эксплуатации промышленных объектов Центрального блока и Курунгского лицензионного участка Среднеботуобинского нефтегазоконденсатного месторождения // Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по заказу ООО «Таас-Юрях Нефтегаздобыча». — Якутск, 2016. — Т. 1. — С. 137.

63,1 % респондентов отметили свое нейтральное отношение к мигрантам, 14,4 % респондентов признались в своем дружелюбном отношении к ним, еще 12,4 % — уверены в том, что они привносят этническое и культурное многообразие в принимающее общество. Мнение о том, что мигранты создают проблемы и сложности в обществе (нехватка жилья, рост расходов на социальные, языковые, обучающие программы и т.п.), разделяют 29 % опрошенных, а 4,6 % — убеждены в том, что они вызывают межкультурные конфликты; 37,8 % — были свидетелями и/или участниками инцидентов с участием трудовых мигрантов. При этом 78,3 % респондентов не готовы участвовать в каких-либо протестных акциях или пикетах против трудовых мигрантов. На наш взгляд, это свидетельствует об отсутствии сильной напряженности и большой дистанции между принимающим обществом и трудовыми мигрантами.

По результатам нашего опроса 57,1 % респондентов полагают численность трудовых мигрантов, проживающих в их населенном пункте, избыточной. В массовых представлениях трудовые мигранты предстают как добросовестные работники, которым не хватает профессиональных навыков (31,8 % опрошенных), либо как недобросовестные работники без профессиональных навыков, готовые ради денег браться за любую работу (35 %). Кроме того, 25,8 % респондентов считают, что количество трудовых мигрантов стимулирует дополнительную занятость, создание новых рабочих мест и развитие инфраструктуры соответственно их растущего спроса на товары и услуги. Напротив, 23,5 % опрошенных замечают, что мигранты снижают цены на поставку продуктов и товаров, оказание услуг или выполнение работ (например, при участии в тендерах). Таким образом, массив респондентов раскололся на две части: воздействие трудовых мигрантов на социально-экономическое развитие республики оценено позитивно и негативно в одинаковой степени — 47 %.

Об имеющихся трудностях во взаимодействии с трудовыми мигрантами с иными нормами и ценностями, стереотипами поведения и восприятия сообщили 24,9 % респондентов. Причем 18,5 % из них связывают это преимущественно с культурными и религиозными отличиями, 35,2 % — с языковым барьером. Фактически, эти 53,7 % опрошенных из числа местного населения можно обозначить как готовых к доверительным взаимоотношениям с «другими». «Доверие позволяет нам уменьшить неуверенность и предположить, что другие будут поступать выгодно для нас или по крайней мере нейтрально. Мы можем тогда действовать более спокойно, более оптимистично, более свободно, думая, что мир лучше, чем он есть на самом деле»⁴⁸.

Мигранты не вызывают доверие у 11,1 % респондентов. Как пишет П. Штомпка, риска, создаваемого усложнением социальной среды, невозможно избежать, ибо для того, чтобы жить, мы должны вступать во взаимодействия с другими. Следовательно, мы должны постоянно участвовать в игре, делать ставку на те или иные будущие действия наших партнеров. Мы это делаем, проявляя доверие к ним или отказывая им в таком доверии. Доверие и недоверие — это своего рода ресурсы, капитал, который мы приводим в движение, делая свои ставки в этом непрерывном азарте контактов с другими людьми⁴⁹.

⁴⁸ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. — М., 2005. — С. 326.

⁴⁹ Там же.

Исследованием установлено, что сами мигранты больше полагаются на «сетевой капитал», реальные и потенциальные социальные отношения — а именно — способность заводить и поддерживать социальные отношения с теми людьми, которые по большей части не находятся в близком соседстве, т.е. образовывать и поддерживать сеть⁵⁰. Другими словами, миграционное сообщество являет собой целостную систему, которая имеет изолированный характер и, соответственно, сепаратные функции взаимодействия с окружающей средой.

Анализ интервью с трудовыми мигрантами показывает, что принимающее общество рассматривается ими как экономический ресурс, источник и средство обеспечения денежных средств. Работа и деньги необходимы для того, чтобы «отослать семье», «дать детям образование», «купить дом у себя на родине», «собрать калым» и т.д. По мнению К. Мокина, в российских городах мы видим не просто статистические совокупности иммигрантов или временных трудовых мигрантов, составляющих часть определенной этнокультурной диаспоры, а интенсивно формирующуюся, стремящуюся к кристаллизации и воспроизводству субкультуры мигрантов-прагматиков, рассматривающих принимающую среду преимущественно как экономический ресурс, а не как среду обитания⁵¹.

Неформальные контакты с местными жителями предпринимаются чаще всего в поисках регистрации, жилья и работы в местах прибытия, как правило, они обговариваются еще на родине мигранта. Так, почти все опрошенные лица к моменту прибытия в Якутию уже имели соответствующие договоренности. Судя по таким ответам: «мой дядя договорился с одной женщиной», «мы заплатили, хотя их не видели», «снимаем квартиру», они не всегда легитимны. Несмотря на авторитет земляков, на взгляд мигрантов-новичков, ведущих успешные переговоры, которые решают их жизненные трудности на данном этапе, личные взаимодействия и связи с принимающим населением они оценивают высоко.

Наши выводы коррелируют с итогами международных исследований, согласно которым экономическое неравенство, в т.ч. разница в заработной плате, не является ни необходимым, ни достаточным условием для миграции. Это связано с тем, что людям нужны ресурсы для переезда и они вряд ли будут мигрировать без конкретных возможностей и перспектив в странах назначения, таких как работа и помощь семьи или сети. Очевидно, они могут мотивировать людей к миграции по модели «push-pull» («тяни-толкай»), но экономическое неравенство имеет ограниченную объяснительную силу по сравнению с неравенством на уровне сообществ⁵².

Тем не менее процесс трудоустройства определен земляческими связями, поскольку мигранты присоединяются к уже закрепившимся группам, прошедшим подготовительные процедуры в принимающей стороне. Они «часто желают выполнять ту работу, которой заняты общины происхожде-

⁵⁰ Урри Дж. Мобильности. — М., 2012. — С. 360.

⁵¹ Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: автореф. дис. ... д-ра социолог. наук. — Саратов, 2007. — С. 3.

⁵² De Yaas H., Czaika M., Flahaux M.-L., Mahendra E., Natter K., Vezzoli S., Villares-Varela M. International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects // Population and Development Review. — 2019. — Vol. 45. — Issue 4. December. — P. 896.

ния, которые остаются до поры до времени основной социальной группой для мигрантов. То, что может показаться низкой заработной платой и плохими условиями труда с точки зрения страны назначения, может представлять собой значительный выигрыш в доходах, статусе и благополучии с точки зрения страны происхождения. Возможности трудоустройства в странах назначения в сочетании с относительной депривацией в общинах происхождения приводят к миграции гораздо более низкой квалификации»⁵³.

Вся цепочка трудовой деятельности поддерживается земляческими сетями, снижающими риски в условиях неопределенности и конкуренции на рынке труда чужой для них страны. Например, большинство собственников овощных лавок в г. Якутске являются этническими узбеками из Кыргызстана. Они не закупают овощи в городских оптовых базах, а привозят их, при посредничестве соотечественников, по схеме — Китай и/или Средняя Азия — Новосибирск — Якутск. Продавцы-киргизы на рынках г. Якутска и п. Нижний Бестях получают свой товар по аналогичной схеме из других городов России и сопредельных стран.

Установление позитивных социальных, личных контактов с местным населением связывается мигрантами в основном с их главным целеполаганием — зарабатыванием денежных средств. Так, к примеру, представитель киргизской национально-культурной общины открыто признал, что его земляки и ранее были вынуждены заключать фиктивные браки с местными женщинами в связи с дороговизной патента на работу, сегодня — из-за сложностей регистрации. Таким образом, проблемы включения трудовых мигрантов в принимающее общество связаны с отсутствием у них установок на интеграцию, исключительно меркантильной мотивацией своего труда, ограничением социальных контактов только в рамках земляческих сетей, отношением к местному населению как источнику и средству обеспечения денежных средств.

Вопросы о знании языка, культуры, обычаев и традиций принимающей стороны вызывают, в большинстве случаев, легкое недоумение трудовых мигрантов. Культурная дифференциация представляется им более органичной и естественной. При этом они считают, что им легче адаптироваться в Якутии, поскольку внешне они мало отличаются от коренного населения. В то же время многих из них не устраивает обилие контрольно-проверочных мер: «мой брат живет в Екатеринбурге, они там совсем свободно гуляют. А тут проверяют без конца документы». То есть указанный аспект миграционной политики РС (Я) стимулирует изоляционистские настроения в среде трудовых мигрантов, особенно тех, кто изначально не нацелен на интеграцию.

В настоящее время самым острым вопросом рынка труда мигрантов является нелегальный бизнес в самых разных сферах; это связано как с их незнанием правовых основ трудовых отношений в России, так и с нарушениями трудового законодательства работодателями. По данным МВД РС (Я), в рамках мероприятий по противодействию незаконной миграции, экстремизму и борьбы с преступностью в 2019 г. была проведена 7871 проверка (в 2018 г. — 5280). По итогам рейдов по выявлению фактов нарушения мигра-

⁵³ Там же. — Р. 897.

ционного законодательства было выявлено 5443 (в 2018 г. — 5746) административных правонарушений, связанные с проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства в стране, а также с их трудовой деятельностью. Всего на территории РС (Я) вынесено 648 решений о выдворении за пределы России; возбуждено 328 (в 2018 г. — 267) уголовных дел в сфере миграции⁵⁴.

Сотрудники Ресурсного образовательно-методологического центра Дома дружбы народов им. А.Е. Кулаковского отмечают, что самые большие проблемы в их работе связаны с отсутствием у мигрантов интереса к окружающей социокультурной жизни, они почти не поддерживают контакты с другими национальными объединениями и общественными организациями. Всегда заняты на работе, когда их приглашают для участия в мероприятиях, направленных на установление связей между разными общественными объединениями, на оказание им информационной, научно-методической и консультационной поддержки. Их с большим трудом можно пригласить только на бесплатные юридические консультации⁵⁵. По итогам нашего опроса, у мигрантов с детьми наблюдается больше мотивов-целей к культурной интеграции. Они стараются найти точки соприкосновения с местным населением — с родителями в детских садах и школах, с медицинским персоналом в учреждениях здравоохранения и т.д. Они чаще ходят в кинотеатры, музеи, на концерты ради детей, но посещение театров и библиотек ими ни разу не упоминалось.

Наше исследование позволяет сделать вывод о том, что интеграционный потенциал принимающего общества достаточно высокий. Так, интервью с трудовыми мигрантами показывают, что даже во время акций протеста против нелегальной миграции, когда мигранты-мужчины не вышли на работу из-за опасений за свою безопасность, женщины-мигрантки продолжали свою работу в учреждениях общепита, сервиса, торговли и т.п. Мигранты также рассказали о том, как много было звонков от местных клиентов со словами поддержки и утверждениями об их добром расположении к ним.

Тем не менее существуют основания для недовольства и социальной дезинтеграции местного населения и трудовых мигрантов: это — неравномерность распределения производительных сил и трудовых ресурсов; дефицит рабочих мест, особенно в сельских поселениях; дисбаланс развития города и села в регионе; низкий уровень жизни; проблемы доступа к социальной инфраструктуре; ограниченность поля этнокультурных взаимодействий; отсутствие знаний об истории, культуре и традициях народов Якутии. В целях уменьшения этносоциальных рисков, связанных с миграцией рабочей силы, рекомендуется расширить формы совместной культурно-досуговой и социально-просветительской деятельности мигрантов и местного населения с вовлечением не только сети учреждений культуры, но и местных и региональных органов управления, производственных коллективов, общественных организаций, учебных заведений и др.

⁵⁴ Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://14.мвд.рф/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-мвд-по-республике-саха-якутия-/item/19768336/>. Дата обращения: 09.10.2020.

⁵⁵ ПМА: рукопись (г. Якутск, 2016).

ГЛАВА 4.3

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЯКУТОВ (САХА): ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В наши дни в российском пространстве, как и в других многоязычных странах, вопросы о языках, языковой идентичности, распространение дискурса о символической функции этнических языков открыто перешли в плоскость политики и общественных отношений. Языковые проблемы, особенно в области этнокультурного образования, односторонняя поддержка государством одного языка вызывают острые дискуссии и находят атрибуцию в не менее выразительных заглавиях научных трудов: «Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах»¹, «Языковая политика: конфликты и согласие»², «Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России»³, «Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей»⁴ и др.

В этой связи мониторинг реальной языковой ситуации в российских регионах и в стране в целом остается одной из основных задач социолингвистики, в т.ч. выявление уровня владения этническим языком (языковой компетенции) их носителей в условиях языковой неоднородности, усложняющихся рисками, связанными с ускорением глобализации, урбанизации, стремительным развитием информационно-компьютерных технологий.

Наше исследование проводится в рамках российской этнической социолингвистики, определяемой как система знаний о сущности, месте, роли языка в структуре и функционировании этнической общности⁵, а объектом предстает активное взаимодействие языков этнических общностей российского коммуникативного пространства с доминирующим русским языком. Методологический аппарат этноориентированной социолингвистики обоснован в трудах Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН⁶, по-

¹ Соколовский С.В., Филиппова Е.И., Бабич И.Л. и др. «Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах». — М., 2019. — 260 с.

² Языковая политика: конфликты и согласие. — М., 2018. — 334 с.

³ Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. — М., 2016. — 297 с.

⁴ Амос-и-Фонт Э. Преподавание и проблема языкового поведения родителей. Научные доклады. Вып. 20. — Чебоксары, 2015. — 56 с.

⁵ Губогло М.Н. Этническая социолингвистика или социальная этнолингвистика? // IV конгресс этнографов и антропологов России (20–23 сентября 2001 г., Нальчик): Тезисы докладов. — М., 2001. — С. 188.

⁶ Язык и общество. Энциклопедия. — М., 2016. — 872 с.; *Словарь социолингвистических терминов*. — М., 2006. — 312 с.

звolyающих объяснить сущность и структуру языковой ситуации (далее — ЯС) и место в ней этнического языка. При этом акцент уделяется «отношениям между языком и народом, социальными группами, взаимодействию социолингвистических и этнических факторов в развитии языка»⁷. Разнообразные проблемы функционирования языков в регионах Российской Федерации изложены в работах Л.Л. Аюповой⁸, Н.А. Баскакова⁹, А.Н. Биткеевой¹⁰, Т.Г. Боргояковой¹¹, Г.А. Дырхеевой¹², С.С. Цыбеновой¹³, Э.В. Хилхановой¹⁴ и др.

В качестве рабочего определения понятия «языковая ситуация» принят авторский вариант, синтезированный на основе имеющихся дефиниций: ЯС — это складывающийся под влиянием социальных условий уровень владения этническим языком его носителями, характер функционирования языка и взаимодействие конкретной этнической общности с другими языками во всех сферах жизни в динамике, а также социальные установки, которых придерживаются в отношении этого языка члены соответствующей этнической общности и других языковых коллективов.

В данной главе представлено социопсихолингвистическое осмысление и обобщение факторов содержания якутской языковой компетенции в период с 2007 по 2014 г. посредством анализа изменений в уровне владения родным и русским языками носителей якутского языка, их социолингвистической обусловленности параметрами возраста, образования и урбанизированности. Учет социально-экономического контекста демонстрирует соотнесенность языковой компетенции с показателями территориальной мобильности, уровнем доходов респондентов. Также рассмотрены итоги направленных ассоциативных экспериментов (далее — НАЭ), психолингвистической экспликации установившихся динамических тенденций языковой компетенции молодежи сквозь призму языковых установок, релевантных для их коммуникативного сознания.

Эмпирическая база исследования включает: данные Якутии (Саха) стат. по национальному и языковому составу населения Республики Саха; итоги

⁷ Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. — Назрань, 2016. — С. 581.

⁸ Аюпова Л.Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. — Уфа, 2000. — 156 с.

⁹ Баскаков Н.А. Социолингвистический анализ языковой ситуации в регионе Средней Азии и Казахстана. — Нукус, 1992. — 48 с.

¹⁰ Биткеева А.Н. Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.2019. — М., 2006. — 435 с.

¹¹ Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. — Абакан, 2002. — 166 с.; Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <http://nit.tuva.asiant/article/>. Дата обращения: 30.04.2020.

¹² Дырхеева Г.А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. — Улан-Удэ, 2002. — 189 с.

¹³ Дырхеева Г.А., Цыбенова С.С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. — 2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905>. Дата обращения: 30.04.2020.

¹⁴ Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения минориатрных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Улан-Удэ, 2009. — 40 с.

ВПН-2002 и ВПН-2010; результаты двух массовых опросов: «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта г. Якутска» ($n=307$, 2007–2008) и «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)» ($n=467$ этнических саха, 2014); двух социолингвистических опросов среди якутов ($n=54$, 2007; $n=50$, 2014), а также дополнительно — опроса в небольшом моноэтничном якутском селе Чай Виллойского улуса РС (Я), локально — этнически обусловленные реакции русских студентов в ходе НАЭ. Сопоставление полученных данных проведено в хронологическом и территориальном разрезе. В качестве аргументов приводится мнение экспертного сообщества по теме «Использование современного якутского языка в г. Якутске» ($n=23$, 2016). В состав экспертов вошли ученые-исследователи (языковеды, философы), преподаватели вузов, учителя общеобразовательных школ.

Психолингвистическая часть представлена выборкой реакций студенческой молодежи из пилотных и массовых НАЭ, проводившихся в разное время. При формировании выборки использована многоступенчатая типологическая квотная стратификационная выборка, рассчитанная для г. Якутска И.И. Подойницыной¹⁵. Анализу подверглись реакции 90 русских и 111 студентов-саха (2008), 126 студентов-саха (2014) и 106 русских студентов (2016–2017). Социально-демографические характеристики респондентов, участвовавших в опросах 2007 и 2014 гг., репрезентируют генеральную совокупность.

В литературе отмечается, что высокая языковая компетенция входит в число факторов, обуславливающих витальность языка, а также в ряд основных компонентов, детерминирующих языковую ситуацию¹⁶. При изучении языковой компетенции, одного из главных компонентов объективной ЯС, нами использован термин «владение языком». В «Словаре социолингвистических терминов» он определяется как «... способность индивида понимать и синтезировать высказывания, умение отличать правильные высказывания от неправильных, отличать сходные по форме, но различные по смыслу высказывания, способность к перефразированию (умение выбирать из конкурирующих средств выражения, наиболее целесообразные с точки зрения говорящего в данной коммуникативной ситуации)»¹⁷.

В социолингвистических разработках уровень владения языком выявляют различными методами: тестами, вопросами об оценке собственных навыков в том или ином языке и т.д. При этом владение языком обязательно предполагает умение не только пассивно воспринимать, но и активно использовать язык, и в этом смысле оно противопоставлено «знанию языка», которое может быть и пассивным.

¹⁵ Подойницына И.И. Новый профиль социальной стратификации общества России. — Гамбург, 2012. — 245 с.

¹⁶ Белл Р. Социолингвистика: цели, методы и проблемы. — М., 1980. — 320 с.; Михальченко В.Ю. Принципы функциональной типологии языков России // Язык и общество в современной России и в других странах: межд. конф. (21–23 июня 2010 г., Москва). Доклады и сообщения. — М., 2010. — С. 42–44; Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 1998. — 40 с.

¹⁷ Словарь социолингвистических терминов. — М., 2006. — С. 38.

Результаты различных исследований показывают, что якуты (саха) характеризуются очень высоким уровнем национального самосознания¹⁸, а родной язык выступает основным этнодифференцирующим признаком¹⁹. Для выявления уровня владения языком мы используем элементарные механизмы речи по ее видам. Так, в нашем опроснике применялись формулы для активного владения языком, способного к процессам восприятия, порождения речи — «свободно говорю, читаю и пишу»; более низкие уровни представлены формулами: «говорю, читаю, но не пишу», «говорю, но не читаю и не пишу», «говорю с затруднениями», «понимаю общий смысл сказанного, но не говорю», а также отмечалось незнание языка — «не владею».

Указанная градация обусловлена адаптацией методики измерения к изменяющимся социолингвистическим условиям — все более распространяющейся тенденции к «оразговориванию» языка (по Лаптевой О.А.). Уровень «говорю, читаю, но не пишу» по отношению к якутскому языку присутствует в языковой компетенции саха, прошедших социализацию в русскоязычной среде, не изучавших родной язык в школе, но имеющих навыки разговорной речи в семейном общении и навыки чтения, приобретенные благодаря единой кириллической основе якутского и русского алфавитов. При этом часто отсутствуют навыки якутского письма, так как это более высокий (продвинутый) уровень владения языком.

Указанный уровень был выявлен при пилотном опросе (Якутск, 2007) у респондентов всех этнических групп (якуты, русские и группы под условным названием *другие*, большинство которой составляли КМНС, татары, башкиры) по отношению как к якутскому, так и к русскому языкам. Поэтому он был включен во все последующие опросы, т.к. выявляет промежуточный уровень между свободным владением и владением разговорным языком.

В то же время уровень «говорю, читаю, но не пишу» по отношению к якутскому и русскому языкам, видимо, не тождественен. Если по отношению к якутскому языку, как мы пояснили выше, он связан с его функциональной особенностью, то по отношению к русской языковой компетенции, на наш взгляд, предполагает более высокий уровень владения — умение воспроизводить текст, используя все виды речевой деятельности, т.е. создание коммуникативно и социально значимого содержания.

Данный уровень «говорю, читаю, но не пишу» по отношению к русскому языку встречается как у якутов, так и у русских²⁰, но менее социально значим, т.к. русский язык изучается по школьной программе, навыки чтения, письма приобретаются всеми школьниками, но, как правило, навыки

¹⁸ Леокадия Дробижеева: У жителей Якутии очень высоко национальное самосознание. 18 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: // <http://ресурсныйцентр-анр.pdf/region/14/News/>. Дата обращения: 26.03.2018; Арутонова Е.М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). — 2019. — № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). — С. 50–61 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506. Дата обращения: 25.04.2020.

¹⁹ Иванова Н.И. Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. — Новосибирск, 2013. — С. 24.

²⁰ Там же. — С. 30.

Динамика показателей уровня владения якутским и русским языками, %

Уровни владения языками	Владение якутским языком		Владение русским языком	
	2007	2014	2007	2014
Свободно говорю, читаю, пишу	77,6	80,6	92,1	86,4
Говорю, читаю, но не пишу	9,6	6,2	1,2	2,3
Говорю, но не читаю и не пишу	3,8	4,5	—	—
Говорю с затруднениями	3,2	4,3	6,3	10,3
Все понимаю, но не говорю	0,9	0,6	—	0,4
Понимаю общий смысл сказанного	3,5	3,1	0,3	0,4
Не владею	1,5	0,8	—	0,2

разговорной русской речи в моноэтнических селах Якутии выражены слабее вследствие отсутствия русской речевой среды. Следовательно, респонденты, отметившие уровень «говорю, читаю, но не пишу на русском языке», чаще являются выпускниками сельских школ республики, не получившие высшего образования и относительно недавно переехавшие в город.

Социолингвистические опросы (Якутск, 2007, 2014) зафиксировали незначительное повышение уровня владения якутским языком. Причем нельзя однозначно отметить социолингвистическую обусловленность: возросло активное владение якутским языком, якутской разговорной речью, а также число говорящих с затруднениями. Снизилось число как владеющих якутским письмом, так и аудирующих, но не говорящих, а также совсем не владеющих каким-либо уровнем якутского языка. Выявлено снижение навыков в русском языке: чтения, свободного владения русским языком и письмом (см. табл. 1).

В сельской местности РС (Я) установлены тенденции снижения языковой компетенции как в родном (на 3,4 %), так и в русском (на 10 %) языках. Больше всего уменьшились показатели свободного владения русским языком с 86,7 % в 2007 г. до 76,9 % в 2014 г.

В целом преобладающая часть якутского населения характеризуется двуязычием. Сместились акценты в тенденциях развития двуязычия: если в 2007 г. в общей сумме ответов якутов свободное владение русским языком было на 14,5 % выше владения этническим языком, то в 2014 г. эта разница не столь ощутима и составила 5,8 %²¹. На селе языковая компетенция в родном языке представлена относительно стабильными показателями.

У якутов (саха) с прямой этноязыковой самоидентификацией уровень владения якутским языком, безусловно, выше (92 %); для них характерна непосредственная корреляция двух основных показателей — наилучшее владение языком предполагает прямую языковую идентичность — родной язык обуславливает свободное владение языком, что отражает наличие этнического субстрата языка. При этом нет абсолютной корреляции между языковой компетенцией и этноязыковой идентичностью, границы весьма подвижны: например, 33,3 % опрошенных с низким уровнем владения

²¹ Иванова Н.И. Языковая ситуация в г. Якутске: экстенсивные и интенсивные показатели владения якутским языком // Вестник Бурятского государственного университета. — 2016. — Вып. 5. Филология. — С. 71.

Динамика уровня владения якутским языком среди разных возрастных групп якутов, %

Уровни владения языком	2007	2014	2007	2014	2007	2014	2007	2014
	17–25 лет		26–35 лет		36–50 лет		Старше 50 лет	
Свободно говорю, читаю, пишу	84,9	78,1	66,7	78	73	81,5	78,9	88,9
Говорю, читаю, но не пишу	5,9	5	11,1	8,3	12,7	8,1	15,8	3,7
Говорю, но не читаю и не пишу	1,3	4,5	11,1	4,6	1,6	4,8	2,6	3,7
Говорю с затруднениями	5,3	6	3,3	4,6	—	2,4	—	2,5
Все понимаю, но не говорю	0,7	—	2,2	0,9	—	1,6	—	—
Понимаю общий смысл сказанного	2	5,5	4,4	3,7	7,9	—	—	1,2
Не владею	—	1	1,1	—	4,8	1,6	2,6	—

якутским языком («все понимаю, но не говорю») и 6,3 % лиц, понимающих общий смысл сказанного, но не говорящих, признают его родным.

Якутский язык обучения в школе или изучение части предметов на якутском языке предполагает более высокую языковую компетенцию в якутском языке, потому рассматривается нами как фактор более высокого владения родным языком²². Наоборот, обучение на русском языке с 1 по 11 (10) классы предполагает наиболее низкую языковую компетенцию в якутском языке. Однако в дальнейшей социализации в зависимости от уровня образования прямая зависимость сменяется обратной — ниже всего уровень свободного владения родным языком у людей с высшим образованием (75 %). Устойчивость этого тренда подтверждает тем самым известную закономерность об отрицательном влиянии уровня образованности на владение этническим языком. Таким образом, якутский язык у современных его носителей имеет признаки социально маркированного кода.

Среди всех опрошенных людей (кроме лиц в возрасте 17–25 лет) наблюдается рост свободного владения якутским языком; при этом активное владение языком больше распространено у горожан старшего возраста, а количество не владеющих снизилось (см. табл. 2).

У представителей всех возрастных групп выявлена интенсивность уровня «говорю, но не читаю и не пишу», что говорит о росте разговорных навыков. Трудности в воспроизведении якутской речи («говорю с затруднениями», «понимаю общий смысл сказанного, но не говорю») характеризуют группу самых молодых — 16–25-летних респондентов. Таким образом, в молодежной среде обнаружены две противоположные тенденции: при росте достаточно высокого уровня свободного владения родным языком происходит снижение активных умений в якутской речи, и, соответственно, умеренно распространяется пассивный уровень владения якутским языком.

Причины этого явления связаны, во-первых, с системой образования РС (Я), т.к. массовая сельско-городская миграция не была своевременно обеспечена объектами социальной инфраструктуры — недостаток детских садов и общеобразовательных школ с этнокультурным компонентом в г. Якутске и сегодня остается острой проблемой. Во-вторых, период соци-

²² Иванова Н.И. Современные тенденции в сфере образования г. Якутска: языковые установки носителей якутского языка и мнение экспертов // Общественные науки. — 2016. — Т. 1, № 6. — С. 181.

ализации этой группы молодежи совпадает с началом массовой компьютеризации школ и интернетизации населения республики. По оснащению компьютерами РС (Я) входит в число лучших по Дальнему Востоку и по стране в целом²³.

Из этого следует, что молодежь саха 17–25 лет, представленная в опросе 2014 г., это та часть молодежи, в повседневную жизнь которой были интенсивно включены информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ). Их разнообразие, начиная с игровых приставок в середине 1990-х годов, впоследствии — мобильных телефонов, социальных сетей, канала «You Tube» и т.д., имело позитивное и негативное воздействие на детей и молодежь, проявляясь в том числе в снижении читательского спроса²⁴, продолжительности живого общения, и как их следствие — в снижении языковой компетенции.

Мы согласны с В.М. Саввиновым в том, что «вопрос оценки образовательных достижений по родным языкам и национальной культуре не приобрел большого общественного значения, а остается внутренним делом самой региональной системы образования, как элемент учебного процесса общеобразовательных учреждений»²⁵. Вместе с тем, как пишет он, тестирование учащихся 3–8, 10-х классов, проведенное в 2012/13 учебном году Министерством образования РС (Я), выявило устойчивую тенденцию снижения качества знания якутского языка в старших классах; в 2012 г. правом сдавать ЕГЭ по якутскому языку и литературе воспользовались всего 136 выпускников общеобразовательных школ республики.

В сельской местности Якутии языковая компетенция в родном языке выше (см. табл. 3). Разница в свободном владении якутским языком у городских и сельских респондентов варьируется: от 4 % у представителей старшего поколения до 14,3 % у людей среднего возраста (26–35 лет).

Во всех возрастных группах городских респондентов-саха языковая компетенция в русском языке выше компетенции в якутском языке: у самой молодой группы — на 3,4 %; у лиц 26–35 лет — на 15,8 %, лиц 36–50 лет — на 8,5 %, лиц старше 50 лет — на 2,3 %. В целом языковая компетенция молодежи 17–25 лет, проживающей в г. Якутске, в обоих языках ниже, чем у остальных респондентов.

В с. Чай Вилюйского улуса языковая компетенция представителей всех возрастных групп более равномерная: от 91,7 % у представителей молодого до 92,9 % у старшего поколения. Русская языковая компетенция варьируется от 58,3 % у респондентов 26–36 лет до 85,7 % в возрасте 36–50 лет. Молодые люди очень высоко оценили свою компетенцию — 83,3 %.

Стремление к выявлению наибольшего числа корреляций языковой компетенции и социальных параметров этнофоров, в т.ч. экспликации при-

²³ *Учащиеся и школьники Якутии оказались самыми продвинутыми в Российской Федерации по техническому оснащению — исследование. 15.04.2020 [Электронный ресурс]. — URL: //https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/uchitelya-i-shkolniki-yakutii-okazalis-samymi-prodvinutymi-v-rf-po-tehnicheskomu-osnashcheniyu-issledovanie. Дата обращения: 16.04.2020.*

²⁴ *Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия): итоги научного исследования. — Якутск, 2016. — 164 с.*

²⁵ *Саввинов В.М. Анализ проблем и критических ситуаций в системе образования с точки зрения задач сохранения культуры и языков коренных народов Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. — 2013. — № 4. — С. 104.*

Языковая компетенция респондентов-саха в якутском языке в зависимости от возраста и уровня урбанизированности, %

Уровни владения языком	17–25 лет		26–35 лет		36–50 лет		Старше 50 лет	
	г. Якутск	с. Чай	г. Якутск	с. Чай	г. Якутск	с. Чай	г. Якутск	с. Чай
Свободно говорю, читаю, пишу	78,1	91,7	78	92,3	81,5	92,9	88,9	92,9
Говорю, читаю, но не пишу	5	—	8,3	7,7	8,1	—	3,7	7,1
Говорю, но не читаю и не пишу	4,5	8,3	4,6	—	4,8	7,1	3,7	—
Говорю с затруднениями	6	—	4,6	—	2,4	—	2,5	—
Всё понимаю, но не говорю	—	—	0,9	—	1,6	—	—	—
Понимаю общий смысл сказанного	5,5	—	3,7	—	0	—	1,2	—
Не владею	1	—	—	—	1,6	—	—	—

знака престижности/непрестижности языка, соотносимого с их материальным положением, стало основанием для установления в качестве одной из социолингвистических переменных уровень доходов респондентов.

Проследив их корреляцию с показателями уровня владения языком и этноязыковой идентичности, обнаружили прямую зависимость: у людей с наиболее высоким доходом отмечается свободное владение якутским языком, но их доля среди опрошенного массива незначительна (1,3 %). В то же время нельзя утверждать, что самые небогатые слои населения плохо владеют якутским языком. Например, если учесть, что 36,9 % наших респондентов составили студенты столичных вузов, основной доход которых составляет ежемесячная стипендия (от 3100 руб.), тогда как величина прожиточного минимума на душу населения РС (Я) в 2014 г. составляла 12 310 руб. Тем не менее студенты образуют 74,5 % всех респондентов, свободно владеющих якутским языком, в чем видно влияние речевой среды, чаще — сельской моноэтнической.

В ответах на вопрос: «Как Вы оцениваете уровень жизни и достаток Вашей семьи?» несколько нивелируется влияние уровня владения языком, по всей видимости, вследствие различия в индивидуальных запросах, потребностях респондентов (см. табл. 4). Наибольший уровень владения якутским языком зафиксирован у людей, оценивших свой материальный статус как «очень высокий» и как «очень низкий». Также 90,6 % опрошенных лиц с высоким достатком свободно владеют якутским языком. Основная масса респондентов относит себя к людям со средним достатком, а уровень владения языком ими оценен чуть ниже, чем у лиц с более высоким доходом. Достаточно значима доля людей с высоким, средним, низким уровнем владения среди респондентов с двумя (якутским и русским) родными языками. Показательна корреляция якутов (саха) с родным русским языком, в большинстве своем имеющих средний и низкий уровень жизни.

Данные по среднемесячному доходу в корреляции с родным языком показывают, что между этими переменными нет четкой зависимости. С некоторой долей условности, поскольку миграция сельского населения из улусов (районов) Якутии в столичный город продолжается, а вопросы трудо-

Результаты корреляции уровня владения якутским языком и материального положения семьи, %

Уровень владения языком	Оценка уровня жизни семьи*				
	Очень высокий (0,2)	Высокий (6,5)	Средний (79)	Низкий (13,4)	Очень низкий (0,9 %*)
Свободно говорю, читаю, пишу	100	90,6	79,7	77,9	100
Говорю, читаю, но не пишу	0	3,1	6,5	7,4	0
Говорю, но не читаю и не пишу	0	3,1	4,7	4,4	0
Говорю с затруднениями	0	0	4,7	4,4	0
Всё понимаю, но не говорю	0	0	0,5	1,5	0
Понимаю общий смысл сказанного	0	3,1	3,0	4,4	0
Не владею	0	0	1,0	0	0

* Доля оценивших респондентов из всей совокупности опрошенных лиц.

устройства и, соответственно, уровня доходов сопряжены с множеством других проблем, можно утверждать, что достижение экономически стабильного положения здесь предполагает лучшее владение родным языком. В этом случае видно, что наличие высшего образования, отрицательно связанного с языковой компетенцией, о чем говорилось выше, теряет свое значение, т.е. в настоящее время высокий образовательный статус не всегда предполагает высокий уровень благосостояния семьи. Указанные параметры по-разному коррелируют с уровнем владения якутским языком²⁶.

Общеизвестно, что урбанизация тесно связана с таким негативно оцениваемым этносоциальным процессом, как этническая ассимиляция. В настоящее время в российском коммуникативном пространстве актуальна закономерность: чем выше степень урбанизированности, тем ниже уровень владения этническим языком и выше владение русским языком.

В указанном контексте рассмотрим влияние урбанизации на языковую компетенцию и уровень воспроизводства родного языка у горожан-саха (см. табл. 5). Как и предполагалось, коренные горожане составляют большинство группы респондентов, не владеющих якутским языком. Среди них только 14 % свободно владеют родным языком, что на фоне других групп, на первый взгляд, незначительно, однако они же образуют 50 % всего опрошенного якутского массива — уроженцев г. Якутска. Дальнейшая корреляция данных массового опроса выявила закономерный факт: зафиксирована обратная зависимость владения якутским языком от возраста респондентов-саха, родившихся в г. Якутске. Так, в этой группе наиболее высокий показатель свободного владения якутским языком установлен у самых молодых опрошенных в возрасте 16–25 лет — 51 %; в возрастных группах 26–35 и 36–50 лет — по 21,6 %; наиболее низкий показатель у самых возрастных респондентов — 5,9 %. Таким образом, тот факт, что половина молодых людей, родившихся в столице РС (Я), свободно владеет родным языком, подтверждает рост престижа родного языка у городской части молодежи

²⁶ Иванова Н.И. Современный носитель якутского языка в г. Якутске: социопсихолингвистические характеристики в динамике. 2008 и 2014 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2015. — № 2 (11). — С. 64–69.

Уровень владения якутским языком в зависимости от продолжительности проживания в г. Якутске (2014 г., %)

Длительность проживания в г. Якутске	Свободно говорю, читаю, пишу	Говорю, читаю, но не пишу	Говорю, но не читаю и не пишу	Говорю с затруднениями	Все понимаю, но не говорю	Понимаю общий смысл сказанного	Не владею
Родившиеся в г. Якутске	14,0	33,3	31,8	57,1	33,3	100	100
Прибывшие 1–3 года назад	19,0	3,3	9,1	9,5	0	0	0
Прибывшие 4–10 лет назад	16,3	3,3	9,1	9,5	0	0	0
Прибывшие более 10 лет назад	41,6	33,3	27,3	4,8	33,3	0	0

* Сумма ответов в столбцах не равна 100 %, в таблице показана детерминация языковой компетенции коренных жителей г. Якутска и сельско-городских мигрантов.

сахы, наличие разнообразных ресурсов воспроизводства якутского языка, о чем более подробно будет рассмотрено ниже.

Также выявлена следующая картина: состав постоянного якутского населения г. Якутска все время пополняется выходцами из сельской местности республики, языковая компетенция которых перекрывает языковую компетенцию родившихся здесь горожан-сахы. К примеру, языковая компетенция уроженцев города в старшей возрастной группе ниже, чем у молодых респондентов, а языковая компетенция всего якутского населения, проживающего в г. Якутске, имеет прямую корреляцию с возрастом: чем старше опрошенное лицо, тем выше языковая компетенция на родном языке.

Продолжая тему социальной и территориальной мобильности, отметим, что желающих выехать жить и работать за пределами Республики Саха больше среди молодых респондентов-сахы с выраженными показателями этнической идентичности — родным якутским языком и высокой языковой компетенцией на родном языке. Абсолютное большинство представителей этой этнической общности (74,3 %) связывает социальную мобильность с обоими государственными языками республики — якутским и русским.

Далее на материалах опроса 2014 г. рассмотрим, насколько родной язык является аппаратом мышления респондентов-сахы. Нами предполагалось, что высокая языковая компетенция на родном языке формирует преимущественно сахаязычное мышление (см. табл. 6).

Итоги исследования показали, что респондентам молодого и среднего возраста привычнее думать на обоих языках, а старшему поколению свойственно мышление на родном языке. Выявлено различие языка мышления в зависимости от гендерной принадлежности — мышление у мужчин происходит чаще на родном языке (55,7 %), чем у женщин (46,7 %). Примечательно, что в проведенном опросе абсолютно все респонденты указали искомым нами параметр — язык мышления, который нелегко зафиксировать билингвам.

С точки зрения психолингвистики, различающей координативный, субординативный и смешанный типы билингвизма²⁷, преобладающую часть столичных (49,6 %) и сельских (86 %) респондентов, думающих на этниче-

²⁷ Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. — М., 1969. — 160 с.

Показатели языка мышления в зависимости от возраста респондента, %

Язык мышления	Возраст			
	16–25 лет	26–35 лет	36–50 лет	старше 50 лет
На якутском	43,0	45,8	57,5	60,5
На русском	28,7	18,7	15,1	14,8
На якутском и русском	28,3	35,5	27,4	24,7

ском, родном языке, можно причислить к субординативному типу билингвизма, в котором доминирует родной язык билингва, когда «говорящий воспринимает второй язык через родной язык, несмотря на отличия этих языков»²⁸.

По данным нашего опроса, 29 % городских и 12 % сельских респондентов, языком мышления которых являются якутский и русский языки, представляют координативный тип билингов. При таком типе «...первый и второй языки билингва автономны в его сознании и не смешиваются в его речевой практике. На семантическом уровне каждому из языков соответствует свой набор понятий, закрепленных за соответствующими лексическими единицами; на грамматическом уровне — грамматические категории двух языков не смешиваются, в результате чего интерференция минимальна»²⁹. По сравнению с субординативным, координативный тип билингвизма отражает значительно более высокую степень владения обоими языками, но не столь высокий уровень владения вторым языком, как при смешанном билингвизме.

Смешанный тип билингвизма представляет «идеальный случай владения родным и вторым языком, которые существуют в сознании говорящего как равноправные коммуникативные системы, не смешиваемые при восприятии (анализе) и синтезе речи»³⁰. Локальность представленности данного типа билингвизма очевидна, в нашем случае он имеет индивидуальный характер и наличествует в группе координативных билингов г. Якутска, поскольку продуктивный вид билингвизма развивается лишь в условиях двуязычной, многоязычной ЯС. В этом плане мы солидарны с утверждением, что: «... билингвом можно назвать человека, который живет и работает в условиях функционирования двух языков, является членом коллектива себе подобных людей, языковая деятельность которых характеризуется сменой языка общения в зависимости от ситуации общения»³¹.

Среди думающих на русском языке респондентов — 21,4 % горожан и 2 % селян, у которых выявлена высокая языковая компетенция в русском языке, нежели в якутском, и, возможно, у большинства из них превалируют установки и ориентации на русский язык.

Таким образом, внутренняя речь, продуцируемая в зависимости от уровня владения языком, показала наличие и условный удельный вес городских и сельских якутов, принадлежащих к трем типам билингвизма. Доминирующие типы билингвизма (субординативный и координативный) позволяют сделать вывод об относительности значений языковой компетенции, представленных в итогах Всероссийских переписей населения, осо-

²⁸ *Словарь социолингвистических терминов.* — М., 2006. — С. 220.

²⁹ Там же. — С. 97.

³⁰ Там же. — С. 195.

³¹ *Белоусов В.Н., Григорян Э.А., Позднякова Т.Ю.* Русский язык в межнациональном общении: проблемы исследования и функционирования. — М., 2001. — С. 198.

Описание ядра концептов «якутский язык», «русский язык» в коммуникативном сознании студентов-саха в динамике

«Якутский язык»		«Русский язык»	
2008	2014	2008	2014
Родной (93) Сложный (40) Красивый (20)	Сложный (75), в т.ч. <i>сложный</i> (40) + <i>ыарахан</i> (4) + <i>тяжелый</i> (3) + <i>уустук</i> (2) Родной (64) Красивый (47)	Великий (31) Красивый (29) Родной (29) Богатый (22)	Красивый (44) Богатый (33) Великий (33) Легкий (22)

бенно в отношении русской языковой компетенции якутов (саха), которая в действительности ниже заявляемых данных ВПН.

В целом корреляция уровня владения языком, языка мышления в зависимости от параметра возраста, дает аналогичные результаты, т.е. число факторов, модифицирующих показатели уровня владения родным языком респондента-саха в условиях активной конкуренции якутского и русского языков, сводится к параметру возраста.

Психолингвистический компонент исследования демонстрирует нарастающую сложность/трудность якутского языка для его молодых носителей (см. табл. 7). Наиболее многочисленная реакция «сложный», преобладающая в последнем НАЭ (2014), переместила на вторую позицию реакцию «родной», что отражает установление «дистанцированности» от родного языка.

Ассоциативное поле (далее — АП) «якутского языка» отмечено превалярованием положительных характеристик, однако, как и предполагалось, вобрало в себя весь спектр современных коннотаций данного концепта. Кроме наиболее релевантных для слова-стимула «якутский язык» реакций с этноидентифицирующим мотивом и положительной эстетической оценкой, представленных в табл. 7, достаточно значимо число лексем со значением или с компонентом «трудный», отражающих в действительности когнитивный план: *длинный; долгий; неудобный; трудно; неудобно; иногда непонятный; запутанный; учить трудно некоторые слова; трудно понять; иногда совсем непонятный; затруднительный; сложнопишущийся; трудночитаемый; непонятно, как образуются некоторые слова; очень длинные; трудно читаемые* и т.д. При этом АП, показывающее значение «трудность, сложность» якутского языка, намного шире представлено во втором эксперименте (2014), и, наоборот, в первом их количество незначительно (2008)³².

НАЭ также выявил достаточно локальную группу (2,4 %) единичных реакций, обозначающих следующий фактор «трудности» — ограниченность использования, узость этноязыковой среды, снижение престижа родного языка: *нераспространенный; малораспространенный; неизвестный вне республики; не встречающийся; малоизвестный; потерянный; часто не используемый; не востребованный; неавторитетный; неизвестный; местный; деревенский* и т.д.

³² Иванова Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. — Новосибирск, 2012. — С. 57–79.

Подчеркнем тот факт, что среди активной молодежи с высоким этническим и гражданским самосознанием данная оценка становится все более популярной. Поясним данное утверждение на примере интервью, взятом корреспондентом электронного издания Sakhalife.ru у молодого программиста А. Иванова, разработавшего якутский машинный переводчик на сервисе Яндекс. Переводчик. Здесь раскрывается лейтмотив АП, связанного с «трудностями» языка: «В условиях стремительной глобализации происходит *утрата* национальных языков и эту тенденцию я ощутил на себе. У меня два родных языка — *якутский и русский*. В последнее время заметил, что мой якутский *не столь востребован* и из-за недостаточности речевой практики мои знания словно *теряются*. Осознав этот процесс, понаблюдав за другими и с болью убедился, что это не только моя *проблема*. Я глубоко задумался о родном якутском языке, его сохранении для будущих поколений. Спросил себя: «Что я лично могу сделать?». К сожалению, *потеря идентичности* — глобальная проблема современности. Изучив проблему сохранения национальных языков, я пришел к выводу о необходимости полноценного представления якутского языка в киберпространстве»³³.

Ассоциативный эксперимент среди студентов-саха (2014) показал, что в ядре АП стимул «русский язык» вызывает наряду с превосходными оценками реакцию «*легкий*», отражающий его доступность, простоту, понятность для молодого билингва, т.е. снова обозначается прагматическая ценность данного концепта.

Необходимо уточнить о множестве экстралингвистических факторов, детерминирующих снижение языковой компетенции и интереса молодежи к этническому языку, оцениваемые обществом как крайне негативная тенденция. Среди объективных факторов можно назвать индивидуализацию сознания современной молодежи, независимо от их этнической принадлежности. Это предположение обосновывается тем, что в иерархии реакций на стимул «русский язык» подобные изменения зафиксированы и у русских студентов. Однако в ядре их коммуникативного сознания реакция «*родной*» переместилась на третью позицию, т.е. еще дальше, чем у якутов. В частности, если в 2008 г. значения реакций составили: *родной* (46), *сложный* (37), *могучий* (37), *великий* (34), *красивый* (33), то соответственно, в 2017 г. — *красивый* (50), *великий* (48), *родной* (40), *сложный* (38), *могучий* (36).

Итоги разных исследований в целом солидаризируются в оценке трансформации ценностей современной молодежи России, происходящей в меняющихся внешних условиях³⁴. Как отмечает А.А. Ларина, «В обществе произошел сдвиг к постмодернизации ценностей, который символизирует переход от материалистических к постматериалистическим ценностям — самовыражению, самореализации, качеству жизни. Последние в сочетании с такой ценностью, как толерантность, в т.ч. к неопределенности, с потребностями в общении, признании, интеллектуальном и эстетическом удовлет-

³³ *Якутский* энтузиаст о своих глобальных планах. 18.05.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakhalife.ru/yakutskij-entuziast-o-svoih-globalnyh-planah/>. Дата обращения: 19.05.2020.

³⁴ Широканова А.А. Индивидуализация постсоветской молодежи в сфере морали // Социс. — 2009. — № 12. — С. 21–26; Челомбицкая М.П., Лавинский Н.Г. Ценностные ориентиры современного общества // Молодой ученый. — 2011. — Т. 1, № 12. — С. 198–201.

ворении, свободе самовыражения, политическом участии составляют ядро процесса модернизации. Мнение о меркантильности и прагматизме молодого поколения обусловлено тем, что та их часть, которая артикулирует эти ценности, хотя и немногочисленна, но весьма целеустремленна и активна, способна дерзко мыслить и действовать не так, как поколение родителей»³⁵. Следует отметить, что такое поведение молодых людей, это — ответ на вызовы современного времени, поэтому необходимо видеть в них важный социальный ресурс нашего общества.

С целью выявления факторов формирования изучаемых явлений мы обратились к экспертному сообществу республики с вопросом: «*На Ваш взгляд, какие лингвистические и экстралингвистические факторы влияют на снижение языковой компетенции в родном языке якутской молодежи, почему родной язык для молодежи стал сложным для овладения?*». Распределение экспертных мнений и оценок вывело целый ряд причин ухудшения существующей ситуации. Это — недостаточно выверенная методология обучения родному языку в системе образования, в т.ч. несовершенство федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и снижение качества обучения в общеобразовательных школах РС (Я); спад интереса к чтению классической якутской и русской литературы; неполный функциональный статус якутского языка, проявляющийся в деятельности органов власти и управления, в устной публичной речи, визуальной информации, создающий мнение о необязательности его знания и использования в полиэтничном столичном городе; влияние европейских стандартов на систему традиционных ценностей; невысокий интерес молодежи к изучению истории своего края, сахаязычным массмедиа; сужение реальных потребностей в употреблении родного языка; доминирование русского языка, несбалансированное двуязычие; ограниченность паритетного двуязычия; недостаточность внедрения якутского языка в новых информационных технологиях; неприятие новой орфографии старшим поколением учителей якутского языка; отставание в разработке терминологии; внутрискруктурные особенности якутского языка, сложные для усвоения и т.д.

Отметим, что мнение экспертного сообщества преимущественно сконцентрировано вокруг сферы образования, проблемы методики и качества обучения, что указывает на актуальную проблемную зону. По результатам одного из последних исследований, проведенных в Якутии³⁶, 54 % респондентов-саха высказались о необходимости обязательного изучения якутского языка всеми школьниками в республике. Как считает Е.М. Арутюнова: «Присутствующее в общественном мнении среди якутов представление о необходимости обязательного изучения языка саха всеми школьниками может свидетельствовать не только о ситуативном влиянии языкового кризиса в образовании, но и косвенно, через язык, затрагивать представления о собственном статусе в республике»³⁷.

³⁵ Ларина А.А. Основные особенности современной молодежи // Территория науки. — 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi>. Дата обращения: 17.05.2020.

³⁶ Проект разработан Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН и Национальным агентством «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)» в 2019 г.

³⁷ Арутюнова Е.М. Указ. соч. — С. 61.

Прежде всего это говорит о сильных самосохранительных мотивах сахаязычного сообщества в условиях, несущих высокие риски для этнокультурного развития детей в регионах. К ним мы относим усиление влияния русскоязычных СМИ, новых инновационных технологий (гаджеты, мобильные телефоны), формирующих скорее монолингвизм, а не билингвизм. Отдельным аргументом в этом могут послужить ассоциаты концепта «якутский язык» из психолингвистического блока исследования: реакция «государственный язык» чаще актуализируется в ответах русских студентов (6), в реакциях студентов-саха не представлены. В ответах респондентов-саха есть 1 реакция в группе горожан старше 25 лет; у сельских жителей государственный статус якутского языка упоминается 1 раз, аналогичный статус русского языка — 3. Таким образом, парадоксальность ситуации состоит в том, что дискурс о каком-либо статусе якутского языка принадлежит не самим якутам (саха), а представителям другой этнической общности.

Мнения экспертов по поводу нормализации смешанной речи оказались неоднозначны, однако большинство уверены в локальности его распространения, а именно в пределах разговорной речи и отсутствии предпосылок для его проникновения в структуру языка. Симптоматично, что ни один из 23 экспертов не привел в качестве причин снижения языковой компетенции молодежи саха отсутствие мотивации к изучению родного языка. Следовательно, мотивация существует, можно говорить лишь о снижении.

Таким образом можно констатировать, что у молодежи саха наблюдаются снижение активных умений и умеренное повышение пассивных умений в якутской и русской языковых компетенциях, детерминированное факторами различного характера (несбалансированный билингвизм в языковом пространстве, недостаточно выверенная методика обучения родному языку в школах, общемировой тренд индивидуализации сознания молодежи, воздействие ИКТ и др.). Вместе с тем идет процесс воспроизводства якутского языка у молодых саха-уроженцев г. Якутска. Языковые установки поляризуются между позитивным отношением к родному языку как важнейшей духовной ценности и снижением интереса к нему, но в исследуемый период это выражено менее значимо.

Для людей среднего и старшего возраста характерна стабильность якутской языковой компетенции, что указывает на наличие социальной базы языка. Языковая компетенция молодежи в наибольшей степени подвергается воздействию внутренних и внешних факторов, но и ответственность за судьбу родного языка сегодня возлагается на них: выберут они родной этнический язык или функциональный язык большинства, либо будут творчески реализовывать обе языковые компетенции, передавая билингвистическую и бикультурную ценность своим детям. При этом важно осознавать реалии настоящего времени — витальность языка остается стабильной лишь в том случае, если поколение родителей передает детям активные навыки владения родным языком: умение говорить, писать, читать, прививаемые в полной мере лишь в школах с родным языком обучения и полноценном семейном общении.

Объективным фактором снижения языковой компетенции является историческая изменчивость любого языка: язык и его нормы, правила использования не являются раз и навсегда установленными, меняясь в соот-

ветствии как с внутренними законами языка, так и под влиянием развития общества, его культуры, предпочтений носителей языка. Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки, дифференцируя поколенческие и собственно возрастные различия, отмечают, что язык меняется постоянно, и каждое следующее поколение, получая от родителей язык в одной форме, передает его своим детям несколько (или значительно, как в эпохи ломки) измененным — что и составляет процесс языкового изменения и развития³⁸. В этом плане последний 20-летний период характеризуется активными языковыми процессами, стимулируемыми распространением высокоскоростного Интернета и внедрением ИКТ в повседневную жизнь людей, которые, наслаиваясь на унифицирующие/нивелирующие процессы глобализации, создают мощное негативное воздействие на недоминирующие и миноритарные языки.

На наш взгляд, возможность противостоять новым вызовам современности связана, прежде всего, с наличием устойчивой литературной нормы якутского языка и документированных образцов речи разных стилей, богатейшим арсеналом устного народного творчества, художественной литературы. Кроме лингвистического наследия, стабильность языковой компетенции якутов (саха) в родном языке поддерживается внутрирегиональной сельско-городской миграцией носителей якутского языка, свободно владеющих им. Несмотря на сильные урбанизирующие, а значит, по воздействию на языковую практику городского жителя, русифицирующие процессы, уровень владения якутским языком у взрослого якутского населения старше 25 лет остается на уровне 80 %. Кроме того, установленная типология билингвизма в полиэтнической городской и моноэтнической сельской общностях якутов (саха): в городском социуме преобладают билингвы субординативного типа — 49,6 %, координативного типа — 29 %, соответственно, в сельской черте — 86 и 12 %, также указывает на высокую языковую компетенцию в родном языке.

Уровень языковой компетенции и наличие ресурсов воспроизводства родного языка взаимосвязаны и взаимозависимы, при этом детерминированы уровнем использования разных языков, а также языковыми установками. Наиболее значимыми установками, проявляющимися по отношению к родному языку, к оценке его перспектив, является потребность родителей в образовательных организациях с определенным языком воспитания и обучения. Потребность родителей-якутов (саха) в детских садах и школах с якутским языком воспитания и обучения подсчитана по ответам респондентов в возрасте 26–35 лет, полученным в ходе исследования У.С. Борисовой. Она отмечает, что пик брачности коренных народов Якутии приходится в период от 20 до 24 лет (39,7 % всех заключенных браков)³⁹. Следовательно, вопрос выбора языка актуализирован для молодых респондентов в возрасте 26–35 лет. Как оказалось, большинство реальных и потенциальных родителей отдали приоритет родному языку в воспитании и обучении своих детей в детском саду (42,6 %) и школе (31,6 %), хотя в действительности они обра-

³⁸ Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. — СПб., 2004. — С. 78–79.

³⁹ Борисова У.С. Анализ воспроизводства коренных народов Республики Саха (Якутия) // Современные исследования социальных проблем. — 2013. — № 6 [Электронный ресурс]. — URL: www.sisp.nkras.ru. Дата обращения: 12.03.2020.

зуют группу опрошенных с наименьшим уровнем свободного владения родным языком.

На наш взгляд, такие установки свидетельствуют о преждевременности предпринимаемых мер по унификации языка образования в Российской Федерации, свертыванию программ этнокультурного образования в республиках. Следует учитывать отношение людей к родному языку, которое не меняется со временем. В частности, в течение последних 30 лет среди якутского городского сообщества преобладает этнокультурный мотив в выборе языка обучения. Так, по итогам социологического опроса 1988 г. только 18,3 % горожан-саха сделали выбор в пользу русского языка обучения⁴⁰, что подтверждается результатами наших опросов, проведенных в 2007 г. и 2014 г. — также в пределах 20 % респондентов.

Восходящий тренд предпочтения школ с якутским языком в г. Якутске также связан с ростом престижа и репутации этих учебных заведений, их высокими рейтинговыми показателями. Например, согласно рейтингу агентства RAEX (РАЭК-Аналитика), составленному по данным о поступлении выпускников в лучшие вузы России, 9 школ Республики Саха вошли в топ-20 ДВФО, в т.ч. 6 школ, обучающихся по 2-й модели, т.е. со значительным компонентом родного якутского языка⁴¹.

В свете перечисленного существующая ситуация в сфере школьного образования отражает значительное расхождение между спросом и предложением: в столице республики — г. Якутске приблизительно 57 % детей саха не изучает родной язык⁴², т.к. у них нет возможности обучения на родном языке.

Как отмечает В.Б. Игнатьева, потребительские запросы городских саха, в т.ч. и молодежи, сегодня во многом формируются этничностью⁴³. Несмотря на меньшую долю объема потребляемой ими продукции этнических массмедиа (пресса, теле- и радиопередачи на якутском языке), они оценивают их выше⁴⁴, чем представители старших поколений, следовательно, есть интерес/спрос. Прослеживается логика указанного спроса: с одной стороны, он отражает этнокультурные потребности молодежи саха в позитивной этнической идентичности, воплощенной в креативных для северного региона современных формах — якутском кинематографе, Саха Википедии и др., с другой — этнический контент создается самой молодежью и воплощается в разных социальных и культурных проектах.

⁴⁰ *Винокурова У.А.* Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. — Новосибирск, 1992. — 141 с.

⁴¹ RAEX публикует рейтинг 100 лучших школ России по конкурентоспособности выпускников [Электронный ресурс]. — URL: <https://raex.ru/releases/2019/Apr17>. Дата обращения: 18.04.2019.

⁴² *Информация* начальника Управления образования г. Якутска Семенова А.К. на Круглом столе, посвященном направлениям развития этноречевой среды в сфере образования и воспитания. 13.02.2019 // ПМА: рукопись.

⁴³ *Игнатьева В.Б.* Этничность как идеология потребительства: антропологический анализ повседневности саха // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Мат-лы межд. научной конф. (25–27 ноября 2012 г., Барнаул). — Барнаул, 2012. — С. 82–90.

⁴⁴ *Иванова Н.И.* Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. Монография. — М., 2017. — С. 191–192.

Очевидно, что причастность к традиционной религии, проявляемая нашими респондентами, также проникает в город с носителями языка из сельской местности. Так, о своей принадлежности к религии народа заявили 51,9 % опрошенных в возрасте 16–25 лет, соответственно, 62,1 % — 26–35 лет, 61 % — 36–50 лет, 61,7 % — старше 50 лет.

В целом наличие указанных и других ресурсов воспроизводства якутского языка, наряду со стабильным уровнем владения родным (этническим) языком, представляет собой релевантный лингвопрогностический материал, учет которого необходим в артикулировании мер языковой политики в условиях языковой неоднородности современного российского коммуникативного пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей коллективной монографии представлен комплексный анализ региональных преломлений современных этносоциальных процессов, протекающих в многоэтничном, мультикультуральном, сложносоставном обществе российского региона. Приведены 11 авторских case study, основанных на конкретном социологическом материале Республики Саха (Якутия), имеющей свои отличительные особенности в демографической модернизации, диверсификации экономической деятельности, адаптации традиционных хозяйств Севера в современной аграрной системе; социальной динамике отдельных этносоциальных общностей/групп, территориальной и социальной мобильности, инкорпорации миграционных сообществ в принимающее общество в свете инклюзии/эксклюзии; формировании неравенства в доступе к основным социальным ресурсам и межнациональной напряженности; внедрении инноваций в сфере образования и социальной стратификации общества, соотношении этнической идентичности и родного языка.

Представляется, что нет необходимости повторять основные положения и выводы отдельных глав, но все же считаем нужным остановиться на следующих принципиально важных моментах, акцентирующих ключевые проблемы государственного регулирования этносоциальным развитием Республики Саха (Якутия).

Во многих тематических исследованиях коллективной монографии указывается, что социальная дифференциация детерминирована асимметричностью региональной экономики — ресурсно-экспортной с высокими доходами и высокودотационным-уязвимым аграрным хозяйством, представленным в основном традиционными занятиями (скотоводство, коневодство, оленеводство, охота, рыболовство, пушной промысел и др.). Несмотря на то, что большая часть трудоспособного населения РС (Я) занята в непродовольственных отраслях экономики (образование, здравоохранение, власть и управление), данное структурное наследие советского общества способствует сохранению поселенческой, профессиональной и социокультурной изолированности русского/русскоязычного населения, сосредоточенного в крупных городах и промышленных районах и коренных народов (якуты, эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи), проживающих в сельскохозяйственных улусах Якутии.

В данном контексте справедливо отмечается необходимость смены вектора экономической и социальной политики в сторону креативных индустрий, фундаментальную основу которых составляет парадигма сочетания

традиционных и инновационных сегментов региональной экономики. Существующие в Республике Саха акселераторы креативной экономики (этнокластеры, креативные кластеры, технопарки, ТОРы и др.), функционирующие с акцентом на развитие человеческого капитала, способствуют формированию нового креатокласса и креативных пространств. При этом подчеркивается «проектность» направления трансформаций, обусловленных как стремлением избавиться от «проклятия ресурсов», составляющих сегодня конкурентные преимущества региона, так и осознанным проектированием будущего общества субъектами этносоциальных процессов.

Перечисленные в коллективной монографии негативные проекции расколотого регионального рынка труда, определяющие неравномерное социально-экономическое развитие улусов (районов) республики, неравные условия жизни и труда городского и сельского населения, определяющие возможности их социальной адаптации, имеют и дополнительные коннотации в виде этносоциальных рисков и нестабильности межнациональных отношений. К наиболее вероятным из них отнесем, прежде всего, уязвимость и угрозу исчезновения традиционных хозяйств коренных народов Якутии, испытывающих беспрецедентные изменения климата и окружающей природной среды. Ухудшение условий содержания домашних животных становится таким очевидным, что в настоящее время можно констатировать медленное угасание уникального северного скотоводства как феномена человеческой культуры в Арктике.

Вопросы развития человеческого капитала ассоциируются с социологической реальностью «множества детств»/множественности детских миров применительно к представителям самой уязвимой социальной группы общества. Сравнительная оценка условий и качества жизни детей в городских и сельских поселениях Якутии выявляет устойчивый тренд социального неравенства раннего детства, связанного преимущественно с материальным благосостоянием семьи. В этой связи также следует сказать, что социализация детей происходит в условиях неопределенности ближайших перспектив сельских образовательных организаций, прежде всего, малокомплектных, вследствие ограниченности/отсутствия средств на развитие инфраструктуры образования. Кроме того, в условиях введения удаленного обучения в связи с пандемией COVID-19 обнажилась проблема цифрового неравенства в отношении детей, проживающих в арктических улусах (районах) Республики Саха. Вместе с тем наличие новых форм обучения в кочевых школах является одним из фундаментальных основ для разработки оптимальных для северного региона образовательных моделей.

Потенциал этносоциальных противоречий и конфликтов формируется, главным образом, в местах столкновения двух векторов миграции — внутренней и внешней в местах повышенного спроса на рабочую силу. Существующие проблемы взаимодействия принимающей среды и трудовых мигрантов во многом обусловлены отсутствием у последних установок на интеграцию, наличием сепаратных, ограниченных земляческими сетями, стратегий взаимодействия с местным населением, которое больше воспринимается ими как экономический ресурс, источник и средство обеспечения денежных средств. Массовое недовольство приезжими рабочими, выражаемое в форме протестных акций, можно рассматривать как неспособность

принимающего общества признать невозможность самостоятельно обеспечить экономический подъем республики и адаптироваться к изменяющимся социально-демографическим реалиям. Кроме того, ощущение несправедливости в группе наиболее малообеспеченных слоев населения способствует формированию солидаристских установок по этническому принципу.

В целом узел наиболее актуальных проблем современного этносоциального развития Якутии образует тесное переплетение процессов индустриализации, урбанизации, миграции с исторически сформировавшейся высокой полиэтничностью ее населения. В этой связи большое внимание уделено вопросам сохранения общественной стабильности и улучшения качества управления межэтническими отношениями. В указанном аспекте отмечается необходимость регулирования миграционных процессов, разработки концепции «управляемого сжатия» пространства системы расселения на среднесрочную и долгосрочную перспективу, в первую очередь, в отношении убывающих городов, рабочих поселков и сельских населенных пунктов республики.

Социальное самочувствие представителей этносоциальных общностей/ групп, их адаптационные стратегии показывают поддержку общественных отношений, функционально полезных как с позиций государственных интересов, так и с точки зрения этнокультурных потребностей народов Республики Саха. Многообразии проявлений многоуровневой социальной идентичности, в т.ч. и в области государственно-общественных отношений, свидетельствует о продуктивности идеи множественности подходов к регулированию современных этносоциальных процессов в системе нациестроительства и упрочения многоэтнической гражданской нации в Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

А) Официальные (законодательные акты, постановления, распоряжения, указы, концепции и программы и др.)

ГОСТ ИСО 9000-2008 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь «Национальный стандарт Российской Федерации системы менеджмента качества». Дата введения — 10.09.2009 г. — М.: Стандартинформ, 2009 [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200068733>

Государственный доклад «О положении детей и семей с детьми в Республике Саха (Якутия) в 2018 г.». — Якутск: Мин-во по делам молодежи и социальным коммуникациям РС (Я), 2019. — 207 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://minmol.sakha.gov.ru/deyat/doklady-vystuplenija-otchety>

Государственный доклад о состоянии здоровья населения Республики Саха (Якутия) в 2007 году. — Якутск: медиа-холдинг «Якутия», 2008. — 120 с.

Ежегодный отчет о результатах деятельности исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия), в том числе по вопросам, поставленным Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я). — Якутск, 2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3227408>

Закон Республики Саха (Якутия) «О государственной поддержке образовательных организаций, расположенных в сельских населенных пунктах» от 11 апреля 2000 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/800200709>

Закон Республики Саха (Якутия) «О кочевой семье» от 15.06.2016 г. (в ред. от 30.05.2017 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/439090024>

Закон Республики Саха (Якутия) «О правах ребенка» от 1 июля 1994 г. // Сборник законов Республики Саха (Якутия). — Т. 3. 1994–1995. — Якутск: Бичик, 2001. — С. 150–160.

Закон Республики Саха (Якутия) «О республиканском материнском капитале «Семья» от 16 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/453109686>

Закон РС (Я) «Об образовании в Республике Саха (Якутия)» от 15 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/423902254>

Закон РС (Я) «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)» от 17 декабря 2008 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/819089973>

Закон РС (Я) «Об уполномоченном по правам ребенка в Республике Саха (Якутия)» от 5 февраля 2003 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/428619430>

Закон РС (Я) «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 14.04.2010 г. (в ред. от 30.01.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/895252453/>

Закон РС (Я) «О Государственной целевой программе «Семья и дети Республики Саха (Якутия)» на 2007–2011 гг. от 16 марта 2007 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/802096813>

Закон РС (Я) «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)». Принят Государственным Собранием (Ил Тумэн) РС (Я) 22.07. 2008 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/445029377>

Закон РС (Я) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия) (новая редакция)» от 10.07.2003 г. (с изм. на 30.01.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/553108258>

Закон РС (Я) «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей в Республике Саха (Якутия)» от 4 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/802010254> (185)

Закон РС (Я) «О распространении положений Федерального закона от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» на русских арктических старожилов Якутии (походчан и русскоустыинцев)» от 15.04.2004 г. (в ред. от 15.10.2009 г.) // Законы Республики Саха (Якутия), отличающиеся своей уникальностью (по состоянию на 01.01.2020 г.). Тематический информационно-аналитический сборник. — Якутск: Информационно-аналитическое управление Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я), 2020. — 4 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://iltumen.ru/analytics>

Закон РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года». от 19 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/48185108/>

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986>

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. [Электронный ресурс]. — URL: www.demoscope.ru/weekly/znagi/koncersiya/koncersiya25.html

Концепция развития креативной экономики Республики Саха (Якутия) до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РС (Я) от 27.12. 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561716583>

Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) в 2019 г. и задачах на 2020 г. — Якутск: МОиН РС (Я), 2020. — 183 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/Ob-ispolnitelynom-OGV-RS--/Otcheti-v-Pravitelystvo-RS--/publichnye-doklady-mo-rsja>

Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

Постановление Правительства РС (Я) «Об утверждении Плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 г. с целевым видением до 2050 г.» от 30 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561643936>

Постановление Правительства РС (Я) «Об утверждении республиканской целевой программы о мерах по обеспечению выезда граждан Республики Саха (Якутия) за пределы республики» от 11 августа 1998 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/473505172>

Постановление Правительства РФ «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24.03.2000 г. (с изм. на 26.05.2020 г.). [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757631>

Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Строительство на территории Российской Федерации жилья для граждан, выезжающих из

районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» от 10 июля 1995 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/2306070/#ixzz6bvUcJkvW>

Программа социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2025 года и основные направления до 2030 года. Одобрена постановлением Правительства РС (Я) от 05.06.2001 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://base.garant.ru/26740877/#block_1000

Распоряжение Правительства РС (Я) «Об утверждении Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства в Российской Федерации, «Якутия доброжелательна к детям» на 2018–2020 гг.» от 31 мая 2018 г. № 638-р [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561544902>

Распоряжение Правительства РС (Я) «О трудоустройстве граждан в промышленные предприятия, ведущие хозяйственную деятельность на территории Республики Саха (Якутия) в 2019–2024 годах» от 22 июля 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/473508244>

Схема комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г. Утверждена постановлением Правительства РС (Я) от 6 сентября 2006 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/shema-kompleksnogo-razvitiya-do-2020>

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

Указ Главы РС (Я) «Об основных направлениях Государственной политики в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) до 2024 года» от 08.04.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202004090001>

Указ Главы РС (Я) «Об установлении на 2019 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Республики Саха (Якутия), иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» от 27.03.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3007753>

Указ Главы РС (Я) «О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Развитие культуры в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы и на плановый период до 2026 года» (с изменениями на 28 сентября 2020 г.)» от 13.12.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/561697698>

Указ Главы РС (Я) «О комплексной программе Республики Саха (Якутия) «Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на 2020–2022 годы» от 10.12.2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia-daily.ru/ukaz-glavy-respubliki-saha-yakutiya-ot-10-dekabrya-2019-goda-%E2%84%96-878-o-kompleksnoj-programme-respubliki-saha-yakutiya-formirovanie-sistemy-kompleksnoj-reabilitaczii-i-abilitaczii/>

Указ Главы РС (Я) «О Стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года» от 14.08.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://yakutsk-news.net/society/2020/08/14/58247.html>

Указ Главы РС (Я) «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Саха (Якутия)» от 27.10.2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2956141>

Указ Президента РС (Я) «Об утверждении Стратегии действий в интересах детей Республики Саха (Якутия) на 2012–2017 гг.» от 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://minmol.sakha.gov.ru/strategija-dejstvij-v-interesah-detej-na-2012-2017-gody>

Указ Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» от 29 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41954>

Указ Президента РФ «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» от 05.03.2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73606526/>

Указ Президента РФ «О создании федеральных университетов в Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округах» от 21 октября 2009 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5793>

Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>

Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 г. (ред. от 06.06.2019 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/

Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 г. (с изм. и доп. 28.08.2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33764/

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/180406/>

Федеральный закон о жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей от 25.10.2002 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/18773>

Б) Статистические

Валовой региональный продукт. Официальный сайт Саха (Якутия) стат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/>

Валовой региональный продукт. Структура ВРП по отраслям экономики. Официальный сайт Саха (Якутия) стат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/>

Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г. Статистический сборник №19/475. Т. 1. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2018. — 39 с.

Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г. Статистический сборник № 24/537. — Т. 2. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2018. — 99 с.

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. — 262 с.

Деятельность организаций общего образования детей в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2019. — 72 с.

Единая межведомственная информационно-статистическая система. Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги в 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448>

Здравоохранение в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2018. — 160 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Официальное издание. — Якутск: Комитет государственной статистики РС (Я), 2005. — 77 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения (по переписи 2002 года) [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) Табл. 11–44. Население улусов (районов) по национальности [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население

отдельных национальностей по возрастным группам и полу [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по полу и состоянию в браке [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по уровню образования [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по источникам средств к существованию [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>

Итоги Всероссийской переписи 2002 г. Т. 13. Число и состав семей Республики Саха (Якутия). Семейные ячейки в различных типах частных домохозяйств по размеру и числу детей моложе 18 лет [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения по муниципальным районам и городским округам [Электронный ресурс]. — URL: <http://sakha.gks.ru/folder/39644>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по муниципальным районам и городским округам [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу округам [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу и источникам средств к существованию [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу и состоянию в браке [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу и уровню образования [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

Итоги Всероссийской переписи 2010 г. Т. 6. Число и состав домохозяйств. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по размеру и числу детей моложе 18 лет по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия): в 8 т. — Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. — Кн. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия). — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. —

376 с.: с диагр. [Электронный ресурс]. — URL: https://sakha.gks.ru/storage/mediabank/ВСХП2016_том1_1.pdf

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия): в 8 т. — Т. 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. — Кн. 2. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.а по муниципальным районам и городским округам Республики Саха (Якутия). — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2019. — 205 с.: с диаг. [Электронный ресурс]. — URL: https://sakha.gks.ru/search?q=всхп+2016+pc+я&date_from=&content=on&date_to=&search_by=all&sort=relevance

Народное хозяйство Якутской АССР в X пятилетке (1976–1980 гг.). Статистический сборник. — Якутск: Кн. изд-во, 1981. — 116 с.

Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Сообщение Росстата [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php#2>

Обследование рабочей силы в Республике Саха (Якутия) (январь–сентябрь, 2018 г.). Статистический бюллетень № 289/533. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2018. — 37 с.

Общие итоги миграции населения [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32348>.

О межрегиональной трудовой миграции в 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf

О незаконной миграции по итогам 1 полугодия 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/191826>

Основные социально-экономические показатели Республики Саха (Якутия). Официальный сайт Саха (Якутия) стат. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/>

Распределение малоимущего населения по основным группам / Уровень бедности / Уровень жизни [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>

Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным категориям / Уровень бедности / Уровень жизни [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>

Республика Саха (Якутия) в цифрах: краткий статистический сборник [Электронный ресурс]. — URL: <http://stat.sakha.gks.ru:8899/bgd/2020/god/ВнГЗ.01.01/01/i4112401008.pdf?da605567-b7de-4254-8cd3-2e6559192b82>

Республика Саха (Якутия) в цифрах: краткий статистический сборник. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2020. — 180 с.

Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия): статистический сборник. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2017. — 169 с.

Смертность населения Республики Саха (Якутия) в 2017 году. Стат. сборник № 176/313. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. — 215 с.

Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2018. — 337 с.

Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации на территории Республики Саха (Якутия) за 2012–2017 гг. Стат. сб. № 17/466. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. — 113 с.

Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сборник. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2019. — 654 с.

Труд и занятость в Республике Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. — 270 с.

Уровень бедности. Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным категориям [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>

Численность воспитанников (с 2014 г.) / Дошкольное образование / Образование / Население. [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/41561>

Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г. Статистический сборник. — Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. — 75 с.

Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2020 г. Статистический сборник. — Якутск: Саха (Якутия) стат., 2020. — 80 с.

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода / Уровень бедности / Уровень жизни [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339>

United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Dynamics. World Population Prospect 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/>

В) Информационно-аналитические

Бюджет для граждан. К федеральному закону о федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период до 2021 и 2022 годов. — М., 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/12/main/Budzheta_dlya_grazhdan_2020-2022.pdf

Бюллетень Счетной палаты РФ. здравоохранение. — 2020. — № 2 (267) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/84e/84ed13237c0fe2b0dae052063e371cfe.pdf>

В Ил Тумэне обсуждены вопросы упорядочения сети учреждений здравоохранения. 12 ноября, 2019 [Официальный сайт Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)]. — URL: <https://iltumen.ru/news/16726>

Вакантные места педагогических работников на 2022–2023 гг. // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). Министерство образования и науки РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru>

Грант РГНФ № 14-13-14602 е(р) «Занятость молодежи коренных малочисленных народов Севера Якутии в контексте устойчивого развития арктических территорий: реальность и возможности» (рук. — к.э.н. Баишева С.М.).

Грант РФФИ № 18-49-140005р_а «Трансформации социокультурного облика коренных жителей арктического побережья Якутии в условиях модернизации: опыт междисциплинарного исследования» (рук. — к.и.н. Алексеева Е.К.).

Доклад о достижении Целей устойчивого развития — 2020. — Якутск: изд. дом СВФУ, 2021. — 124 с.

Ежегодник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова — 2019. — 278 с. // Официальный сайт СВФУ [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/sotrudniku/warning/pr/%D0%95%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202019.pdf>

ЗдравоЗахоронение? Оптимизация российской системы здравоохранения в действии [Электронный ресурс]. — URL: <http://cepr.su/wp-content/uploads/2017/04/ЗдравоЗахоронение.-Оптимизация-российской-системы-здравоохранения-в-действии.pdf>

Изменения в административно-территориальном устройстве и административно-территориальном делении Республики Саха (Якутия) за период с 1 июля 1986 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/izmenenija-v-administrativno-territorialnom-ustrojstve>

Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://14.мвд.рф/slujba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-мвд-по-республике-саха-якутия-/item/19768336/>

Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [Электронный ресурс]. — URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vr0>

Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований «Мониторинга экономики образования» // НИУ ВШЭ. — 2020. — № 29. — 14 с.

Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). — 2019. — № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). — 89 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506

Информационный портал технопарка «Якутия» [Электронный ресурс]. — URL: <https://trykt.ru/about/>

Информация Государственного комитета по занятости населения РС (Я) о реализации проекта на 23.09.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://gkzn.sakha.gov.ru/mestnye-kadry-v-promyshlennost/realizatsija-proekta>

Информация начальника Управления образования г. Якутска Семенова А.К. на Круглом столе, посвященном направлениям развития этноречевой среды в сфере образования и воспитания. 13.02.2019 // ПМА: рукопись Ивановой Н.И. (г. Якутск, 2019 г.)

Исследование проблем культуры и искусства, сохранение и возрождение языков и культуры народов Арктики и Субарктики // Официальный сайт СВФУ [Электронный ресурс]. — URL: <http://sever.s-vfu.ru/quality/cultpotential>.

Историческая справка — ГАРДТ им. А.С. Пушкина [Электронный ресурс]. — URL: <http://гардт.пф/istoricheskaya-spravka/>

«Ключевые направления развития российского образования для достижения Целей и задач устойчивого развития в системе образования» до 2035 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://edu2035.firo-nir.ru/index.php/stati-opublikovannye-uchastnikami-soobshchestva/86-klyuchevye-napravleniya-2035>

Минпросвещения России представило «Стратегию развития среднего профобразования до 2030 года» [Электронный ресурс]. — URL: <https://edu.gov.ru/press/3058/minprosvescheniya-rossii-predstavilo-strategiyu-razvitiya-srednego-profobrazovaniya-do-2030-goda/>

Малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия): информационный сборник. — Якутск: МГП «Полиграфист», 1994. — 121 с.

О ВУЗ-е // Официальный сайт СВФУ [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/o-vuze/>

О Северном форуме по устойчивому развитию: Устойчивое развитие — ключевая проблема современности [Электронный ресурс]. — URL: <https://nsdf.ru/about/>

Отчет о результатах самообследования Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри за 2017 год. — Нерюнгри, 2018. — 85 с.

Отчет о результатах самообследования Технического института (филиала) СВФУ в г. Нерюнгри за 2018 год. — Нерюнгри, 2019. — 85 с.

Отчет о самообследовании Технического института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри за 2014 год. — Нерюнгри, 2015. — 48 с.

Отчет о самообследовании Технического института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри за 2015 год. — Нерюнгри, 2016. — 88 с.

Отчет о самообследовании Технического института (филиала) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри за 2016 год. — Нерюнгри, 2017. — 82 с.

Отчет о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2016–2020 гг. // Текущий архив СВФУ. — 2021. — 278 с.

Отчет о результатах самообследования ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» за 2020 год от 19 апреля 2021 г. — 204 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.s-vfu.ru/universitet/information/>

Отчеты по научно-исследовательской работе Технического института (филиала) ТИ (ф) СВФУ за 2009–2019 гг. // Текущий архив ТИ (ф) СВФУ им. М.К. Аммосова в г. Нерюнгри.

Отчет по итогам деятельности Окружной администрации г. Якутска за 2019 г. [Электронный ресурс]. — URL: якутск.рф/images/docs/Годовой%20отчет%202019.pdf

Оценка воздействия на этнологическую среду (ОВЭС) на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера при строительстве и эксплуатации промышленных объектов Центрального блока и Курунгского лицензионного участка Среднеботуобинского нефтегазоконденсатного месторождения // Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН по заказу ООО «Таас-Юрях Нефтегаздобыча». — Якутск, 2016. — Т. 1. — 260 с.

Официальный сайт «MyTona» [Электронный ресурс]. — URL: <https://hh.ru/employer/1996117>

Парламентские слушания, правительственные часы, круглые столы за 2019 год. [Электронный ресурс]. — URL: <http://old.iltumen.ru/node/33745/>

Перечень населенных пунктов Республики Саха (Якутия), изменивших статус за период между переписями 1989 и 2002 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/search?q=%D0%B2%D0%BF%D0%BD+2002>

ПМА: рукопись Баишевой С.М. (Чокурдах-Камышово-Оленегорск-Русское Устье, 2014).

ПМА: рукопись Томаска А.Г. (г. Мирный, с. Тас-Юрях, 2016).

ПМА: рукопись Санниковой Я.М. (Среднеколымский улус, 2015 г., 2018 г.).

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.undp.org/content/undp/en/home/2030-agenda-for-sustainable-development.html> /

Принята первая Концепция развития среднего профобразования в Якутии [Электронный ресурс]. — URL: <https://minobrnauki.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2911280>

Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/798f6b0b85830249c414f6c7f71d809613fa1a7/

Программа развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» на 2010–2020 годы. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.s-vfu.ru/>

Сайт Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.raipon.info/activity/obshhaja-informacija.php>

Г) Материалы периодической печати, интернет-изданий

Анатолий Семенов: Устранение цифрового неравенства в Арктике — одна из главных задач следующих лет [Электронный ресурс]. — URL: <https://glava.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3205179>

Антимигрантские митинги и погромы в Якутии как еще один признак неработающей миграционной политики [Электронный ресурс]. — URL: <https://otr-online.ru/programmy/novosti-otrazhenie-nedeli/antimigrantskie-mitingi-i-pogromy-v-yakutii-kak-signal-nerabotayushchey-migracionnoy-politiki-36252.html>

Антимигрантский митинг-резонанс: Киргизия и Якутия договорились [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakhalive.ru/antimigrantskiy-miting-rezonans-kirgiziya-i-yakutiya-dogovorilis/>

Антонов Р. С потерей русского населения теряется связь и с остальной Россией [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.yktimes.ru/politika/s-poterey-russkogo-naseleniya-teryaetsya-svyaz-i-s-ostalnoy-gossiey/>

Блогер из Якутии, переехавший в Петербург, раскритиковал жизнь земляков. Кажется, после этого он нажил себе немало врагов [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.ykt.ru/article/109669>

В мире и согласии. В Якутске официально презентовали Союз славянских общин республики [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutsk.bezformata.com/listnews/soyuz-slavyanskih-obshin-respubliki/79868375/>

Виноградова И. Центры образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста» откроют еще в двух школах Якутии. 10.08.2020 ЯСИА // [Электронный ресурс]. — URL: <https://ysia.ru/tsentry-obrazovaniya-tsifrovogo-i-gumanitarnogo-profilej-tochka-rosta-eshhe-v-dvuh-shkolah-yakutii/>

В мирнинском селе Таас-Юрях прошел флешмоб «Сохраним нашу реку Ботуобия» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.isn.ru/162225.html>

Всероссийский праздник «Зима начинается с Якутии» — один из ключевых мероприятий событийного туризма в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakhatimes.ru/projects/catalog/tourism/winteryakutia/>

В Якутске ищут лучшие решения для реализации проекта «Умный город». Якутия. Инфо [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/192492>

В Якутске обсудили создание оптово-распределительного центра в Нижнем Бестяхе. Портал малого и среднего предпринимательства РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <http://portal.b14.ru/news/v-yakutske-obsudili-sozdanie-optovoraspredelitel'nogo-tsentra-v-nizhnem-bestyahe/>

В Якутске прошла панельная сессия «Креативная экономика — новый вектор развития бизнеса». Портал малого и среднего предпринимательства РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <http://portal.b14.ru/news/v-yakutske-proshla-panelnaya-sessiya-kreativnaya-ekonomika-novyy-vektor-razvitiya-biznesa/>

Директор Союза «WorldSkills Russia» награбил призеров национального чемпионата «Молодые профессионалы» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3227408>

Жилье и жулье // Российская газета. — 3 февраля 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2011/02/03/subsidyi.html>

Квартал Труда — первый большой шаг к созданию в Якутии экосистемы креативной экономики. Корпорация развития РС (Я) [Электронный ресурс]. — URL: <http://krrsy.ru/portfolio-item/kreativnyu-klaster/>

Крупнейшая отрасль крупнейшего субъекта Федерации в крупнейшем экономическом районе // География. — 2008. — № 13 [Электронный ресурс]. — URL: https://geo.lsept.ru/view_article.php?id=200801315

Леокадия Дробижева: У жителей Якутии очень высоко национальное самосознание. 18 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ресурсный-центр-анр.рф/region/14/News/>

Лидеры НКО Якутии встретились с Михаилом Мишиным [Электронный ресурс]. — URL: <http://ddnykt.ru/?p=21522>

Лицензию на оказание образовательных услуг имеют восемь частных школ в Якутии. YakutiaMedia 13.08.2015 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutiamedia.ru/news/455038/>

«Люди у нас терпимые. До определенного момента». Почему в Якутии начались протесты против мигрантов [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3930406>

Материалы с заседания Совета Федерации «Креативные индустрии. Современные тренды развития регионов» (октябрь, 2020 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://kulturomania.ru/news/item/v-sovfede-proshlo-zasedanie-kreativnye-industrii-sovremennye-trendy-razvitiya-regionov/>

Названы российские вузы с самой высокой стоимостью обучения // Учительская газета. — 2020. — 26 мая [Электронный ресурс]. — URL: <http://old.ug.ru/news/30680>

«*Нам* нужно взаимоуважение»: мэр Якутска выступила против переноса мечети за пределы города [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/187885>

Нерюнринцы выписываются из Якутии, чтобы устроиться в свой угольный разрез [Электронный ресурс]. — URL: <http://taigapost.ru/news/neryungrincy-vypisyvayutsya-iz-yakutii-chtoby-ustroitsya-v-yakutugol>

Пассионарный взрыв якутского кино: самосознание народа, зрительский интерес и смелые шаги. ИА YakutiaMedia о феномене якутского кино [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutiamedia.ru/news/542249/>

Проект СВФУ по цифровизации культуры и языков северных народов [Электронный ресурс]. — URL: https://s-vfu.ru/news_ID144619

Прошу рассмотреть возможность переноса мечети за пределы жилых районов г. Якутска [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.change.org>

Путину пожаловались на притеснение русских в Якутии [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/123845>

Разворот на 185 миллионов [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2011/07/29/kvartiri.html>

Районы Якутии готовятся к открытию Домов ремесел [Электронный ресурс]. — URL: <https://minkult.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2775487>

Решить проблему нехватки учебных мест в Якутске могут частные школы. Наука и образование. SakhaNews, 5 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.lsn.ru/206735.html>

Романов С. Как в Якутии решить проблему нелегальных мигрантов? [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakhalive.ru/kak-v-yakutii-reshit-problemu-nelegalnyih-migrantov/>

Русские объединения Якутии собрались в «Союз славянских общин» [Электронный ресурс]. — URL: <https://nazaccent.ru/content/31675-russkie-obedineniya-yakutii-sobralis-v-soyuz.html>

СВФУ подтвердил статус драйвера экономики на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. — URL: https://www.s-vfu.ru/news/detail.php?SECTION_ID=18&ELEMENT_ID=87467

Скрытая угроза: почему в России не рады мигрантам [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/28/12270524.shtml>

Уровень безработицы в Якутии выше, чем в среднем по России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.lsn.ru/204575.html>

Устойчивое развитие, которое никого не оставляет позади [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.europe.undp.org/content/geneva/en/home/sustainable-development.html> /

Учащиеся и школьники Якутии оказались самыми продвинутыми в Российской Федерации по техническому оснащению — исследование 15.04.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/uchitelya-i-shkolniki-yakutii-okazalis-samymi-prodvinutymi-v-rf-po-tehnicheskomu-osnashcheniyu-issledovanie>

Хайтун А.Д. Вахтовый метод может решить проблему монопоселений // Независимая газета. 9 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0409/gazeta017.php>

Характеристика туристско-рекреационного кластера «Северная мозаика» [Электронный ресурс]. — URL: <https://minpred.sakha.gov.ru/deyatelnost/turizm/turistsko-rekreatsionnyj-klaster-severnaja-mozaiika>

Что происходит в Южной Якутии? Вахте быть! [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vesti14.ru/2019/01/30/что-происходит-в-якутуголь-зачем-менюаут-своих-на-чужих/>

Эксперт сообщил об уменьшении числа суицидов в России среди взрослых [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/6982474>

Этнокультурный комплекс, основанный на мифологии народа саха [Электронный ресурс]. — URL: <https://futureussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/etnokulturnyj-kompleks-osnovannij-na-mifologii-naroda-saha-otkrylsa-v-akutii>

«Это ущемление по религиозному признаку»: муфтий Якутска об идее переноса мечети за пределы города [Электронный ресурс]. — URL: <https://yakutia.info/article/187802>

Якутия нацелилась на развитие креативной экономики. Восток Медиа [Электронный ресурс]. — URL: <https://vostokmedia.com/news/economy/14-08-2018/yakutiya-natselilas-na-razvitie-kreativnoy-ekonomiki>

Якутский «Ысыах Туймаады» назван лучшим национальным праздником России. Церемония награждения Всероссийской национальной премией «Грани Театра масс» пройдет в Москве. 23.03.2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://primamedia.ru/news/150127/>

Якутский энтузиаст о своих глобальных планах. 18.05.2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakhalive.ru/yakutskij-entuziast-o-svoih-globalnyh-planah/>

Яндекс переводчик стал распознавать якутский язык [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2020/04/27/reg-dfo/iandeksperevodchik-stal-raspoznavat-iakutskij-iazky.htm>

РАЕХ публикует рейтинг 100 лучших школ России по конкурентоспособности выпускников [Электронный ресурс]. — URL: <https://raex.ru/releases/2019/Apr17>

ЛИТЕРАТУРА:

Абалкин Л.И. Курс переходной экономики. — М.: Финстатинформ, 1997. — 631 с.

Абрамова М.А. Роль этнически смешанных браков в этносоциальных процессах // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии. Мат-лы V межд. научной конф.: в 2 томах. — Смоленск: изд-во Смоленского гуманитарного университета, 2016. — Т. 1. — С. 64–67.

Абрамова М.А. Влияние мультикультурализма на динамику этнически смешанных браков в России // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — С. 354–358.

Аванесов В.С. Модернизация образования в России: ключевые проблемы и пути решения // Народное образование. — 2017. — № 1–2. — С. 21–32.

Акинин М.А. О развитии научной школы в Южной Якутии // Наука и техника в Якутии. — 2017. — № 2 (33). — С. 48–52.

Алимулова А. Р. Творческие индустрии как основа креативной экономики // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2016. — № 11–2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskie-industrii-kak-osnova-kreativnoy-ekonomiki>

Алимов А.А. Как хобби становится в креативной экономике работой // Экономическая социология. — 2018. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-hobbi-stanovitsya-v-kreativnoy-ekonomike-raboty>

Алос-и-Фонт Э. Преподавание и проблема языкового поведения родителей. Научные доклады. Вып. 20. — Чебоксары: Чувашский ГИГН, 2015. — 56 с.

Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Чепюк О.Р. Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике «эмоций» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2019. — № 2 (54) [Электронный

ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-kreativnaya-industriya-na-puti-k-ekonomike-emotsiy>

Антонова О.И. Региональная дифференциация смертности от внешних причин // Вопросы статистики. — 2007. — № 10. — С. 17–21.

Антропология профессий или посторонним вход разрешен. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. — 356 с.

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР: история формирования и современные проблемы. — Якутск: Якутское кн. изд-во, 1988. — 232 с.

Арутюнова Е.М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). — 2019. — № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). — С. 50–61 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7506

Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодежи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений // Социологическая наука и социальная практика. — 2019. — Т. 7, № 4 (28). — С. 108–118.

Астахова И.С. Религиозная идентичность населения Якутии: история и современность // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2016. — № 2 (8). — С. 26–31.

Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. — М.: «Весь Мир», 2016. — 360 с.

Аюпова Л.Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. — Уфа: Восточный университет, 2000. — 156 с.

Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 1998. — 40 с.

Бабкин А.В., Байков Е.А. Коллаборация промышленных и творческих кластеров в экономике: сущность, формы, особенности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2018. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollaboratsiya-promyshlennyh-i-tvorcheskih-klasterov-v-ekonomike-suschnost-formy-osobennosti>

Баишева С.М. Современный рынок труда в арктическом социуме: состояние и возможности // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2018. — № 12. — С. 268–274.

Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). — Новосибирск: Наука, 2012. — 363 с.

Барашкова А.С. Северная семья. Демографический и социально-экономический аспекты. — Новосибирск: Наука, 2009. — 159 с.

Баскаков Н.А. Социолингвистический анализ языковой ситуации в регионе Средней Азии и Казахстана. — Нукус: Билим, 1992. — 48 с.

Белл Р. Социолингвистика: цели, методы и проблемы. — М.: Международные отношения, 1980. — 320 с.

Белоусов В.Н., Григорян Э.А., Позднякова Т.Ю. Русский язык в межнациональном общении: проблемы исследования и функционирования. — М.: ООО «МЭЙН», 2001. — 240 с.

Биткеева А.Н. Социальные функции национального языка в современном мире: ойрат-калмыцкий язык: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.2019. — М., 2006. — 435 с.

Богданов И.Я. Феномен российской бедности. — М.: Академическая наука, 2011. — 668 с.

Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. — Абакан: изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2002. — 166 с.

Боргоякова Т.Г., Биткеева А.Н. Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. — 2020. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://nit.tuva.asiant/article/>

- Борисов М.Н.* Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки). — Рыбинск: РГАТА, 1995. — 154 с.
- Борисова У.С.* Анализ воспроизводства коренных народов Республики Саха (Якутия) // Современные исследования социальных проблем. — 2013. — № 6 [Электронный ресурс]. — URL: www.sisp.nkras.ru
- Бочарникова А.В.* Коренные народы и особо охраняемые природные территории: опыт соуправления природными ресурсами. — М.: ЦС КМНС, 2017. — 142 с.
- Бурдяк А.Я.* Обеспеченность населения России жильем: региональные и социально-демографические особенности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2008. — № 4. — С. 3–17.
- Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В.* Стратегия пространственного развития и формирование поселенческой структуры экономики России // Жилищные стратегии. — 2019. — № 2. — С. 157–174.
- Валлерстайн И., Балибар Э.* Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. — М.: Логос-Альтера, 2003. — 256 с.
- Васильева Е.Е.* Креативные индустрии Республики Саха (Якутия): проблемы развития и управления: магистерская диссертация. — Якутск, 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://opac.s-vfu.ru/wlib/wlib/data/1560739839.pdf>
- Васильева Е.Е., Попова Г.С.* Социокультурный анализ креативных индустрий Республики Саха (Якутия) // Вестник СВФУ им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2019. — № 1. — С. 40–45.
- Васильева О.В.* Влияние социально-экономического статуса населения Северо-Востока России на отношение к мигрантам // Мир России. Социология. Этнология. — 2019. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-ekonomicheskogo-statusa-naseleniya-severo-vostoka-rossii-na-otnoshenie-k-migrantam>
- Васильева О.В., Маклашова Е.Г.* Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. — Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2018. — 177 с.
- Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И.* Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). — М.; Шадринск: изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печасты», 2011. — 268 с.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социоллингвистика и социология языка. — СПб.: изд. центр «Гуманитарная академия», 2004. — 336 с.
- Веденин Ю.А.* О некоторых проблемных ситуациях в сфере сохранения культурных ландшафтов // Региональные исследования. — 2016. — № 2. — С. 141–149.
- Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия. — М.: изд-во МГУ, 1969. — 160 с.
- Винокурова Д.М.* Мигрантские сообщества в местах прибытия: траектории коммуникации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. — Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2018. — С. 69–89 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>
- Винокурова Д.М.* Якутия — «принимающее сообщество»: опыт и перспективы // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. — 2017. — № 4 (8). — С. 46–47.
- Винокурова У.А.* Ценностные ориентации якутов в условиях урбанизации. — Новосибирск: Наука, 1992. — 141 с.
- Волохова А.* Надбавки за вахту свободны от НДФЛ и страховых взносов // Новая бухгалтерия. — 2019. — № 7 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.eg-online.ru/article/402152/>
- Гаврильева Т.Н.* Структура занятости в поселениях Республики Саха (Якутия) по типологии Фишера-Кларка // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2016. — № 1 (7). — С. 18–27.

- Гаджиев Ю.А.* Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. — 2009. — № 2. — С. 45–62.
- Геннеп А. ван.* Обряды перехода. — М.: Восточная литература РАН, 1999. — 198 с.
- Григорьева Т.Н., Набережная А.Т., Иванова М.А., Никифоров Ф.В.* Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — № 1 (211). — С. 38–47.
- Григулевич Н.И.* Смертность от внешних причин в регионах России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — М.: изд-во ИЭА РАН, 2013. — С. 358–263.
- Губогло М.Н.* Этническая социоллингвистика или социальная этнолингвистика? // IV конгресс этнографов и антропологов России (20–23 сентября 2001 г., Нальчик). Тезисы докладов. — М.: ИЭА РАН, 2001. — С. 188.
- Дегтева Ж.Ф.* Пространственная организация этнокультурных ландшафтов Якутии: дис. ... канд. географ. наук. — Смоленск, 2017. — 190 с.
- Дементьева И.Ф.* Социализация детей в семье в условиях трансформации: тенденции, факторы, детерминанты: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — М., 2006. — 48 с.
- Детская бедность в России. Тревожные тенденции и выбор стратегических действий.* — М., 2005. — 79 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://perm-deti.ru/wp-content/uploads/2016/08/detskay_bednost.pdf
- Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России.* — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. — 426 с.
- Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений.* — Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. — 438 с.
- Доброхлеб В.Г.* Человеческий потенциал старшего поколения современной России: что делать? // Новая экономическая политика для России и мира. Сб. научных трудов участников Межд. научной конференции «XXVII Кондратьевские чтения». — М., 2019. — С. 74–76 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41449686>
- Дробизьева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.
- Дырхеева Г.А.* Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. — Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2002. — 189 с.
- Дырхеева Г.А., Цыбенова С.С.* Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. — 2020 [Электронный ресурс]. — URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/905>
- Евсеева М.А.* Мифологемы и реальность в доступе к социальным ресурсам в полиэтничном пространстве по материалам исследования в Республике Саха (Якутия) // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. — 2019. — № 1. — С. 70–71.
- Егоров П.М.* Отношение рабочих промышленных предприятий Республики Саха (Якутия) к труду в условиях промышленного освоения // Приоритетные научные направления: от теории к практике. — 2015. — № 17. — С. 73–77.
- Ермолаев Т.С.* Южная Якутия: промышленное освоение и динамика современных этносоциальных процессов. — Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. — 167 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/SouthYakutia.pdf>
- Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов и понятий. — Назрань: Пилигрим, 2016. — 610 с.

Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере 10 городов) // Проблемы прогнозирования. — 2008. — № 4. — С. 98–111 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyu-opyt-naseleniya-regionalnyh-tsentrov-rossii-na-primere-sotsiologicheskogo-oprosa-v-10-gorodah>

Залуцкая С.Ю. Роль русской филологии в духовном воспитании молодежи Якутии // Общество: социология, психология, педагогика. — 2019. — № 5 (61). — С. 69–72.

Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — 400 с.

Захаров С. Браки и разводы в современной России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema03.php>

Иванова Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. — Новосибирск, 2012. — 130 с.

Иванова Н.И. Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. — Новосибирск: Наука, 2013. — С. 20–74.

Иванова Н.И. Современный носитель якутского языка в г. Якутске: социопсихолингвистические характеристики в динамике. 2008 и 2014 гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2015. — № 2 (11). — С. 64–69.

Иванова Н.И. Современные тенденции в сфере образования г. Якутска: языковые установки носителей якутского языка и мнение экспертов // Общественные науки. — 2016. — Т. 1, № 6. — С. 170–198.

Иванова Н.И. Языковая ситуация в г. Якутске: экстенсивные и интенсивные показатели владения якутским языком // Вестник Бурятского государственного университета. — 2016. — Вып. 5. Филология. — С. 68–77.

Иванова Н.И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты. Монография. — М.: Языки народов мира, 2017. — 260 с.

Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этностатистическое исследование). — Якутск: изд-во ЯНЦ СО РАН, 1994. — 144 с.

Игнатьева В.Б. О сохранении традиционных видов хозяйства в связи с изменениями мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — М.: изд-во ИЭА РАН, 2012. — С. 547–554.

Игнатьева В.Б. Языковая и этническая политика в сельских школах Якутии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад ЕАВАРН. — М.: изд-во ИЭА РАН, 2012. — С. 328–333.

Игнатьева В.Б. Этничность как идеология потребления: антропологический анализ повседневности саха // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: пространственные и исторические конфигурации. Мат-лы междунаучной конф. (25–27 ноября 2012 г., Барнаул). — Барнаул: АлтГПА, 2012. — С. 82–90.

Игнатьева В.Б. Сельские сообщества Якутии в условиях изменения мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — М.: изд-во ИЭА РАН, 2014. — С. 311–315.

Игнатьева В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-Восточный гуманитарный вестник. — 2017. — № 4. — С. 86–95.

Игнатьева В.Б. Региональная дифференциация смертности населения в Республике Саха (Якутия) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. — 2019. — № 4 (38). — С. 115–122.

- Интеграция* коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру. — Якутск: изд-во СО РАН, 2003. — 424 с.
- Карпикова И.С.* Качество и доступность медицинских услуг: мнение населения и специалистов сферы здравоохранения // Социологические исследования. — 2015. — № 6. — С. 53–57.
- Клоков К.Б., Степанов А.М.* Оценка потенциальной конфликтности в отношении особо охраняемых природных территорий Арктической зоны РФ с местным населением // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. — Т. 10, вып. 4 (41). — С. 61–69.
- Козырева П.М.* Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Россия реформирующаяся. Вып. 13: Ежегодник. — М.: Новый хронограф, 2015. — С. 304–323.
- Коллинз Р.* Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. — М.: изд-во Института Гайдара, 2015. — С. 61–112.
- Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия): итоги научного исследования.* — Якутск: Агентство СІР НБР Саха, 2016. — 164 с.
- Комплексный анализ деятельности учреждений культуры Республики Саха (Якутия). Отчет о НИР/НИОКР № 22/14 от 12.11.2014 г.* — 364 с.
- Коротеева В.В.* Экономические интересы и национализм. — М.: изд. центр РГГУ, 2000. — 249 с.
- Костяев А.И., Клоков К.Б.* Проблемы развития северных территорий оленеводческо-промыслового типа // Вестник Государственного аграрного университета Северного Зауралья. — 2016. — № 4 (35). — С. 116–122.
- Красовская Т.М.* Экологическая рациональность мировоззрения коренных малочисленных народов Крайнего Севера // Этноэкологические аспекты духовной культуры. — М.: изд-во ИЭА РАН, 2005. — 324 с.
- Кривошапкин А.В.* Добывающие промышленные компании и народы Севера // Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями (опыт, практика сотрудничества, документы). — М.: издание Совета Федерации, 2009. — С. 15–26.
- Крылова В.К.* Русский драматический театр в Якутии (особенности развития в национальной республике): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 2004. — 26 с.
- Кулич Н., Скопек Я. и др.* Слишком высокие ожидания? Результаты международного мультидисциплинарного исследования роли раннего воспитания и образования в социальном неравенстве // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX, № 5 (88). — С. 15–38.
- Курьшов А.М.* Традиционное хозяйство коренных народов как система // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 3. — С. 187–194.
- Лажнецов В.Н.* Теоретические итоги исследований по тематике пространственного и территориального развития (с примерами по Европейскому Северу России) // Экономика региона. — 2015. — № 4. — С. 21–29.
- Лапин Н.И.* Динамика ценностей населения реформируемой России. — М.: Эдиториал УРСС, 1996. — 224 с.
- Ларина А.А.* Основные особенности современной молодежи // Территория науки. — 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi>
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. — М.: изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 527 с.
- Левинсон А.Г.* Дурное образование — хороший лифт // Отечественные записки. — 2012. — № 5 (50) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennyye-zapiski/o5-2012/17586-durnoe-obrazovanie-horoshiy-lift.html>

Леонидова Г.В., Попов А.В. Социальный портрет творческих людей // Проблемы развития территории. — 2012. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-portret-tvorcheskih-lyudey>

Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. — М.: изд. дом «Стратегия», 2008. — 511 с.

Маклакова Е.А. Человеческий капитал: понятие, оценка, учет // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. — 2010. — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-ponyatie-otsenka-uchet>

Медушевский А.Н., Перфильева О.В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. — 2016. — № 5. — С. 19–31.

Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. — М.: ИЭА РАН, 2016. — 297 с.

Миллер А.Е., Миллер М.А. Региональные различия демографического развития федеральных округов Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2010. — № 4. — С. 88–93.

Михайлова А.В., Попова Л.Н., Егорова Н.А. Пути совершенствования трудовой адаптации вахтовых работников (на примере вальщиков леса СМУ АО «Сахатранснефтегаз»). Ч. 1 // Кадровик. — 2018. — № 7. — С. 76–85.

Михайлова Е.И., Савинов В.М. Университет как институт развития региона // Высшее образование в России. — 2016. — № 10 (205). — С. 37–47.

Михальченко В.Ю. Принципы функциональной типологии языков России // Язык и общество в современной России и в других странах: межд. конф. (21–23 июня 2010 г., Москва). Доклады и сообщения. — М.: Тезаурус, 2010. — С. 42–44.

Модернизация социальной структуры российского общества. — М.: Ин-т социологии РАН, 2008. — 287 с.

Мокин К.С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. — Саратов, 2007. — 40 с.

Мостахова Т.С. Региональная специфика воспроизводства населения северного региона и приоритеты демографической политики // Региональная экономика: теория и практика. — 2017. — Т. 15, № 4. — С. 784–798.

Мостовая Е.Б., Афанасьева Ю.А., Шумилова С.И. Модернизация экономики и креативный класс // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. — 2017. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-ekonomiki-i-kreativnyy-klass>

Мурашко О.А. Коренные народы Арктики и «народы Севера»: история, традиции, современные проблемы // Арктика: экология и экономика. — 2001. — № 3. — С. 90–105.

Набережная А.Т. Структурные изменения и дифференциация доходов населения Республики Саха (Якутия) // Modern Economy Success. — 2017. — № 6. — С. 124–127.

Набережная А.Т. Дифференциация доходов населения Республики Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. — 2011. — № 23. — С. 63–66.

Николаева А.Д. Образование в условиях кочевья (научный обзор) // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. — 2021. — № 2 (22). — С. 5–13.

Опыт и практика демократических выборов в Республике Саха (Якутия). 1990–2002 гг. Коллективная монография. — Якутск: изд-во СО РАН, Якут. филиал, 2003. — 324 с.

Павлушкина О.И. Типология институциональной структуры сельского хозяйства // Никоновские чтения — 2009. Сельское хозяйство в современной экономике: новая роль, факторы роста, риски. — М., 2009. — С. 221–223 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-institutsionalnoy-struktury-selskogo-hozyaystva-rossii>

- Перфильева О.В.* Университет и регион: на пути реализации третьей функции // Вестник международных организаций. — 2011. — № 1(32). — С. 133–144.
- Петрова Т.П., Мьяркиянова Э.Т.* Тенденции этносоциального развития саха и русских // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. — Новосибирск: Наука, 2000. — С. 135–164.
- Пилясов А.Н.* От патернализма к партнерству: строительство новых отношений народов Севера и государства. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1998. — 199 с.
- Писарева Л.Ю.* Образ жизни коренных этносов Арктической зоны Якутии: социально-экономический аспект // Социология. Журнал Российской социологической Ассоциации. — 2018. — № 4. — С. 195–202.
- Питухин Е.А.* Методика оценки эффективности подготовки кадров системой профессионального образования в регионах Дальневосточного федерального округа // Непрерывное образование: XXI век. — 2018. — Вып. 4 (24). — С. 2–14.
- Погодаев М.А.* Меры государственной поддержки развития коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия). 2009 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://library.arcticportal.org/id/eprint/641>
- Подойницына И.И.* Этнокультурные стереотипы трудового поведения в сфере производства: на примере Республики Саха (Якутия). — Новосибирск: Наука, 1995. — 144 с.
- Подойницына И.И.* Новый профиль социальной стратификации общества России. — Гамбург: Palmarium academic publishing, 2012. — 245 с.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Этносоциальные процессы в Сибири: современные реалии и актуальные вопросы этнонациональной политики // Новые исследования Тувы. — 2014. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7330-popkov-tyugashev.html
- Попова Л.Н., Панина С.В.* Формирование этнокультурного самоопределения личности в образовательной среде // Социология образования. — 2012. — № 8. — С. 86–95.
- Попова О.В.* Оценка перспектив сокращения бедности в Республике Саха (Якутия) // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 2. — С. 61–67.
- Попова О.В., Рац Г.И.* Заработная плата как фактор конкурентоспособности экономики Республики Саха (Якутия) // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2012. — № 1. — С. 17–20.
- Проблемы социокультурной модернизации регионов России.* — М.: Academia, 2002. — 416 с.
- Прокофьева Д.А., Шамардина Н.В.* Влияние креативной экономики на современный менеджмент креативных индустрий // Вестник Государственного университета управления. — 2020. — № 7 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-kreativnoy-ekonomiki-na-sovremennyu-menedzhment-kreativnyh-industriy>
- Профилактика суицидального риска у детей и подростков. Методические рекомендации для образовательных организаций.* — Якутск: типография «СМИК», 2018. — 176 с.
- Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества.* — М.: Ин-т общественного проектирования, 2006. — 677 с.
- Русское сердце Арктики.* — Якутск: Лит. Фонд, 2010. — 496 с.
- Рязанцев С.В.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. — Ставрополь: кн. изд-во, 2001. — 542 с.
- Савинов В.М.* Анализ проблем и критических ситуаций в системе образования с точки зрения задач сохранения культуры и языков коренных народов Республики Саха (Якутия) // Наука и образование. — 2013. — № 4. — С. 100–105.

Саввинов В.М. Концепция устойчивого развития как основа современных практик управления образованием // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2021. — № 1 (41). — С. 143–149.

Савченко П.В., Федорова М.Н. Социальные аспекты устойчивого и динамичного развития российской экономики // Вестник института экономики РАН. — 2020. — № 3. — С. 99–110.

Санникова Я.М. Традиционное хозяйство коренных народов Севера Якутии в условиях трансформаций постсоветского периода: некоторые результаты исследования // Арктика и Север. — 2017. — № 28. — С. 92–105.

Санникова Я.М. Традиционное хозяйство Севера Якутии: факторы и критерии стратегий адаптации // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. — Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. — С. 90–129 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>

Санникова Я.М. Основные показатели развития традиционного северного хозяйства по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (на примере Республики Саха (Якутия)) // Московский экономический журнал. — 2019. — № 12. — С. 429–438 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennyye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-2/>

Санникова Я.М. Показатели в изучении типов традиционного северного хозяйства (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. в Республике Саха (Якутия)) // Московский экономический журнал. — 2019. — № 12. — С. 439–452 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennyye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-12-2019-3/>

Санникова Я.М. Хозяйства Севера Якутии в динамике современного аграрного развития: краткая характеристика традиционного животноводства // Московский экономический журнал. — 2020. — № 8. — С. 301–316 [Электронный ресурс]. — URL: <https://qje.su/selskohozyajstvennyye-nauki/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-8-2020-49/>

Санникова Я.М., Игнатьева В.Б. Традиционное хозяйство Севера Якутии: к вопросам выявления показателей адаптации в современной аграрной системе // Московский экономический журнал. — 2018. — № 5 (2). — С. 171–176.

Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. — М.: изд-во ИЭА РАН, 2012. — 288 с.

Семенова Н.Б. Причины суицидального поведения у коренных народов Сибири: утрата ценностей патриархальной семьи // Суицидология. — 2018. — Т. 9, № 2 (31). — С. 3–15.

Семенова Н.Б. Причины суицидального поведения у коренных народов Сибири: смена традиционного образа жизни // Суицидология. — 2017. — Т. 8, № 4 (29). — С. 31–43.

Слепцов А.Н. К вопросу правового регулирования устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Ресурсная экономика в контексте современных тенденций глобализации. Мат-лы межд. научно-практ. конф. — Якутск: издательский дом СВФУ, 2019. — С. 29–32.

Слепцова Г.Н. Формирование межкультурной компетентности бакалавров-педагогов средствами иностранного языка (на примере Республики Саха (Якутия)): дис. ... канд. пед. наук. — Якутск, 2015. — 232 с.

Словарь социолингвистических терминов. — М.: Институт языкознания РАН, 2006. — 312 с.

Согомонов А.Ю. Глокальность // Глобальность постсоветского общества. — М.: РАУ, 2001. — С. 134–158.

Соколовский С.В., Филиппова Е.И., Бабич И.Л. и др. Смерть языка — смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. — М.: ИЭА РАН, 2019. — 260 с.

- Солодова Г.С. Иммануил Валлерстайн о категориях расы, нации и этнической группы // Сибирский философский журнал. — 2018. — Т. 16, № 1. — С. 128–137.
- Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 302–373.
- Софронов А.К. Роль русских ученых в подготовке научных кадров (1917–1961 гг.) // Исторические связи народов Якутии с русским народом: Сб. науч. статей. — Якутск: Якутское кн. изд-во, 1987. — С. 197–205.
- Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. — М.: Ин-т социологии, 1998. — 385 с.
- Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Официальное издание. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. — 183 с.
- Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. — М.: Academia, 2002. — 480 с.
- Социальное пространство российских регионов: монография. — М.: Ин-т социологии РАН, 2017. — 193 с.
- Спиридонова И.Е. Этнокультурное взаимодействие и межнациональные отношения в Якутии: Опыт историко-социологического исследования. — Новосибирск: Наука, 1999. — 102 с.
- Сукнева С.А. Влияние основных причин смертности на ожидаемую продолжительность жизни населения Республики Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 16. — С. 148–153.
- Сукнева С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13, № 2. — С. 201–213.
- Тарабукина М.В., Осина А.В., Гермогенова И.Н., Никаева Т.М. Функционирование русского языка в полиэтнической среде Республики Саха (Якутия): история и современность // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. — 2016. — № 2 (52). — С. 117–128.
- Татаркин А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 6 (24). — С. 42–59.
- Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. — М.: Новый хронограф, 2014. — 408 с.
- Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. — М.: Ин-т социологии РАН, 2007. — 320 с.
- Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. — 2016. — № 10. — С. 43–53.
- Томаска А.Г. Региональные особенности современной миграции в Якутии // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. — С. 14–30 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>
- Томаска А.Г. Внутреннее миграционное движение в Республике Саха (Якутия) // Общество: социология, психология, педагогика. — 2017. — № 12 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennee-migratsionnoe-dvizhenie-v-respublike-saha-yakutiya>
- Томаска А.Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городском поселении // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия): Сборник науч. статей. Вып. 1. — Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2014. — С. 23–43.
- Травин Д.Я. Теории особого пути России: классики и современники. — СПб.: изд-во Европейского университета, 2015. — 64 с.

Урри Дж. Мобильности. — М.: издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. — 576 с.

Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): возможности и проблемы // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Вып. 1. Сб. науч. статей. — Якутск, 2015. — С. 64–81.

Федотова Н.Д. К вопросу качества жизни детей: жилищный аспект // Северо-восточный гуманитарный вестник. — 2017. — № 1 (18). — С. 51–58.

Федотова Н.Д. Семья с детьми в Республике Саха (Якутия): к вопросу о материальном положении // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 8 (126). — С. 43–46.

Федотова Н.Д. Детство в Республике Саха (Якутия): стартовые возможности социальной мобильности // Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. — Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. — С. 131–152 [Электронный ресурс]. — URL: <http://igi.yasn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>

Федотова Н.Д. К проблеме развития дошкольных учреждений и социализации детей в Республике Саха (Якутия) // Теория и практика общественного развития. — 2019. — № 7 (137). — С. 18–21.

Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. — Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — 384 с.

Харамзин Т.Г., Изюмов И.В. Трансформация традиционных форм занятости коренных малочисленных народов Севера // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 12 (5). — С. 1067–1070.

Хачатрян Л.А. Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2014. — № 4 (20) [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-sovremennoy-rossiyskoj-semi>

Хилханова Э.В. Факторы языкового сдвига и сохранения минориатрных языков: дискурсный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Улан-Удэ, 2009. — 40 с.

Чарина О.И. Образы русских в преданиях и современных рассказах коренных народов Якутии // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 96–108.

Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). — М.: ЦСПиМ, 2014. — 560 с.

Черепанова А.П., Данилова Е.В., Маркова В.Н. Денежные доходы как главный критерий оценки уровня жизни населения (на примере Ленского и Олекминского муниципальных районов Республики Саха (Якутия)) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. — 2019. — № 1 (13). — С. 77–86.

Шарина С.И. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием, посвящ. 100-летию Ф.С. Донского (24 сентября 2019 г., Якутск). — Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2019. — С. 121–130.

Шерина Т.А., Бугаева А.П., Кожурова А.А. Этнокультурное воспитание младших школьников в условиях Арктики: монография. — Якутск: изд. дом СВФУ, 2021. — 172 с.

Широканова А.А. Индивидуализация постсоветской молодежи в сфере морали // Социс. — 2009. — № 12. — С. 21–26.

Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. — 2008. — № 4. — С. 60–89.

- Шкаратан О.И.* Социология неравенства. Теория и реальность. — М.: изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. — 526 с.
- Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. — М.: Логос, 2005. — 664 с.
- Шукина А.С.* Географический анализ современных демографических процессов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. — 2015. — № 2. — С. 44–56.
- Челомбицкая М.П., Лавинский Н.Г.* Ценностные ориентиры современного общества // Молодой ученый. — 2011. — Т. 1, № 12. — С. 198–201.
- Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).* Коллективная монография. — Новосибирск: Наука, 2012. — 363 с.
- Язык и общество.* Энциклопедия. — М.: изд. центр «Азбуковник», 2016. — 872 с.
- Языковая политика: конфликты и согласие.* — М.: ИЭА РАН, 2018. — 334 с.
- Ямсков А.Н.* Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. — М.: Стратегия, 2000. — С. 175–185.
- Ярошенко С.* «Новая бедность» в России после социализма // *Labatorium.* — 2010. — № 2. — С. 221–251.
- 25 лет Государственному Собранию (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия).* — Якутск: Бичик, 2019. — 160 с.
- 20 лет Техническому институту (филиалу) СВФУ им. М.К. Аммосова.* — Нерюнгри: изд-во ТИ (Ф) СВФУ, 2012. — 92 с.
- Akhmedjonov A., Lau M.C.K., Izgi B.B.* New evidence of regional income divergence in post-reform Russia // *Applied Economics.* — 2013. — N 45 (18). — P. 2675–2682.
- Arbo P., Benneworth P.* Understanding the regional contribution of higher education institutions: a literature review // *OECD Education Working Paper.* — 2007. — N 9. — P. 55–60.
- Baisheva S.* The Main Problems of the Indigenous Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) in Terms of Socio-Cultural Modernization: the Shear Zone // *Russian Studies: Institute for Russian, East European and Eurasian Studies (IREEES) at Seoul National University.* Seoul, Korea. — 2012. — P. 343–386.
- Baisheva S.* The interaction between business and indigenous peoples of Yakutia: the social context and the realities of life // *Business Economics.* — 2016. — Issue 4 (2). — Vol. 51. — P. 580–587.
- Baisheva S.* Woman Employment in the conditions of transformation of society: socio-economic dimension // *Eastern European Scientific Journal, «Auris Kommunikations- und Verlagsgesellschaft mbH»*, Dusseldorf, Germany. — 2016. — N 4. — P. 96–99.
- Bonet-Moryn J., Javier Pérez-Valbuena G., Marin-Llanes L.* Oil shocks and subnational public investment: The role of institutions in regional resource curse // *Energy Economics.* — 2020, October [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.105002>
- De Yaas H., Czaika M., Flahaux M.-L., Mahendra E., Natter K., Vezzoli S., Villares-Varela M.* International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects // *Population and Development Review.* — 2019. — Vol. 45. — Issue 4. December. — P. 885–922.
- Field M.G.* The health crisis in the former Soviet Union: A report from the «post-war» zone // *Social Science and Medicine.* — 1995. — N 41 (11). — P. 1469–1478.
- Funk C., Trevico Len J., Oriaifo J.* Resource curse impacts on the co-evolution of emerging economy institutions and firm internationalization // *International Business Review.* — 2020, October [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2020.101753>
- Goddard J.B.* The engagement of higher education institutions in regional development: an overview of the opportunities and challenges // *OECD/IMHE International Conference*

«Globally Competitive, Locally Engaged Higher Education and Regions». 19–21 September 2007, Valencia, Spain. — URL: <http://www.oecd.org/edu/imhe/39552613.pdf>

Goddard J.B., Chatterton P. The Response of Universities to Regional Needs // Economic Geography of Higher Education: Knowledge, Infrastructure and Learning Regions. — London, Routledge, 2003. — P. 19–42.

Gritsenko D., Efimova E. Is there Arctic resource curse? Evidence from the Russian Arctic regions // Resources Policy. — 2020. — Vol. 65 [Электронный ресурс]. — URL: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101547>

Hausmann R., Rigobon R. An Alternative Interpretation of the «Resource Curse»: Theory and Policy Implications // National bureau of economic research, 2003. Working Paper 9424 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nber.org/papers/w9424>

Osherenko G. Sharing power with native users: co-management regimes for Arctic wildlife // Canadian Arctic Resources Committee Policy. — 1988. — Paper N 5. — P. 1–44.

Post-Socialist Peasant? Rural and Urban Constructions of Identity in Eastern Europe, East Asia and the former Soviet Union. — New York: Palgrave, 2002. — 225 p.

Sirina A. The Living Land: Ecological Ethics of the Evenks and Evens // Sibirica. — 2008. — Vol. 7, N 2. — P. 1–22.

Tichotsky J. Russia's diamond colony. The Republic of Sakha. — Amsterdam, 2000. — 393 p.

Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V. Recent Mortality Trend Reversal in Russia: Are Regions Following the Same Tempo? // European Journal of Population. — 2017. — N 33 (5). — P. 733–763.

Ventsel, A. Sakha pop-musik — a celebration of consuming // Anthropology of East Europe Review. — Vol. 24, N 2. — P. 35–43.

Vollset S.E., Goren E., Yuan Ch.-W., Cao J., Smith A.E., Hsiao Th. et al. Fertility, mortality, migration, and population scenarios for 195 countries and territories from 2017 to 2100: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study // The Lancet. July 14, 2020. DOI [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30677-2](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30677-2)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГИКИ	— Арктический государственный институт культуры и искусств
АЗ	— Арктическая зона
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан
АО	— акционерное общество
АП	— ассоциативное поле
АССР	— Автономная Советская Социалистическая Республика
ВОЗ	— Всемирная организация здравоохранения
ВПН	— Всероссийская перепись населения
ВРП	— Валовой региональный продукт
ВСХП	— Всероссийская сельскохозяйственная перепись
ВШЭ	— Высшая школа экономики
Г.р.	— год рождения
ГСМ	— горюче-смазочные материалы
ДВО	— Дальневосточное отделение
ДФФО	— Дальневосточный федеральный округ
ДОО	— дошкольная образовательная организация
ДОУ	— дошкольное образовательное учреждение
ЕГЭ	— Единый государственный экзамен
ЖКХ	— жилищно-коммунальное хозяйство
ИГИиПМНС	— Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
ИЗФиР	— Институт зарубежной филологии и регионоведения
ИКТ	— информационно-коммуникационные технологии
ИП	— индивидуальные предприниматели
КМНС	— коренные малочисленные народы Севера
КРС	— крупный рогатый скот
КСИ	— конкретное социологическое исследование
КФХ	— крестьянские фермерские хозяйства
ЛПХ	— личное подсобное хозяйство
МГУ	— Московский государственный университет
МСУ	— местное самоуправление
МСХ	— Министерство сельского хозяйства
МУ	— муниципальное учреждение
МУП	— муниципальное унитарное предприятие
НАЭ	— направленный ассоциативный эксперимент
НДФЛ	— налог на доходы физических лиц

НИИ	— научно-исследовательский институт
НИОКР	— научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа
НИР	— научно-исследовательская работа
НИУ	— национальный исследовательский университет
НКО	— некоммерческая организация
НОЦ	— научно-образовательный центр
НФ	— Нерюнгринский филиал
ОАО	— открытое акционерное общество
ОГЭ	— основной государственный экзамен
ООН	— Организация Объединенных Наций
ООО	— общество с ограниченной ответственностью
ОРЦ	— оптово-распорядительный центр
ОЭСР	— Организация экономического сотрудничества и развития
ПАО	— публичное акционерное общество
ПМА	— полевые материалы автора
ППС	— профессорско-преподавательский состав
РАН	— Российская академия наук
РАНХиГС	— Российская академия народного хозяйства и государственной службы
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет
РПЦ	— Русская православная церковь
РС (Я)	— Республика Саха (Якутия)
РСОШ	— Российский совет олимпиад школьников
РФ	— Российская Федерация
СВФУ	— Северо-Восточный федеральный университет
СЗИУ	— Северо-Западный институт управления
СВКНИИ	— Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
СМИ	— средства массовой информации
СМП	— субъекты малого предпринимательства
СО РАН	— Сибирское отделение Российской академии наук
СОШ	— средняя общеобразовательная школа
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПО	— среднее профессиональное образование
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
ССТ	— Словарь социолингвистических терминов
СХО	— сельскохозяйственные организации
ТИ (ф)	— Технический институт (филиал)
ТО ФСГС	— Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики
УК	— угледобывающая компания
УКП	— учебно-консультационный пункт
УРСС	— российская издательская компания (Editorial URSS)
ФГОС	— федеральные государственные образовательные стандарты

ФЗ	— федеральный закон
ФИЦ	— федеральный исследовательский центр
ФНИСЦ	— Федеральный научно-исследовательский социологический центр
ФЭИ	— финансово-экономический институт
ХК	— холдинговая компания
ЦРБ	— Центральная районная больница
ЦС	— центр содействия
ЦСПГИ	— Центр социальной политики и гендерных исследований
ЯНЦ	— Якутский научный центр
ЯС	— языковая ситуация
TALIS	— Teaching and Learning International Survey (Международное исследование по вопросам преподавания и обучения)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Изменения в составе поселков городского типа Якутии в 1993–1999 гг.

Поселок	Улус (район)	Год отнесения к категории поселка	Год смены статуса	Примечания
Преобразованы в города республиканского подчинения				
Нюрба	Нюрбинский	1958	1997	Административный центр улуса
Покровск	Хангаласский	1941	1997	Административный центр улуса
Преобразованы в сельские населенные пункты				
Якокут	Алданский	1962	1993	В 2004 г. вошел в состав пгт Ленинский С 2004 г. центр Быковского эвенкийского наслег
Быковский	Булунский	1943	1999	
Бестях	Хангаласский	1961	1999	
Упразднены как административно-территориальная единица				
Власово	Усть-Янский	1973	1998	С передачей занимаемых земель в состав Омолойского национального наслега
Кулар	Усть-Янский	1965	1998	С передачей занимаемых земель в состав Омолойского национального наслега
Тенкели	Усть-Янский	1973	1998	С передачей занимаемых земель в состав Уяндинского национального наслега
Кыл-Бастах	Хангаласский	1991	1997	Включен в черту г. Покровск

Составлено по: *Народное хозяйство Якутской АССР в X пятилетке (1976–1980 гг.)*. Статистический сборник. — Якутск, 1981. — С. 6–7; *Изменения в административно-территориальном устройстве и административно-территориальном делении Республики Саха (Якутия) за период с 1 июля 1986 г.* [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sakha.gov.ru/izmeneniya-v-administrativno-territorialnom-ustrojstve>.

Удельный вес поголовья и объемов производства сельскохозяйственных организаций

Группы районов	Олени	КРС	Лошади	Мясо	Молоко
Северо-западно-прибрежная	53,2	1,0	1,6	16,4	0,7
Аллаиховский	—	—	0,02	—	—
Анабарский	8,7	—	—	1,7	—
Булунский	6,4	0,1	0,4	0,5	0,001
Нижнеколымский	15,3	—	0,1	5,7	—
Оленекский	3,6	0,6	0,5	1,2	0,6
Усть-Янский	16,8	0,1	0,5	6,8	0,02
Жиганский	2,4	0,2	0,01	0,3	0,05
Северо-восточная	36,5	7,0	17,5	15,3	6,5
Верхоянский	2,5	3,8	6,9	3,5	5,3
Момский	8,5	—	2,3	3,3	—
Оймяконский	7,3	0,3	4,6	2,1	0,08
Томпонский	6,6	1,1	1,5	1,6	0,5
Эвено-Бытантайский	11,6	1,8	2,2	4,8	0,7
Индигино-колымская	3,2	7,8	8,6	5,9	5,5
Абыйский	0,5	1,5	1,7	1,7	1,2
Верхнеколымский	1,2	1,7	0,7	0,8	1,9
Среднеколымский	1,6	4,6	6,2	3,5	2,4

Составлено по: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия)*. — Т. 1. Основные итоги ВСХП 2016 г. — Кн. 2. Основные итоги ВСХП 2016 г. по муниципальным районам и городским округам РС (Я). — С. 8–173; *Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия): стат. сборник*. — Якутск, 2017. — С. 135–163.

Удельный вес поголовья и объемов производства КФХ и ИП

Группы районов	Олени	КРС	Лошади	Мясо	Молоко
Северо-западно-прибрежная	0,001	0,4	0,7	0,4	0,2
Аллаиховский	—	0,08	0,2	0,02	0,03
Анабарский	—	—	—	—	—
Булунский	0,001	0,1	0,2	0,08	0,01
Нижнеколымский	—	0,1	0,09	0,02	0,09
Оленекский	—	0	0,02	0	0
Усть-Янский	—	0,06	0,3	0,3	0,03
Жиганский	—	0,04	—	—	—
Северо-восточная	0,1	20,2	33,0	19,3	21,4
Верхоянский	—	7,5	14,8	9,5	9,7
Момский	—	0,5	1,0	0,2	0,4
Оймяконский	0,09	2,1	8,2	4,0	1,2
Томпонский	0,03	5,9	5,6	3,9	6,8
Эвено-Бытантайский	—	4,1	3,3	1,7	3,3
Индигино-колымская	0,02	6,4	6,7	4,9	6,9
Абыйский	0,007	1,4	3,0	2,4	1,1
Верхнеколымский	—	0,3	0,7	0,4	0,2
Среднеколымский	0,01	4,7	3,0	2,1	5,6

Составлено по: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия)*. — Т. 1. Основные итоги ВСХП 2016 г. — Кн. 2. Основные итоги ВСХП 2016 г. по муниципальным районам и городским округам РС (Я). — С. 8–173; *Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия): стат. сборник*. — Якутск, 2017. — С. 135–163.

Удельный вес поголовья и объемов производства ЛПХ

Группы районов	Олени	КРС	Лошади	Мясо	Молоко
Северо-западно-прибрежная	5,7	1,3	2,9	1,8	1,2
Аллаиховский	—	0,04	0,2	0,003	0,01
Анабарский	2,5	0	—	—	—
Булунский	2,9	0,3	1,3	0,6	0,006
Нижнеколымский	—	0,04	0,2	0,02	0,04
Оленекский	—	0,05	0,1	0,04	0,06
Усть-Янский	0,3	0,6	1,0	0,7	0,6
Жиганский	0,06	0,3	—	0,4	0,4
Северо-восточная	1,2	50,9	23,1	28,2	51,7
Верхоянский	0	21,0	15,0	16,7	24,6
Момский	0,4	3,7	1,9	0,4	3,8
Оймяконский	0,7	9,2	1,7	3,9	8,0
Томпонский	—	16,4	2,3	5,9	15,0
Эвено-Бытантайский	—	—	2,1	1,3	—
Индигино-колымская	—	5,4	5,7	7,0	5,8
Абыйский	—	1,9	2,8	2,7	1,7
Верхнеколымский	—	0,2	0,3	0,1	0,3
Среднеколымский	—	3,2	2,6	4,2	3,7

Составлено по: *Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г. по Республике Саха (Якутия)*. — Т. 1. Основные итоги ВСХП 2016 г. — Кн. 2. Основные итоги ВСХП 2016 г. по муниципальным районам и городским округам РС (Я). — С. 8–173; *Сельское хозяйство в Республике Саха (Якутия): стат. сборник*. — Якутск, 2017. — С. 135–163.

Динамика численности русского населения Якутии в 2002–2010 гг.

Административный улус (район)	Численность, тыс. чел.		Прирост численности, %
	2002	2010	2002–2010
Всего по РС (Я)	390,67	353,6	-9,5
Абыйский	0,5	0,38	-25,0
Алданский	38,86	33,65	-13,4
Аллаиховский	1,15	0,96	-16,1
Амгинский	0,9	0,8	-8,7
Анабарский	0,75	0,1	-82,7
Булунский	3,5	2,6	-25,2
Верхневиллюйский	0,2	0,17	-22,9
Верхнеколымский	2,99	2,3	-21,8
Верхоянский	2,3	2,0	-13,7
Виллюйский	3,2	2,6	-18,2
Горный	0,2	0,1	-38,8
Жиганский	0,6	0,5	-11,3
Кобяйский	3,4	2,77	-18,9
Ленский	30,16	31,1	+3,1
Мегино-Кангаласский	2,07	1,7	-17,8
Мирнинский	59,09	46,9	-20,6
Момский	0,4	0,3	-28,7
Намский	0,7	0,6	-12,6
Нерюнгринский	67,9	64,6	-4,8
Нижнеколымский	2,87	1,89	-34,0
Нюрбинский	1,46	0,96	-34,2
Оймяконский	8,3	5,29	-36,5
Олекминский	13,28	12,2	-8,1
Оленекский	0,14	0,07	-49,3
Среднеколымский	0,98	0,8	-17,0
Сунтарский	0,39	0,25	-34,8
Таттинский	0,15	0,08	-46,4
Томпонский	7,38	6,15	-16,7
Усть-Алданский	0,13	0,07	-43,9
Усть-Майский	6,99	4,9	-29,3
Усть-Янский	3,5	2,17	-38,7
Хангаласский	11,7	10,46	-10,9
Чурапчинский	0,07	0,07	-5,1
Эвено-Бытантайский	0,04	0,02	-41,9
Якутск	113,57	113,62	+0,04

Составлено по: *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Табл. 11–44. Население улусов (районов) по национальности [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>; *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по муниципальным районам и городским округам [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>.

Миграция населения в Якутии в 2005–2017 гг. (чел.)

Административный улус (район)	2005			2010			2017		
	Прибыло	Выбыло	Прирост (убыль)	Прибыло	Выбыло	Прирост (убыль)	Прибыло	Выбыло	Прирост (убыль)
Всего по РС (Я)	19 113	24 197	-5084	14 553	21 679	-7126	40 724	45 373	-4649
Абыйский	75	103	-28	34	89	-55	182	225	-43
Алданский	546	1125	-579	412	814	-402	1940	2229	-289
Аллаиховский	38	89	-51	18	85	-67	141	149	-8
Амгинский	157	422	-265	172	334	-162	630	771	-141
Анабарский	71	152	-81	50	98	-48	170	155	15
Булунский	203	339	-136	673	280	393	366	484	-118
Верхневилуйский	310	380	-70	265	325	-60	814	978	-164
Верхнеколымский	39	144	-105	59	147	-88	177	262	-85
Верхоянский	134	422	-288	100	333	-233	571	664	-93
Вилуйский	295	503	-208	202	426	-224	921	1134	-213
Горный	123	212	-89	183	218	-35	432	513	-81
Жиганский	34	106	-72	73	86	-13	141	193	-52
Кобяйский	319	418	-99	122	273	-51	366	571	-205
Ленский	799	723	76	519	922	-403	1003	1339	-336
Мегино-Кангаласский	372	631	-259	297	547	-250	1462	1644	-182
Мирнинский	2316	3647	-1331	1709	4140	-2440	4306	5424	-1118
Момский	52	100	-48	60	100	-40	163	218	-55
Намский	831	452	379	373	348	25	1165	1264	-99
Нерюнгринский	2574	3254	-680	1557	2618	-1062	2815	3918	-1103
Нижнеколымский	38	138	-100	52	115	-63	181	263	-82
Нюрбинский	168	525	-357	249	481	-232	805	1178	-373
Оймяконский	95	479	-384	103	351	-248	295	613	-318
Олекминский	193	521	-328	343	516	-173	896	1183	-287
Оленекский	47	71	-24	61	77	-16	246	234	12
Среднеколымский	95	183	-88	103	134	-31	364	420	-56
Сунтарский	532	399	133	280	395	-115	614	902	-288
Таттинский	248	425	-177	77	327	-250	567	757	-190
Томпонский	315	440	-125	194	384	-190	382	648	-266
Усть-Алданский	321	552	-231	208	437	-229	837	1086	-249
Усть-Майский	59	445	-386	79	365	-286	628	442	186
Усть-Янский	254	448	-194	259	342	-83	471	617	-146
Хангаласский	576	698	-122	318	623	-305	1804	1740	64
Чурапчинский	580	481	99	350	387	-37	1067	1271	-204
Эвено-Бытантайский	57	48	9	54	52	2	88	77	11
Якутск	6247	5122	1125	4946	4501	445	13 714	11 807	1907

Составлено по: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 203–204.

**Динамика половозрастного состава населения Якутии
(городское и сельское население по национальности)**

Возраст	Городское и сельское население, тыс. чел.						Прирост численности в 2002–2010 гг., %		
	2002			2010			Муж- чины и жен- щины	Муж- чины	Жен- щины
	Муж- чины и жен- щины	Муж- чины	Жен- щины	Муж- чины и жен- щины	Муж- чины	Жен- щины			
Якуты	432,2	206,7	225,5	466,4	221,4	245,0	7,9	7,1	8,6
0–4	34,7	17,7	16,9	42,2	21,5	20,7	21,7	21,2	22,2
5–9	39,8	20,2	19,5	36,0	18,4	17,6	–9,4	–9,0	–9,8
10–14	47,5	24,3	23,2	35,4	18,0	17,4	–25,3	–25,8	–24,9
15–17	29,6	14,8	14,7	25,1	12,8	12,2	–15,4	–13,4	–17,4
18–19	18,1	8,6	9,4	18,8	9,2	9,5	3,4	6,3	0,8
20–24	34,6	16,6	18,0	49,4	24,1	25,2	42,5	45,1	40,1
25–29	29,2	14,2	14,9	40,4	19,7	20,6	38,3	38,4	38,3
30–34	29,6	14,2	15,3	30,8	14,7	16,0	3,8	3,1	4,4
35–39	34,4	16,3	18,0	27,9	13,2	14,6	–18,8	–18,7	–19,0
40–44	36,8	17,2	19,6	29,9	13,8	16,1	–18,6	–19,5	–17,8
45–49	29,6	13,5	16,1	34,1	15,5	18,5	14,9	15,2	14,7
50–54	20,1	8,9	11,2	31,8	14,2	17,6	57,8	59,2	56,8
55–59	11,2	4,8	6,3	23,6	9,9	13,6	110,4	105,1	114,5
60–64	10,3	4,3	5,9	14,7	6,1	8,6	42,7	39,1	45,4
65–69	10,4	4,4	6,0	6,8	2,6	4,2	–34,4	–40,0	–30,3
70 и более	15,5	5,9	9,6	18,9	7,0	11,9	21,7	18,5	23,7
Моложе трудоспособного	132,2	67,4	64,7	121,9	62,1	59,7	–7,8	–7,9	–7,7
Трудоспособное	257,2	124,5	132,7	290,3	143,5	146,7	12,8	15,3	10,6
Старше трудоспособного	42,7	14,7	28,0	54,2	15,7	38,4	26,9	7,1	37,3
Медианный возраст	26,9	25,3	28,6	28,0	26,4	29,7	4,1	4,3	3,8
Русские	390,6	191,8	198,8	353,6	172,0	181,6	–9,5	–10,3	–8,6
0–4	24,0	12,3	11,7	24,5	12,5	12,0	2,4	1,6	3,1
5–9	24,9	12,5	12,3	23,5	11,9	11,5	–5,6	–5,0	–6,2
10–14	35,0	17,9	17,1	21,4	11,0	10,4	–38,8	–38,3	–39,3
15–17	22,9	11,9	11,0	13,4	6,8	6,5	–41,5	–42,5	–40,5
18–19	12,6	6,2	6,3	8,5	4,5	4,0	–32,2	–28,1	–36,2
20–24	32,5	16,6	15,9	29,9	15,6	14,2	–8,1	–5,8	–10,6
25–29	33,9	17,7	16,2	32,2	16,6	15,5	–5,2	–6,0	–4,3
30–34	28,5	14,7	13,8	30,5	15,6	14,9	6,8	5,8	7,8
35–39	26,3	13,4	12,8	28,3	14,1	14,1	7,7	5,2	10,3
40–44	36,2	18,0	18,1	22,0	11,1	10,9	–39,0	–38,5	–39,6
45–49	35,8	17,4	18,4	26,3	12,8	13,4	–26,4	–26,1	–26,7
50–54	30,5	14,4	16,0	29,6	14,1	15,5	–2,8	–2,4	–3,2
55–59	13,3	6,2	7,0	25,1	11,4	13,7	89,3	82,5	95,3
60–64	14,0	5,9	8,0	15,9	6,8	9,1	14,1	15,0	13,3
65–69	8,7	3,3	5,4	6,4	2,4	4,0	–26,2	–25,8	–26,4
70 и более	10,7	2,7	8,0	15,2	4,1	11,0	41,4	53,1	37,4
Моложе трудоспособного	92,5	47,1	45,4	74,2	37,7	36,4	–19,8	–19,8	–19,8
Трудоспособное	257,4	132,7	124,7	227,9	120,7	107,1	–11,5	–9,0	–14,1
Старше трудоспособного	40,6	11,9	28,6	51,4	13,4	38,0	26,7	12,4	32,6
Медианный возраст	31,4	30,2	32,9	33,8	32,1	35,5	7,6	6,3	7,9

Составлено по: *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.* Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам и полу [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>; *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу и источникам средств к существованию [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

**Население по полу и состоянию в браке, тыс. чел.
(городское и сельское население по национальности)**

Состояние	Все население		Якуты		Русские		Прирост в 2002–2010 гг., %		
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	Все население	Якуты	Русские
Мужчины и женщины, указавшие состояние в браке старше 16 лет и более, в т.ч.:									
Состоящие в браке	694,8	719,9	299,6	344,5	297,3	279,3	3,6	15,1	-6,1
Из них в:	405,5	407,4	161,6	184,1	180,5	165,6	0,5	13,9	-8,2
зарегистрированном	352,3	334,7	145,7	156,0	152,1	131,9	-5,0	7,1	-13,3
незарегистрированном	53,2	72,6	15,9	28,0	28,3	33,7	36,3	76,4	19,1
Никогда не состоявшие в браке	181,4	194,3	98,2	112,5	63,2	58,4	7,1	14,5	-7,7
Вдовы	52,0	56,7	23,2	26,1	22,5	23,8	9,1	12,6	5,5
Разошедшиеся	55,8	61,4	16,5	21,8	31,0	31,4	10,0	31,9	1,3

Составлено по: *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по полу и состоянию в браке [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>; *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу и состоянию в браке [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

**Коэффициент рождаемости на 1000 чел. населения
по улусам (районам) Якутии**

Административный улус (район)	2005	2010	2017
Абыйский	10,5	15,1	13,6
Алданский	12,1	12,9	11,2
Аллайховский	16,9	12,5	14,7
Амгинский	15,5	20,4	16,4
Анабарский	20,8	18,0	21,8
Булунский	12,1	14,9	14,3
Верхневилуйский	17,3	19,6	18,5
Верхнеколымский	10,0	10,3	11,0
Верхоянский	14,6	18,7	16,8
Вилуйский	15,5	20,6	17,5
Горный	19,0	19,5	15,6
Жиганский	19,5	22,5	18,0
Кобяйский	13,8	15,5	15,5
Ленский	13,2	14,5	10,8
Мегино-Кангаласский	16,0	17,1	17,7
Мирнинский	11,3	12,9	11,6
Момский	19,3	18,0	17,6
Намский	15,5	19,2	16,4
Нерюнгринский	11,6	11,7	9,8
Нижнеколымский	12,9	14,3	12,9
Нюрбинский	16,9	19,2	17,0
Оймяконский	8,0	10,8	10,6
Олекминский	11,3	16,1	12,0
Оленекский	13,6	24,9	22,8
Среднеколымский	12,8	17,5	16,3
Сунтарский	15,4	18,9	17,6
Таттинский	16,0	21,8	18,8
Томпонский	11,8	12,8	11,8
Усть-Алданский	16,2	17,8	16,4
Усть-Майский	10,9	14,0	13,3
Усть-Янский	10,6	11,8	15,5
Хангаласский	13,3	16,7	14,8
Чурапчинский	16,7	20,6	16,7
Эвено-Бытантайский	11,5	16,9	17,9
Якутск	16,0	18,8	15,1
Всего по РС (Я)	14,2	16,8	14,5

Составлено по: *Демографический* ежегодник Республики Саха (Якутия).
Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 63.

Уровень образования населения соответствующей национальности в возрасте 15 лет и более (городское и сельское население), тыс. чел.

Уровень образования	Все население		Якуты		Русские		Прирост в 2002–2010 гг., %		
	2002	2010	2002	2010	2002	2010	Все население	Якуты	Русские
Численность населения соответствующей национальности в возрасте 15 лет и более	718,3	749,7	310,1	352,6	306,5	284,0	4,4	13,7	-7,4
Послевузовское профессиональное	1,6	7,3	0,9	3,7	0,5	2,7	337,7	295,0	420,3
Высшее	103,1	154,8	48,9	83,1	41,2	55,3	50,1	70,0	34,1
Неполное высшее	22,6	37,6	10,8	20,5	9,0	13,1	65,8	90,5	45,2
Среднее профессиональное	210,7	230,0	76,8	92,5	102,2	105,6	9,2	20,4	3,4
Начальное профессиональное	83,1	38,0	35,7	22,3	35,3	10,7	-54,2	-37,4	-69,7
Среднее (полное) общее	167,2	164,2	78,3	80,9	64,3	57,2	-1,8	3,2	-11,0
Основное общее	86,5	74,7	35,3	34,2	39,9	29,8	-13,7	-3,0	-25,4
Начальное общее	32,7	23,2	17,5	12,2	11,6	8,1	-29,2	-30,4	-29,9
Не имеют начальное образование	6,8	4,4	5,0	2,8	1,2	1,0	-35,3	-43,6	-16,7
Не указавшие уровень образования	3,4	15,2	0,5	0,005	0,9	0,01	339,6	-99,1	-97,9

Составлено по: *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав, владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по уровню образования [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39641>; *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Население отдельных национальностей по возрастным группам, полу и уровню образования [Электронный ресурс]. — URL: <https://sakha.gks.ru/folder/39644>

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций

Административный район	Год (в руб.)				
	2005	2010	2015	2016	2017
Всего по РС (Я)	13 437	28 708	54 631	59 000	62 206
Абыйский	10 719	22 827	47 667	51 039	54 980
Алданский	11 785	29 337	48 697	54 026	62 450
Аллаиховский	11 765	25 567	49 327	53 680	55 838
Амгинский	6892	15 813	34 921	36 930	39 243
Анабарский	20 593	36 902	90 903	95 944	100 563
Алданский	11 758	29 337	48 697	54 026	62 450
Булунский	11 880	24 474	59 639	62 468	66 351
Верхневилуйский	7184	16 839	36 623	39 308	40 503
Верхнеколымский	12 096	28 228	49 183	54 110	58444
Верхоянский	10 626	23 228	42 498	45 140	47 158
Вилуйский	8529	19 701	38 373	41 055	42 062
Горный	8090	16 596	37 923	38 490	42 099
Жиганский	10 082	23 920	42 488	45 140	57 993
Кобяйский	8705	19 126	38 285	41 073	42 637
Ленский	15 180	44 044	74 387	78 481	77 939
Мегино-Кангаласский	7638	16 465	36 806	39 361	41 386
Мирнинский	25 017	42 023	86 790	99 500	101 309
Момский	9142	19 533	38 784	42 570	47 734
Намский	7833	16 836	36 165	39 424	39 952
Нерюнгринский	14 876	29 924	53 622	59 580	62 455
Нижнеколымский	11 653	24 816	48 221	51 628	52 829
Нюрбинский	12 432	24 256	50 903	56 161	58 652
Оймяконский	16 412	39 433	68 749	76 571	85 235
Олекминский	8650	21 429	50 238	55 687	61 185
Оленекский	11 249	20 345	58 011	68 958	76 944
Среднеколымский	9217	20 579	43 371	44 780	48 488
Сунтарский	8223	16 737	36 943	39 635	40 941
Татгинский	7303	16 973	35 798	3820	40 433
Томпонский	11 729	25 337	44 377	49 204	50 648
Усть-Алданский	7303	16 194	36 096	38 017	40 495
Усть-Майский	9834	24 136	45 690	50 566	55 202
Усть-Янский	12 102	25 118	48 779	54 760	57 022
Хангаласский	9070	20 395	39 175	41 465	42 315
Чурапчинский	7814	17 250	36 003	37 417	39 621
Эвено-Бытантайский	7877	18 833	36 002	37 600	40 104
г. Якутск	13 380	30 311	52 180	53 481	57 205

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия). Статистический сборник. — Якутск, 2018. — С. 108.

**Национальный состав населения Республики Саха (Якутия)
по данным переписей населения 1989–2010 гг.
(наиболее многочисленные этносы, чел.; доля в составе населения, %)**

Национальность	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Всего	1 094 065	949 280	958 528	100,0	100,0	100,0
Якуты	365 236	432 290	466 492	43,38	45,54	48,67
Русские	550 263	390 671	353 649	50,30	41,15	38,90
Эвенки	14 428	18 232	21 008	1,32	1,92	2,19
Украинцы	77 114	34 633	20 341	7,05	3,65	2,12
Эвены	8668	11 657	15 071	0,79	1,23	1,57
Татары	17 478	10 758	8122	1,60	1,13	0,85
Буряты	8471	7266	7011	0,77	0,77	0,73
Киргизы	566	1454	5022	0,05	0,15	0,52
Армяне	1138	2764	3691	0,10	0,29	0,39
Узбеки	780	1207	3332	0,07	0,13	0,35
Таджики	260	1105	2696	0,2	0,12	0,28
Белорусы	9900	4236	2529	0,90	0,45	0,26
Азербайджанцы	1758	2293	2040	0,16	0,24	0,21
Долганы	408	1272	1906	0,04	0,13	0,20
Башкиры	4190	2335	1819	0,38	0,25	0,19
Молдаване	3674	2255	1622	0,34	0,24	0,17
Немцы	4099	2283	1540	0,37	0,24	0,16
Мордва	2969	2092	1523	0,27	0,22	0,16
Корейцы	1498	1815	1421	0,14	0,19	0,15
Казахи	1760	1525	1338	0,16	0,16	0,14
Юкагиры	697	1097	1281	0,06	0,12	0,13
Чуваши	3140	1700	1123	0,29	0,18	0,12
Китайцы	329	891	926	0,03	0,09	0,10
Ингуши	594	1000	923	0,05	0,11	0,10
Чукчи	473	602	670	0,04	0,06	0,07
Другие	14174	11 847	31 434	1,29	1,25	3,28

Составлено по: *Итоги* Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Официальное издание. — Якутск, 2005. — С. 7–9; *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения [Электронный ресурс]. — URL: [http:// sakha.gks.ru /folder/39641](http://sakha.gks.ru/folder/39641)

Динамика численности населения по отдельным национальностям в составе муниципальных районов Республики Саха (Якутия) по данным переписей населения, тыс. чел.

РС (Я)	Все население	Якуты	Русские	Эвенки	Украинцы	Эвены	Татары	Буряты
2002	949,3	432,3	390,7	18,2	34, 6	11,7	10,8	7,3
2010	958,5	466,5	353,6	21,0	20, 3	15,1	8, 1	7,0
Южная Якутия								
Алданский								
2002	49,3	1,9	38,9	2,0	2,7	0,2	0,6	0,1
2010	42,6	1,6	33,7	2,1	1,5	0,3	0,5	0,1
Нерюнгринский								
2002	89,8	1,9	67,9	1,0	8,4	0,1	2,2	1,7
2010	82,8	2,0	64,6	1,1	5,1	0,2	1,6	1,5
Олекминский								
2002	27,6	11,5	13,3	1,1	0,3	0,1	0,6	0,1
2010	26,8	11,4	12,2	1,2	0,2	0,3	0,5	0,1
Усть-Майский								
2002	11,6	1,1	7,0	1,9	0,6	0,1	0,1	0,04
2010	8,6	0,8	4,9	2,0	0,3	0,1	0,09	22
Центральная Якутия								
Кобяйский								
2002	14,2	9,2	3,4	0,06	0,2	0,8	0,08	0,1
2010	13,7	9,4	2,8	0,08	0,1	0,9	0,05	0,05
2010	295,7	140,3	113,6	2,9	3,9	2,2	2,1	2,6
Западная Якутия								
Мирнинский								
2002	86,0	5,7	59,1	0,5	8,4	0,08	2,7	1,6
2010	76,0	6,7	46,9	0,6	4,6	0,2	1,9	1,7
Северная Якутия								
Абыйский								
2002	4,7	3,8	0,5	0,06	0,05	0,2	—	0,02
2010	4,4	3,5	0,4	0,05	0,02	0,3	—	0,01
Аллаиховский								
2002	3,4	1,4	1,1	0,03	0,08	0,6	0,01	0,03
2010	3,0	1,2	1,0	0,04	0,5	0,6	11	28
Анабарский								
2002	4,0	1,1	0,7	0,6	0,2	0,3	0,02	0,02
2010	3,5	0,8	0,1	0,8	0,03	0,2	—	0,01
Булунский								
2002	9,8	2,3	3,5	2,3	0,7	0,6	0,05	0,05
2010	9,0	2,1	2,6	2,3	0,3	1,3	0,04	0,05
Верхнеколымский								
2002	5,7	1,5	3,0	0,007	0,3	0,3	0,07	0,01
2010	4,7	1,3	2,3	0,004	0,2	0,3	0,04	0,01
Верхоянский								
2002	13,7	9,6	2,8	0,06	0,4	0,4	0,08	0,06
2010	12,8	9,5	2,0	0,1	0,2	0,6	0,04	0,04
Жиганский								
2002	4,3	1,4	0,6	2,0	0,05	0,06	0,02	0,01
2010	4,3	1,2	0,5	2,4	0,05	0,05	0,01	0,01
Момский								
2002	4,7	3,3	0,4	0,04	0,04	0,8	0,02	0,02
2010	4,5	3,0	0,3	0,04	0,02	0,9	0,008	0,01

РС (Я)	Все население	Якуты	Русские	Эвенки	Украинцы	Эвены	Татары	Буряты
Нижнеколымский								
2002	5,9	1,1	2,9	0,07	0,3	0,5	0,08	0,04
2010	4,7	0,9	1,9	0,007	0,1	0,6	0,06	0,02
Оймяконский								
2002	14,7	3,3	8,3	0,06	1,5	0,4	0,2	0,07
2010	10,1	2,9	5,3	0,06	0,6	0,4	0,1	0,06
Оленекский								
2002	4,1	1,2	0,1	2,6	0,01	0,02	0,004	0,01
2010	4,1	0,8	0,07	3,1	0,008	0,02	0,009	0,01
Среднеколымский								
2002	8,4	6,7	1,0	0,03	0,05	0,4	0,01	0,009
2010	7,9	6,3	0,8	0,03	0,04	0,5	0,009	0,009
Томпонский								
2002	15,3	5,3	7,4	0,09	0,8	0,8	0,2	0,1
2010	14,1	5,4	6,1	0,1	0,5	0,9	0,1	0,06
Усть-Янский								
2002	10,0	3,8	3,5	0,06	0,9	1,1	0,08	0,05
2010	8,1	3,4	2,2	0,08	0,5	1,3	0,06	0,03
Эвено-Бытантайский								
2002	2,8	1,5	0,04	0,01	0,01	1,2	0,004	0,006
2010	2,9	1,2	0,02	0,02	0,006	1,5	0,001	0,005

Источники: *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.* Т. 5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Официальное издание. — Якутск, 2005. — С. 34–76; *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.* Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Национальный состав населения по муниципальным районам и городским округам [Электронный ресурс]. — URL: <http://sakha.gks.ru/folder/39641>

**Динамика численности населения в местах традиционного проживания КМНС РС (Я)
за 1989–2018 гг., чел.**

Муниципальные районы	ВПН-1989		На 1 января текущего года				
	Все население	Из них КМНС	2013	2015	2017	В среднем за 2013–2017 гг.	2018
Всего по РС (Я)	1 094 065	24 674	955 580	956 896	962 835	957 961	964 330
В местах традиционного проживания КМНС	48 416	18 682	43 092	42 379	42 187	42 469	42 121
<i>Уд. вес в РС (Я), %</i>	4,4	75,7	4,5	4,4	4,4	4,4	4,4
Абыйский	572	88	505	490	477	489	479
Куберганя	572	88	505	490	477	489	479
Алданский	2323	1551	2288	2319	2281	2296	2268
Кутана	734	527	540	552	538	544	530
Хатыстыр	1276	800	1377	1394	1362	1377	1361
Угоян	313	224	371	373	381	375	377
Аллаиховский	1435	401	626	615	623	618	631
Чкалов	254	49	146	141	137	140	135
Нычалах	161	89	111	112	117	113	121
Русское Устье*	243	3	139	127	128	131	128
Оленегорск	777	260	230	235	241	234	247
Ойотунг	н/свед.	—	—	—	—	—	—
Анабарский	2776	805	3405	3387	3500	3425	3567
Саскылах	1848	509	2300	2281	2364	2311	2420
Юрюнг-Хая	928	296	1105	1106	1136	1114	1147
Булунский	5326	2417	3896	3838	3791	3833	3792
Намы	609	133	525	521	504	515	503
Кюсюр	1769	898	1290	1267	1264	1273	1252
Быковский	651	185	536	523	519	522	527
Сиктях	255	188	294	296	294	296	289
Таймылыр	1171	515	720	723	715	717	734
Усть-Оленек	108	48	25	18	19	20	18
Найба	763	450	506	490	476	490	469
Верхнеколымский	811	266	1146	1106	1113	1124	1097
Усун-Кюёль	н/свед.	—	440	428	423	430	425
Верхнеколымск	510	112	352	338	347	346	344
Нелемное	276	134	260	248	245	253	232
Утая	25	20	94	92	98	95	96
Верхоянский	**	**	998	971	976	979	984
Улахан-Кюёль	—	—	998	971	976	979	984
Жиганский	6005	1977	4290	4246	4238	4255	4222
Бестях	274	40	184	166	160	170	154
Жиганск	4780	1209	3451	3410	3404	3419	3399
Кыстатыам	547	417	393	395	405	398	405
Баханай	404	311	262	275	269	268	264
Кобяйский	1267	587	1161	1134	1115	1135	1109
Сегян-Кюёль	519	н/свед.	380	350	345	356	342
Себян-Кюёль	748	587	781	784	770	779	767
Мирнинский	344	170	314	278	274	286	271
Сюльдюкар	344	170	314	278	274	286	271
Момский	1496	479	4213	4087	3971	4078	3949
Кулун-Елбют	342	115	231	221	226	226	215
Буор-Сысы	—	—	402	389	383	393	373
Хонуу	н/свед.	—	2398	2324	2242	2313	2246

Муниципальные районы	ВПН-1989		На 1 января текущего года				
	Все население	Из них КМНС	2013	2015	2017	В среднем за 2013–2017 гг.	2018
Соболох	—	—	291	271	251	269	249
Чумпу-Кытыл	270	41	194	199	199	197	200
Сасыр	884	323	697	683	670	680	666
Нерюнгринский	1479	796	1067	1034	1004	1033	971
Иенгра	1479	796	1067	1034	1 004	1033	971
Нижнеколымский	2160	1160	1767	1783	1762	1771	1731
Андрюшкино	1060	592	720	745	732	735	709
Походск	200	20	246	245	251	246	244
Колымское	900	548	801	793	779	790	778
Оймьяконский	2265	311	1738	1701	1 781	1736	1 739
Томтор	1470	141	1134	1 108	1 107	1133	1 080
Орто-Балаган	452	70	302	288	353	301	342
Ючюгей	343	100	302	305	321	302	317
Олекминский	2375	733	2378	2342	2320	2345	2317
Токко	1035	110	1019	987	972	991	966
Уолбут	327	100	308	308	305	306	310
Куду-Кюель	238	131	359	365	355	363	354
Тяня	551	392	487	486	493	488	490
Бясь-Кюёль	224	29	205	196	195	197	197
Оленекский	4140	2310	4050	3967	4009	3994	4072
Жилинда	846	716	655	674	697	673	711
Харыялах	801	650	850	846	846	846	841
Оленек	2200	899	2208	2124	2144	2149	2185
Эйик	293	45	337	323	322	326	335
Среднеколымский	344	290	332	314	304	316	310
Березовка	344	290	326	308	298	310	304
Уродан	н/свед.	—	6	6	6	6	6
Томпонский	1279	707	896	885	891	890	909
Тополиное	1279	707	896	885	891	890	909
Усть-Майский	5239	1829	1765	1718	1693	1719	1665
Кюпцы	663	507	404	379	380	387	366
Тумул	н/свед.	—	69	67	6	68	63
Петропавловск	949	321	829	834	817	822	817
Троицк	148	120	118	111	120	116	110
Эжанцы	442	327	345	327	311	326	309
Усть-Мая	3700	554	н/свед.	—	—	н/свед.	—
Усть-Янский	4198	863	3454	3366	3282	3357	3225
Казачье	1700	190	1283	1236	1197	1236	1168
Хайыр	373	113	411	407	388	403	389
Сайылык	1274	452	679	670	652	664	635
Тумат	502	54	520	503	505	507	497
Усть-Янск	261	28	275	275	273	275	270
Уянди	н/свед.	—	150	149	145	146	142
Юкагир	88	26	122	126	122	123	124
Эвено-Бытантайский	2582	942	2803	2798	2782	2790	2813
Джаргалах	383	159	261	248	242	248	238
Кустур	780	260	744	721	722	731	740
Батагай-Алыта	1419	523	1798	1829	1818	1811	1835

Источники: *Малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия): информационный сборник.* — Якутск, 1994. — С. 9–10; *Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ на территории РС (Я) за 2012–2017 гг.* Стат. сборник № 17/466. — Якутск, 2018. — С. 6–8.

* *Без учета походчан и русскоюстьинцев.* Постановлением Совета Министров ЯАССР от 18.03.1991 г. сс. Русское Устье и Походск были включены в Перечень мест компактного проживания КМНС РС (Я).

** *Верхоянский район в 1989 г. не входил в Перечень районов проживания КМНС РС (Я).*

Численность работников организаций основных отраслей производственной и непроизводственной сферы экономики в районах традиционного проживания КМНС за 2017 г. (с учетом СМП — юридических лиц), чел.

Улусы (районы)	Всего занятых	В том числе:							
		Производственная сфера				Непроизводственная сфера			
		Всего	Из них			Всего	Из них		
			Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обеспечение электроэнергией		Образование	Здравоохранение	Госуправление
Всего по РС (Я)	346 658	115 987	7242	38 907	24 564	230 671	61 592	32 860	34 463
В районах проживания КМНС	13 359	4983	1690	2089	996	8376	4233	982	1191
Уд. вес в РС (Я), %	3,8	4,3	23,3	5,4	4,1	3,6	6,9	3,0	3,5
Абыйский	85	2	2	—	—	83	51	14	8
Алданский	402	147	143	—	—	255	213	—	19
Аллаиховский	161	37	37	—	—	124	77	4	20
Анабарский	1617	919	95	655	119	698	253	90	194
Булунский	1242	748	332	388	—	494	346	66	29
Верхнеколымский	183	18	18	—	—	165	119	20	13
Верхоянский	133	15	15	—	—	118	86	16	6
Жиганский	1580	381	80	—	222	1199	479	188	203
Кобяйский	267	100	100	—	—	167	109	31	16
Мирнинский	82	26	26	—	—	56	43	5	4
Момский	1483	308	28	49	220	1175	524	155	197
Нерюнгринский	242	104	104	—	—	138	115	—	8
Нижнеколымский	397	169	164	—	—	228	157	32	14
Оймяконский	386	140	50	—	90	246	189	—	15
Олекминский	1510	1080	72	997	—	430	248	34	28
Оленекский	1494	278	75	—	197	1216	368	136	191
Среднеколымский	87	23	23	—	—	64	49	7	6
Томпонский	227	107	107	—	—	120	71	15	6
Усть-Майский	361	11	10	—	—	350	218	31	18
Усть-Янский	420	45	43	—	—	375	222	58	48
Эвено-Быгантайский	1000	325	166	—	148	675	296	80	148

Составлено по: Социально-экономическое положение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ на территории РС (Я) за 2012–2017 гг. Стат. сборник № 17/466. — Якутск, 2018. — С. 68–71.

**Динамика численности работников оленеводства в районах традиционного проживания
КМНС в 2009–2018 гг., чел.**

Улус (район)	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Итого по РС (Я)	2257	2157	2252	2183	1996	2060	2009	1842	1792	1490
Арктическая зона	1316	1314	1329	1304	1109	1177	1145	1053	1107	951
Уд. вес в РС (Я), %	58,3	60,9	59,0	59,7	55,6	57,1	57,0	57,2	61,8	63,8
Абыйский	8	8	8	8	6	6	7	6	6	—
Аллаиховский	20	20	17	10	15	21	6	—	—	—
Анабарский	117	98	99	92	92	94	98	97	109	112
Булунский	148	133	154	144	147	140	115	129	163	150
Верхнеколымский	19	19	20	13	13	13	13	13	13	14
Верхоянский	81	74	86	90	57	45	40	48	48	22
Жиганский	130	111	130	110	76	68	76	75	76	75
Момский	220	215	230	209	110	92	118	142	140	96
Нижнеколымский	169	172	182	195	140	219	216	162	162	112
Оленекский	53	52	52	52	65	65	54	65	65	65
Среднеколымский	26	61	56	57	49	38	40	37	28	28
Усть-Янский	143	143	143	164	169	195	205	170	169	142
Эвено-Бытантайский	182	208	152	160	170	181	157	109	128	135
Районы, не вошедшие в Арктическую зону	941	843	923	879	887	883	864	789	685	539
Уд. вес в РС (Я), %	41,7	39,1	41,0	40,3	44,4	42,9	43,0	42,8	38,2	36,2
Алданский	260	267	272	272	278	267	260	160	150	140
Вилуйский	—	3	4	3	3	4	3	3	3	0
Горный	9	7	6	7	6	7	7	8	6	4
Кобяйский	149	148	145	123	143	155	118	130	93	83
Нерюнгринский	156	165	168	156	170	165	156	156	143	94
Оймяконский	96	63	55	68	63	65	65	57	69	56
Олекминский	78	14	74	97	92	88	117	111	116	71
Томпонский	178	157	185	140	122	123	132	108	109	65
Усть-Майский	13	17	13	13	10	9	6	5	9	9
г. Якутск	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—

Составлено по: *Данные* текущего архива Отдела развития традиционных отраслей Севера и рыбохозяйственного комплекса Министерства сельского хозяйства РС (Я).

Структура индикаторов устойчивости социума

Основные направления развития социума	Наиболее значимые индикаторы
Политико-нормативное	<p>Уровень доверия населения к органам власти всех уровней</p> <p>Адекватность государственной политики ожиданиям КМНС</p> <p>Социальное согласие социума в отношении к базовым ценностям этносов</p> <p>Открытый диалог между представителями КМНС, бизнес-структур и всех ветвей власти (законодательной, государственной, МСУ)</p> <p>Стратегия развития страны, региона и территории проживания, понятная и приемлемая для КМНС</p>
Социально-экономическое	<p>Социально-ориентированная экономика. Снижение уровня безработицы и инфляции</p> <p>Повышение уровня и качества жизни этносов на территориях традиционного природопользования</p> <p>Социальная справедливость по отношению к этносам</p> <p>Устойчивость экономики, адаптация КМНС к новым вызовам</p>
Этнокультурное	<p>Адекватность социальных перемен традиционным ценностям этнической культуры</p> <p>Уважение к традициям, обычаям, традиционному укладу жизни</p> <p>Сочетание традиционного и инновационного подхода в повседневной жизни этносов</p>

**Гайд-сценарий глубинного интервью экспертов по теме:
«Изучение восприятия ситуации в сфере образования в России в период самоизоляции»**

(Знакомство модератора с экспертом) Пожалуйста, расскажите о себе. Как давно Вы работаете в учебном заведении; где работали ранее?

Давайте поговорим о ситуации в школах республики в период пандемии:

1. Какие проблемы актуальны именно для школ РС (Я)? Почему? Чем ситуация в республике отличается от ситуации в школах других регионов?

2. Если говорить о работе учителей по дистанционному образованию, какие проблемы, по Вашему мнению, самые актуальные для них?

3. Как политика властей влияет на стабилизацию положения в области дистанционного образования (школ)? В чем именно это проявляется? Что в проводимой политике можно отнести к действиям власти федерального уровня? А что можно отнести к действиям власти регионального уровня? Муниципального уровня?

4. Какие затруднения были в первые дни введения дистанционного образования? За что учащиеся и их родители чаще всего критикуют систему дистанционного образования? Как Вы полагаете, есть ли среди этих претензий те, которые можно назвать обоснованными? Как Вы полагаете, кто виноват в тех ситуациях, претензии по которым являются обоснованными?

5. Если говорить про материалы для дистанционного образования. Можете ли Вы определить процент укомплектованности методическими материалами? Эта ситуация типичная или в разных учреждениях она по-разному складывается?

6. Как бы Вы оценили уровень охвата инфокоммуникационной инфраструктуры дистанционного образования?

7. Насколько остро стоит проблема доступа к федеральным порталам? Что именно делается для решения этой проблемы? Есть ли какие-то причины для обострения этой проблемы? Какие именно?

8. Какие методы были избраны педагогами республики для преодоления инфраструктурного неравенства школьников?

9. Какие особенности путей оптимизации дистанционного образования были найдены?

10. Из каких составляющих складывается новая система дистанционного образования?

**Выпуск специалистов государственными образовательными организациями РС (Я),
специалистов среднего звена по группам специальностей в 2014–2018 гг., чел.**

Группа специальностей	2014	2015	2016	2017	2018
Всего, в т.ч. по укрупненным группам специальностей:	2830	3051	3458	4229	4296
техника и технологии строительства	271	282	286	282	280
информатика и вычислительная техника	187	166	135	105	143
информационная безопасность	37	51	62	118	56
электроника, радиотехника и системы связи	85	123	134	112	136
электро- и теплоэнергетика	140	258	178	281	206
машиностроение	24		9	33	
химические технологии	41	5	10	14	4
промышленная экология и биотехнологии	43	44	40	58	42
техносферная безопасность и природообустройство		45	97	21	127
прикладная геология, горное дело, нефтегазовое дело и геодезия	126	209	222	270	265
технологии материалов	33	13	25	18	35
техника и технологии наземного транспорта аэронавигация и эксплуатация авиационной техники:	199	149	241	215	285
в т.ч. ракетно-космической	38	31	51	19	51
техника и технологии кораблестроения и водного транспорта	37	27	70	78	62
управление в технических системах			16		
технологии легкой промышленности	22	40	29	26	19
клиническая медицина	140	76	161	209	194
фармация	35	35	29	30	
сестринское дело	214	252	263	326	365
сельское, лесное и рыбное хозяйство	22	85	63	79	84
ветеринария и зоотехния	23	38	37	17	35
экономика и управление	462	235	252	534	581
социология и социальная работа	21	22	32	32	22
юриспруденция	119	129	196	239	256
сервис и туризм	38	66	105	92	48
образование и педагогические науки	204	268	356	661	587
история и археология	56	67	31		10
физическая культура и спорт	27	45	54	52	100
культуроведение и социокультурные проекты		90	68	120	80
сценические искусства и литературное творчество				5	13

Источник: *Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия). Статистический сборник.* — Якутск, 2019. — С. 220.

SUMMARY

The introductory part of the collective monograph states that at present variability and multiplicity, uncertainty and heterogeneity are fundamental characteristics of transitive processes in modern Russian society, etc. The current stage of development of the Russian Federation is characterized by the fact that its territories differ from each other not only in historical and chronological «development» or «backwardness» according to an imaginary modernization scale, but also in their unique pattern of how they intertwine inclusion in global flows and adherence to cultural traditions and social foundations.

Many characteristics of modern ethno-social processes in Russian regions are universal, but at the same time, they have their own distinctive features. This collective monograph presents the results of many years of research on modern ethno-social processes in the Republic of Sakha (Yakutia) — the largest region in the country with extreme climatic conditions for human life, poorly developed transport infrastructure and communications system (185 settlements are legally included in the list of hard-to-reach and remote areas); unequal socio-economic development of certain territories, income inequality and differences in the level and quality of life of rural and urban households; a migrant labour force and indigenous peoples who are tied to their traditional farms, which is generally extrapolated for the long term.

A comprehensive analysis of regional features and main trends in the development of ethno-social processes in Yakutia, mainly in the context of migration, urbanization and the growth of ethnic and cultural diversity in the region, mainly covers a fairly long period from the early 2000s to the present. However, in some topics, the time series extends to the 1980s and 1990s of the XX century, which makes it possible to trace earlier preconditions and factors of the development of ethno-social processes and give a holistic view of the current situation in the Republic.

Chapter 1.1 «Demographic development of Yakutia: main indicators, trends and problems», written by Vanda Ignatieva, provides a comprehensive description of demographic processes which form the structure of the modern population. The process of contraction and concentration of demographic and labour resources in the capital city of Yakutsk, large cities and sub-regional centres is noted, which leads to a weakening of the framework of the settlement structure of the Republic due to unmanaged demographic «compression» of the population in rural areas, mainly in

small and medium-sized settlements (from 501 to 2000 inhabitants). Three categories of uluses (districts) are identified depending on the divergence/convergence of demographic trends in the process of transition to a new mortality regime. The author argued the approaches to stabilizing the population of Yakutia, emphasizing the advisability of measures to reduce premature mortality of the working-age population, rather than stimulating the birth rate at the expense of women's reproductive health.

Chapter 1.2 «Trends in the development of the creative economy and creatosphere in the regional economy of the Republic of Sakha», written by Anna Mikhaylova, considers a model of its economic development as a leading mining region in the world and in Russia; shows risks of losing the existing competitive advantages according to the economic theories of the XXI century, including the «resource curse» theory. The author emphasizes the need to form an alternative economy, using traditional and innovative segments of the regional economy, illustrating examples of elements manifestation of the creative economy, indicating the formation of a new creative class and creative spaces in Yakutia.

Chapter 1.3 «Features of adaptation of the traditional economy of the North in the context of modern agrarian development of Yakutia», written by Yana Sannikova, presents the results of All-Russian Agricultural Census of 2016 according to the main categories of farms in 15 Arctic and Northern ulus (districts) in the Republic of Sakha. The author analyses the current state of reindeer-commercial, reindeer-livestock-commercial and livestock-commercial types of Northern farms, which allowed her to identify ethno-cultural and pragmatic models of adaptation of the North of Yakutia traditional economy.

Chapter 2.1 «Russian population in the ethno-national environment of the Northern polyethnic region», written by Elena Maklashova, presents an assessment of the socio-demographic situation (gender and age composition, marriage, birth rate, educational level) of the Russian population in the Republic of Sakha. The author notes that the demographic development of Russians depends on external migration. An assessment of their social well-being is also given, as well as the features of the perception of their future in relation to the prospects of Yakutia as a region of permanent residence and their material well-being.

Chapter 2.2 «Sustainability and vulnerability of the modern development of indigenous small-numbered peoples of the North of Yakutia», written by Sargylana Baisheva, analyses the features of vital activity of the aboriginal society in conditions of new challenges of our time. The author notes the complex process of adaptation, the breaking of Soviet stereotypes and the change of socio-cultural paradigm in their modern development that focuses on the preservation of terminal values. It is emphasized that the factors of sustainability and vulnerability of certain indigenous peoples directly correlate with the state of their traditional nature management within the framework of interconnected triad: nature-ethnos-economy.

Chapter 2.3 «Features of the socio-economic situation and starting conditions for social mobility of children», written by Natalia Fedotova, presents an analysis of regional features of the situation of children. The

author notes a decrease in the number of children in the family and the spread of small families with one child. Analysis of the resource provision for the families shows a decrease in low-income families in urban settlements and an increase in rural settlements: at the same time, the poverty of rural children tends to worsen. Two factors of inequality in the position of urban and rural children have been established: in terms of housing, in terms of accessibility and quality of education, which affects their starting mobility.

Chapter 3.1 «Problems of modernization in education system: analysis of regional and All-Russian trends», written by Vasily Okhlopkov, considers such infrastructural problems as the disparity in the number of teachers and students, the lack of student places in general education institutions due to the migration of the rural population to urban settlements of Yakutia, especially to the capital city of Yakutsk. The author notes that the modernization of education has not become inherently innovative in the course of numerous reforms; the general education system remains a very conservative social institution. At the same time, the availability of new forms of education, such as nomadic school is a field for developing optimal educational models for the Republic. Also the problem of digital inequality in education emerged during the period of the coronavirus pandemic, which requires the adaptation of educational process subjects to a dynamically changing reality.

Chapter 3.2 «Higher school in the Northern monotown (on the example of the city Neryungri)», written by Terenty Ermolaev, considers the specific of a small Higher Technical School functioning in the confined space of a small single-industry agglomeration. The difficulties in recruiting applicants, organizing educational process and employing graduates are shown. The author notes the growth of the social function importance of the Higher Educational Institution and the formation of a new direction for its activity, known in Western sociology as «third mission». This is an active social position in relation to «one's» territory, accompanied by the establishment of multilateral interaction with various actors and the transformation of the Higher Educational Institution into a centre for attracting a human capital in South Yakutia and a driver of regional development.

Chapter 3.3 «Mission of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov», written by Svetlana Panina and Svetlana Zalutskaya, analyses the educational, research, innovation and socio-cultural activities of the leading University of the Republic of Sakha (Yakutia). They note that the NEFU, as Regionally Engaged University, aims to achieve sustainable development goals such as reducing inequality and poverty in a society where Russians, Yakuts (Sakha) and indigenous peoples of the North coexist with a variety of history and culture, values and traditions, interests and needs. The authors also consider the contribution of NEFU to the development of human resources and professional communities in the Arctic macroregion (Republic of Sakha (Yakutia), Magadan Oblast, Chukotka Autonomous Okrug, Kamchatka Krai), to the formation of a system of knowledge and technology transfer, to the creation of an innovation belt in the northeast of the Russian Federation. The authors also emphasize the socializing functions of the University, where in the process of training

specialists with a university diploma they are given not only theoretical knowledge and practical skills, but also their worldview, attitude towards people and society is formed, the desire for something new, the desire to improve and change the environment around them is stimulated.

Chapter 4.1 «Ethnic context of social inequality: a modern sociological narrative», written by Olga Vasilyeva, considers the problem of the socio-economic relations influence in society on ethnic processes. The author shows the reduction of social functions of the state, the growth of economic inequality and its imposition on the boundaries of ethnic groups. Thus, it is noted that solidarity attitudes based on ethnicity are more common among the least affluent segments of the population. Apparently, ethnicity acts as an additional support for them in forming their own life strategy. The factors of ethnicity actualization and the formation of potential for conflict are also shown.

Chapter 4.2 «Labour migration and integration potential of the host community», written by Alena Tomaska, considers the features of migration processes in the Republic of Sakha. The empirical data analysis on the problems of integration of the host community and labour migrants reveals the lack of the latter's attitudes for integration, the availability of separate and limited by local networks strategies for interacting with the local population, which are more perceived by them as an economic resource, source and means for providing funds. At the same time, despite the high integration potential of the host society, there are a number of reasons for social discontent among the residents of Yakutia, which actualize the issues of interethnic relations stability in the Republic.

Chapter 4.3 «Modern trends in the linguistic competence of Sakha: linguistic and extralinguistic context 2007–2014», written by Nina Ivanova, presents a socio- and psycholinguistic comprehension of the most important ethno-differentiating indicator content — the linguistic competence of Sakha. The anthropocentric integrated paradigm of the research on sociolinguistic conditionality of the linguistic competence and fixation of the concepts of «the Yakut language» and «the Russian language» in communicative consciousness of native Yakut speakers made it possible to obtain a linguistic and extralinguistic context of factors which affect the linguistic competence in native language of a native ethnic speaker. The author notes that the stability of the Yakut linguistic competence is ensured linguistically by the availability of a stable literary norm of the Yakut language and documented speech samples in different styles, as well as by an extralinguistic factor — intraregional rural and urban migration of native Yakut speakers who are fluent in their native language, which generates an ethnic identity in the city.

Many case studies of the collective monograph indicate that the social differentiation is determined by the asymmetry of the regional economy — a resource-export economy with high incomes and a highly subsidized agricultural economy, represented mainly by traditional occupations (cattle breeding, horse breeding, reindeer breeding, hunting, fishing, fur trade, etc.). Despite the fact that most of the working-age population in the Republic of Sakha (Yakutia) is employed in non-productive industries of

the economy (education, healthcare, power and governing), this structural legacy of Soviet society contributes to the preservation of the settlement, professional and socio-cultural isolation of the Russian / Russian-speaking population which concentrated in large cities and industrial areas among indigenous peoples (Yakuts, Evenks, Evens, Dolgans, Yukaghirs, Chukchi) living in agricultural uluses of Yakutia.

Negative projections of the split regional labour market listed in the collective monograph, which determine unequal socio-economic development of uluses (districts) in the Republic, unequal living and working conditions of urban and rural populations and determine the possibilities of their social adaptation, also have additional connotations in the form of ethno-social risks and instability of interethnic relations. The most likely of them are the vulnerability and the threat of extinction of traditional farms of the indigenous peoples of Yakutia, who are experiencing unprecedented changes in the climate and natural environment. Deterioration of living conditions for livestock is becoming so obvious that at present one can state the slow extinction of the unique Northern cattle breeding as a phenomenon of human culture in the Arctic.

Great attention in the collective monograph is paid to the issues of preserving the social stability and improving the quality of interethnic relations management. In this aspect, the necessity is shown for migration processes regulation and concept development of «managed compression» of the space of the system for the settlement for the medium and long term, primarily in relation to decreasing cities, working settlements and rural areas in the Republic.

Representatives' social well-being of ethnosocial communities / groups and their adaptation strategies show the support for social relations which are functionally useful as from the standpoint of state interests as well as from the point of view of the ethno-cultural needs of the peoples of the Republic Sakha. The variety of manifestations of multilevel social identity, including in the field of state and public relations, shows the productivity of the idea of multiple approaches to regulating modern ethno-social processes in the system of nation-building and strengthening a multi-ethnic civil nation in the Russian Federation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. *Баишева Саргылана Макаровна* — старший научный сотрудник Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, к.э.н.
2. *Васильева Ольга Валерьевна* — руководитель Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, к.полит.н.
3. *Ермолаев Терентий Степанович* — старший научный сотрудник Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, к.и.н.
4. *Залуцкая Светлана Юрьевна* — профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова, к.пед.н., доц.
5. *Иванова Нина Иннокентьевна* — старший научный сотрудник Отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН, к.фил.н.
6. *Игнатьева Ванда Борисовна* — ведущий научный сотрудник Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, к.и.н.
7. *Маклашова Елена Гавриловна* — зам. директора ИГИиПМНС СО РАН, д.соц.н.
8. *Михайлова Анна Викторовна* — зав. кафедрой социологии и управления персоналом Финансово-экономического института СВФУ им. М.К. Аммосова, к.э.н.
9. *Охлопков Василий Егорович* — старший научный сотрудник Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, д.соц.н.
10. *Панина Светлана Викторовна* — доцент кафедры педагогики Педагогического института СВФУ им. М.К. Аммосова, к.пед.н., доц.
11. *Санникова Яна Михайловна* — старший научный сотрудник Отдела истории и арктических исследований ИГИиПМНС СО РАН, к.и.н.
12. *Томаска Алена Георгиевна* — научный сотрудник Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН.
13. *Федотова Наталья Дмитриевна* — младший научный сотрудник Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН.

Научное издание

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЯКУТИИ:
СОВРЕМЕННЫЙ РАКУРС И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Мальшева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *А.Н. Прокошенко*

Подписано в печать 05.10.22. Формат 70×100¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23,9. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 300 экз. Заказ № 00.

ФГБУ «Издательство «Наука».
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.
(383)343-35-45
(383)344-33-75
rednauka@yandex.ru

Сайт издательства <https://naukapublishers.ru>
Сайт интернет-магазина «Академкнига» <https://naukabooks.ru>

ISBN 978-5-02-041507-2

